

Т Р У Д Ы
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ

ТОМ V

АРХЕОЛОГИЯ

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

Е. И. АГЕЕВА, Г. И. ПАЦЕВИЧ

ИЗ ИСТОРИИ ОСЕДЛЫХ ПОСЕЛЕНИЙ И ГОРОДОВ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из весьма важных проблем древней истории Казахстана является история развития оседлых земледельческих поселений и городов юга Казахстана, их связь с кочевым скотоводческим населением обширных казахских степей и земледельческими оазисами Средней Азии в разные исторические эпохи.

Процесс исторического развития на территории Казахстана проходил неравномерно. Юг Казахстана, где основой хозяйства было оседлое земледелие, развивался более быстрым темпом, чем степные районы. Большое значение в развитии южных районов имели постоянные экономические и политические связи со Средней Азией.

На юге Казахстана археологами зафиксировано большое количество остатков городов и поселений в виде развалин. Описанию их посвящено немало работ. Однако процесс возникновения и пути исторического развития городов и поселений не нашли в них достаточного освещения. Происхождение оседлых поселений юга Казахстана связывалось в большинстве этих работ с колонизационными процессами из Согды, Маджараннахра и главным образом объяснялось развитием караванной торговли VIII—X вв.

В настоящем томе трудов публикуются итоги работ Южно-Казахстанской археологической экспедиции за пять лет (1947—1951). Экспедиция была организована Институтом истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР при активном участии Ленинградского отделения Института истории материальной культуры.

Постоянными участниками экспедиции были научные сотрудники Института истории, археологии и этнографии АН КазССР Г. И. Пацевич и Е. И. Агеева. Возглавлял экспедицию доктор исторических наук профессор А. Н. Бернштам (ЛОИИМК АН СССР). Активное участие в ней принимали студенты исторического факультета Казахского педагогического института и Ленинградского государственного университета, а также в разные годы — кандидат искусствоведческих наук Л. И. Ремпель (Джамбулский обл. музей) и кандидат исторических наук И. И. Коплов (Казахский педагогический институт).

Экспедиционные исследования на юге Казахстана явились продолжением работ Семиреченской археологической экспедиции,

мавшейся с 1936 по 1939 г. раскопками древнего города Тараза (г. Джамбул) и обследованием долины реки Талас¹.

В 1947—1951 гг. Южно-Казахстанская археологическая экспедиция провела большую разведку с целью составления историко-археологической карты и произвела ряд стратиграфических раскопок на поселениях, городищах и могильниках. Маршрут экспедиции: долина реки Арыси от с. Тамерлановки до впадения этой реки в Сыр-Дарью, склоны гор Каратау с севера на юг и далее — от урочища Тамды до перевала Бала Саусандык (западная оконечность хребта Каратау). Маршрут по Арыси и вдоль Каратау начинался на востоке у крайних пунктов разведок Семиреченской экспедиции. Кроме того, к северу от Каратау были обследованы берега реки Чу по границе с пустыней Бетпак-Дала от урочища Тасты (на западе) до Кызыл-Кургана (на востоке). Особо тщательно обследованию подвергался Отрарский оазис. Правый берег Сыр-Дарьи осмотрен от городища Сыгнак (на северо-западе) до долины реки Келес на юге. По левому берегу Сыр-Дарьи экспедиция прошла от переправы Уч-Куюк (на северо-западе) до с. Пахта-Арал на юге. Была проведена разведка в Бостандыкском районе (по долине рр. Чирчика, Кок-су и Пскема) от города Ташкента до города Чимкента, вдоль предгорий Пскемского хребта, и обследован весь правый берег Келеса — от ее истоков до впадения в Сыр-Дарью².

Небольшой объем стационарных работ позволил авторам наметить пока лишь общую схему исторического развития юга Казахстана, некоторые вопросы которой нуждаются в дополнительном детальном изучении. Иллюстрации к книге выполнены художником П. В. Агаповым и чертежником Г. Б. Демченко.

Глава I

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА, ГРАНИЦЫ И ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДУЕМОГО РАЙОНА

Исследованный район включает территорию современных Южно-Казахстанской, Кызыл-Ординской (восточной части) и Джамбулской (юго-западной части) областей. На северо-западе он ограничен левобережьем средней Сыр-Дарьи (от западных границ древнего округа Ташкента, близ впадения реки Келес в Сыр-Дарью, и до старой переправы через Сыр-Дарью, несколько ниже пос. Тюмень-арык), на юго-востоке — отрогами Таласского Алатау (Джебагдинские горы и Сирамский хребет), на востоке — рекой Талас, на западе — рекой Чу и урочища Улан-Бель и до ее исчезновения в овражках и впадинах, севернее крайних западных пределов хребта Каратау.

¹ А. Н. Бернштам, Путешествия старшины Таласской долины. Алма-Ата, 1941; Г. И. Падевич, Отчет об археологической разведке в Джувалинском районе Южно-Казахстанской области в 1938 г. «Изв. АН КазССР», серия археологическая, вып. 1, 1948, № 46, стр. 92—97; А. Н. Бернштам, Зороастрийское кладбище на горе Тик-Турмас (г. Джамбул). Там же, стр. 98—104; его же, Раскопки на территории древнего города Тараза в 1940 г. Труды института истории, археологии и этнографии. Т. 1. Археология. Алма-Ата, 1953, стр. 73—86; Л. И. Редько, Археологические памятники в дальних низовьях Таласа. Там же, стр. 81—82.

² См. статьи А. Н. Бернштама, Е. И. Агеевой, А. И. Маловицко в «Изв. АН КазССР» (серия археологическая, вып. 2, 1950, № 47) и также статьи А. Н. Бернштама, Е. И. Агеевой в «Изв. АН КазССР», серия археологическая, вып. 1, 1951, № 108.

и богатая природными контрастами территория Южного яла ареной многих примечательных исторических событий значительную роль в истории Казахстана и соседних с республик.

среднего течения Сыр-Дарьи и Таласа, издревле самая лная часть Казахстана с наиболее развитой агрокультурой, вместе с тем и древними земледельческими оазисами края.

ные склоны и предгорья Каратау, Таласского Алатау, питающие своими водами большинство земледельческих оазисов, неразрывно связаны как в естественно-географическом, так и в народнохозяйственном отношении с бассейнами среднего течения Сыр-Дарьи и низовьев Таласа и Чу.

Склоны и предгорья, переходящие в слабо покатые предгорные равнины, подступающие вплотную к долинам главных рек (Сыр-Дарьи и Чу), представляют собой область древнего самотечного орошения и коренных скотоводческих земель. Насколько изучение древних оазисов важно для истории земледелия, настолько предгорья и предгорные равнины имеют исключительное значение для изучения истории скотоводства.

Вторым элементом в естественно-исторических взаимоотношениях этих зон на юге Казахстана являются горные котловины и междугорья — районы летних кочевков скотоводов.

Для исследуемого района основной водной магистралью является Сыр-Дарья, пополняющая свои воды за счет сезонного таяния снегов и части, ледников, а потому особенно многоводная в два срока — весной и летом, что чрезвычайно благоприятно для поливного земледелия. Сыр-Дарья почти не зависит от стока в нее рек, берущих начало на задних склонах хребтов Каратау и Таласского Алатау (рр. Келес, Арысь, ролдай, Бугунь, Чайя и др.). Эти подгорные реки и речки являются значимыми артериями присырдарьинского подгорного района. Левобережье Сыр-Дарьи вообще почти лишено речек.

Следует отметить, что, судя по дошедшим до нас историческим свидетельствам, природа, климат, направление естественных водостоков и рек (если не говорить об отдельных изменениях в режиме вод) на протяжении по крайней мере последнего тысячелетия не претерпели таких существенных изменений, которые могли бы оказать решающее влияние на ход исторического процесса.

Мало изменились в историческую эпоху и природные условия долины рек Таласа и Чу. Китайский путешественник Сюань-Цзянь отмечал, что в отношении природы, почвы и климата долины Таласа и Чу являются сходными³. Макдиси (X в.) сообщал, что «... район от Джункаган до Тараза — это район пастбищ и населенных мест». В Таразе он отмечал «множество садов», про город Атлах, расположенный на реке Талас, южнее города Тараза, писал, что «... большая часть его сады, а в рустаке его преобладают виноградники...».

Посол французского короля Рубрук (XIII в.)⁴, говоря о низовьях Таласа, сообщал, что «... эта река не впадала в какое-нибудь море, а пологаясь землей, образуя также много болот. Я видел там лозы и

³ Сюань-Цзянь. *Memoire sur, les countrées occidentales*. Paris. 1857. Русский перевод Левина.

⁴ Сведения арабских, персидских и тюркских источников о долинах реки Таласа, реки Чу и Испиджаба. Перевод С. В. Волгина. *Рукопись Института истории АН УзССР*. № 30, стр. 9.

⁵ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 125

дважды пил вино». Современный Джувалинский район арабо-ираноязычным авторам был известен под именем т. е. тысяча источников, дающих начало реке. Кудам (X в.) пишет, что воды из тысячи источников у горы «... собираются в одну реку, которая течет на восток и и этому Баркуаб», перевод его (этого названия) — обратков потому, «что течение его (источника) снизу вверх». Дское наименование этой реки — «Иркут» — тоже означает окующую реку. Баркуаб, или Иркут, — несомненно, современная река берущая начало из ключей у подножия горы Кулан Таласского Алатау и сливающаяся со стоками Куюкских гор (в отрогах Каратау). Местность эта, известная и в настоящее время среди окрестного казахского населения под тем же названием «Мын-Булак», расположена в районе современного поселка Кремневка.

Так же обстоит дело в отношении климата и природных условий бассейна средней Сыр-Дарьи и ее притоков. Сюань-Цзянь говорил о Пешуи («Белые воды», или Ак-су, район пос. Ново-Николаевки у предгорий Джебаглинских гор. См. дальше главу «Караванные пути»), что в отношении произведений почвы и характера климата, эта страна значительно лучше Та-ло-се» (т. е. Таласа), а описывая город Конг-ю, который мы локализуем в районе Сайрама, он сообщает, что «земля здесь тучна и плодородна... сады и леса представляют великолепную растительность».

Макдиси, в описании Испиджаба (Сайрам), рассказывает, что «он изобилует плодами и жители его не знают неурожая», а географ Якут (начало XIII в.) писал, что Испиджаб «...был одной из самых процветающих и приятнейших стран Аллаха, наиболее плодородных, обильных деревьями, проточными водами и прекрасными садами».

И, наконец, о городе Субаникете, находившемся в районе современного пос. Мамаевка (среднее течение р. Арыси), в географическом сочинении «Худуд ал-Алем»⁸ сообщается, что «Санкес (Субаникет) приятный, процветающий богатый город». Из сказанного видно, что историческая география юга Казахстана на протяжении веков не знала существенных переворотов и изменений.

Мы считаем необходимым остановиться лишь на основных моментах политической истории племен и народов, населяющих эту территорию с древнейших времен, и в той мере, в какой это необходимо для понимания исторического прошлого исследуемой территории.

Наиболее ранние следы жизни человека, обнаруженные в этом районе, относятся к палеолиту.

Обломки каменных орудий, каменные наконечники стрел и копий, каменный топор, обломки неолитического типа сосудов были найдены в разных местах исследуемой территории (в горах Каратау, в низовьях рр. Чу, Сыр-Дарьи и т. д.)⁹.

Эпоха бронзы на юге Казахстана представлена в основном случайными находками, и лишь в 1953 г. Южно-Казахстанской археологической экспедицией на северных склонах Каратау, в урочище Таутары, в

⁶ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 13.

⁷ Там же, стр. 32.

⁸ Там же, стр. 16.

⁹ ПТКЛА, год XI. Ташкент, 1906, стр. 57—65; Газета «Туркестанские ведомости», 1906, № 180; «Правда Южного Казахстана», 1948, 7 августа; А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Изв. АН КазССР» серия археологическая, вып. 2, 1950, № 67, стр. 86.

26 км от поселка Чулак-Курган, был обнаружен могильник, давший при раскопках материал андроновского типа¹⁰.

Начиная с середины первого тысячелетия до нашей эры различные стороны жизни племен и народов, населявших изучаемый район, освещаются в письменных источниках. Следует, однако, отметить, что в большинстве этих источников (вплоть до средневековых арабо- и персоязычных историков и географов) такие сведения очень скудны и отрывочны. Многие свидетельства имеют лишь косвенное отношение к данному району.

Наиболее древнее упоминание легендарного характера о народах, населявших территорию юга Казахстана, имеется в дошедших до нас выдержках из поэмы «Аримаспея» грека Аристея из Проконесса, жившего в начале VII в. до н. эры¹¹.

По сведениям поздних античных авторов (Геродота, Страбона, Птолемея, Плиния и др.), вся территория от Каспийского моря до отрогов Тянь-Шаня, т. е. территория современной Северной Туркмении, часть Узбекистана, Киргизии и южная половина Казахстана, была населена кочевыми и полукочевыми племенами, которых они называли общим именем скифы или саки. «Все они (по словам Страбона)¹² ведут по большей части кочевую жизнь». Скифы делились ими на ряд племенных союзов, из которых наиболее крупными современными исследователями обычно локализуются следующим образом: каспии — к востоку от Каспийского моря, массагеты — в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, по отрогам Тянь-Шаня — собственно саки, а в пределах нынешнего Семиречья — исседоны. К северу от исседонов (по словам Геродота)¹³ проживали аримасы — одноглазые люди, а севернее их — стерегущие золото «грифы». Античные авторы упоминают ряд более мелких объединений и племен, обитавших в районах Средней Азии и юга Казахстана, как, например, абии, пассианы, тохары, сакаравалы, массагеты, гомодоты, гисты, караты, комары, комеды, гринейские скифы, тоорпы, бельты и др. Из них абии (водные саки) проживали по средней Сыр-Дарье, вдоль горного хребта Каратау, караты занимали северные и северо-восточные склоны Каратау.

Более точных сведений о народах, населявших в то время районы Средней Азии и юга Казахстана, античные авторы не имели.

В IV в. до н. эры, во время походов Александра Македонского¹⁴, заяксартские (присырдарьинские) скифы заняли враждебную позицию по отношению к новым завоевателям, что вынудило Александра соорудить на границе с последними несколько городов и крепостей и совершить поход за Сыр-Дарью. Где именно была сооружена часть этих не обнаруженных до настоящего времени городов и крепостей, а также совершена переправа через Сыр-Дарью — пока не установлено. Но, судя по сообщениям историков об обстоятельствах похода, переправа могла совершиться где-то в районе безводной пустыни, т. е., по-видимому, в районе среднего, но не верхнего течения Сыр-Дарьи. Была ли при этом за-

¹⁰ Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года. Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 1. Археология. Алма-Ата, 1956, стр. 33.

¹¹ Известия древних авторов о Скифии и Кавказе. Перевод В. В. Латышева. ВДИ. 1947, № 1, стр. 297.

¹² Там же, № 4, стр. 225.

¹³ Там же, № 2, стр. 257.

¹⁴ Арриан. Анабазис Александра или история походов и завоеваний Александра Великого в семи книгах. Перевод с греческого Н. Коренькова (без года издания). СПб, стр. 225. Известия древних авторов... ВДИ, 1949, № 1, стр. 287 и след.

нята какая-либо часть исследуемой территории на основании археологических материалов установить не представляется возможным.

Античные авторы не проводят резкой грани между оседлыми и кочевыми племенами. Наоборот, из сообщаемых ими сведений видно, что в составе одной и той же племенной группы находились и кочевники-скотоводы и земледельцы. Отмечая наличие оседлости у саков, Диодор¹⁵ приписывает сакской царице Зарине организацию городов. Страбон¹⁶ говорит, что только «... по большей части» они «кочевники». Арриан сообщает, что Александру Македонскому приходилось усмирять восстание саков, живших в городах, расположенных по левому берегу Сыр-Дарьи¹⁷.

Кроме скотоводства и земледелия, у саков были развиты добыча и обработка меди и золота, ткачество и другие ремесла.

В то время как античные авторы Страбон, Плиний, Птолемей и др. вплоть до II в. н. эры на территории Средней Азии и юга Казахстана все еще локализуют различные племена скифов и саков, китайские источники этого времени, составленные на основании донесений китайских послов и путешественников, лично посещавших эти районы, уже со второй половины II в. до н. эры отмечают здесь два крупных племенных союза — Канцзюй (Кангюй) и Янцай¹⁸.

Значительное разногласие среди исследователей возникает вокруг вопроса локализации границ Кангюйского племенного союза, а также размещения его пяти отдельных владений.

С. П. Толстов¹⁹ считает, что государство Кангюй на востоке граничило с Ферганой, на юге — с Парфией и Бактрией, на западе включало в свои пределы Хорезмский и Бухарский оазисы. В состав государства входило пять владений: 1) Сусе, отождествляемое им с областью Кеш-Шахрисябз на Кашка-Дарье; 2) Фуму-Кушанья на Зарэфшане; 3) Юни (Юе-ни) — Ташкент; 4) Ги-Бухара; 5) Юегянь-Хорезм, являвшийся географическим и политическим средоточием всего государства Кангюй.

В то же время А. Н. Бернштам²⁰ в результате своих многолетних археологических исследований в районах юга Казахстана и Северной Киргизии считает бесспорным установление восточной границы государства Кангюй по реке Талас. Пять владений Кангюй он располагает по течению Сыр-Дарьи следующим образом: Юе-ни — на территории Ташкентского оазиса; Сусе — по среднему течению рек Сыр-Дарьи, Арыси и северным предгорьям Каратау; Фуму — к СЗ от Яны-Кургана до Казалинска; Ги — в районе болот и озер нижней Сыр-Дарьи; Юегянь — в Хорезме. Местонахождение ставки вождя кангюев — Битянь — он считает возможным искать на территории Сусе, где-то в районе горного хребта Каратау. Мы, со своей стороны, для исследуемого нами района находим возможным в период со II в. до н. э. по III—IV вв. н. э. принять вариант, выдвинутый А. Н. Бернштамом (как подтвержденный материал, добытым в результате раскопок курганных могильников в районах предгорий Заилийского и Киргизского Алатау и горного хребта Каратау), который утверждает, что в долине реки Талас и к западу от

¹⁵ Известия древних авторов... ВДИ, 1947. № 4.

¹⁶ Там же, стр. 228.

¹⁷ Арриан. Анабазис Александра или история... стр. 225.

¹⁸ И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950. т. II, стр. 150.

¹⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 20—24.

²⁰ А. Н. Бернштам. Древний Отрар. «Изв. АН КазССР», серия археологическая, вып. 3, 1951, № 108, стр. 97; его же. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана... стр. 90 и след.

нее — в междуречье Талас — Сыр-Дарья и в северных предгорьях Кара-тау — обитали племена кангюй. Но при этом не считаем возможным окончательно решить вопрос — на территории какого именно владения государства Кангюй находился исследуемый нами район — ввиду недостаточной обоснованности локализации этих владений как Толстовым, так и Бернштамом.

Как сообщают китайские и античные источники и показало археологическое обследование, племена усуней и кангюй, как и сакские племена, в основном занимались скотоводством, частично охотой и в очень небольших размерах выращивали зерновые культуры.

В результате расширения внутреннего рынка кочевой степи, а также социальных противоречий и внутренних конфликтов в оседлых оазисах Согдианы²¹ с VI в. н. эры на территорию исследуемого района начинают проникать выходцы из оазисов древнего Согда и Мавераннах-ра²². Это проникновение особенно усилилось в конце века.

В середине VI в. произошло объединение тюркских алтайских племен, на базе которых образовался Тюркский каганат²³, вскоре подчинивший почти все народы Южной Сибири, Алтая, Казахстана и частично — Среднюю Азию.

К концу VI в. Тюркский каганат распался на две части — восточный и западный.

По сообщению китайских источников VII в. н. эры, центром Западно-Тюркского каганата было Семиречье, а столицей его — город на реке Су-е (Чу), который в позднейших источниках фигурирует под названием Суяб.

Вся страна тюрков между Чу и Аму-Дарьей, по словам Сюань-Цзяна, в культурном отношении представляла одно целое: «... одежда жителей, письмена и язык везде были одинаковы».

В 70 годах VII в. при кагане Шаболо (Хялиши) Западно-Тюркский каганат был разделен на 10 частей (поколений или стрел). Пять из них, носивших имя «Дулу», обитали к востоку от Чу, а пять, называвшихся «Нушеби», — к западу от нее.

В составе Западно-Тюркского каганата наиболее крупными были племена карлухов и тюргешей. После его распада власть перешла к Тюргешам.

Судя по тому, что тюргешский хан Курсуль²⁴ (в 739 г.) был взят в плен арабами где-то в районе средней Сыр-Дарьи, нужно думать, что территория исследуемого района входила, хотя возможно и номинально, в состав тюргешского племенного союза.

Арабы на территорию юга Казахстана проникли впервые в середине VIII в., когда на реке Таласе, в районе города Атлах, они нанесли жестокое поражение китайским войскам. В это же время, по-видимому, арабами был захвачен город Испиджаб, которым, по словам арабского историка ал-Белазури²⁵, потом вновь завладели тюрки, объединившиеся с жителями Шаша.

В 70 годах VIII в. из среды тюркских племен, входивших в состав Западно-Тюркского каганата, выдвигается племя карлухов (харлухов), обитавших на территории Западного Алтая, Тарбагатая и северной части Казахстана, которым к этому времени удалось объединить почти

²¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 256 и след.

²² А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. КС ИИМК, вып. VI, 1940, стр. 39; его же. Памятники старины Таласской долины... стр. 18.

²³ Сведения о тюрках взяты из книги А. Н. Бернштама. Памятники старины Таласской долины... стр. 25 и след.

²⁴ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 20.

²⁵ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 16.

все тюркские племена, занимавшие Семиречье и большую, если не всю, территорию исследуемого района. Карлухи делились на ряд мелких племен и поколений, как, например, племена Бистан, Хим, Бириш, обитавшие, по сообщению анонима Худуд ал-Алема²⁶, между городами Кулан и Мирки, Лобан — в районе городов Невакет (верховье р. Чу) и Джикиль (Чигиль) — около оз. Иссык-Куль²⁷ и др. В конце первой половины IX в. (840 г.) войсками саманида Нух ибн Асада²⁸ был вторично захвачен город Испиджаб (для защиты от нападения кочевников по распоряжению Нух ибн Асада вокруг города и его предместий возвели стену). Одновременно с этим была, по-видимому, захвачена и большая часть Южного Казахстана.

Ряд исследователей (А. Ю. Якубовский²⁹, С. П. Толстов³⁰, А. Н. Бернштам³¹ и другие) на основании сообщения Махмуда Кашгарского склонны считать, что города исследуемого района — Отрар, Сауран и Сыгнак, а по мнению С. П. Толстова, и вся территория до Тараза — в IX — X в. н. эры входили в состав Огузского племенного союза. Мы со своей стороны считаем, что это утверждение недостаточно обосновано, так как если верить Махмуду Кашгарскому, то даже некоторые города, расположенные в районе Баласагуна, платили дань огузам. По сообщению арабского географа II половины IX в. ибн Хордадбеха³², в городе Фарабе, располагавшемся где-то южнее Отрара, одновременно находились отряды мусульман, т. е. войска Мавераннахра, или Хорасана, и тюрк карлухов, но не огузов. Сауран же, как видно из сообщения Макдиси³³, в X в. был пограничной крепостью против гузов и кимаков. То же подтверждает географ Якут³⁴, сообщавший, что Сауран является одним из пограничных городов Мавераннахра, не платящих хараджа, и, наконец, как видно из сообщения Макдиси³⁵, жители округа города Сыгнака, входившего в ряд с округами Шаша, Туса, Бухары и другими в состав области Хорасана в государстве Мавераннахра, являлись сторонниками шиитов. Отсюда можно заключить, что город Сыгнак, расположенный на северо-западном конце исследуемого района, так же как и Фараб и Сауран, в IX — X вв. входил в состав Мавераннахра, но не огузского племенного союза.

По сообщениям арабских и иранских источников, в расположенной к северу от Каратау части исследуемого нами района обитали тюркские племена кимаков, а далее, к северо-западу, — кипчаки³⁶. Как арабские завоеватели, так и их наместники — саманиды — для пополнения своих войск в качестве основного контингента использовали местное тюркское население, само выдвигавшее из своей среды вождей. Одним из таких вождей был родоначальник тюркской династии Караханидов Богра-хан, под ударами войск которого в 999 г. пало господство Саманидов.

Исследуемый нами район при династии Караханидов полностью входит в состав государства последних и лишь изредка переходил от-

²⁶ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 15.

²⁷ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья... стр. 82.

²⁸ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 16.

²⁹ А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака. Сообщения ГАИМК, вып. II. Л., 1929, стр. 123.

³⁰ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. — Л., 1948, стр. 249.

³¹ А. Н. Бернштам. Древний Отрар... стр. 82 и след.

³² МТГ. Т. I. М., 1939, стр. 144.

³³ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 7.

³⁴ Там же, стр. 31.

³⁵ МТГ. Т. I. М., 1939, стр. 201.

³⁶ Там же, стр. 149, примечания к стр. 145.

дельными частями к враждовавшим между собой илек-ханам, как видно из сообщений ибн ал-Асира, Якута и других авторов.

Государство Караханидов, раздираемое непрерывными внутренними феодальными войнами, просуществовало немногим более столетия.

В первой половине XII в. в Семиречье, на границе государства Караханидов, появились каракитан, вытесненные сюда из северного Китая, которые вскоре распространили свою власть и на южные районы Казахстана.

В начале XIII в. из Монголии в Семиречье проникают найманы во главе с ханом Кучлуком.

В результате борьбы между каракитаями и Хорезм-шахом Мухаммедом округ Испиджаба³⁷ и Отрарский оазис вошли в состав государства Хорезм-шаха. По словам ибн ал-Асира³⁸, накануне монгольского нашествия Хорезм-шах приказал жителей большинства городов этого района выселить, а города разрушить ввиду недостатка войск для их защиты от монголов.

Господство найманов над Семиречьем и Хорезм-шаха над междуречьем Талас — Сыр-Дарья было непродолжительным. В 1218 г. войска найманского хана Кучлука были разгромлены монголами, возглавлявшимися Джебе-нойоном, при этом самого хана убили.

Разграбление в 1213 г. в городе Отраре монгольского каравана с убийством всех сопровождавших караван послов, купцов и охраны, произведенное по распоряжению наместника Отрара, родственника хорезмшаха — Инальчика, послужило поводом к войне между Хорезмом и монголами.

В течение 1219 — 1221 гг. весь юг Казахстана, Средняя Азия, часть Ирана и другие страны были захвачены монголами.

Большинство городов, главным образом оказавших завоевателям сопротивление, было почти полностью разрушено, жители частью уничтожены, а частью уведены в плен.

Еще при жизни Чингиз-хана его империя была разделена между сыновьями на три улуса. Большая часть территории исследуемого нами района, к северо-западу от среднего течения Таласа, за исключением левобережья средней Сыр-Дарьи, вошедшего в состав улуса Чагатая (Джагетая), волилась в улус старшего сына Чингиз-хана — Джучи. В дальнейшем этот улус стал известен под названием Золотой Орды.

При разделении Золотой Орды на две части, после смерти в 1265 г. Берке-хана (сына Джучи-хана), почти весь исследуемый район, за исключением левобережья средней Сыр-Дарьи, вошел в состав Ак-Орды, по русским источникам — Синей Орды, столицей которой стал Сыгнак. Если судить по письменным источникам, то можно заключить, что столица этой орды временами переносилась в город Сауран.

Несмотря на страшные разрушения, которым, по словам современников, подтвержденным археологическими исследованиями, подвергся ряд городов и поселений исследуемого района как со стороны караки-таев и Хорезм-шаха, так и со стороны монголов, эти города стали восстанавливаться. По сообщению китайского путешественника Чан Чуня³⁹, проезжавшего по этой территории в 1221 г., т. е. сейчас же после захвата края монголами, дороги уже были исправлены, через Чу был наведен деревянный мост, а через Талас — каменный. Район (к северу

³⁷ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 36.

³⁸ Там же, стр. 31.

³⁹ Чан Чунь. Си-ю-цзи, или описание путешествия на запад. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб, 1866, стр. 260 и след.

от Сыр-Дарьи), опустошенный еще Хорезм-шахом, вновь был заселен, а Испиджаб опять стал большим и богатым городом.

Возрождение части разрушенных городов в основном объясняется, по-видимому, тем, что они находились на трассе древнего караванного пути, продолжавшем функционировать и во время монгольского господства.

В течение почти 175-летнего владычества монголов Средняя Азия и юг Казахстана представляли безотрадную картину кровавых усобиц и войн. В 90 гг. XIV в. на территории Средней Азии и юга Казахстана возникло большое государство Тимура, в состав которого, после разгрома войсками Тимура войска хана Золотой Орды — Токтамыша (1395 г.), вошел весь исследуемый район.

После смерти Тимура в 1405 г. (в г. Отраре) созданное им обширное государство уже при внуке его — Улугбеке — уменьшилось почти наполовину. Большая часть исследуемого района была захвачена узбекским племенным объединением, возникшим в конце XIV и начале XV вв. на базе тюркских кочевых племен, входивших до этого в состав Ак-Орды.

На западной окраине государства Моголистан из ряда кочевых племен той же Ак-Орды, обитавших в районах нижнего течения рек Чу, Талас и Сары-су, в первой половине XV в. возникло объединение племен, ставшее затем основой казахских ханств. Объединение это к середине XVI в. усилилось.

В начале XVI в., при хане Касыме, казахами были заняты города, расположенные вдоль северных предгорий горного хребта Каратау и в долинах среднего течения Чу и Таласа, а в 1579 г. ими были заняты области Есы (Туркестана) и Саурана. С этого времени большая часть исследуемого района вошла в состав казахских ханств.

Глава II

ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В ПРОШЛОМ И ИССЛЕДОВАНИЯ ЮЖНО-КАЗАХСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

(1947 — 1951 гг.)

Разнообразие и обилие археологических памятников Южного Казахстана издавна привлекали внимание любителей-краеведов и специалистов-исследователей. На территории области, вдоль ее основных водных магистралей — Сыр-Дарьи, Арыси, Келеса, Бугуни, Чаяна, Арыстанды, Бадама и др., сохранились многочисленные развалины древних городов, укрепленных поселений и замков, караван-сараев, остатки сельских поселений, могильники. К этим развалинам тяготеют многочисленные курганные поля, архитектурные памятники (мазары, мечети раннего и позднего средневековья). В горах Каратау встречаются места древних горных выработок, наскальные рисунки, надписи на камнях.

Известную роль в проявлении интереса к этим археологическим памятникам сыграло наличие письменных источников (греческих, китайских, арабо- и персоязычных и др.), которые стали известны науке гораздо раньше, чем сами памятники.

Всю историю исследования данного района можно разделить на два хронологических периода, качественно отличных друг от друга.

Первый период — накопление фактов и первичное изучение (описание, фотографирование, сообщение о месте нахождения) археологиче-

ских памятников — начался с XVIII в. и продолжался до Великой Октябрьской социалистической революции.

В этот период сведения об археологических памятниках в основном содержатся в статьях и заметках путешественников — чиновников, исследователей-натуралистов. Наблюдения были случайны, а сообщения о них разбросаны по страницам различных изданий⁴⁰.

Первые сведения об археологических памятниках юга Казахстана сообщают «Чертежная книга Сибири» Семена Ремезова (1701 г.) и атлас к ней, изданный Академией наук в 1737 г.⁴¹.

Некоторый интерес к памятникам старины проявило Императорское археологическое общество в середине XIX в. На заседании его 19 января 1862 г. была утверждена программа сочинения «О древностях Сыр-Дарьинского края», предложенная казалинским купцом Н. Деевым⁴². В сочинении требовалось дать описание всех важнейших сооружений (городищ, укреплений, караван-сараяв, кладбищ, мостов и т. п.), к нему необходимо было приложить планы, важнейшие сведения о развалинах и причинах запустения края. Отклика на эту программу не поступило. Это, очевидно, объясняется тем, что изучение истории края еще фактически не началось.

В 1866 г., во время своей поездки по степи, А. К. Гейнс осмотрел привлекшие его внимание развалины Саурана, Ясы, Карнака и Испиджаба (Сайрама). Он сделал небольшие раскопки на городище Сауран (вырыл две ямы глубиной около сажени). Как говорит сам автор, «к несчастью, не спалось ни одного интересного предмета». Из ямы вытащили квадратные жженые кирпичи, черепки простой и глазурованной посуды, металлические шлаки и в большом количестве угли. Весь материал из этих «раскопок» был оставлен на месте⁴³.

Тогда же, в 70 годах, в изучение археологических памятников включается Археологическая комиссия. Начало этому было положено поездкой П. Лерха в 1867 г. от низовьев Сыр-Дарьи до Семиречья⁴⁴. П. Лерх осмотрел и частично изучил развалины городов нижнего (Янгикент, Дженд и др.) и среднего течения Сыр-Дарьи (Сауран, Туркестан, Сыгнак и укрепление Мыр в районе Туркестан — Сауран).

В его небольшом по объему труде, посвященном результатам поездки, перечисляется существующая по этому вопросу литература, дается анализ письменных источников, на основании которых развалины отождествляются с историческими именами городов Саурана, Сыгнака. В работе характеризуется археологический материал и точно описываются все встреченные памятники древности.

После поездки П. Лерха и вплоть до командировки В. В. Бартольда в 1893—1894 гг. в Среднюю Азию в литературе встречаются лишь отдельные упоминания о памятниках материальной культуры Сыр-Дарьи. В 1884 г. географ А. П. Федченко пишет о следах оросительной системы по левому берегу Сыр-Дарьи, а также о развалинах Чардара, Сюткента, Байркума и ряда других городов и о курганном поле Мынг-тепе (в

⁴⁰ Библиографию этого вопроса см. в статье Е. И. Агеевой «К истории изучения археологических памятников среднего течения Сыр-Дарьи (от Чимкента до Чили) и Каратау». «Изв. АН КазССР», серия археологическая, вып. 2, 1950, № 67, стр. 135—142.

⁴¹ Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб, 1882.

⁴² «Изв. Русского археологического общества». СПб, вып. IV, 1862, стр. 188—189.

⁴³ А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов. Т. II. СПб, 1898, стр. 225, 262—266 и др.

⁴⁴ П. П. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб, 1870, стр. 39, его же. Археологические исследования в Туркестанском крае в 1867 г. ОАК за 1867 г. СПб, 1868, стр. XXXI—XXXI.

районе современного пос. Чардара)⁴⁵. В журнале «Живописная Россия» публикуются виды развалин Сыгнака и упоминается идущая к нему оросительная система⁴⁶. П. И. Пашино в заметках о путешествии по Туркестанскому краю⁴⁷ описывает развалины Саурана и мечети Ахмеда Ясеви. Отдельные замечания о развалинах есть в трудах профессора Томского университета В. М. Флоринского⁴⁸. В отчетах Археологической комиссии за 1893 г. было опубликовано сообщение о находке в районе г. Туркестана бронзовой статуэтки слона⁴⁹.

В 1893—1894 гг. в Среднюю Азию совершает поездку В. В. Бартольд⁵⁰. Занимаясь в основном Семиречьем, он проводит осмотр развалин на древнем караванном пути от города Тараза до Испиджаба. В отчете об этой поездке Бартольд наряду с описанием внешнего вида развалин проводит отождествление своих данных с данными арабских дорожников.

В мае 1893 г., около селения Мамаевка (долина р. Арыси) в кургане, носящем название Караул-тепе, во время установки топографического знака был обнаружен глиняный сосуд, прикрытый металлической крышкой, в котором находился клад монет и украшений, тогда же, в другом кургане — Джуван-тепе (находящемся в 3 км от селения Мамаевка) — был обнаружен круглый глиняный стол на трех ножках и два ручных жернова⁵¹. Наибольшее количество монет из этого клада чеканено в Отраре (154), другая часть — чеканки городов Тараза, Алмалыка, Кенджиджа, Самарканда, Ходжента, Бухары, Фараба, Шаша и других⁵².

На место находки выехал местный красвед-любитель Н. П. Остроумов. Он провел обследование места, раскопал несколько курганов около пос. Мамаевка. Во вскрытых им курганах оказались человеческие скелеты, лежавшие головой к СВ, лицом вверх. Вместе с костяками были найдены несколько медных бусинок и обломки медных предметов. Все скелеты лежали в четырехугольном сооружении, сложенном из сырцовых кирпичей. На основании деформации некоторых черепов Н. П. Остроумов считает захороненных монголами⁵³.

В этом же году Н. П. Остроумов провел пробные раскопки на цитадели и на валу городища Жуан-тепе, или Таяк-салды, около с. Мамаевки. В раскопке цитадели ему встречались обломки толстых глиняных сосудов, а на валу, в двух местах, на глубине двух метров обнаружены круглые ямы около 80 см в диаметре, дно которых было выложено обломками глиняной посуды, а сверху засыпано землей. Историко-археологического объяснения этим находкам Н. П. Остроумов не дает, его отчет ограничивается только описанием. Одновременно он провел раскопки на поселении, носящем название Альванкенд (на берегу р. Бадама). В пла-

⁴⁵ А. П. Федченко. Заметка о степи Кзыл-Кум. «Изв. Туркестанского отдела Русского географического общества», вып. 2, т. XII, 1912, стр. 242.

⁴⁶ «Живописная Россия». СПб, т. X, 1884, стр. 133.

⁴⁷ П. И. Пашино. Туркестанский край в 1866 г. СПб, 1868, стр. 59—61.

⁴⁸ В. М. Флоринский. Археологический музей Томского университета. Томск, 1893.

⁴⁹ ОАК за 1888 г. СПб, 1894, стр. 44.

⁵⁰ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—94 гг. Записки Академии наук. СПб, серия 8, т. I, 1897, № 4, стр. 4 и след.

⁵¹ ПТКЛА, год IV. Ташкент, 1899, стр. 118—137. Газета «Туркестанские ведомости», 1893, № 50—52; «Изв. Казанского университета», 1893, вып. 4, т. IX, стр. 389—390.

⁵² Дело Археологической комиссии № 92 (1893) «По сообщению Н. П. Остроумова о находке клада древних монет и вещей в урочище Караспан Сыр-Дарьинской области». Архив ЛОИИМК.

⁵³ Н. П. Остроумов. Археологическая поездка в селение Мамаевку. ПТКЛА, год IV. Ташкент, 1899, стр. 118—137.

не оно представляет овальной формы тепе, вытянутое с северо-востока на юго-запад (длина 75 м, высота 2 м). На высоте около 70 см от подошвы тепе, подмытой рекой Бадам, выступала полоса, насыщенная обломками глиняных сосудов, в основном — хумов. Здесь же находились мелкие куски древесного угля, железные ножи, пряслица, обломки посуды с белой, бирюзовой и черной поливой. Более подробной характеристики материала нет, но, судя по этому скупому описанию керамики, материал относится ко времени не раньше X — XII вв. н. эры.

Начиная с 1895 г. и до Великой Октябрьской социалистической революции основная роль в изучении археологических памятников области принадлежит Туркестанскому кружку любителей археологии, членами которого были представители местной интеллигенции. Кружок располагал очень небольшими собственными средствами и получал незначительные дотации от Археологической комиссии. Это приводило к тому, что все работы по изучению археологических памятников, случайных находок сводились к их осмотру и фиксации, а обследование осуществлялось членами кружка во время их служебных командировок.

Сообщения о памятниках, случайных находках и поездках публиковались на страницах местной печати («Туркестанские ведомости») ⁵⁴, а наиболее интересные — в периодическом печатном органе кружка — «Протоколы заседаний и сообщений» ⁵⁵.

В 1897 г. появляется сообщение члена кружка Е. Т. Смирнова о древностях на среднем и нижнем течении Сыр-Дарьи, ⁵⁶ зарегистрированных и осмотренных им во время поездки из Ташкента в Перовск.

В 1888 г. при раскопках найдены интересные находки — медные монеты в местности Карамурт-капка, ⁵⁷ серебряные и золотые вещи в селении Сайрам-су ⁵⁸, клад из серебряных и золотых вещей в урочище Янги-яр ⁵⁹. Изучение найденных в Янги-яре вещей провел А. А. Спицин и датировал их XIII в. н. эры ⁶⁰.

В 1899 г. В. А. Каллаур совершает поездку на развалины древних городов Сыгнака, Ашнаса, Беш-там, дает их описание и планы.

В следующем 1900 г. член кружка А. О. Руднев производит обследование развалин старых городов левого берега Сыр-Дарьи от урочища Ксты до границ бывшего Туркестанского и Перовского уездов (от современного пос. Чардара до переправы Уч-Куюк в районе г. Туркестана). Здесь он зарегистрировал 11 развалин древних городов и поселений (Оксус, Ксты, Узун-Ата, Сюткент, Байркум, Ичкеле, Джар-Тюбе, Рабат, Қавган-Ата, Артык-Ата, Разды-Ата). А. О. Руднев описал древнюю оросительную систему, находящуюся вблизи развалин, технику кладки стен и произвел небольшие раскопки на городище Оксус, где вскрыл несколько захоронений. В отчете дается лишь суммарная характеристика керамики с подразделением ее на поливную и неполивную ⁶¹.

⁵⁴ Е. К. Бетгер. Роспись статьям и заметкам по археологии и истории Средней Азии, помещенным в газете «Туркестанские ведомости» за время ее существования (23 апреля 1870 — 16 декабря 1917 г.). В сб.: В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели. Общество по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Ташкент, 1927, стр. 481 — 531.

⁵⁵ Содержание выпусков ПТКЛА, год XX. Ташкент, 1917.

⁵⁶ ПТКЛА, год II. Ташкент, 1897, стр. 1 — 14.

⁵⁷ Там же, год III. Ташкент, 1898, стр. 178.

⁵⁸ ОАК за 1900. СПб, 1902, стр. 124.

⁵⁹ ОАК за 1898. СПб, 1900, стр. 78.

⁶⁰ А. А. Спицин. Из коллекций Императорского эрмитажа (Чимкентский клад). Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб, вып. 1, т. VIII, 1908, стр. 249 — 258.

⁶¹ А. О. Руднев. Заброшенный уголок. Газета «Туркестанские ведомости», 1900, № 15 — 17; ПТКЛА, год V. Ташкент, 1900, стр. 57 — 62.

В 1901 г. В. А. Колосовский осмотрел развалины городищ северных склонов Каратау — Саудакепта и Кумкента⁶².

Большой интерес к себе привлекло городище Отрар. Этому способствовали сведения арабо- и персоязычных источников, размеры городских развалин, богатый и разнообразный подъемный материал.

Возник вопрос о локализации Отрара, чему было посвящено немало работ⁶³. По этому поводу началась полемика о происхождении города между В. В. Бартольдом и Н. Лыкошиным. Н. Лыкошин считал, что город Отрар был создан выходцами из Бухары во время правления Аброя (VI в. н. эры), и отождествлял развалины с Хамукатом, название которого выводил из тюркского слова «ут» — огонь⁶⁴. В. В. Бартольд, резко возражая Лыкошину, доказывал, что Хамукат расположен в долине Таласа, а возникновение Отрара относится к более древнему времени. Он отождествлял его с городом Фарабом⁶⁵.

Возрастающий интерес к развалинам Отрара привел к тому, что в 1903 г. за счет средств Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии на городище, отождествляемом с Отраром, были сделаны раскопки. Руководили ими К. А. Кларе и А. Черкассы⁶⁶. Они заложили пять траншей на цитадели. Траншея № 1 — в центре, на небольшом холме, в месте, где сходятся въезды в нее. Она разрешила остатки строения из сырцового кирпича с полом, выложенным жженым кирпичом. Раскопом обнаружена печь и много бытовой посуды. Траншея № 2 — в восточной части цитадели — дала аналогичный материал. Траншеей № 3 — на вершине цитадели (расположенной по направлению СЮ) — обнаружены обломки кирпича, глиняной посуды и кости животных. В траншеях № 4 и № 5, заложенных со специальной целью выяснения характера стен, было встречено значительное количество бытового инвентаря (чираги, хумы, кувшины, сосуды типа кумганов и т. п.).

Так как цитадель Отрара имеет высоту от 16 до 20 м, а наибольшая глубина раскопов достигала всего лишь 4,5 м, то отсюда следует, что раскопами К. А. Кларе и А. Черкасова были подняты только самые верхние слои, относящиеся к монголо-тимуридскому периоду, и частично слой X—XII вв. н. э.

К. А. Кларе и А. Черкасов в отчете не делают попыток определить обнаруженные вещи и не дают их датировки.

П. А. Комаров в 1905 г. осмотрел в урочище Боролдай изображения животных (лошади, архара, волка) и сцену охоты⁶⁷.

В 1906 г. топограф М. А. Кирхгоф в горах Каратау, к северу от города Туркестана, сделал интересную находку, вызвавшую оживленный обмен мнениями среди членов Туркестанского кружка. В сухом русле арыка он обнаружил кремневый наконечник стрелы и скребок из яшмы, а в долине реки Ак-уюк — каменное орудие. На заседании кружка ка-

⁶² В. А. Колосовский. В Каратавских горах Чимкентского уезда (археологические заметки). ПТКЛА, год VI. Ташкент, 1901, стр. 89—97.

⁶³ Подробный разбор помещен в статье К. А. Кларе и А. Черкасова «Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 г.» (ПТКЛА, год IX. Ташкент, 1904, стр. 13 и след.).

⁶⁴ Н. Лыкошин. Догадка о прошлом Отрара. Газета «Туркестанские ведомости», 1899, № 94. ПТКЛА, год IV. Ташкент, 1899, стр. 171—174.

⁶⁵ В. В. Бартольд. По поводу статьи «Догадка о прошлом Отрара». Газета «Туркестанские ведомости», 1900, № 3. ПТКЛА, год IV. Ташкент, 1899, стр. 175—176.

⁶⁶ К. А. Кларе, А. А. Черкасов. Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 г. ... стр. 13—36.

⁶⁷ П. А. Комаров. О боролдайских письменах. ПТКЛА, год X. Ташкент, 1905, стр. 22—25.

менные орудия были определены как орудия эпохи неолита⁶⁸. Позднее эту датировку подтвердил Б. Н. Граков⁶⁹.

В этом же году лесной объездчик Максимов в ущелье Теректы, в 8 км от пос. Корниловка, открыл заваленные шлаком штольни. Осмотр и описание их провел геолог Н. В. Ковалев. Им было обследовано 10 штолен, заваленных камнями и остатками деревянных подпорок. В штольнях найдены целые и разбитые глиняные светильники темно-зеленой поливы со светло-зеленым рисунком и темно-коричневой поливы с желтым рисунком. Здесь же было обнаружено оригинальной формы вентиляционное сооружение, состоящее из труб, сложенных из неотесанных, тщательно пригнанных каменных плит. Анализ шлаков показал, что здесь были выработки серебрявинцовых руд в XII—XIII вв. н. эры⁷⁰.

В 1915 г. В. Д. Городецкий начал учет и регистрацию археологических памятников бывшего Чимкентского уезда по видам: тепе, курганы, городища, места поселений и т. д. К сожалению, автор включил в эту работу ряд объектов, которые он сам лично не посетил, а описал по запросу местных жителей⁷¹.

К этому же времени относится составление первых сводок археологических исследований, заключающихся в перечне известных по литературе памятников и находок без какой-либо научной интерпретации. Первую такую сводку сделал Н. Лыкошин⁷², а в 1910 г. — И. А. Кастанье⁷³.

Как видно из данного выше обзора, до Октябрьской революции археологическое изучение края почти не проводилось. Им занимался узкий круг любителей, не пользовавшихся поддержкой государства. Специалисты-востоковеды появлялись в этих местах случайно.

После революции, которая явилась переломным моментом в развитии исторической науки вообще, произошла коренная перестройка археологических исследований. В первые же годы Советской власти особое внимание уделялось вопросам защиты археологических памятников, которые специальным постановлением правительства были взяты под государственную охрану.

С мая 1921 г. изучение археологических памятников Средней Азии и Казахстана возглавил «Комитет при Наркомпросе по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы» (Туркомстарис), переименованный в 1925 г. в «Средазкомстарис». В 20-х годах были проведены первые учетно-рекогносцировочные работы и первые обследования наиболее крупных объектов. В 1922—1923 гг. специальной экспедицией проведен архитектурный обмер мечети Ахмеда Ясеви. В 1923 г. востоковед П. П. Иванов осмотрел развалины в селении Сайрам, которые он отождествил с городищем Испиджаб⁷⁴.

⁶⁸ И. Т. Пославский. О находке орудий каменного века. ПТКЛА, год XI. Ташкент, 1907, стр. 57—65.

⁶⁹ Б. Н. Граков. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Алма-Ата, 1930, стр. 9.

⁷⁰ Н. В. Ковалев. Остатки древней культуры в горах Ала-Тау Чимкентского уезда. «Туркестанские ведомости», 1906, № 46; ПТКЛА, год X. Ташкент, 1905, стр. 26—27.

⁷¹ В. Д. Городецкий. К археологии Чимкентского уезда. «Изв. Туркестанского отдела Русского географического общества». Ташкент, вып. 15, 1922, стр. 99—108.

⁷² Н. Лыкошин. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии. САВ, 1896, № 6, стр. 1—33; № 9, стр. 1—26.

⁷³ И. А. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 22. Оренбург, 1910.

⁷⁴ П. П. Иванов. К вопросу об исторической топографии старого Сайрама. В сб.: В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927, стр. 151—164; Сайрам (историко-археологический очерк). Сборник Туркестанского Восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта. Ташкент, 1923, стр. 46—56.

В 1925 г. развалины в Сайраме посетил М. Е. Массон. В своей статье, посвященной развалинам в Сайраме, он ставит под сомнение тождество Сайрам — Испиджаб⁷⁵. Археологическим памятникам области посвящены и две другие работы М. Е. Массона. В одной из них⁷⁶ он ставит вопрос о тождестве Туркестан — Шавгар, в другой анализирует монеты из клада, обнаруженного в Чайновском районе⁷⁷.

Начало планомерному исследованию и изучению археологических памятников Южно-Казахстанской области было положено работами экспедиции Джамбулского археологического пункта под руководством Г. И. Пацевича. В 1940 г. была проведена экспедиция по изучению памятников на древнем караванном пути от Тараза (Джамбула) до Испиджаба (Сайрама), ранее описанных В. В. Бартольдом⁷⁸ и В. А. Каллауром⁷⁹. Экспедиция детально осмотрела все памятники материальной культуры вдоль караванного пути (развалины городов, крепостей, поселений, курганные могильники и группы), нанесла их на карту, составила планы и обмеры, большинство объектов было сфотографировано. Ею обследованы оба пути от Испиджаба до Тараза, а также третий, ведущий в города, находящиеся вдоль предгорий северного склона гор Уч-Булактау, Койке-Бильтау и Джебаглы⁸⁰.

С 1946 г. начали работу археологические экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. В 1946 г. Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция, руководимая А. Х. Маргуланом, обследовала развалины на северных склонах Каратау. Экспедиция произвела осмотр, описание и съемку планов оседлых поселений. На городище Саудамент был заложен шурф⁸¹.

С 1947 г. изучением области занималась Южно-Казахстанская археологическая экспедиция, руководимая А. Н. Бернштамом. В течение пяти полевых сезонов она выявила и первично изучила археологические памятники области (съемка планов, описание, сбор подъемного материала).

Стратиграфические раскопки были проведены на всех основных типах памятников, характерных для Южного Казахстана: на овальных в плане тепе, на тепе с примыкающей более низкой площадкой (тепе с площадкой), на городищах (по конструкции развалин, напоминающих городища кушанского времени Хорезма), на средневековых городищах с цитаделями, на неукрепленных селищах (типа рустаков) и на курганных могильниках.

Большинство городищ, на которых были поставлены стратиграфические раскопки, многослойно. Слои очень часто не разделены прослойками, свободными от культурных остатков, так как непосредственно на развалинах городищ предшествующих эпох возникали новые постройки. При рытье ям и закладке строительных котлованов предметы предшест-

⁷⁵ М. Е. Массон. Старый Сайрам. «Изв. Средазкомстариса». Ташкент, вып. 3, 1928, стр. 23—42.

⁷⁶ Он же. Мавзолей Хаджа Ахмеда Ясеви. Сыр-Дарьинское общество изучения Казахстана. Ташкент, 1930.

⁷⁷ Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930—1931 гг. Материалы Узкомстариса, вып. 5. Ташкент, 1933, стр. 18.

⁷⁸ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Среднюю Азию...

⁷⁹ В. А. Каллаур. Древние местности Аулие-Атинского уезда на древнем караванном пути из Тараза. ПТКЛА, 9. Ташкент, 1904, стр. 1—9.

⁸⁰ Г. И. Пацевич. По древним караванным путям. Отдел рукописей Института истории АН КазССР, рукопись № 106.

⁸¹ А. Х. Маргулан. Оседлые поселения VIII—XIII вв. на северных склонах Каратау (извлечение из археологического отчета). «Изв. АН КазССР», серия археологическая, вып. 1, 1948, № 46, стр. 109—115.

вующей эпохи выбрасывались вверх и попадали в слои с остатками более позднего происхождения. Во время постройки новых зданий сырье для производства саманного кирпича, из которого в основном сооружались все постройки в этом районе, брали тут же на месте, в результате чего опять-таки нарушался нижележащий культурный слой и предметы более раннего происхождения попадали в позднейшие слои. Поэтому обработке и изучению были подвергнуты все обломки керамики, обнаруживаемые в раскопах, проведен их статический учет, по наиболее целым образцам выявлены ведущие для данного слоя типы. Для датировки брались преобладающие по количеству и наиболее поздние для данного слоя типы керамики⁸².

В 1947 г. проведена разведка по маршруту Джамбул — Талды — Каратау — Сайрам — Туркестан — Тимур — левый берег Сыр-Дарьи до Оксуса, затем до Чулак-Кургана и вдоль левых склонов Каратау до Джамбула⁸³. Одновременно проводились раскопки на городище Тамды (см. рис. 54), расположенном вблизи могильника⁸⁴. Раскоп был заложен на цитадели и доведен до глубины 3 метров. Зафиксировано 7 слоев, относящихся к X—XII вв. н. эры. Преобладающим типом керамики в этих слоях являются котлообразные сосуды: тулово у них шаровидное, венчики треугольные в сечении, отогнутые наружу, ручки полуовальные, прямые, стенки котлов тонкие. Сделаны котлы из плотного теста, хорошего промеса и обжига, с примесью мелкого речного песка. Большинство котлов вытянуто на гончарном круге. Значительная часть внешней поверхности слабо, тонким слоем окрашена в черный цвет. Краска нанесена широкой кистью, иногда тряпкой. Орнамента не имеют.

Вторую группу составляют обломки посуды, сделанной из плотного красного теста со значительной примесью. Большинство обломков по внешней поверхности также окрашено в черный цвет.

В большом количестве найдены обломки посуды, сделанной на гончарном круге из плотного красного теста без примесей, и обломки от хумов с полосчатой раскраской внешней поверхности. Единично представлены обломки посуды белой поливы с подглазурным прорезным орнаментом.

Наиболее близкая аналогия керамики из этого раскопа — керамика городищ Таласской долины и, в частности, материалы из третьего и четвертого слоев раскопов на городище Тараз (X—XII вв. н. эры)⁸⁵ — котлообразные сосуды, сосуды с коричневой и красной окраской, лощеные и с полосчатой раскраской.

Подъемный материал, собранный нами на городище, дал несколько более ранние образцы керамики, а именно — кангюйско-усуньскую (сделанную на матерчатом шаблоне из рыхлого дресвяного теста⁸⁶, розового в изломе, с орнаментальной окраской⁸⁷), а также керамику, аналогичную тюркским слоям городищ Таласской долины (пятый слой Тараза).

В 1948 г. экспедиция продолжала обследование в двух направлени-

⁸² Отчеты о проведенных экспедицией работах опубликованы в «Изв. АН КазССР», серия археологическая, вып. 2 (1949) и 3 (1951).

⁸³ А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана... стр. 58—98.

⁸⁴ Л. Я. Маловицкая и Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э. «Изв. АН КазССР», серия археологическая, вып. 2, 1950, № 67, стр. 119—121.

⁸⁵ Таласская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Отдел рукописей Института истории АН КазССР, рукопись № 320, стр. 178—191.

⁸⁶ МИА, 14. М.—Л., 1950, стр. 53, табл. XLII.

⁸⁷ В. Д. Жуков. Археологические наблюдения на трассе Большого Ферганского канала. «Изв. УзФАН», 1940, № 10, стр. 25, рис. 4.

ях — на юг по долине реки Келеса до границ Ташкентского оазиса и на север до Чу, т. е. до территории работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции АН КазССР. Для выяснения генезиса были сделаны стратиграфические раскопки на остатках поселений на северных склонах Каратау: на Ак-тепе Алтынтау, находящемся между поселками колхозов им. Энгельса и Бақырлы, и на городище Тарса-тепе, расположенном вблизи поселка Сузак Сузакского района Южно-Казахстанской области⁸⁸.

Ак-тепе Алтынтау представляет собой небольшое, овальной формы расплывшееся тепе, диаметром 100 м и высотой 6 м. Здесь было поставлено два шурфа на двух основных горизонтах. Углубление в шурфе 1, расположенном на верхней площадке тепе, продолжалось до схождения с нижним слоем шурфа 2, верхний горизонт которого находился на высоте 3 м от основания тепе. Углубление в шурфе 2 продолжалось до материка.

Строительные остатки (стены, полы), очажные пятна расчленили шурфы на пять основных слоев, внутри каждого слоя зафиксированы горизонты.

В шурфе 1 (от глубины 0,9 м до 2,2 м и от 2,6 м до 3,6 м) были зафиксированы остатки мощной кладки из сырцового кирпича размером 45 × 25 × 10 см. Кладка эта прикрывала собой все нижележащие слои.

Слои в раскопке распределяются следующим образом.

Слой 1 (от поверхности до глубины 0,9 м) — засыпь земли, смешанная со строительными остатками, состоящими из толстого кирпича и гувальяка.

Слой 2 (от 0,9 до 2,2 м) — кладка из сырцового кирпича.

Слой 3 (от 2,2 до 2,6 м) — тонкий зольный слой.

Слой 4 (от 2,6 до 3,3 м) — остатки сооружений из сырцового кирпича.

Слой 5 (от 3,3 до 3,6 м, т. е. до уровня схождения с шурфом 2) состоит из плотной глины, в которую замешаны куски керамики.

По фактуре черепка керамику из перечисленных пяти слоев можно разбить на три основные группы.

1. Рыхлое тесто с большой примесью дресвы и крупного песка, иногда раковин (?). Черепок в изломе черный и серый. Лепка ручная, ленточная, очень грубая. В качестве орнамента употребляется налепной волнистый жгутик или его имитация.

2. Буро-красное рыхлое тесто с большим количеством дресвы. Излюбленным видом украшения посуды этого типа являются глубокие змятины пальцами по краю венчика и прорезной орнамент, нанесенный острой палочкой.

3. Плотная красная керамика кангюйских и раннекушанских форм, тесто плотное, без примесей, сосуды ручной лепки, иногда с красным ангобом внешней поверхности.

Красная плотная керамика (гр. 3) преобладает в верхних слоях и в районе кирпичных кладок, черная дресвяная и красно-черная (гр. 1 и 2) — под кладкой кирпичей позднеантичного размера и в зольном слое (слой 3), где соотношение группы 1 к группе 3 такое же, как 4 : 1, т. е. ее больше почти в четыре раза. Черная керамика имеется и в бесструктурных слоях, в районе кирпичных кладок.

В раскопе 2 также преобладают первые два типа, которых здесь почти в девять раз больше, но, в отличие от шурфа 1, черная дресвяная керамика находится здесь на полах и в районах очагов.

⁸⁸ А. Н. Бернштам. Древний Отрар... стр. 81—97.

В целом сосуды из нижних слоев находят себе ближайšie аналоги по фактуре теста и общим конструктивным чертам в посуде из курганных могильников Берк-кара (III в. до н. эры — I в. н. эры)⁸⁹, Тамды (III — I вв. до н. эры)⁹⁰, Северной Киргизии⁹¹, Восточного Казахстана⁹² и Ташкентского оазиса⁹³. Посуда верхних слоев ближе всего к материалам раннетюркских могильников Семиречья (V — VI вв. н. эры)⁹⁴ и Сыр-Дарьи (V — VI вв. н. эры)⁹⁵.

Сопоставление керамики со стратиграфией развалин, а также с другими находками из раскопок (каменные мотыги) позволяет считать ее характерной для полуседлых кочевников-скотоводов. Вся посуда — домашнего производства, в основном ежедневно употреблявшаяся в быту.

Присутствие незначительного количества обломков красной плотной хорошего обжига керамики можно отнести за счет ввоза ее из Таласской долины, а возможно — из районов среднего течения Сыр-Дарьи.

На городище Тарса-тепе (см. рис. 25) заложено три раскопа. Один из них — (раскоп 1 размером 8×6 м) — в центре верхней площадки, второй — на нижней площадке, в 14 м от нижнего края верхней площадки и в 20 м от южной стены нижней площадки, раскоп 3 — на самой высокой точке верхней площадки. Уровни глубин раскопов соответственно соприкасались. Раскоп 3 доведен до материка. Верхние слои всех раскопов обнаружили остатки сооружений из сырцового кирпича (мелкого и удлиненного, толщиной до 5 см).

В раскопе 1 всего зафиксировано 4 слоя.

Слой 1 (от поверхности до глубины 1,6 м) включал в себя остатки печей и хозяйственных ям.

Слой 2 (от 1,6 м до 2,8 м) вскрыл остатки здания из сырцового кирпича размером 32×26×8 см и был насыщен зольными пятнами серо-черного и коричневого цветов.

Слой 3 (от 2,8 до 5,3 м) вскрыл остатки здания из сырцового кирпича размером 45×25×10 см. Мощность кладки здесь достигала 2,5 м.

Слой 4 (от 5,3 м до 7 м) — плотно слежавшаяся глина с обломками сырцового кирпича крупных размеров и обломками керамики.

В раскопе 2 зафиксировано 2 слоя. Слой 1 (до глубины 0,8 м) — зольно-угольный, насыщен обломками керамики и сырцового кирпича. В нем сохранились остатки очажных пятен.

Слой 2 (до глубины 2,3 м) вскрыл остатки строительных конструкций из сырцового кирпича размером 32×26×8 см.

В раскопе 3 сразу же за дерновым слоем обнаружены остатки мощной кладки стены из плотного сырцового кирпича больших размеров (45×25×10 см).

В слое 1 раскопа 1 больше всего посуды, сделанной из довольно

⁸⁹ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины... стр. 16.

⁹⁰ Л. Я. Маловицкая. Тамдинский курганный могильник... стр. 120.

⁹¹ МИА, 14... стр. 63. табл. XLII; М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усунские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1939, № 3, стр. 171.

⁹² С. С. Черников. Отчет о работах Восточно-Казахстанской археологической экспедиции. «Изв. АН КазССР», серия археологическая, вып. 3, 1951, № 108, стр. 68.

⁹³ М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории народов Узбекской ССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. эры возле ст. Вревская в 1947 г. Труды Музея истории народов Узбекистана. Вып. I. Ташкент, 1951, рис. 4(1).

⁹⁴ МИА, 14... табл. XLVIII.

⁹⁵ А. Н. Бернштам. Древний Отрар... стр. 81 — 97.

рыхлого дресвяного и шамотного теста, серого и черного в изломе (81), посуды из теста, черно-красного в изломе (53), сосудов из плотного красного теста почти без примесей как ручной, так и станковой работы (52) и сосудов с красным лощением (19); остальные типы представлены единично.

Сосуды, сделанные из плотного теста, серого, черного, а также красно-черного в изломе, с примесями дресвы и шамота, все ручной работы. Лепились они по частям из больших полос глиняного теста. Формы их разнообразны. По обнаруженным в раскопе обломкам можно восстановить некоторые из них:

Горшкообразные, с широкой цилиндрической горловиной (диаметры до 22 см); венчик либо прямой, либо слегка отогнутый наружу, тулово овальное, донце прямое, с легким выгибом и наплывом в месте соединения его со стенками сосуда. Диаметр донца у этих сосудов обычно равен диаметру горловины. Этой же формы сосуды бывают с горловиной, слегка выгнутой наружу раструбом. Под венчиком — наlepной валик в виде волнистого жгутика, ручки сосудов круглые, вертикальные, свальные в сечении, донца иногда полусферические.

Котлообразные, небольшого диаметра (диаметр горловины — 15 — 16 см), тулово шаровидное, венчик в виде валика, образованного выгибом стенки. По верхней части сосуда идет волнистый прорезной орнамент.

Небольшие кувшинчики-кубки грушевидной формы с невысокой цилиндрической горловиной, верхний край которой слегка выгнут наружу; диаметр горловины — 6 см, диаметр тулова — 8 см.

Большие толстостенные чашеобразные сосуды типа «тагара» с прямым венчиком и туловом трапециевидной формы. Диаметр венчика у них достигает полуметра. Толщина стенок — 1,2 см. К этой же группе посуды по фактуре теста примыкают цилиндрической формы ручки от крышек.

Вторую группу (по количеству представленных образцов) составляет посуда с красным лощением внешней поверхности по ангобу. По фактуре теста она аналогична первой группе (иногда несколько плотней). Все сосуды ручной лепки. Главное место здесь занимают кувшинообразные сосуды, представленные двумя формами: с высокой цилиндрической горловиной (диаметром до 15 см), удлинненно-овальным туловом, прямым дном небольшого размера и прямым у горловины венчиком; с узкой цилиндрической горловиной (диаметром 4 — 6 см), прямым венчиком и ручкой, прикрепленной к горловине на расстоянии 2 — 3 см от края венчика. В меньшем количестве представлены горшкообразные сосуды с овальным туловом и прямым дном. В качестве орнаментального украшения для этой посуды характерны наlepные конические шишечки, которым, очевидно, приписывали также и значение «обе-рега».

Следующую большую группу составляет посуда из плотного красного теста без примесей. Эта посуда также ручной лепки, хотя встречаются отдельные сосуды, сделанные на ручном гончарном круге. Здесь представлены следующие формы:

Небольшие горшкообразные сосуды с невысокой цилиндрической горловиной и большим шаровидным туловом. Они, как правило, орнаментированы по верхней части сосуда горизонтальным пояском из идущих наискось врезных линий, а место перехода тулова к горловине отмечается валиком, образованным утолщением стенок, или врезным пояском из горизонтальных прямых линий.

Хумы с венчиком в виде четко профилированного квадратного в

сечении валика. Боковины хумов часто раскрашены вертикальными полосами буро-красного, коричневого или черного цветов.

В этом же слое встречено дно от чаши достархана с вихревой розеткой, нанесенной грубыми врезными линиями.

Кроме этих трех основных групп форм, следует отметить обломки боковин от сосудов из плотного красного теста с красным ангобированием внешней поверхности и 2 обломка от сосудов с белой поливной поверх ангоба и коричневым рисунком саманидского типа (полива внутренняя).

Слой 2. Основную массу находок керамики из этого слоя составляет посуда из черного и серого дресвяного теста ручной лепки (93 из 239). Формы ее те же, что и в слое 1. Отсутствуют только котлообразные сосуды. В отличие от слоя 1 имеются квадратные в сечении венчики хумов с налегком на нижней части в виде волнистого жгутика или с орнаментом, сделанным защипами пальцев, имитирующими тот же волнистый жгутик.

Слой 3. Здесь имеются обломки от сосудов из плотного красного теста без примесей, черепок внутри, в изломе, черный, также встречаются обломки от сосудов, сделанных из рыхлого черного и серого шамотного и дресвяного теста.

Слой 4. Здесь те же две группы, что и в слое 3. Особо следует отметить два сосуда, сделанные из рыхлого серого дресвяного теста — горшкообразный сосуд с широкой цилиндрической горловиной, округлым туловом и венчиком с небольшим уступчиком; по верхней части тулова идет врезной орнамент в форме соединенных между собой полуovalов; обломок верхней части сосуда, скорее всего от грушевидной формы кувшина с широкой горловиной, верхняя часть которой у венчика выгнута наружу; венчик треугольный в сечении, образованный утолщением стенок; вдоль венчика глубокие овальные вдавления, сделанные пальцем. Здесь же находились ручки в виде схематического скульптурного изображения барана, аналогичного изображениям на посуде из Каунчи-тепе⁹⁶. Сделаны эти ручки из плотного теста без примесей, хорошего обжига, имеют красное лощение поверх ангоба.

Раскоп 2, расчлененный нами на два слоя по признаку очажных пятен, в обоих слоях дал керамику, характерную для слоя 1 и 2 раскопа 1, т. е. рыхлую серую и черную шамотную керамику с красным лощением внешней поверхности и маловыразительные обломки керамики из плотного красного в изломе теста, частично ручной лепки, частично сделанные на гончарном круге.

Здесь замечается та же закономерность в соотношении основных типов: сосуды с красным лощением составляют подавляющее большинство в слое 1 и почти не встречаются в слое 2.

На обломках красной невыразительной керамики единственным орнаментом является раскраска неровными вертикальными полосами, образованными от растекающегося пятна краски.

В раскопе 3 соотношение типов керамики то же, что и в раскопе 2.

В подъемном материале, собранном на этом городище, имеются также образцы керамики с врезным выемчатым орнаментом, характерным для карлукской⁹⁷ керамики Семиречья и огузской — низовьев Сыр-Дарьи⁹⁸.

По керамическому материалу всех трех раскопов, дополненному сбо-

⁹⁶ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе. Ташкент, 1940, стр. 15, рис. 15.

⁹⁷ МИА, № 14 ... табл. LXIV, LXXII, LXXIII.

⁹⁸ С. П. Толстов. Города гузов (историко-этнографические этюды). «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 66, рис. 13, (№ 25).

ром подъемного, можно заключить, что жизнь городища протекала между первыми веками до н. эры и VIII—X вв. н. эры. Наиболее раннюю дату дают ручка, изображающая барана, и черная рыхлая шамотная и дресвяная керамика, аналогичная материалам из раскопок на поселении Ак-тепе Алтынтау. О крайней верхней дате жизни городища говорят материалы слоев 1 и 2 раскопов 1, 2, 3, представленные керамикой с красным лощением (характерной для городищ Таласской долины V—VII вв. н. эры⁹⁹), ручками от крышек сосудов с карлукского типа ornamentацией VI—VIII вв. н. эры¹⁰⁰, обломками крышек и боковин сосудов с выемчатым орнаментом огузского типа городищ низовий Сыр-Дарьи VIII—X вв. н. эры¹⁰¹, а также обломками белой поливы с коричневым рисунком саманидского типа.

Судя по керамическому материалу, городище Тарса-тепе разрослось из поселения кангуйского времени (первых веков нашей эры), аналогичного поселению Ак-тепе Алтынтау (материал слоя 4, раскопа 1). Наиболее интенсивной жизнь в нем была в раннетюркское время, что документируется керамикой с орнаментом в виде насечек и жгутовых налепов из слоя 3, раскопа 1 (насечки глубокие, орнамент выполнен просто). Эта посуда встречается и позднее, в V—VII вв. н. эры. Наибольшее количество аналогий она имеет в керамике Семиречья, а именно в 4 и 5 слоях Тараза V—VII и VII—IX вв. н. эры¹⁰² (красное лощение, ornamentация волнистым жгутовым налепом и рельефными налепными бугорками). Такого типа посуда характерна и для поселений Чуйской долины (V—VII вв. н. эры)¹⁰³.

В 1949 г., кроме продолжения разведки по левому берегу Сыр-Дарьи (от Сюткента до Чардара), сделаны раскопы на 8 объектах, из них 3 — на курганных могильниках и 5 — на развалинах поселений и городов.

Первым объектом работ были курганные могильники и неукрепленное селище, расположенные в урочище Канды-Тогай, к ЮЗ от ж.-д. станции Утрабат. Урочище представляет собой слегка всхолмленную, постепенно понижающуюся к югу надпойменную террасу правого берега Сыр-Дарьи. Она периодически, во время сильных разливов, заливается водой. Здесь находятся 3 могильника. Один из них состоит из 149 курганов, расположенных несколькими неправильными цепочками, вытянутыми с З на В. Насыпи курганов земляные, овальной формы, диаметром от 4 до 15 м и высотой от 0,2 до 1,5 м.

Второй могильник, находящийся в 0,6 км к востоку от первого, состоит из 42 курганов, расположенных без особого плана двумя группами. Третий могильник находится южнее второго на 0,5 км. Насыпи у них аналогичны первому.

В первом могильнике раскопаны 7 курганов (17, 15, 50, 1, 109, 32, 55), во втором — два (11, 12). Следов могильных ям и остатков захоронений не обнаружено. С глубины 0,3 до 0,63 м в раскопах встречались мелкие обломки керамики. Материковый слой начинался от 0,8 до 2,1 м.

Во всех раскопанных курганах были обнаружены только мелкие обломки глиняной посуды, сделанной из плотного красного теста почти без примесей. В ряде случаев на внешней поверхности обломков — светлый ангоб. Имеются обломки посуды с окрашенной в красный цвет

⁹⁹ Таласская долина... стр. 192.

¹⁰⁰ МИА № 14... табл. LVIII.

¹⁰¹ С. П. Толстов. Города гузов... стр. 66, рис. 13.

¹⁰² Таласская долина... стр. 191—194, 184—189.

¹⁰³ МИА, № 14... стр. 121; А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 91.

внешней поверхностью, а также раскраской в виде бурых параллельных нешироких полос-затёков.

Эти небольшие по размеру обломки керамики в раскопанных курганах встречались на разных глубинах. Остатков каких-либо других вещей и костей человека обнаружено не было. Можно предположить, что курганный могильник относится к могильникам с обрядом трупосожжения, известным у ряда тюркских племен. Так как могильник расположен в непосредственной близости к селищу, то эти небольшие обломки керамики могли попасть в него при рытье и закапывании могильных ям. Вследствие того, что могильник периодически затапливался разливами Сыр-Дарьи, погребенного пепла зафиксировать не удалось.

Несмотря на то, что керамический материал из курганов представлен лишь мелкими обломками и чаще всего от боковин сосудов, некоторые выводы относительно его датировки сделать можно. Среди обломков имеются кусок боковины сосуда с белой саманидского типа поливой, куски боковин от сосудов с красной и черной сплошной раскраской внешней поверхности, полосчатой раскраской (две последние группы посуды делались на гончарном круге), что дает возможность датировать могильник VIII — IX вв. н. эры.

Между первым и вторым могильниками находятся остатки неукрепленного поселения, состоящего из группы овальных бугров. На одном из них, имеющем размеры $26 \times 29,5$ м и высоту 1,28 м, был поставлен раскоп. Раскоп заложен в виде прямоугольника, ориентированного по странам света, протяжением с З на В — 6 м и с С на Ю — 4 м таким образом, что юго-восточный угол его находился в центре холма.

Раскоп зафиксировал три слоя.

Слой 1 до глубины 0,9 м вскрыл остатки набивной дуальной стены на кладке из сырцового кирпича размером $29 \times 13 \times 5$ см, лежащей на камышовой подстилке. Стена эта идет по диагонали с СВ на ЮВ раскопа. Кроме того, в этом же слое вскрыты остатки земляного пола, обмазанного саманным раствором, и два больших зольных пятна на уровне пола (в одном из них была обнаружена скорлупа яиц дикой утки). Слой был насыщен костями животных — в основном быка (*bos taurus*) и джейрана (*cazella subgutturosa*) (рис. 1).

Слой 2 шел от глубины 0,9 м до 1,1 м и вскрыл очажные пятна.

Слой 3 продолжался от 1,1 м до 1,6 м. На глубине 1,32 м был раскрыт очаг, сложенный из жженного кирпича размером $25 \times 25 \times 5$ см (рис. 2). Очаг — прямоугольной формы (45×55 см), выступает над уровнем пола на высоту 4 — 5 см, около него квадратная площадка размером 0,5 м, выложенная тем же кирпичом. Кости животных, встречающиеся в этом слое, принадлежат овце (*ovis aries*), лошади (*equus caballus*), быку (*bos taurus*), джейрану (*cazella subgutturosa*). Обнаруженные раскопом три слоя, разграниченные очагами, судя по характеру

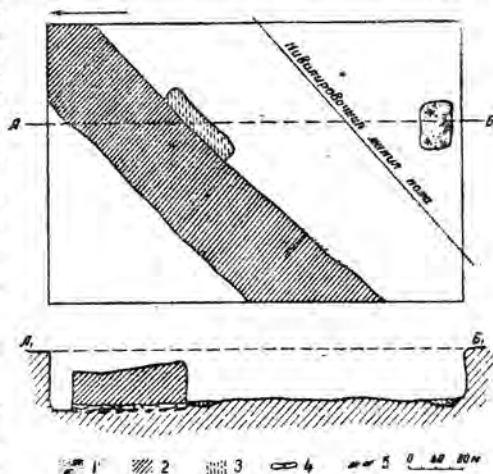

Рис. 1. План раскопа Канды-Тогай.

представленного в них керамического материала, относятся к одной хронологической эпохе — XII—XIV вв. н. эры.

По назначению посуды керамика слоев подразделяется на три группы:

1. Кухонная посуда из рыхлого теста со значительными примесями дровы и шамота, плохого обжига, черная и серая — вся ручной лепки. Внешние стенки сосудов покрыты копотью, достигающей значительной толщины. Целых форм не встречается. Это только обломки боковин, скорее всего от сосудов котлообразной и горшкообразной формы.

2. Кувшинообразные сосуды для хранения и переноски жидкостей. Все они хорошего горнового обжига, из плотного красного теста без примесей. Сделаны на ножном гончарном круге. Некоторые из них вытягивались и на ручном гончарном круге, в этом случае с присыпкой мелко речного песка.

3. Хозяйственная, бытовая посуда. Она представлена незначительным количеством обломков от поливных сосудов, в основном пиалобразной формы с прямым и слегка выгнутым наружу венчиком, а также небольшими кружечками с венчиком в виде валика и маленькими петлеобразными ручками. По характеру обработки внешней поверхности поливная посуда делится на несколько

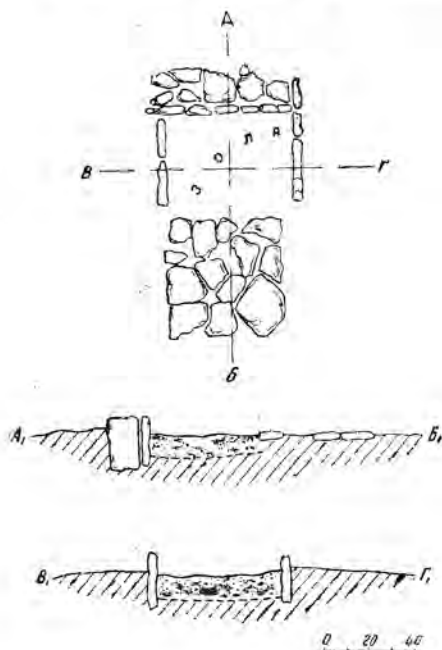

Рис. 2. План и разрез печи Канды-Тогай.

видов: пятнистая, желто-зеленая, похожая на китайские образцы сунского типа с подглазурным прорезным орнаментом геометрического характера; двусторонняя красная с подглазурным прорезным орнаментом в виде параллельных поясков по внешней стороне; зеленая с подглазурным прорезным орнаментом; бирюзовая двусторонняя (обнаруженная только в верхнем слое); грязно-белая с рисунком, сделанным черной и фиолетовой красками. Сюда же следует отнести массивный чирок зеленой поливы с ручкой в виде пяты, украшенной растительным орнаментом.

Основным материалом для датировки служат обломки поливной керамики. Самыми ранними являются обломки белой поливы с подглазурным прорезным орнаментом караханидского типа¹⁰⁴. Следующими по времени являются обломки посуды с пятнистой желто-зеленой поливой и подглазурным прорезным рисунком геометрического характера, а также обломки голубой поливы монгольского времени¹⁰⁵.

На городище Алтын-тепе (рис. 3) раскоп (размером 6×5 м) поставлен на одном из холмов (остатки здания в южной части шахристана размером с С на Ю — 10 м и сЗ на В — 8 м, высотой 0,45 м). Он вскрыл фрагментарно остатки здания, сложенного из сыр-

¹⁰⁴ А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тяньшаня. «Советская археология», 1949, № XI, стр. 370; МИА, № 14... стр. 179.

¹⁰⁵ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 147.

Рис. 3. Общий вид цитадели городища Алтын-тепе.

цового кирпича размером $40 - 45 \times 20 - 22 \times 9 - 10$ см (рис. 4). Стены здания начались с глубины 0,22 м и доходили до глубины 2 м. Кирпич в стене уложен в два ряда, длинной стороной поперек стены. Верхний ряд кирпича укладывался на нижний без перевязки, на тонком слое

Рис. 4. Кладка стен верхнего горизонта Алтын-тепе.

скрепляющего глиняного состава. У западного края раскопа, на глубине 0,3 м, началось устье выгребной ямы диаметром 1,2 м. Внутри раскопа, кроме большого количества глиняной посуды, находились кости животных — овцы (*ovis aries*), лошади (*equus caballus*) и быка (*bos taurus*), птицы, дикой свиньи и рыбы из породы осетровых. Выгребная яма имела глубину 4,8 м. Под стенами здания с глубины 0,17 м начался зольный слой; у восточной стены раскопа он имел наклон к СЗ, уходя под остатки упомянутой выше стены на глубине 0,67 м, и выходил к З от нее на глубине 0,82 м. Затем несколько поднимался вверх и на глубине 0,45 м скрывался в западной стене раскопа. Толщина этого слоя у южного края раскопа достигала 0,30 м. В направлении на север слой этот был тоньше и на расстоянии 1,20 м от северного края раскопа сходил на нет. Примерно в середине он прорезался тонкой прослойкой глины, обожженной до желтовато-красного цвета. Судя по мелким фрагментам древесного угля и полуобожженным остаткам камыша, можно заключить, что это были остатки сгоревшей крыши или межэтажного перекрытия здания. Остатки стены находились непосредственно на зольном слое, без фундамента и даже без соответствующего выравнивания его поверхности, поэтому нижний ряд кирпичей лежал на разной высоте. Стена эта, по-видимому, была частью ограды двора или помещения хозяйственного назначения, но отнюдь не жилого.

Кроме этой стены, на площади раскопа в разных местах и на разной глубине были обнаружены отдельные куски кладки из сырцового кирпича — остатки разрушенной стены.

Под зольным слоем обнаружили остатки здания из сырцового кирпича размером $37 \times 40 \times 18$ — 20×8 —9 см, уложенного в один ряд длинной стороной поперек кладки (рис. 5). Кладка имела высоту 0,75 м и состояла из 5 рядов кирпичей. Кирпич в стенке укладывался в разбежку с промежутками между отдельными кирпичами и рядами

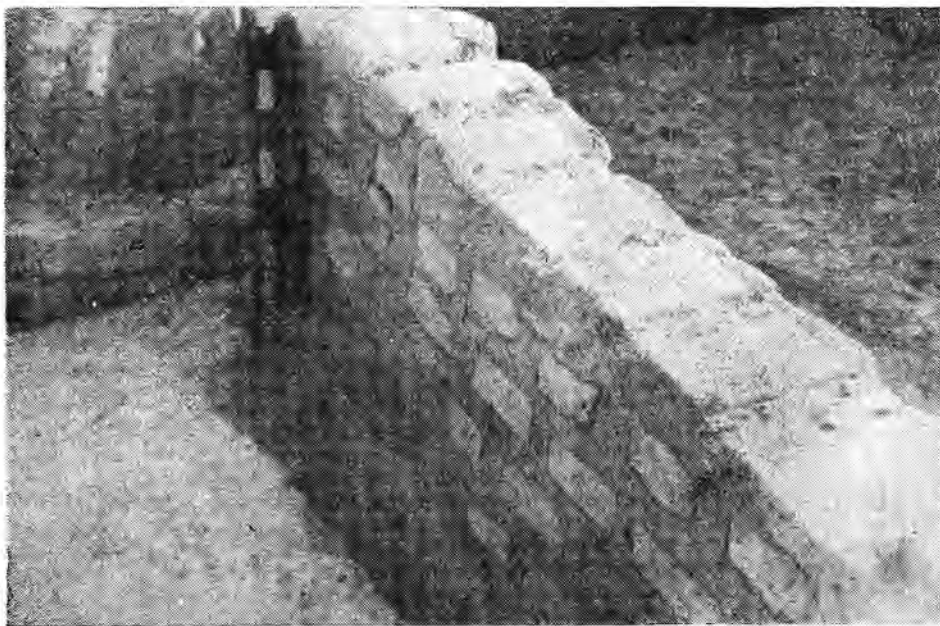

Рис. 5. Кладка стен нижнего горизонта Алтын-тепе.

в 6—10 см. Кирпичи зеленоватые, а скрепляющий раствор желто-коричневого цвета. В районе этой стены заметно уменьшилось количество костей мелкого домашнего скота (овцы и козы) и увеличилось количество костей быка, лошади и, по-видимому, кулана или осла. Следует отметить, что обнаруженные в верхних слоях крупные мозговые кости все были, как правило, расколоты, тогда как такие же кости из нижних слоев почти все целые.

На глубине 1,4 м, в западном конце раскопа, начался слой золы с примесью мелких фрагментов древесного угля толщиной в 8—10 см, скрывающийся под западной кирпичной стеной. Ниже зольного слоя кирпичная кладка не обнаружена. Таким образом, она и сверху и снизу ограничивалась зольными слоями.

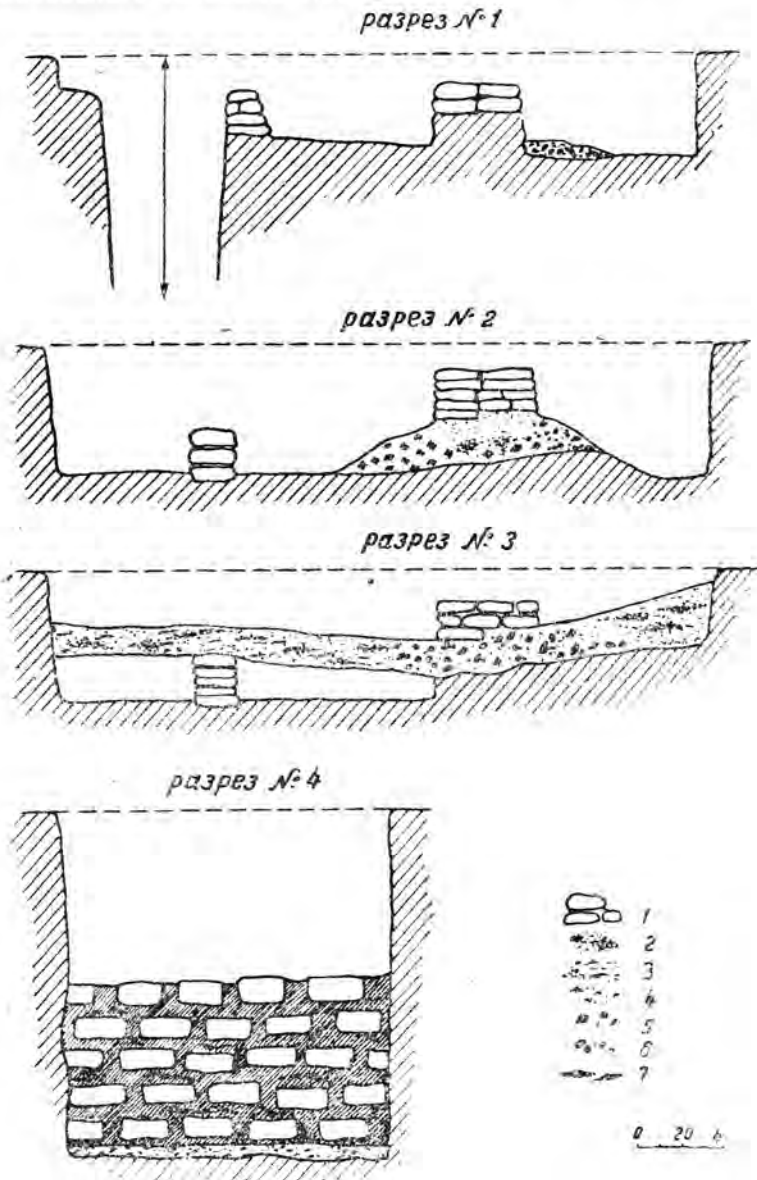

Рис. 6. Алтын-тепе (разрезы раскопа)

На глубине 2,4 м, на всей территории раскопа, был обнаружен еще один слой золы с примесью мелких фрагментов древесного угля и значительного количества остатков пережженных костей животных. Толщина слоя — 4 — 6 см.

Остатков каких-либо сооружений и под этим зольным слоем также не найдено.

На глубине 2,7 м кирпичная кладка кончилась, находки предметов материальной культуры прекратились и начался плотный однородный грунт. Эта часть раскопа условно названа шурфом (рис. 6, 7).

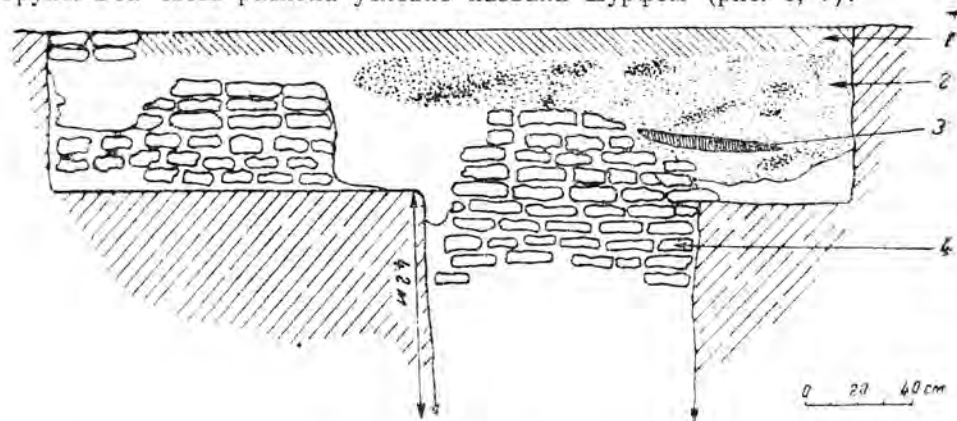

Рис. 7. Разрез восточной стены раскопа на Алтын-тепе.

Керамический материал из всего раскопа разбивается на три группы: из основного раскопа, доведенного до глубины 1,1 м; из шурфа глубиной от 2,0 — 4,4 м; из выгребной ямы.

В основном раскопе целых сосудов не найдено, встречались только обломки следующей посуды:

Обломки сосудов ручной лепки, сделанные из бурого и серого рыхлого теста с примесью дресвы, а иногда и шамота. Орнамент в виде конических шишечек, овальных ямок у нижнего края ручек, защипов по верхней части венчика, замятин, образующих небольшие овальные ямки по нижнему краю стенок около дна. Обломки представлены прямыми донцами с частью стенок, отходящих от них с небольшим выгибом (донца небольших сосудов с диаметром дна до 11 см), венчиками от небольших цилиндрических горловин, по краю которых проходит валик, образованный оттяжкой стенок сосуда.

Обломки круглых крышек с цилиндрическими ручками (по краю их идет орнамент в виде круглых вмятин) имеют аналогии в керамике Семиречья (V—VII вв. н. эры)¹⁰⁶ и позднекушанской — Хорезма¹⁰⁷. К этой же группе относятся обломки жаровен из рыхлого красного теста с примесью большого количества шамота, а также обломки сосудов ручной лепки, сделанных из плотного красного теста без примесей. Внешняя поверхность их покрыта черным и красным ангобом.

Основную массу находок составляют обломки горловин кувшинообразных сосудов с прямым венчиком и широким округлым туловом (диаметр горловин — 18—20 см), обломки широких массивных цилиндрических горловин кувшинообразных сосудов с треугольным в сечении валиком, небольшие пиалообразные сосуды с прямым венчиком, под

¹⁰⁶ МИА, № 14... табл. LVII.

¹⁰⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм... (классификационная таблица).

которым сделан налеп в виде округлого валика (эти сосуды, очевидно, были полусферической формы), и венчики больших чашеобразных сосудов. В этом же слое оказались донца и горловина от узкогорлого сосуда с треугольным в сечении венчиком, сделанные из теста такого же качества на ручном гончаром круге с присыпкой мелкого речного песка.

В шурфе обнаружен материал, соответствующий кушанскому времени Средней Азии:

1. Обломки сосудов с красным лощением (всего 28) из плотного ярко-красного в изломе теста, со значительной примесью мелкого речного песка. Сосуды ручной лепки с лощением внешней поверхности, тонкостенные.

Среди них найдены:

а) Небольшие сосудики в виде кубка с прямым венчиком-муфточкой, округлым туловом и маленькой петлеобразной ручкой (общая высота сосуда — 8,6 см, диаметр венчика — 8 см, тулова — 12 см, дна — 7 см).

б) Горловины кувшинообразных сосудов, имеющие легкий раструб (венчик прямой, диаметром 14 см; диаметр средней части горловины — 11 см).

Кроме этого, найдены боковины сосудов с остатками вертикальных угловых и вертикальных с отвислым верхним краем ручек.

2. Встречаются обломки сосудов ручной лепки (из плотного красного теста хорошего обжига, но довольно грубого, с незначительными примесями мелкой дресвы), характерные следующими формами:

а) Кувшинообразные с высокой широкой горловиной, которая у венчика резко выгибается наружу, образуя как бы муфточку. Ручки вертикальные, угловые, крупные, прикреплены к средней части горловины. Сосуды этой формы аналогичны кувшинам с лощением — группе 1 «б» (диаметр венчика горловины — 12 см, самой горловины — 10 см, высота — 8 см).

б) Небольшие кувшинообразные сосудики с петлеобразной ручкой, отходящей прямо от венчика и являющейся как бы продолжением стенки (венчик прямой, образован выгибом стенки сосуда наружу, диаметр горловины — 7 см, тулова — 9 см).

в) Донца сосудов, по форме приближающихся к баночным. Стенки отходят от донца почти под прямым углом, образуя небольшое утолщение в месте перехода. Ручки с канелорами в центральной части.

Кроме описанных групп, найдены котлообразные и горшкообразные сосуды ручной лепки (со следами копти) из рыхлого грубого шамотного теста, черные в изломе, венчики сосудов с двусторонней окраской, под ними небольшие валики, образованные утолщением стенок (диаметр венчиков — 11 см).

В раскопке встречены венчики хумов в форме валика, образованного утолщением стенок или легким выгибом их наружу. На многих из них — следы раскраски в виде потеков черного и коричневого цветов.

Наибольшее количество типов и форм керамики обнаружено в выгребной яме:

1. Сосуды ручной лепки из шамотного и дресвяного, средней плотности, черного и серого теста.

Среди них найдены:

а) Сосуды типа гидрий с небольшой цилиндрической горловиной и округлым туловом (сохранились только верхние части). Около венчика горловина делает легкий выгиб. Под венчиком небольшой валик, образованный утолщением стенок. По валику идут косые насечки, как бы

имитирующие волнистый веревочный жгутик. Сосуд лепился из отдельных полос. Отчетливо видны две части — горловина и само тулово (диаметр горловины у венчика — 15 см, высота горловины — 6 см, диаметр наиболее широкой части тулова — 19 см, диаметр наиболее широкой части горловины — 15 см). Имеются сосуды аналогичной формы без орнамента и с орнаментом в виде налепного валика.

б) Небольшие кувшинообразные сосуды. Среди них значительный интерес представляет маленький сосудик с округлым туловом, широкой цилиндрической горловиной, маленькой петлеобразной ручкой и прямым донцем. Вся средняя часть тулова (начиная от места соединения его с горловиной) покрыта орнаментом. Сверху (от горловины) идут два пояса полуovalов, ниже их — пояс соединенных между собой незамкнутых треугольников. По обоим краям врезной линии небольшими полуovalами расположен тот же орнамент. Эти полуovalы сходны с широко распространенным в эпоху бронзы ногтевым орнаментом. Но в данном случае орнамент нанесен штампом, и скорее всего металлическим. Штамп, очевидно, был круглый и при нанесении орнамента ставился боком (одной стороной), так как в ряде случаев он заметен весь благодаря, видимо, случайному движению руки мастера. Венчик сосуда имеет небольшое утолщение (валик), по которому идет характерный для VI—VIII вв. н. эры орнамент косыми насечками (размеры сосуда: высота — 9,5 см, диаметр венчика — 6,5 см, диаметр тулова — 7,5 см, диаметр дна — 5 см, высота горловины — 3 см).

в) Котлообразные сосуды. От них сохранились только верхние части с треугольным в сечении венчиком, образованным выгибом наружу стенки сосуда.

В яме найдено большое количество небольших плоских и полусферических крышек из серого дрезвяного теста, грубой ручной лепки, сделанных на матерчатом шаблоне. У большинства их ручки в виде небольших цилиндров, вставляемых, как пробки, в специально приготовленное отверстие, а иногда прилепленных сверху. Орнамент на крышках, наносившийся острой палочкой, состоит из пунктирных линий, незамкнутых треугольников, елочки и, в редких случаях, спиралей.

2. Посуда из плотного красного и желтого в изломе теста, станковой работы. Основная масса ее представляет собой обломки прямых, небольшого диаметра (13—8 см) донцев сосудов. Стенки от них отходят под крутым углом. В ряде случаев имеются небольшие кольцевые поддоны. Иногда донца тоньше примыкающих к ним стенок, а иногда — наоборот (проследить, зависит ли это от формы сосуда, не удалось). Помимо этого, имеются боковины сосудов шаровидной формы с орнаментом в виде поясков врезными линиями, сделанных либо острой палочкой, либо рукой мастера (вмятины), обломки от горловин высоких кувшинообразных сосудов, по тулову которых идет врезной волнистый орнамент гребенкой, прямые венчики от цилиндрических невысоких горловин с легким растробом.

Кесы имеют прямые донца, тулово отходит резко под углом, около венчика стенки слегка выгибаются внутрь, а сам венчик имеет форму небольшой площадки, отогнутой наружу под прямым углом (размеры кес следующие: диаметр венчика — 23—18 см, дна — 7 см, высота — 7,5—12,5 см). Здесь же встречены обломки от блюд достарханов с широкими толстыми венчиками, образованными выгибом стенок блюда наружу под прямым углом. На блюдах нанесен орнамент, сделанный пальцами руки. Формовались достарханы на подставке, с присыпкой мелкого речного песка, который прилипал к внешней поверхности блюд. Там же обнаружено много обломков крышек со штампованным орнамен-

том, в котором преобладающим мотивом являются различного рода треугольники и розетки. Крышки с орнаментом этого типа сделаны из плотного красного теста с незначительными примесями. На внутренней плоскости крышек — следы прилипшего песка.

В яме встречены целые сосуды баночной формы с легким утолщением в центре тулова и с небольшой петлеобразной ручкой. Стенки сосуда к венчику утончаются. Донце прямое, вся внешняя поверхность сосуда тонким слоем окрашена в красный цвет. Сделан сосуд на ручном гончарном круге из плотного в изломе серого теста с примесью мелкого песка.

В засыпи выгребной ямы имелись кости животных, главным образом овцы (*ovis aries*), лошади (*equus caballus*) и быка (*bcs taurus*), кроме них — дикой свиньи, птиц и рыб из породы осетровых.

Таким образом, из описанного выше материала можно сделать вывод, что в яме найдена керамика VIII—X вв. Наиболее ранними являются сосуды типа гидрий из черного теста, сближающиеся по технике лепки с материалами из раскопок в Таразе (4-й слой)¹⁰⁸, кувшинчики с имитацией ногтевого орнамента, сделанные из серого дресвяного теста и аналогичные сосудам из раскопок на Тарса-тепе¹⁰⁹. Вторую крайнюю дату (X в.) представляют крышки со штампованным орнаментом, а также сосуды из плотного красного теста, сделанные на гончарном круге (кувшинообразные, кесы, пиалы, сосуд под люльку — тубек и др.). А весь материал из раскопа на городище позволяет наметить два хронологических этапа его жизни: первые века н. эры (материал шурфа) и VIII—X вв. н. эры (материал основного раскопа и выгребной ямы).

На городище Пчакчи-тепе (рис. 8) раскоп заложен в середине восточного края нижней западной площадки, на высоте

Рис. 8. Общий вид городища Пчакчи-тепе.

¹⁰⁸ Таласская долина... стр. 190.

¹⁰⁹ См. стр. 22 настоящей работы

7,43 м, протяженностью с З на В — 4 м и с С на Ю — 2 м (глубина раскопа — 2,6 м).

Всего вскрыто три слоя.

Слой 1 — до глубины 0,35 м (дерновый).

Слой 2 — от 0,35 м до 1,35 м. В нем обнаружены остатки стен из сырцового кирпича размером $42 \times 43 \times 7-9$ см, уложенного в шахматном порядке, и зольные пятна от открытых очагов.

Слой 3 — от 1,35 м до 2,6 м глубины — вскрыл остатки кладки из сырцового кирпича размером $35 \times 16 \times 8$ см. С глубины 2,6 м начался однородный плотный лёссовый грунт без остатков предметов материальной культуры. Все три слоя дали аналогичную по форме и фактуре керамику. В слое 1 обнаружены высокогорлые кувшины большого размера с горизонтальным рифлением горловин, из плотного теста без дресвы, хорошего обжига. Лепка ручная, но тщательная. Внешняя поверхность с сероватым ангобом, иногда с потеками черной краски по тулову. Такие формы были зарегистрированы нами в подъемном материале с городищ Отрар и Бузук-тепе в районе Чилика в период разведочных работ 1947 г.¹¹⁰

Горловины сосудов с широким горизонтальным рифлением слегка выгнуты наружу, венчик у них прямой. Сделаны из плотного теста с незначительным количеством мелкой дресвы. Тесто в изломе красное. Внутренняя и верхняя части горловин окрашены в красный цвет.

Здесь же встречены венчики хумов, отогнутые наружу нешироким и четко профилированным валиком, по которому в центре идет глубоко вдавленная полоса. Хумы эти небольшого размера (диаметр по венчику 25 см). В слое 2 встречена керамика, аналогичная слою 1: горловины кувшинообразных сосудов с рифлением, сосуды с красным лощением, обломки сосудов, сделанных из рыхлого дресвяного и шамотного теста и с ногтевым орнаментом, характерным для VI—VIII вв. н. эры.

В этом же слое обнаружены ручка с налетом в виде загнутых рогов барана и ручка крышки в виде животного, от фигуры которого сохранилась только средняя часть туловища, поэтому определить его очень трудно. На туловище животного нанесен орнамент в виде косых насечек, сделанных, очевидно, ногтем.

Слой 3 дал материал, аналогичный слою 2, кроме того — большой

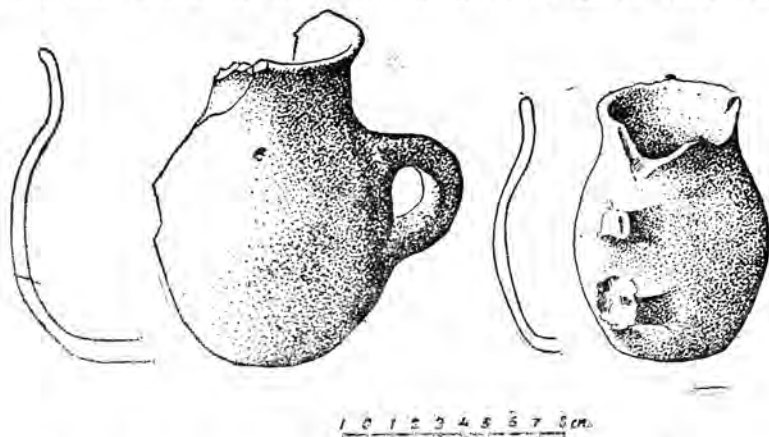

Рис. 9. Сосуды из слоя 2 раскопа на городище Пчакчи-тепе.

¹¹⁰ Е. И. Агеева. Керамика городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Каратау. «Изв. АН КазССР», серия археологическая, вып. 2, 1949, № 67, стр. 103.

обломок боковины сосуда кувшинообразной формы с крупной вертикальной ручкой. На верхней плоскости ручки расположен налеп в виде шишечки. При лепке ручка вставлялась в специально сделанное для этой цели отверстие. Здесь же обнаружены обломки от плоских-жаровен из грубого и рыхлого шамотного теста.

Наиболее характерны для датировки керамики из раскола кубки с красным лощением внешней поверхности и низко посаженными петлеобразными ручками, обнаруженными в слое 2 (рис. 9). По форме они чрезвычайно близки к сосудам первых веков нашей эры с ручками в виде животных, известных из раскопок на Каунчи-тепе¹¹¹, Мунчак-тепе и могильнике у Ширинсая¹¹². В более позднее время эти ручки, уже потеряв свои зооморфные черты, приобретают петлеобразную форму, но они еще очень низко посажены на тулове. Сосуды сохраняют и старую фактуру разделки поверхности (красное лощение). Кроме Ташкентского оазиса¹¹³, такого типа сосуды известны и в Семиречье¹¹⁴. Очень близки к ним по форме металлические сосуды из тюркских курганов Южной Сибири¹¹⁵. Такие сосуды держат в руках каменные бабы¹¹⁶. По технике лепки они сближаются с посудой V—VI вв. из раскопок в Таразе¹¹⁷.

Это продолжение древних традиций наблюдается и в керамике другого типа, а именно — в находимых в большем количестве (и в раскопе и в подъемном материале) обломках сосудов с горизонтальным рифлением верхней части горловины. Наиболее ранний тип рифления на растровых горловинах, сделанных из плотного теста розово-желтого и кирпичного цветов (в изломе) с зеленовато-серым ангобом и потеками черной краски, известен по материалам Хорезмской экспедиции. Горловины датируются серединой первого тысячелетия до н. эры¹¹⁸.

Древние традиции сказываются и в дальнейшем, они подтверждаются образцами из нашего раскопа. Но рифление здесь теряет свою четкость и делается небрежным. Чувствуется, что мастер наносил его при изготовлении посуды только в силу какой-то издавна существовавшей традиции.

Археологические данные позволяют сделать заключение, что жизнь на городище Пчакчи-тепе продолжалась и после VIII в. В подъемном материале встречены обломки саманидской поливы и образцы керамики карлукского типа с резным орнаментом. Жизнь прекратилась здесь к X в., а ко времени монгольского нашествия городище уже лежало в развалинах.

Раскоп на городище Сюткент I (см. рис. 59) был заложен в юго-восточном конце шахристана, по вымощенному спуска в улицу, на высоте 2,5 м (размер раскопа — 4×2 м, глубина 1,8 м — до материкового слоя). Он дал возможность установить, что использование песчаных бугров в качестве строительных площадок является характерным и для левобере-

¹¹¹ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе... стр. 15, рис. 15.

¹¹² В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КС ИИМК, № 14, 1947, стр. 98, рис. 49 (3).

¹¹³ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КС ИИМК, № XXXIII, 1950, рис. XXI (2).

¹¹⁴ Таласская долина... стр. 191 и след.

¹¹⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9. М.—Л., 1949, стр. 307, табл. LII.

¹¹⁶ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, № 24. М.—Л., 1952, стр. 97, рис. 45(2).

¹¹⁷ Таласская долина... стр. 191.

¹¹⁸ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации... стр. 134, табл. 34, рис. 6.

режья среднего течения Сыр-Дарьи. На таком песчаном бугре расположен шахристан Сюткента, как и некоторые городища Хорезма¹¹⁹.

Раскоп вскрыл остатки хозяйственного двора, в юго-западной части которого находился тандыр (тунур). На цитадели была сделана небольшая зачистка. И раскоп и зачистка дали сравнительно позднюю керамику X—XI вв. н. эры. Это обломки посуды из плотного красного теста, почти без примесей, хорошего обжига. Судя по форме, они являются остатками кувшинообразных сосудов с высокой узкой цилиндрической горловиной и горшкообразных сосудов. На ряде обломков обнаружено сочетание штампованного орнамента с фигурной раскраской. Он сделан четко (очевидно металлическим штампом), идет неширокой полосой по всей поверхности и опоясывает центральную часть тулова. Внизу орнамента — фигурная раскраска. На чашеобразных сосудах больших диаметров, имеющих венчики в форме широкой площадки, внешние стенки покрыты слоем красного и черного ангоба поверх геометрического орнамента.

Вторую, не менее многочисленную группу, составляют сосуды ручной лепки из шамотного и дресвяного теста — серого и черного. В раскопе обнаружены в основном венчики горшкообразных сосудов. Кроме того, единично встречены обломки от сосудов с темно-красным лощением и полива саманидского типа. Кроме керамики, в этом слое обнаружены бесформенные куски сильно окисленных металлических предметов: бронзовый бубенчик от сбрун, массивный железный листовидной формы паконечник копыя и боевой топорик.

Во втором раскопе (зачистка на цитадели) найдены два целых сосуда. Один из них — котлообразный, сделанный из плотного серого дресвяного теста. Тулово у него шаровидное, венчик образован выгибом стенки сосуда наружу и с внешней стороны подчеркнут небольшим врезным пояском. Дно полусферическое, отходящее от стенок почти под прямым углом. В центре дна штамп, состоящий из двух вписанных друг в друга кружков, внутреннее расстояние между которыми заполнено наискось положенными прямыми линиями, чередующимися с рядами горизонтальных, в форме полуовала. Размеры котла: диаметр венчика — 20 см, дна — 22,5 см, тулова — 27 см, общая высота — 20 см. Наличие оттиска рельефного штампа, а также горизонтальная штриховка внутренней поверхности стенок свидетельствуют о том, что котел изготовлен на гончарном круге. Очевидно гончары Сюткента при изготовлении круглодонных котлов применяли такие же приспособления, какие отмечает А. И. Тереножкин для гончаров Хорезма и Чача¹²⁰.

Второй сосуд — кувшинообразной формы, из дресвяного теста средней плотности. Лепился он по частям. Внешняя сторона его сильно закопчена. Тулово округлое, овально-вытянутое, донце прямое, небольшого диаметра, горловина высокая, цилиндрическая, с легким раструбом, венчик имеет вид небольшого валика, образованного отгибом стенки сосуда наружу.

Наибольшее количество аналогий керамика из раскопа на Сюткенте имеет в карлухо-караханидской керамике. Семиречья и керамике Ташкентского оазиса того же периода. Особенно ценным для датировки является котлообразный сосуд, форма которого типична для третьего слоя Тараза¹²¹.

¹¹⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм... стр. 105.

¹²⁰ А. И. Тереножкин. О древнем гончарстве в Хорезме. «Известия УзФАН». Ташкент, 1940, № 6, стр. 63—64.

¹²¹ Таласская долина... стр. 178 и след.

Аналогичного типа котлы есть в материалах Чуйской долины¹²² и Ташкентского оазиса XI—XII вв. н. эры¹²³. Сама же техника изготовления котлов на гончаром круге известна с IX в. н. эры, но наиболее широкое распространение она получила лишь в X—XI вв. н. эры. К этому же времени относится и господство орнамента, исполненного штампом в сочетании с фигурной раскраской. Не противоречит этой датировке украшение посуды красным лощением, известное в материалах Семиречья и гораздо позднее.

Из всех обследованных городищ как правого, так и левого берега Сыр-Дарьи, городище Сюткент I дало самые многочисленные и разнообразные образцы керамики с фигурной черной, коричневой и красной раскраской. Характер многих рисунков напоминает саманидскую поливу Мавераннахра, что объясняется расположением городища на границе этого района.

На городище Кок-Мардан (рис. 10), расположенном на левом берегу реки Арыси, в 10 км от развалин Отрара, были заложены три раскопа: один на высоте 14,28 м, в северо-западном углу верхней площадки, второй — в 30 м на В от первого, на высоте 13,5 м, размером 3 × 2 м и глубиной до 3,3 м, третий — к Ю от второго, на западном склоне городища, на высоте 10 м, размером 3 × 2 м и глубиной 1,4 м.

В раскопе 1 четко обозначались четыре слоя. В слое 1, с глубины 0,2 м, в восточной части раскопа выявились остатки стены, сложенной из сильно уплотненной сбитой глины, остальная часть раскопа была заполнена рыхлым зольным грунтом. Слой 2 — от 0,9 до

Рис. 10. Общий вид городища Кок-Мардан.

¹²² МИА, № 14... табл. LXXIX.

¹²³ А. И. Тереножкин. Согд в Чач... табл. XII (7).

1,6 м глубины — дал уплотненный глиняный грунт, слой 3 — от 1,6 до 2,1 м — мягкий зольный слой, слой 4 — от 2,1 до 2,9 м глубины — средней плотности глиняно-песчаный слой с тонкими прослойками золы и угля в виде круглых пятен.

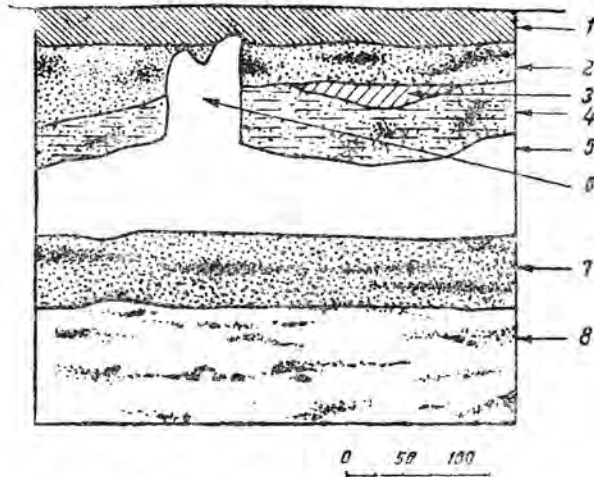

Рис. 11. Разрез южной стены раскопа 1 на городище Кок-Мардан.

1 — Дерновый слой (слабо связанная глина с золой). 2 — Интенсивный зольный слой. 3 — Слой прокаленной глины. 4 — Зольный слой с землей. 5 — Слой плотной набивной глины. 6 — Остатки стены из набивной глины. 7 — Зольный слой. 8 — Мягкая глина с тонкими прослойками золы и угля.

В раскопках 2 и 3 шло чередование зольноугольных слоев толщиной в 10—15 см со слоями из довольно плотной лёссовой глины желто-коричневого цвета. В раскопе 2 обнаружено 18 таких слоев, а в раскопе 3 — шесть.

Все три раскопа дали однотипный и мало выразительный материал, основную массу которого составляет кухонная, ручной лепки посуда. Большинство материала из раскопов относится к VI—VIII вв. н. эры, имеет много общих черт с материалами из раскопок Ак-тепе в Ташкентском оазисе¹²⁴ и с материалами из Семиречья, из раскопов в могильнике Джуван-тепе¹²⁵ и из курганных могильников Чуйской долины¹²⁶. Некоторые, сравнительно далекие аналогии имеются и с материалами раннеафригидских комплексов Хорезма¹²⁷.

Раскоп 1 дал во всех четырех слоях однохарактерную, в основном ручной лепки, керамику с малым разнообразием форм. Она двух типов: грубая, серая и красная дровяная и шамотная; плотная, красная, почти без примесей. Обе эти группы составляют хозяйственную посуду, первая служила для употребления на огне, вторая — для хранения

¹²⁴ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Труды Института истории, археологии. Материалы по археологии Узбекистана, Т. I. Ташкент, 1948, стр. 115—116.

¹²⁵ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работе Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. ... рис. 28.

¹²⁶ МИА. № 14... табл. XLVIII.

¹²⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм... стр. 109, рис. 44.

жидкостей. Из грубого серого дресвяного теста делались котлы с ручками в виде полуovalов, плоски-жаровни большого диаметра со стенками, резко скошенными вовнутрь и утончающимися около венчика, а около дна, наоборот, слегка округляющимися. К этой же группе относятся и горшкообразные сосуды с цилиндрической горловиной и венчиком, отогнутым в виде небольшой площадки наружу; внешняя сторона этих сосудов покрыта серым ангобом. Все сосуды этого типа — грубой ручной лепки. Вторая группа сосудов также ручной лепки, из красного без примесей теста хорошего обжига, дающего в изломе красный черепок. Иногда эти сосуды имели желтый ангоб и орнамент из горизонтальных волнистых поясков, состоящих из врезных линий и их отрезков, иногда орнамент был в виде валика, образованного утолщением стенок сосуда. По форме сосуды различны: горшкообразные сосуды с треугольным в сечении венчиком и прямым дном, стенки около дна образуют легкий выгиб, сами донца прямые и несколько толще стенок; кувшинообразные сосуды с резким выгибом горловины у верхнего края; хумы с венчиком в виде валика, образованного отгибом стенки сосуда наружу.

Раскопы 2 и 3 к описанному выше материалу добавляют посуду с красным лощением по красному плотному черепку и обломки посуды с полосчатой раскраской тулова.

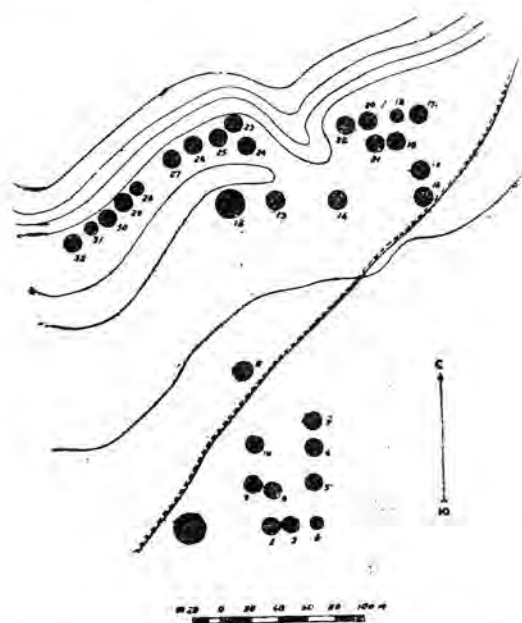

Рис. 12. План могильника Шегнак-сай.

В этом же году были поставлены раскопки на курганном могильнике Шегнак-сай (рис. 12), расположенном в 5 км от правого берега Сыр-Дарьи, в урочище Тартугай, вблизи дороги, идущей от ж.-д. станции Арысь к паромной переправе у совхоза Сюткент, на юго-восточном берегу небольшого оврага (сая) Шегнак. В могильнике 32 кургана, расположенных неправильными цепочками, идущими как с С на Ю, так и с З на В. Насыпи — земляные, диаметром 8—16 м, высотой 0,3—0,5 м. В раскопанных курганах погребения совершались в грунтовых ямах

глубиной до 1,6 м. Костяки лежали на спине, головой на СВ, и были покрыты истлевшей камышовой бурой. В 1948 г. здесь был раскопан один курган (№ 16), в котором был найден костяк мужчины, а при нем железный меч и железная дряжка раннетюркского типа с подвижным язычком¹²⁸. Из раскопанных в 1949 г. четырех курганов (2, 3, 5, 9) в трех (2, 5, 9) обнаружены целые сосуды ручной лепки, сделанные из

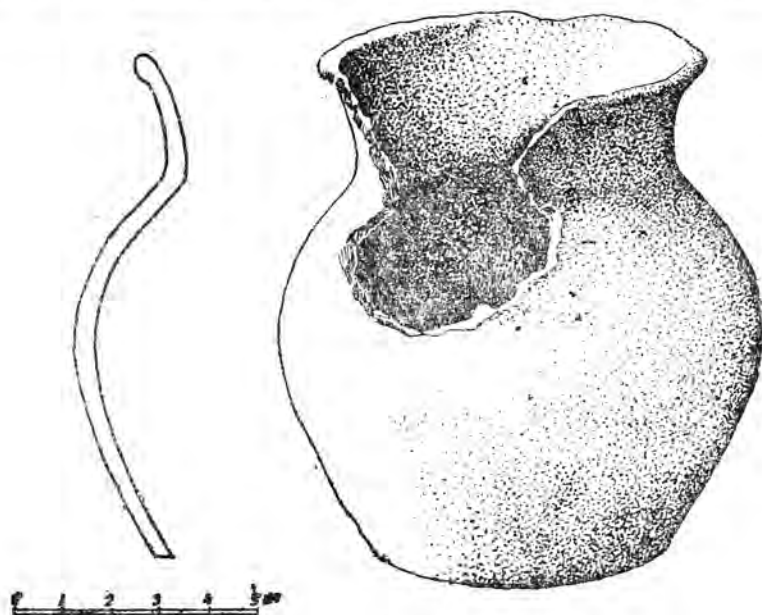

Рис. 13. Глиняный сосуд из кургана 3.

грубого дресвяного черного теста. Это небольшие горшочки с плоским дном и невысокой горловиной, образованной выгибом стенки тулова наружу. Один из них — с маленькой петлеобразной ручкой. Размеры сосудов следующие: диаметр венчика — 10 — 11 см, высота — 20 — 14 см (см. рис. 13, 14).

Рис. 14. Глиняный сосуд из кургана 5.

Материалы из этих раскопок имеют аналогию в тюркской керамике Семиречья¹²⁹.

В задачи экспедиции 1950 г. входило обследование южных районов Южно-Казахстанской области, не изученных экспедициями предыдущих лет, рекогносцировочные раскопки нескольких курганов из состава больших курганных могильников на левом берегу Сыр-Дарьи, между пос. Чардара и усадьбой совхоза Сюткент, и раскопки на городище Мардан-куюк в зоне Отрарского оазиса.

Разведка в Пахта-Аральском и Кзыл-Кумском районах установила, что на лево-

¹²⁸ А. Н. Бернштам. Древний Отрар... стр. 90.

¹²⁹ Таласская долина... стр. 163.

бережье Сыр-Дарьи нет археологических памятников поздних эпох. Первым памятником, зарегистрированным на этом маршруте, было поселение Ак-тепе, расположенное между усадьбой колхоза Берлик и пос. Чардара, в 15 км к югу от протоки левого берега Сыр-Дарьи.

Раскопки на курганных могильниках были поставлены в двух точках. Первый — на могильнике, расположенном в 4 км к юго-западу от поселка Чардара, известном под названием Мынг (тысяча)-тепе или Жуз (сто)-тепе. Состоит он из нескольких сот курганных насыпей, расположенных небольшими, без особого плана внутри группами (50—30 курганов в каждой). Здесь раскопано три кургана в двух группах. Все они, к сожалению, не дали никакого материала для их датировки. Только в двух из них (28 и 29) под насыпью наблюдался зольный слой и зольные пятна. Очевидно здесь имело место трупосожжение, производившееся вне могильной ямы. Некоторые данные для установления принадлежности этих курганов дают письменные источники. Так, в арабско- и персоязычных источниках город Сюткент фигурирует как граница с кочевниками тюрками, как место расселения тюрок, принявших ислам, и как крупный торговый центр, в жизни которого большую роль играли кочевники-скотоводы. Византийские источники, опираясь на сведения, собранные посольством Земарха, приводят описание обряда сожжения кагана Сильзивула — отца Турсанфа. Обычай сожжения умерших для этого же времени известен и по китайским источникам. Они рассказывают, что «...берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают; собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу»¹³⁰. Этот обряд известен и по археологическим материалам. В урочище Каскен-таш А. М. Фетисов раскопал каменные оградки со склепами, в которых хранились глиняные ящики и чашки с остатками сожженных трупов. Очевидно этого же обычая придерживались и тюрки — кочевники левобережья Сыр-Дарьи.

Одновременно был раскопан один курган (№ 30) в курганном могильнике, расположенном в 8 км к югу от городища Узун-Ата (рис. 15). Это огромный могильник шириной 0,5—2 км, протянувшийся на 25 км вдоль русла Сыр-Дарьи. Он состоит, так же как и предыдущий могиль-

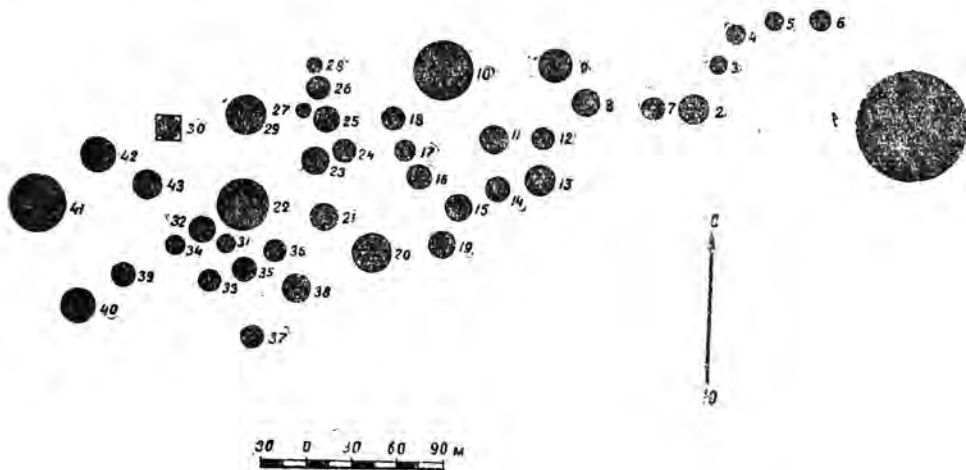

Рис. 15. План курганной группы Узун-Ата.

¹³⁰ МИА, № 14 ... стр. 80.

ник, из отдельных курганных групп по 20—25 насыпей в каждой. В некоторых группах курганы располагаются в виде цепочки. Группа, в которой был раскопан курган, состоит из 43 насыпей диаметром 10—30 м и высотой 0,2—1,2 м. Под насыпью кургана, на глубине 1,9 м, был обнаружен зольный слой с примесью мелких кусочков угля. В качестве топлива использованы верблюжья колючка и мелкий кустарник. Никаких следов от остатков пережженных костей или предметов материальной культуры в этом зольном слое не обнаружено. Непосредственно под зольным слоем начинался материк.

На городище, известном под именем Мардан, или Куюк (Куюк-Мардан), расположенном в 7 км к северо-западу от городища Отрар, на самой границе Отрарского оазиса (см. рис. 33), сделано несколько раскопов.

Кроме фрагментов керамики, на территории городища собрано большое количество разных размеров керамических пряслиц, различной величины каменных зернотерок, удлинненно-овальных и круглых жерновов с центральным отверстием, пастовых и каменных бус, обломков сильно окисленных бронзовых монет и бронзовых поделок, перстней, характерных для Хорезма кушанского времени, накладок на ремни тюркского типа и других вещей из бронзы (браслетов, кусков пряжек, сережек и т. п.). Среди находок из бронзы особый интерес представляет скульптурное изображение горного барана — архара.

Раскоп 1 заложен почти в середине южной стены рабада, у основания ее внутреннего склона (на уровне внутренней площадки рабада), на месте четко выделяющихся стен здания (рис. 16).

В процессе раскопа оказалось возможным четко разграничить три слоя.

Слой 1 (толщиной 0,85 см) вскрыл остатки небольшого жилого помещения размером 6×5,75 м,

от которого сохранилась лишь нижняя часть стен, сложенная из сырцового кирпича зеленовато-серого цвета размером 40×22×12 см. Стены уложены без фундамента, непосредственно на грунт. Кирпич укладывался попеременно (то длинной стороной поперек стены, то вдоль последней), в два ряда, на скрепляющем, более светлом, чем кирпич, растворе толщиной 2—5 см. Пол земляной, обмазан глиной с примесью самана.

Слой 2 (от 0,85 до 1,6 м глубины) вскрыл остатки пола из саманного кирпича, скопление кусков обожженной глины и керамического шлака.

Слой 3 (от 1,6 м до 2,5 м глубины, т. е. до начала материкового слоя) вскрыл часть большой выгребной ямы, заполненной золой, мелким углем, обломками костей животных и керамики. Так как грунт здесь был очень уплотнен, то возникает предположение, что здание

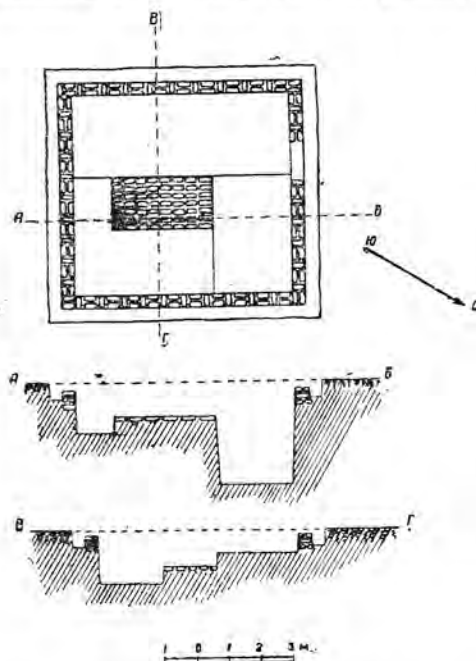

Рис. 16. План и разрез раскопа 1 на городище Мардан-куюк.

верхнего слоя было построено на утрамбованном культурном слое селища предшествующего периода.

Керамический материал послойно характеризуется следующим образом.

Слой 1 состоит из обломков жаровен ручной лепки, сделанных из рыхлого шамотного, красного в изломе теста. Шамот крупный и примешан в большом количестве. Жаровни большого диаметра (до 40 см), с плоским дном, невысокими стенками (2—2,5 см). Сохранились они плохо.

Здесь встречены обломки горловин и дниц кувшинообразных сосудов различных типов:

Кувшины с узкими и высокими цилиндрическими горловинами. Венчики у них прямые, с легким выгибом внутрь, создающим уступчик для крышки. Ручки вертикальные, округлые и овальные в сечении, прикреплены к горловине отступя 0,5—1 см от венчика. Тулово, очевидно, было овальное, вытянутое. Донца — прямые. Часть сосудов с внешним зеленым ангобом, часть раскрашена вертикальными полосами черного и буро-коричневого цветов. Все они сделаны из плотного красного теста без примесей, хорошего обжига, дающего красный в изломе черепок. Лепились они на ручном гончарном круге и вытягивались по частям (отдельно тулово и горловина).

Небольшие кувшинчики (кубки?), от которых сохранились только довольно широкие, цилиндрические, с прямым венчиком горловины. В центре горловины проходит широкий круглый валик, сделанный путем оттяжки теста от стенок и последующего заглаживания. Тесто такое же, как у сосудов первого типа.

Помимо них, встречены следующие формы:

Обломки венчиков хумов, треугольные в сечении.

Обломки пиалобразных сосудов в форме полусферы. В верхней части тулово их слегка выгнуто, так что образуется широкий пояс в виде бандажа, охватывающего верхнюю часть тулова. Венчики — прямые, тоньше основных стенок сосуда. Лепились сосуды также на ручном гончарном круге. На внешней поверхности сосудов — всплески красного ангоба.

Особый интерес среди находок этого слоя представляет прямоугольной формы двусторонняя подставка под котел в виде коня.

Ближайшие аналогии материала из этого раскопа имеет в находках VI—VIII вв. н. эры из раскопок в Согде (Тали-Барзу), Чаче (Ак-тепе), а именно: пиалобразные сосуды из слоя 5¹³¹, кувшинообразные сосуды с валиком в центре горловины в слое 4¹³², сосуды с полосчатой раскраской, жаровни, хумы, близкие к находкам из раскопок Ак-тепе в Ташкентском оазисе¹³³.

Слой 2 не содержит форм, характерных для слоя 1. Обломки керамики, встреченные здесь, следующих видов.

Венчики хумов — квадратные в сечении, очень четко профилированные, охватывающие горловину в виде бандажа.

Сосуды из рыхлого шамотного теста горшкообразной формы с плоским дном, овально-округлым туловом и небольшой цилиндрической горловиной. На венчике небольшой валик с насечками, имитирующими волнистый жгутик. В верхней части тулова сосуда была, вероятно, горизон-

¹³¹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач... стр. 164, рис. 71 (7); стр. 155, табл. XXI (6).

¹³² Там же, табл. IX (4).

¹³³ Он же. Холм Ак-тепе близ Ташкента... стр. 115, рис. 17; стр. 117.

тальная круглая ручка, от которой сохранились обломки на местах прилепа.

Венчики горловин горшкообразных сосудов из теста средней плотности, красного в изломе, с примесью мелкого речного песка. Орнамент ногтевой, идет двумя параллельными поясками по верхней части тулова около прямого венчика. Лепка ручная, на внешней стороне желтый ангоб, по которому видны потеки черной краски.

Слой 3 представлен теми же типами керамики, что и слой 2. Здесь дополнительно следует указать только сосуды с буро-красным лощением — джеты-асарского типа, горловины с рифлением также джеты-асарского типа и ручки с налепами в виде спирально загнутых рогов барана.

Керамика этих двух слоев наибольшее количество аналогий имеет в материале из Каунчи-тепе (II в. до н. эры — I в. н. эры)¹³⁴ и курганов у пос. Вревская (I—II вв. н. эры)¹³⁵. Серая дресвяная керамика того же типа, а именно — сосуды с валиком и насечками, имитирующими волнистый жгутик, встречены в наших раскопках на северных склонах Каратау (Ак-тепе Алтынтау и в синхронных с ними нижних слоях Тарса-тепе)¹³⁶.

На этом основании слои 2 и 3 могут быть датированы I в. до н. эры и I в. н. эры.

Не противоречит этой дате и находка упомянутых обломков сосудов с буро-красным лощением джеты-асарского типа и ручек с налепами в виде спирально загнутых бараньих рогов.

При разборе керамики всех трех слоев оказалось, что основную

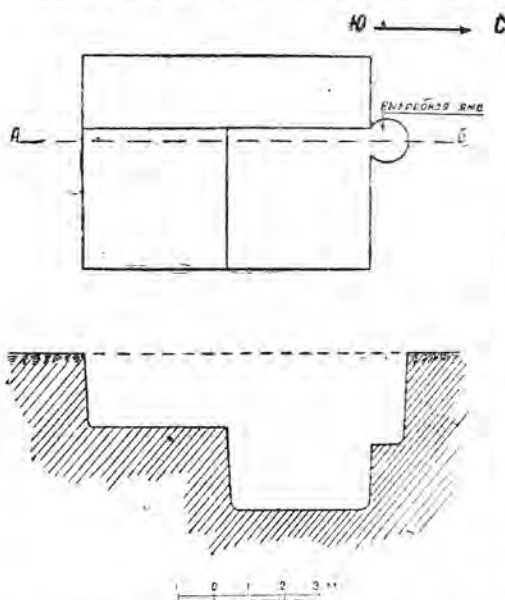

Рис. 17. План и разрез раскопа 2 на городище Мардан-кююк.

массу составляют обломки толстостенных сосудов — хумов с плоским дном ручной лепки (чаще всего из широких больших полос глиняного теста), из плотного теста с очень незначительным количеством примесей, хорошего обжига, дающего в изломе черепок красного цвета.

Несмотря на сравнительно небольшую площадь раскопа, обломков такой керамики в слое 1 (полная площадь раскопа — $6 \times 5,75$ м) было 303 шт., в слое 2 (площадь размером 6×3 м) — 90 шт., в слое 3 (площадь раскопа $2,5 \times 3$ м) — 47 шт. Среди них всего три обломка из слоя 1 были со следами полосчатой раскраски, остальные орнамента не имели.

¹³⁴ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе... стр. 15; А. И. Тереножкин. Согд и Чач... табл. XIX, XX.

¹³⁵ М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории, стр. 51, рис. 4.

¹³⁶ Е. И. Агеева. Керамика Отрара. «Изв. АН КазССР», серия археологическая, вып. 3, № 108, стр. 99.

Раскоп 2 (рис. 17) вскрыл деформированные остатки стен большого здания, сложенного из сырцового кирпича размером 10—12×20—22×38—40 см. В раскопе встречены фрагменты стен, в основном бой кирпича, перемешанный с обломками керамики, костей и прослойками истлевшего камыша. В северном срезе раскопа с глубины 0,4 м от поверхности была обнаружена выгребная яма правильной круглой формы диаметром 1,2 м и глубиной 2,5 м.

На глубине 4,25 м на всей площади раскопа лежал тонкий слой совершенно белой золы с примесью мелких кусочков угля (очевидно, остатки сожженного камыша или кустарника), под которым начинался сильно уплотненный слой темно-коричневого цвета без всяких примесей глины.

Раскоп 2 дал очень характерную, однообразную по форме, технике изготовления и орнаментации керамику, имеющую ближайшие аналоги в материалах из Каунчи-тепе¹³⁷ раннекангюйских городищ Хорезма¹³⁸ и Джеты-Асара¹³⁹.

Подавляющее большинство фрагментов керамики, обнаруженных в раскопе, составляют обломки хумов с квадратным в сечении венчиком, охватывающим горловину в виде банджа. Венчик очень четко профилирован. Тесто плотное, почти без примесей, в изломе красное, иногда бурое. Лепка сосудов ручная, ленточная. Единственным орнаментальным приемом является небрежная обводка венчика черной или буро-коричневой краской. Характерно, что на всей глубине раскопа никаких других форм профилировки венчиков хумов не встречено.

Большое число фрагментов керамики также составляет посуда из плотного красного теста почти без примесей, в основном хорошего обжига (красное и желтое в изломе). Вся эта посуда довольно грубой выделки — либо из широких лент глиняного теста, либо из больших его кусков, предварительно раскатанных. Изготовленное таким образом тулово сосуда вставлялось сверху в приготовленное заранее дно, которое затем прикреплялось к стенкам. После слепления основных частей, стенки сосуда тщательно замывались водой только с внешней стороны, а иногда покрывались желтым ангобом. Украшений эта посуда не имеет, только в одном случае встречен очень грубо сделанный волнистый орнамент по нижней части горловины кувшина, нанесенный заостренной палочкой.

Сосуды этого времени подразделяются на три группы:

1. Кувшины с высокой и узкой цилиндрической горловиной и венчиком в виде валика, образованного отгибом стенок сосуда. Иногда венчик примят к стенкам сосуда, иногда он имеет вид небольшой площадки, распложенной под прямым углом к стенкам. Тулово у этих сосудов овальное, вытянутое, донце прямое. Ручки посажены низко, таким образом, что верхняя часть их прикреплена к средней части горловины; они вертикальные, круглые и овальные в сечении, иногда с вдавленной посредине бороздкой. Такое прикрепление ручек можно объяснить большим объемом тулова сосуда.

Встречаются и небольшие кувшинчики со слабо выраженной горловиной и овальным туловом, ручки у них петлеобразные, подвертикальные, посаженные очень низко.

2. Следующей, не менее широко представленной формой являются

¹³⁷ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе... стр. 40, рис. 50.

¹³⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм... стр. 87.

¹³⁹ Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации... стр. 134, рис. 34.

горшкообразные сосуды со слабо выраженной горловиной большого диаметра, с венчиком, образованным отгибом тулова наружу.

Ленты, из которых лепились сосуды обоих типов, раскатывались на подстилке из песка. Донышки от сосудов прямые и полусферические. Иногда внешняя поверхность заглаживалась щепкой или костью. На некоторых обломках боковин имеется резной, глубокий, приближающийся к волнистому, орнамент, сделанный острой палочкой.

Среди обломков посуды этого типа особый интерес представляет обломок боковины сосуда с рельефным схематическим изображением человека в остроконечной шапке, по своему характеру напоминающий изображение человеческих фигур на наскальных рисунках.

3. Гораздо меньшую по количеству представленных обломков группу составляет посуда, сделанная из плотного теста, красного и бурого в изломе, почти без примесей, с грубым коричневым лощением внешней поверхности поверх ангоба. Это — обломки от цилиндрических горловин, по форме напоминающих вторую группу. Имеются горловины с рифлением джеты-асарского типа. В единственном экземпляре встречена небольшая кружечка с петлеобразной ручкой. Тулово у нее округлое, венчик прямой, горловина образована отгибом стенки сосуда наружу.

Кроме этих трех основных групп, единично встречены обломки котлообразных сосудов с зашпеченой внешней поверхностью. Сделаны они из серого дресвяного грубого теста.

Все три группы керамики существовали одновременно. Обломки венчиков хумов (первая группа) очень близки к раннекангуйским комплексам древнего Хорезма¹⁴⁰ и к материалам верхнего слоя Каунчи-тепе¹⁴¹. Сосуды, сделанные из плотного красного теста (вторая группа), найденные в Каунчи-тепе I, Каунчи-тепе II и в Бугурлюкской культуре Ташкентского оазиса¹⁴², сосуды с буро-красным лощением, по форме соответствующие посуде второго типа и имеющие аналогии в материалах Джеты-Асара¹⁴³, датируются в пределах III—I вв. до н. эры. Таким образом, с полным основанием мы можем и материал из нашего раскопа датировать тем же временем.

Совершенно иного облика и гораздо более поздняя по времени керамика была обнаружена при расчистке выгребной ямы в северном срезе раскопа 2. Эта керамика, представленная в подъемном материале как при сборе его в 1949 г., так и в 1950 г., документирует самые поздние даты жизни городища.

Основную массу ее составляет керамика из плотного красного теста почти без примесей, хорошего обжига. Вся она сделана на ручном гончарном круге. Основным приемом орнаментации являются полосчатая окраска тулова в черный и буро-коричневый цвета и волнистый прорезной орнамент, нанесенный заостренной палочкой. Полосчатая окраска начинается пятном на верхней части сосуда и доходит до самого дна. Волнистый орнамент располагается в средней части горловины и тулова сосудов.

Посуда из ямы разбивается на две группы. Первая, уже описан-

¹⁴⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм. ... рис. 22.

¹⁴¹ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе ... рис. 50.

¹⁴² А. И. Тереножкин. Согд и Чач ... табл. XIX, рис. 15; его же. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. «Изд. УзФАН», Ташкент, 1940, № 9, стр. 30—36.

¹⁴³ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации ... рис. 34, № 30, 35; фотоальбом из раскопок на Алтын-Асаре, 1949. Институт истории АН КазССР (рукопись № 386).

ная выше, представлена большими кувшинообразными сосудами двух основных форм:

Кувшины с широким, почти округлым туловом и невысокой цилиндрической горловиной. Донца прямые, ручки круглые, широкие, в виде большой петли. Расположена ручка в верхней части тулова, где (почти около ручки) находится небольшое, круглое, оконтуренное маленьким ободком отверстие. Орнамент здесь только прорезной: между двух параллельных врезных полос расположен волнистый поясик (иногда их два, в таких случаях один находится в месте перехода тулова к горловине, другой — в центре тулова).

Меньшего размера кувшинчики с овально-удлиненным туловом, высокой узкой горловиной со сливом и вертикальной, овальной в сечении ручкой, на верхней части которой находится налуп в виде круглой лепешечки.

Ближайшие аналогии эта посуда имеет в материалах Согда¹⁴⁴ (VI—VII вв.), Тараза¹⁴⁵ (VI—VII вв.), Ташкентского оазиса (VI—VIII вв.)¹⁴⁶, а также в раскопанных нами городищах Алтын-тепе, Тарса-тепе и Куйрюк-тепе (цитадель).

Вторую группу составляют котлообразные сосуды из рыхлого шамотного и дрезвяного теста сферической формы с горизонтальными, овальными ручками в виде прямоугольных налепов около венчика. Венчики небольшие, отогнутые наружу. Аналогии им мы находим в материалах из раскопок Тараза¹⁴⁷ и Ак-тепе Ташкентского оазиса¹⁴⁸.

К той же эпохе относятся и обломки крышек с резным орнаментом, ближайшие аналогии которым мы находим в карлукской керамике Семиречья¹⁴⁹ и тюрко-огузской керамике низовьев Сыр-Дарьи¹⁵⁰. По этим аналогиям выгребные ямы датируются VI—VIII вв. н. эры.

В 1951 г. экспедиция начала стационарные работы на двух объектах: Бурджарском курганном могильнике, расположенном в районе поселков Мамаевка и Обручовка Арыского района Южно-Казахстанской области, и городище Куйрюк-тепе, находящемся в зоне Отрарского оазиса, в 7 км от развалин Отрара. Выбор этих объектов объясняется следующими причинами. Бурджарский могильник является одним из крупных и наиболее типичных для этого района. Он расположен в непосредственной близости к развалинам городищ Джуван-тепе, Караспан-тепе и др. Городище же Куйрюк-тепе — одно из наиболее хорошо сохранившихся, здесь очень четко прослеживаются все составные части средневекового города: цитадель, шахристан и рабады с их специализацией.

Данные о раскопках Бурджарского могильника (раскопано 13 курганов) изложены в отчете о работах Южно-Казахстанской экспедиции за 1953 г.¹⁵¹, а поэтому здесь они не приводятся.

На городище Куйрюк-тепе (рис. 18) раскоп был поставлен на цитадели. За полевой сезон была вскрыта площадь размером около 400 м², с глубиной на разных участках — от 1,5 до 5,2 м. Всего вскрыто 7 помещений. В южной части цитадели полностью рас-

¹⁴⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач... табл. X (7).

¹⁴⁵ Таласская долина... стр. 192.

¹⁴⁶ А. И. Тереножкин. Согд и Чач... табл. XXI (8), XXI (2).

¹⁴⁷ Таласская долина... стр. 192—193.

¹⁴⁸ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента... стр. 116, рис. 18; стр. 118, рис. 19.

¹⁴⁹ МИА, № 14... табл. LVII—LIX.

¹⁵⁰ С. П. Толстов. Города гузов... стр. 66, рис. 13.

¹⁵¹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953... стр. 54.

крыта комната № 1, имеющая квадратную форму (размером 5,6 × 5,6 м) и ориентированная углами по странам света. В середине севе-

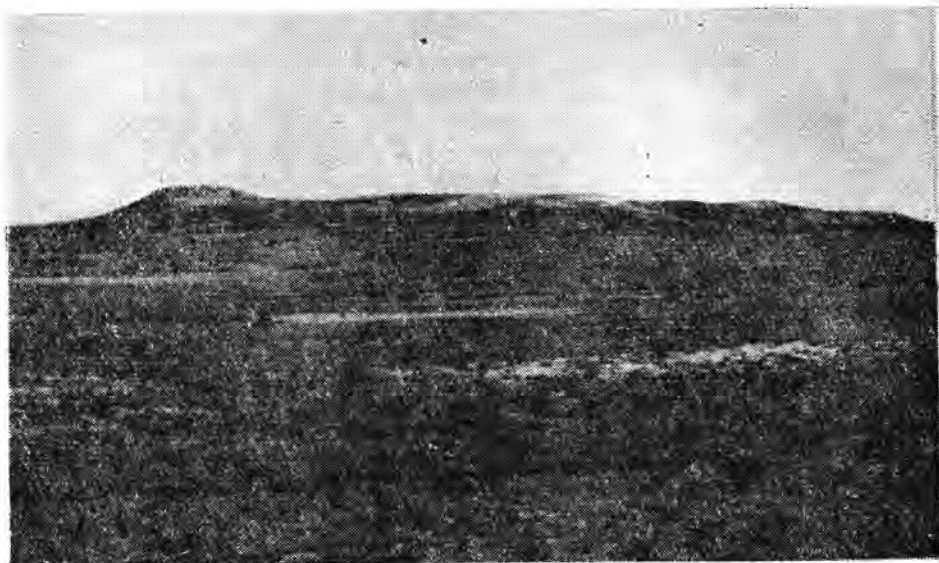

Рис. 18. Общий вид городища Куйрюк-тепе.

ро-восточной стены сохранился дверной проем шириной 1,25 м, в нижней части которого обнаружены остатки порога, сложенного также из сырцового кирпича. В верхней части северо-западной стороны дверного проема на поверхности стены сохранились следы сильного пожара, отмеченные горизонтально идущей вдоль стены полосы глины, обожженной до красного цвета. При расчистке внутренних сторон стен этого помещения от покрывавшей их многослойной глиняной с самой штукатурки установлено, что лишь верхняя часть стен этого помещения была сложена из сырцового кирпича размером 48×24 — 25×10 см. Ниже кирпичной кладки, с высоты одного метра, шла сильно уплотненная пахсовая стена, вертикальными швами расчлененная на крупные, разной ширины (от 0,65 до 0,80 м) блоки. При обследовании этих швов выяснилось, что они оказались специально прорезанными через всю толщу стены тонким, скорее всего металлическим орудием, а наружные края их аккуратно срезаны ножом. Швы эти прорезались с целью ускорения процесса сушки и во избежание рваных трещин, обычно образующихся при сушке пахсовой стены. В центре этой комнаты обнаружен ход в виде колодца глубиной 6,2 м от поверхности пола. С северо-востока на юго-восток по краю этого хода сохранились остатки небольшой стены, сложенной как из целого саманного кирпича, так и из его обломков. Стена эта, очевидно, предохраняла от возможного падения в колодец. До глубины 2,2 м стенки хода были облицованы сырцовым кирпичом, ниже шла очень плотная глина. До глубины 5,7 м диаметр колодца был равен 1,1 м, а ниже, у дна, достигал 1,25 м. Ход был полностью заполнен мягкой засыпкой — землей, в верхних слоях которой встречалась полива саманидского типа. С глубины двух метров вообще никаких остатков материальной культуры в засыпи не обнаружено. В северном углу этого помещения

была вскрыта верхняя часть выгребной ямы, начинавшаяся почти с самой поверхности цитадели. Яма раскопками текущего года доведена лишь до уровня пола помещения, т. е. до глубины 1,6 м от верхнего края раскопа, и дала значительное количество фрагментов керамики, подразделяющейся на следующие группы:

Обломки крышек в форме полусферы больших диаметров, служавших для покрытия хумов. Сделаны они из плотного красного с растительными примесями теста. Крышки грубые, толстые, по краю их нанесен орнаментальный поясok либо штампом в виде буквы «Ж», либо в виде косых насечек, заключенных в два параллельных прямых пояса. В одном случае края крышек были замяты волнами.

Обломки венчиков горшкообразных сосудов из рыхлого серого дресвяного теста. По краю венчика идет наlepной волнистый жгутик, или косые насечки. Все сосуды ручной лепки, стенки их сильно закопчены.

Обломки котлообразных с полусферическим дном и кувшинообразных с удлинено-овальным туловом, плоским дном и высокой горловиной сосудов, внешние стенки которых имеют красное лощение. Все сосуды из плотного красного и серого теста с примесью мелкого речного песка. Лепились они как от руки, путем соединения больших полос глиняного теста, так и на ручном гончарном круге. По форме и характеру орнаментации эти сосуды имеют ближайшую аналогию в так называемой согдийской керамике Таласской долины VI—VII вв. н. э.¹⁵², а также в керамике с городищ низовьев Сыр-Дарьи¹⁵³.

Толщина остатков стен описанного помещения неодинакова: северо-западная стена — 1,20 м, северо-восточная в северной части — 1,7 м, в восточной — 2,45 м; юго-западная — 2,1 м, юго-восточная — 1,4—1,9 м. Последняя, в отличие от остальных трех стен, сооружена из сырового кирпича и лишь внутри помещения была облицована слоем пахсовой глины толщиной 0,30—0,35 м, юго-восточная стена помещения повернута к ЮВ, т. е. в сторону шахристана. В северо-восточном конце к ней примыкал прямоугольной формы выступ (размером с ЮВ на СЗ—2,15 м и с ЮЗ на СВ — 2,45 м). Он был сложен из плотно утрамбованной пахсовой глины, облицованной снаружи сырцовым кирпичом размером 48 × 24 × 10 см. На верхней части выступа стены обнаружены следы пожара, который подтверждает присутствие большого количества крупных обломков древесного угля и даже полуобгоревших балок. В середине нижней части юго-восточной стены находится небольшая, полуциркульной формы ниша шириной (у основания) 0,55 м, высотой (в середине) 0,48 м и глубиной 0,45 м. Выступ этот, до-видимому, является остатками контрфорса, поддерживавшего восточный угол башни от оседания в сторону шахристана. Для определения действительной толщины наружной стены башни и установления структуры цоколя проведена расчистка наружного склона цитадели. Под кирпичной кладкой стены здания обнаружена глиняная пахсовая прослойка толщиной 0,35 м, под нею (опять уступом наружу), на ширину 1,40 м, шла кладка толщиной 0,50 м из сырового кирпича размером 38—40 × 20 × 9—10 см.

Далее опять следовал слой пахсовой глины толщиной 1,8 м, под которым встречена еще одна кладка толщиной в 0,2 м из двух рядов такого же размера кирпича, идущая двухметровым уступом наружу, т. е. к юго-западу. Под этой кладкой лежал слой пахсовой глины толщиной 0,8 м, затем опять шла двухрядная кладка кирпича такого же

¹⁵² А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины... стр. 21.

¹⁵³ С. П. Толстов. Города гузов... табл. 15.

размера, выдающаяся также уступом наружу на 1,1 м, под которой находился пахсовый слой толщиной 0,6 м. Ниже имелась еще одна кладка кирпича в один ряд, уступом к юго-западу на 1,1 м, под которым шел сплошной, уплотненный глиняный грунт, доходящий до глубины 2,0 м от края последней нижней ступеньки.

Если считать, что цоколь, на котором сооружена башня, начинается у наружного края ее стены, то при ширине основания в 5,7 м крутизна склона его окажется весьма небольшой (несколько больше 45°) и легко могла быть преодолена противником. Это обстоятельство дает основание предполагать, что снаружи башни, к ЮЗ от нее, находилось еще одно помещение или, что более возможно, открытая галерея с невысоким наружным парапетом. Галерея эта должна была проходить на уровне кирпичной кладки, расположенной ниже пола внутреннего помещения башни. С внутренним двором или помещениями цитадели она сообщалась при помощи коридора шириной 2,25 м, примыкающего к северо-западной стене башни. Нижняя часть юго-восточной стены коридора сложена из двух рядов пахсы (так же как и стены башни), расчлененной вертикальными прорезными швами на крупные неодинаковых размеров блоки. Прорезы нижнего ряда пахсовой кладки не совпадают с прорезами верхнего ряда, образуя как бы два уложенных один на другой блока. Четкой горизонтальной границы между верхним и нижним рядами таких блоков не заметно. Пол этого коридора ниже пола внутреннего помещения башни на 1,15 м. Высота пахсовой части стены от пола коридора — 1,85 м. Выше пахсовой кладки шла кладка из сырцового кирпича (размером $48-50 \times 24-25 \times 8-10$ см), сложенная на глиняном растворе, с небольшим выступом внутрь коридора (7—10 см) в виде карниза, на котором, возможно, лежал перекрывающий коробовый свод. Северо-западная стена коридора была сложена целиком из сырцового кирпича того же размера, причем верхняя часть этой стены на высоте 1,85 см от пола имеет такой же ширины выступ в виде карниза. Со стороны коридора она небрежно оштукатурена глиняным раствором (рис. 19).

В юго-западном конце коридора стены не сохранились. Возможно, что коридор с помощью одной-двух ступеней соединялся с наружной стрелковой галереей, так как пол его ниже пола галереи на 60—70 см. С северо-восточной стороны коридор ограничен стеной, расположенной на одной линии с северо-восточной стеной помещения башни. В середине ее имеется дверной проем шириной 1,18 м. Толщина части стены, лежащей к СЗ от древнего проема, — 1,35 м, а к ЮВ — 1,2 м. Около дверного проема (с северо-западной стороны его) была обнаружена выгребная яма, начинавшаяся с поверхности цитадели.

Здесь же найдены обломки достарханов с волнистым вмятым орнаментом, сделанным пальцами, и чаши с имитацией волнистого наlepного жгутика.

В этой яме на глубине примерно 2,6 м было обнаружено больше десятка хорошо обожженных глиняных кирпичных плиток двух размеров — $23-24 \times 23-24 \times 3,5-4$ см и $23-24 \times 29-30 \times 3,5-4$ см.

На глубине одного метра от поверхности на северо-западной стене дверного проема и в стенке выгребной ямы сохранились следы большого пожара в виде полосы обожженной до красного цвета глины шириной от 30 до 40 см, идущей с СВ с небольшим наклоном вниз. В северо-восточной стене раскопа полоса эта переходит в зольноугольный слой толщиной в 0,2—0,25 м. Коридор, в свою очередь, отделялся от расположенного к СЗ от него третьего помещения массивной стеной толщиной в 3,06 м, целиком сложенной из крупного сырцового кирпича.

Рис. 19. Детали кладки стен цитадели Куйрук-тепе.

Остальные три стены этого сравнительно небольшого помещения (длинной с ЮЗ на СВ — 6,30 м и шириною — 1,95 м) сложены из сырцового кирпича размером 38—40×20×9—10 см. В западном конце северо-западной стены имелось нишеобразной формы углубление шириной 0,9 м и глубиной 0,25 м. В нескольких местах это помещение было про-

резано выгребными ямами, идущими почти с поверхности и нарушавшими стены помещения.

Северо-западная стена (толщиной 1,45 м) отделяет это помещение от четвертого, а северо-восточная (толщиной 1,5 м) — от шестого. Толщину юго-восточной стены определить не удалось, так как от нее сохранилась лишь небольшая часть внутренней стороны, вся же остальная часть ее срезана наискось наружным склоном цитадели. Ни в одной из остатков стен следов входа (дверной проем и т. д.) не обнаружено.

В четвертом помещении, расположенном к СЗ от третьего, юго-восточной стены не сохранилось, так как часть ее оказалась срезанной наискось обрушившимся западным углом цитадели. Размер сохранившейся части помещения с ЮЗ на СВ — 5,0 и ширина — 2,8 м. Северо-восточная стена (толщиной 2,3 м) отделяет его от шестого помещения, а северо-западная (толщиной 2,10 м) — от сохранившейся части пятого помещения, расположенного уступом к ЮЗ. Неразрушившаяся часть этих стен сложена также из сырцового кирпича размером 38—40×20×9—10 см.

На глубине 1,10 м от верхнего края юго-восточной стены на всей площади этого помещения был вскрыт тонкий зольноугольный, смешанный с глиной слой, под которым в юго-западной части обнаружена кладка из сырцового кирпича такого же размера, как и стены. В северо-восточной части помещения под зольным слоем шел сильно уплотненный слой глины. Шурфом, сделанным в северо-восточном крае кирпичной кладки, доведенным до глубины 0,80 м от верхнего ее края, было установлено, что она состояла из одного ряда кирпичей, уложенных плашмя. Под кирпичом находился сильно уплотненный пласт глины мощностью в 0,70 м. Примерно в середине толщины его имелась зольноугольная, также сильно уплотненная прослойка толщиной в 5—10 см. Под слоем глины, на глубине 0,7 м от верхнего края пола, в северо-западном конце шурфа обнаружена уходящая под стены кладка из сырцового кирпича размером 48—50×24—25×9—10 см.

От пятого помещения, расположенного к СЗ от четвертого, остались лишь восточный угол и часть юго-восточной и северо-восточной стен. Угол прорезан выгребной ямой, идущей с поверхности цитадели. Остатки этого помещения были расчищены от заполнявшего их сравнительно мягкого (с обломками сырцового кирпича) грунта до глубины 1,5 м от верхнего края юго-восточной стены, т. е., по-видимому, до пола этого помещения, представлявшего собой сильно уплотненный слой глины. Пол этот расположен на одном горизонте с полом внутри башни. Верхняя часть юго-восточной стены этого помещения была сооружена из сырцового кирпича, а с глубины 0,6 м до пола — из паксы. Эта стена целиком сделана из сырцового кирпича размером 38—40×20×10 см. Обнаруженная часть этого помещения, вероятно, является остатками западной башни цитадели.

Шестое помещение, расположенное к СВ от третьего и четвертого, было вскрыто неполностью, и северо-западная стена его пока не обнаружена. Остальные три стены, сложенные из сырцового кирпича размером 38—40×20×10 см, внутри оштукатурены глиняным (с саманом) раствором. Вскрытая часть этого помещения (размером с ЮЗ на СВ — 2,9 м и с ЮВ на СЗ — около 6,0 м) в середине была заполнена рыхлым, зольноглинистым, смешанным с обломками сырцового кирпича грунтом и в нескольких местах прорезана идущими сверху выгребными ямами, из которых одна, расположенная в юго-восточной части, в отличие от остальных ям, прорыта наклонно вниз к СВ. Поме-

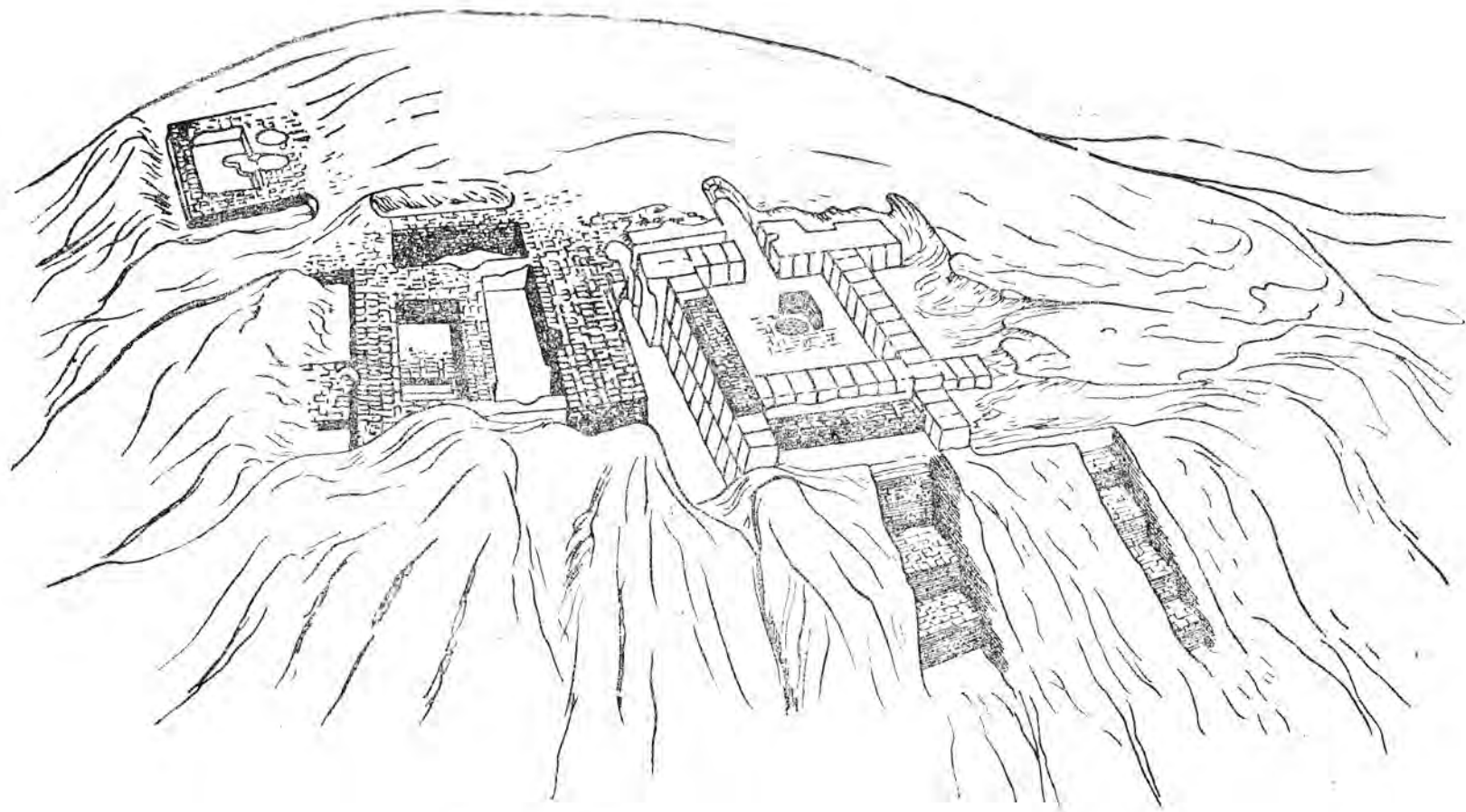

Рис. 20 Общий вид раскопа цитадели Куйрук-тепе.

щение это вместе с обнаруженными выгребными ямами расчищено лишь до глубины 1,45 м от верхнего края северо-восточной стены.

К СВ от шестого помещения за тонкой стеной (толщиной 0,50 м) находилось еще одно помещение. Сложенная из сырцового кирпича размером $38-40 \times 20 \times 10$ см юго-восточная стена этого помещения была оштукатурена глиняным раствором. Верхняя часть северо-восточной стены шурфа до глубины 0,30 м сложена из сырцового кирпича размером $40-43 \times 22 \times 8-9$ см. Ниже кирпичной кладки шел слой (толщиной 0,4 м) сильно уплотненной золы с примесью мелких кусочков углей, обожженных обломков костей и изредка — мелких фрагментов керамики. Ниже его находился слой земли с небольшой примесью золы и угля. Одновременно с обследованием этих помещений на территории цитадели была произведена расчистка небольшого, подпрямоугольной в плане формы северо-восточного выступа, на котором местами четко выделялась кладка из сырцового кирпича размером $40-42 \times 20 \times 8-10$ см. Дальнейшими работами на поверхности этого выступа была вскрыта подпрямоугольной или вернее трапециевидной формы площадка. Три стороны этой площадки, за исключением юго-восточной, переходили в наружные склоны цитадели, площадка, по-

видимому, служила основанием какого-то сооружения, от которого до настоящего времени сохранились лишь остатки фундамента.

При расчистке ее, примерно в середине юго-восточной стороны, в сплошной кирпичной кладке шириной 3,60 м были вскрыты две (расположенные рядом) ямы правильной формы, диаметром 0,85 и 0,90 м, глубиной 5,0 м (северо-восточная) и 7,5 м (юго-восточная). Обе ямы правильной цилиндрической формы, до глубины 2,30 м пробиты в сплошной кладке сырцового кирпича, а ниже — в сильно уплотненной пахсовой кладке. Так как целью работы этого года являлось

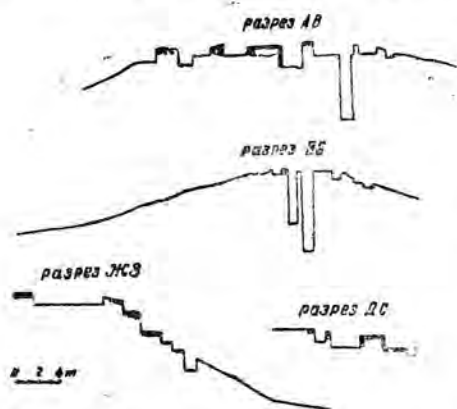

Рис. 21. Разрезы раскопа цитадели Куйрук-тепе.

максимальное вскрытие поверхности строительных конструкций, то разработаны были только две выгребные ямы. Керамика как в разобранных ямах, так и в устьях неразобранных ям очень однотипна и относится в основном к IX—XI вв. н. эры. Наличие незначительного количества керамики более раннего времени объясняется тем, что цитадель в течение своего существования неоднократно перестраивалась (рис. 20, 21).

По характеру керамика разбивается на следующие группы.

1. Полива двух тонов:

Белая — сверх ангоба с подглазурным коричневым и красным орнаментом. Это — кесы, пиалы, баночной формы сосуды, блюда. Последние — небольших размеров, на невысоком коническом поддоне. Около венчика тулово слегка перегнуто и охватывает корпус блюда как бы бандажом, по которому с внутренней стороны симметрично расположены четыре арабских надписи почерком «куфи», а в центре блюда (на дне) — вихревая розетка. Кесы также небольших размеров, дно их орнаментировано вихревой розеткой из четырехлепесткового цветка, по краю венчика — стилизованная арабская надпись.

Зеленая полива представлена только чирагами небольших размеров, имеющими круглое тулово и петлеобразную ручку.

Поливная посуда имеет самые близкие аналогии (вплоть до тождества) в поливной посуде Тараза¹⁵⁴.

2. Посуда, сделанная из плотного красного теста без примесей, хорошего печного обжига. Она в большинстве случаев вытягивалась на ножном гончарном круге, и лишь единично встречены обломки сосудов, сделанные на ручном круге. По форме это, главным образом, кувшинообразные сосуды с удлинено-овальным туловом, высокой узкой горловиной, оканчивающейся венчиком в виде треугольного в сечении валика. Ручка вертикальная, угловая, дно прямое. По верхней части тулова идут один или два врезных параллельных пояска.

Кувшинообразные сосуды в форме графинчиков, у большинства их по верхней части тулова, в месте соединения его с горловиной, идет орнамент штампом или глубокой резьбой. Количество мотивов орнамента очень невелико. Наиболее распространенными являются удлиненные овалы, располагающиеся то вдоль, то поперек тулова, иногда в сочетании с треугольниками, расположенными в шахматном порядке; иногда это пояски из треугольников (также расположенных в шахматном порядке) в сочетании с врезными линиями.

Из такого же теста изготовлялись кружечки с шаровидным туловом, невысокой горловиной бандажиком и петлеобразной ручкой, больших размеров чаши, небольшие сосудики с фигурным туловом в виде прямоугольника со скошенными краями, полусферические пиалы и баночной формы сосуды.

Эта посуда большей частью орнаментирована врезными горизонтальными поясками, идущими в два и три ряда. Пояски чаще всего располагаются по верхней части тулова, очень редко — по средней и как редкое исключение — по нижней части. В ряде случаев сверх желтого и серо-зеленого ангоба по внешней поверхности имеются всплески бурокрасной или коричневой краски, идущие от плечиков сосуда. Чаще всего такая раскраска встречается на кувшинообразных сосудах.

3. Кухонная посуда представлена в значительно меньшем количестве. Как правило, вся она ручной лепки, за исключением немногих котлов, сделанных на гончарном круге. Эта посуда из средней плотности дровяного теста, рыхлого и черного. Внешние стенки сильно закованы. В большинстве это горшкообразные сосуды небольших размеров, имеющие удлинено-овальное тулово, прямое дно, невысокую, широкую цилиндрическую горловину. Венчики у них прямые или в виде небольшого валика, по которому идут косые и довольно глубокие насечки. В том случае, когда венчики прямые, по краю их идет наклепной волнистый жгутик. К этой группе следует отнести разнообразные крышки с резным орнаментом, нанесенным заостренной палочкой. Орнамент состоит из сочетания разного рода геометрических рисунков. Чаще всего это елочный орнамент со вписанными друг в друга треугольниками, сочетание пунктирных и прямых линий, ямочные радиальные пояски, пояски из косых насечек и т. п. Все крышки с массивными цилиндрическими ручками, на верхней плоскости которых находятся наклепные шишечки, иногда края верхних площадок ручек имеют волнистый край, сделанный пальцами.

4. Обломки от очажков с крупномасштабным архитектурным ор-

¹⁵⁴ А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня... стр. 379, рис. 22; стр. 381, рис. 23.

наментом, воспроизводящим стены городищ Хорезма — Тешик-калы¹⁵⁵ и Кават-калы¹⁵⁶.

5. В незначительном количестве встречены обломки достарханов с крупномасштабным линейным орнаментом.

Вся совокупность керамического материала из этих выгребных ям приводит к выводу, что временем их заполнения был какой-то отрезок IX—XI вв. н. эры. По своему характеру керамический материал весьма близок к карлукскому комплексу городищ Чуйской долины, в первую очередь — Кысымы (Якалык)¹⁵⁷, Красная речка (Сарыг)¹⁵⁸, а также городищ Таласской долины¹⁵⁹.

Здесь аналогичны не только формы, но и основные мотивы орнамента как в неполивной керамике (в первую очередь на крышках¹⁶⁰ и достарханах¹⁶¹), так и в поливной.

В ямах обнаружено большое количество костей домашних животных, птиц и рыб, фрагменты стеклянных изделий, части бронзовой крышки сферической формы, костяная накладка — кольцо, орнаментированное с полукруглой стороны врезными пунсонными кружками с небольшими углублениями в середине (рис. 22). Это костяное кольцо име-

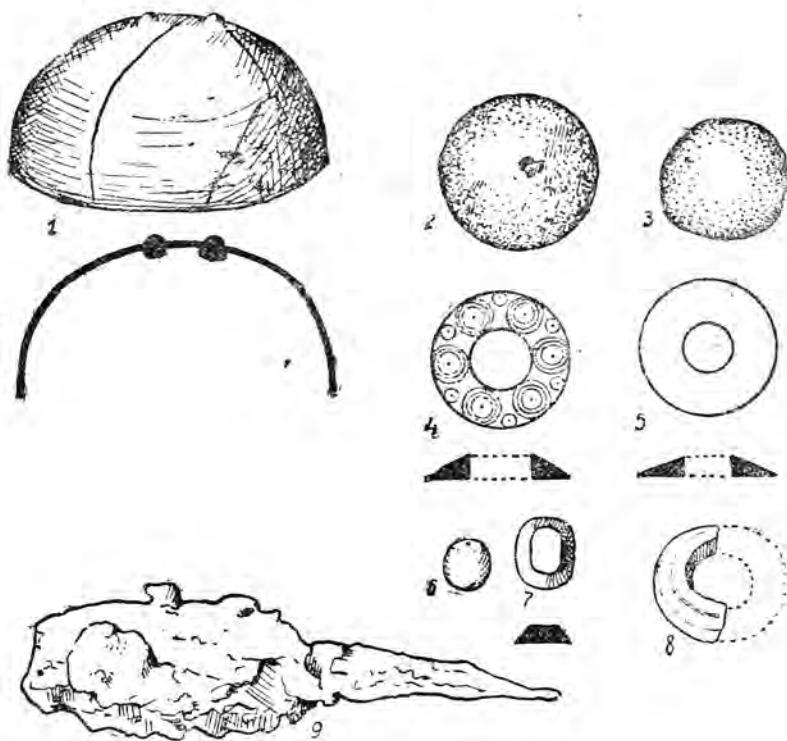

Рис. 22. Инвентарь из выгребных ям.

¹⁵⁵ С. П. Голстов. Древний Хорезм ... табл. 40.

¹⁵⁶ Там же, табл. 62, 63.

¹⁵⁷ МИА, № 14 ... табл. LIII, стр. 57—58.

¹⁵⁸ Там же, табл. LXVII, рис. 3, 2.

¹⁵⁹ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины... стр. 50.

¹⁶⁰ МИА, № 14 ... табл. LVII, LVIII, LIX.

¹⁶¹ Там же, табл. LXXII, LXXIV, рис. 2; табл. LXXI, рис. 3; табл. LXXIII,

ет ближайшую аналогию в материалах из Чуйской долины (VIII — X вв.)¹⁶².

На крупных фрагментах дна двух глиняных сосудов были обнаружены остатки полуистлевших семян проса и в одном сосуде — дыни. На всей глубине обеих ям, а также на дне их никаких остатков боковых ходов в стенках не обнаружено. Ямы эти первоначально, очевидно, использовались для хозяйственных нужд — хранения продуктов, а затем были превращены в мусорные.

Несмотря на то, что раскопками 1949 и 1951 гг. вскрыто не более одной четверти площади цитадели, все же можно сделать некоторые заключения как относительно ее конструкции, так и примерной датировки.

На основании раскопанных остатков строительных конструкций и предметов материальной культуры в жизни цитадели можно зафиксировать три периода. К первому периоду, наиболее древнему, относятся остатки первого, второго и пятого помещений. Ко второму периоду, датируемому нами VIII — IX вв. н. эры, относятся остатки третьего, четвертого, шестого и седьмого помещений, а также расчищенная северо-западная площадка. К третьему периоду, датируемому IX — XI вв. н. эры, относятся все мусорные ямы, верхним краем выходящие на поверхность цитадели.

В первый период цитадель, по-видимому, представляла собой один из раннефеодальных беркуткалинского типа¹⁶³ замков, сооруженных на глинобитном массивном цоколе в виде усеченной пирамиды с четырьмя квадратной формы жилыми башнями по углам из хорошо сбитой пахсовой глины, чередующейся с кладкой из сырцового кирпича (размером 48 — 50 × 24 — 25 × 9 — 10 см). Остатки кладок из такого кирпича, чередующегося с пахсовой глиной, расчлененной на крупные блоки, имеющие гладкую, почти отшлифованную поверхность (кроме первого, второго и пятого помещений, обнаружены шурфом под полом четвертого помещения).

В следующий хронологический период замок становится цитаделью города, причем само здание замка остается без изменений (первое и второе помещения), а имевшее дефект пятое помещение восстанавливается или перестраивается заново. При перестройке использовался сырцовый кирпич, но уже другого размера (38 — 40 — 42 × 20 — 22 × 8 — 10 см).

Тогда же произошло увеличение площади цитадели как за счет пристройки северо-западного выступа подпрямоугольной формы, так и за счет расширения цоколя с юго-западной и северо-восточной сторон, на втором была, вероятно, сооружена стрелковая галерея. Увеличение цоколя цитадели именно в это время подтверждается обнаружением (при расчистке юго-западного склона) в пахсовом грунте прослойки из сырцового кирпича размером 38 — 40 × 20 × 10 см, причем такой прослойки в стенах ямы первого помещения обнаружено не было. В этот же период, по-видимому, для предохранения основания цитадели от расползания в стороны, на цоколе в дополнение к прежним креплениям (широкая стена между вторым и третьим помещениями) сделана поперечная, пересекающая площадь цитадели с ЮВ на СЗ широкая стена, сложенная из сырцового кирпича, остатки которой четко выступают на поверхности цитадели, особенно после сильного ветра, сдувающего с поверхности размельченные частицы грунта.

Невысокий расплывшийся холм в центре цитадели, на скрещении старых кирпичных кладок, пересекающих площадь с СЗ на ЮВ и с ЮЗ

¹⁶² МИА, № 14 ... табл. LXXVI.

¹⁶³ С. П. Толстов. Древний Хорезм ... стр. 136.

на СВ, является, вероятно, остатками дворца правителя «арка». Вскрытые раскопками третье, четвертое, шестое и седьмое помещения относятся также ко второму периоду жизни цитадели, который закончился пожаром всего комплекса зданий, о чем свидетельствуют обожженные до красного цвета стены некоторых вскрытых помещений, скопления золы, угля, полуобгоревшие балки кровельных перекрытий и т. п. К третьему и последнему периоду жизни цитадели относятся выгребные ямы, давшие разнообразный и интересный материал о быте обитателей города в IX — XII вв. н. эры. В строительстве в этом периоде довольно широко применялись обожженные кирпичи-плитки. Обломки их обнаружены в выгребных ямах, на поверхности шахристана и в верхних слоях раскопа. Все сооружения этого времени оказались разрушенными, обожженный кирпич, очевидно, был разобран позднее для бытовых нужд, а размельченные его остатки размыты водой и развеяны беспрерывно дующими здесь сильными, переходящими в ураган ветрами.

Следовательно, раскопки на городище Куйрюк-тепе еще раз подтвердили высказанный ранее в отчетах экспедиции вывод о том, что города средней Сыр-Дарьи являются следствием длительного развития племен и народностей, населяющих Южный Казахстан, а не результатом колонизационной деятельности. Материал раскопок дает возможность судить, что уже в VI — VII вв. н. эры здесь существовали мощные строительные конструкции, не уступающие широко известным в литературе памятникам Хорезма. Подосновой их были более ранние поселения (зольные слои ямы комнаты № 1). Намечаются следующие этапы развития поселений в города. На поселении общины вырастает город раннефеодального типа, который затем перерастает в развитый феодальный город. К этому времени цитадель разрушилась, покрылась хозяйственными ямами, и центр экономической жизни переместился в шахристан, вокруг которого возникли рабады, а вдоль магистральных арыков — неукрепленные поселения — рустаки.

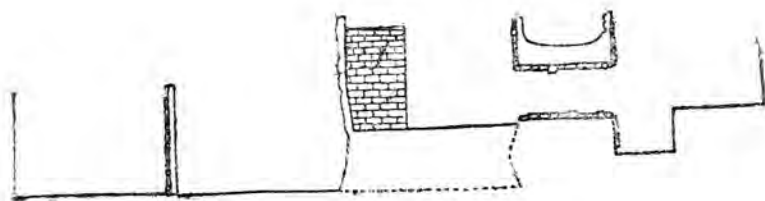
Археологический материал, имеющий, в первую очередь, ближайšie (вплоть до тождества) аналогии в Семиречье и низовьях Сыр-Дарьи, указывает на то, что нельзя рассматривать эти три области в отрыве друг от друга. Очевидно уже к раннему средневековью между ними сложились культурные, экономические и политические связи, прерываемые лишь междоусобными феодальными раздорами. По данным письменных источников можно судить, что территория была включена в состав огузского объединения племен, которое находилось в постоянных взаимосвязях с карлуками Семиречья.

Одновременно с раскопками на городище Куйрюк-тепе, на одном из близлежащих к нему городищ (Мардан-куюк), была раскопана гончарная печь, которую мы считаем возможным отнести к XIII — XIV вв. н. эры (рис. 23).

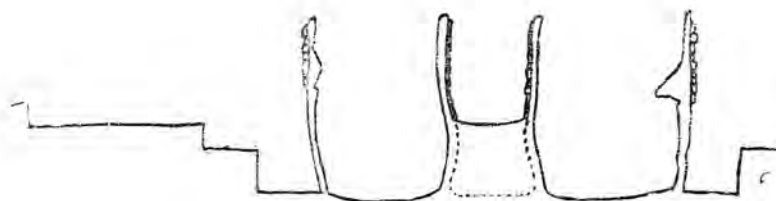
Керамическая печь была расположена в юго-восточном углу рабады на вершине сильно оплывшего холма, на поверхности которого обнаружено значительное количество шлака, а из земли местами выступали наружу сильно ошлакованные стенки.

Печь представляет собой грушевидное в плане сооружение диаметром в 2,5 м, сложенное из сырцового кирпича с отвесными, оштукатуренными внутри стенками высотой от 1,25 до 1,83 м. В юго-западном, суженном конце печи имеется проход шириной 0,45 м. Внутри печи, примерно в середине ее, находится сооруженный из сырцового кирпича столб, когда-то также оштукатуренный; снаружи он овальный, повторяющий форму наружных стен печи. Высота его — 1,25 м, диаметр — 1,27 м. В нижней части столб соединен с северо-восточной наружной

РАЗРЕЗ
 РАСКОПА И ГОНЧАРНОЙ ПЕЧИ ПО ЛИНИИ АБ

РАЗРЕЗ
 ПО ЛИНИИ СД

РАЗРЕЗ
 ГОНЧАРНОЙ ПЕЧИ

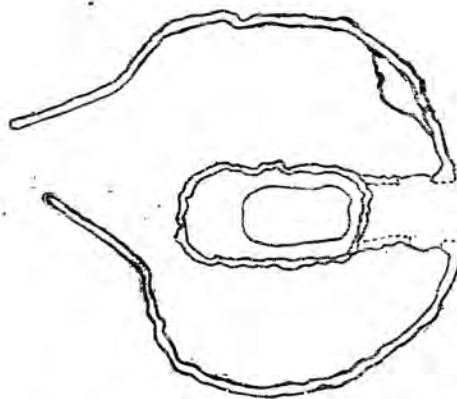

Рис. 23. План и разрезы гончарной печи.

стенкой печи особой перемышкой высотой 0,5 м и шириной 0,75 м, внутри которой имеется идущий горизонтально трубообразный ход. Ход этот начинается снаружи печи (у основания стены) проемом высотой 0,38 м и шириной 0,40 м. В юго-западном конце он соединяется с вертикальным, овальной формы ходом, идущим внутри более широкой северо-восточной части столба. Кроме того, этот ход примерно в середине перемышки соединяется с внутренним помещением печи при помощи боковых овальной формы проемов. Внутренняя поверхность стенок печи, столба и ходов под действием высокой температуры оказалась ошлакованной до толщины 10—15 см, а расположенный под шлаком сырцовый кирпич полубожен. Внутри печи на половине высоты стен в нескольких местах сохранились сильно зашлакованные выступы — остатки глиняной полочки, опоясывающей внутри печь. По-видимому она имела свод полусферической формы, опиравшийся в центре на подпорный столб. Загрузка печи обжигаемой посудой и частично топливом производилась через юго-западный проем, который после загрузки заделывался. Обжигаемая посуда устанавливалась на поду и на опоясывающей стенке печи полочке. Огневой камерой служил северо-восточный проем, откуда жар поступал в печь через боковые проемы перемышки и по идущему внутри столба вертикальному ходу, который, судя по зашлакованному верхнему краю, оканчивался внутри печи. Кровля (свод) печи опиралась не на весь столб, а лишь на особый выступ в его юго-западной части. Для выхода дыма в своде имелось, очевидно, особое отверстие, расположенное в юго-западном — противоположном конце печи. Имевшийся внутри столба канал не мог служить дымоходом, так как при сравнительно большом его диаметре (0,55 на 0,30 м) весь жар должен был уходить наружу, почти не обогревая камеры обжига.

Обожженных сосудов или их фрагментов ни внутри печи, ни возле нее, кроме нехарактерных обломков крупных толстостенных сосудов, не обнаружено, что значительно затрудняет ее датировку. Печь по форме, размеру и частично конструкции имеет сходство с печью в Белгороде под Киевом, раскопанной В. В. Хвойко¹⁶⁴. Последняя отличается тем, что не имеет перемышки в огневой камере. Отличие конструкций можно объяснить характером топлива, в первом случае — объемного и быстрогорящего (курай), во втором — компактного и высококалорийного (дерево).

Таким образом, *стратиграфические раскопы дают материалы, типичные для следующих хронологических периодов:*

III в. до н. эры — I в. н. эры — Ак-тепе Алтынтау (раскоп 1 и 2), Тарса-тепе (раскоп 1 и 5) и могильник Тамды.

I—IV вв. н. эры (позднекангюйское время) — материалы из раскопок на Ак-тепе Алтынтау, Тарса-тепе, Алтын-тепе, Мардан-куюк.

VI—VIII вв. н. эры (тюркское время) — материалы из раскопок на Тарса-тепе (верхние слои), Тамды, Куйрюк-тепе, Пчакчи-тепе, Кок-Мардан, Шегнак-сай, Бурджары, Мардан-куюк.

VIII—X вв. н. эры — Тарса-тепе, Тамды, Алтын-тепе, Куйрюк-тепе, Сюткент, Мардан-куюк.

X—XII вв. н. эры — Тамды, Алтын-тепе, Куйрюк-тепе.

В период VIII—XII вв., с нашей точки зрения, район этот был заселен карлухами, о чем подробнее смотри ниже (в главе IV).

XIII—XV вв. — селище Канды-Тогай.

¹⁶⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 343—351.

Глава III

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЙ И ГОРОДОВ

1. Сельские поселения — большесемейные дома и укрепленные усадьбы с V — VI по XI — XII вв. н. эры

В оазисах средней Сыр-Дарьи и ее притоков, а также в районе южных и северных предгорий хребта Каратау оседло-земледельческие поселения возникли в процессе разделения труда на рубеже нашей эры, когда на территории Средней Азии уже сложилось крупное государство — Хорезм.

Крупных населенных пунктов или городов хорезмийско-согдийского типа на территории юга Казахстана не обнаружено, как и городов типа античного «вара» или «городища» с жилыми стенами, или античных городов со сплошной застройкой», открытых С. П. Толстовым¹⁶⁵ на территории Хорезма и реконструированных В. А. Лавровым¹⁶⁶.

Впрочем наличие «городов с жилыми стенами», даже в Хорезме, новейшими исследованиями не подтвердилось.

Процесс возникновения оседлых поселений на юге Казахстана не связан, как это отмечается в Средней Азии, с развитием рабовладельческого общества, а явился результатом внутреннего развития кочевой степи, так и земледельческих оазисов в дофеодальный период.

Когда в государствах Средней Азии в III — IV вв. н. эры происходили упадок городов и растворение их в массе сельских поселений (V — VII вв.), на территории юга Казахстана в это время городов средиземноморского типа не было. Сельские поселения возникли здесь в V — VI вв., но не в результате перенесения центра экономической жизни города в сельскую округу, а благодаря усилению роли сельских земледельческих общин в связи с увеличением емкости рынка кочевой степи и необходимостью удовлетворения ее возросшего спроса на продукты сельского хозяйства. Возникновение оседлых поселений в этот период шло по двум линиям: с одной стороны, развивались оседлые поселения земледельцев, возникшие в предшествующий период, с другой — происходило оседание кочевников и развитие земледелия на базе продолжающегося отделения земледелия от скотоводства в наиболее удобных для этого местах. Археологический материал свидетельствует о том, что в это время происходит дальнейшее разделение труда на основе развилки производительных сил.

В кочевой степи уже в первые века нашей эры в результате классического расслоения произошло выделение родовой знати, владевшей основным средством производства кочевников — скотом. Часть обедневших скотоводов была вынуждена перейти к занятию земледелием и перейти в зависимость к знати рода — сперва своей, а затем и чужой общины. Занятые земледельческим трудом бывшие кочевники теряли со временем непосредственные связи со своим родом и племенем, обитавшим в степи. Кровнородственные связи сменились связями отдельных земледельцев по месту обитания. В состав такой территориальной сельской общины входили земледельцы и осевшие кочевники. Население в бассейнах рек Арысь, Бугуни и среднего течения Сыр-Дарьи и кочевники окружающих районов были тесно связаны между собой в процессе скотоводства. Обмен продуктов земледелия на мясо, шерсть, кожи, в которых земледельцы испытывали постоянную необходимость, и удовлет-

¹⁶⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм... стр. 80 и 93.

¹⁶⁶ В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1951, стр. 40 и 17.

ворение растущего спроса кочевников в хлебе создавали устойчивую базу для сельских земледельческих поселений. Потребность кочевой степи в продуктах земледелия, в зерне, а затем и в изделиях ремесел росла по мере развития производительных сил края. В VII — IX вв. кочевая степь для земледельческих оазисов юга Казахстана стала внутренним рынком большой ёмкости. Для удовлетворения его спроса, а также в связи с процессами развития общественной жизни начинается не только объединение земледельцев в сельские общины, но и слияние некоторых общин в территориальные объединения. Например, долина рек Арыси и Келеса уже в VII — IX вв. н. эры несомненно представляла собой не ряд разобщенных селищ, а известное объединение сельских общин, входивших в одну округу, средоточием которой становятся несколько экономически наиболее мощных центров.

В центре более развитых оазисов бассейна среднего течения Сыр-Дарьи экономическая, политическая и культурная жизнь сосредоточивалась в укрепленных усадьбах или так называемых тепе с площадкой.

Одно из таких тепе с площадкой, расположенное на северном склоне горного хребта Каратау, возле современного поселка Сузак Южно-

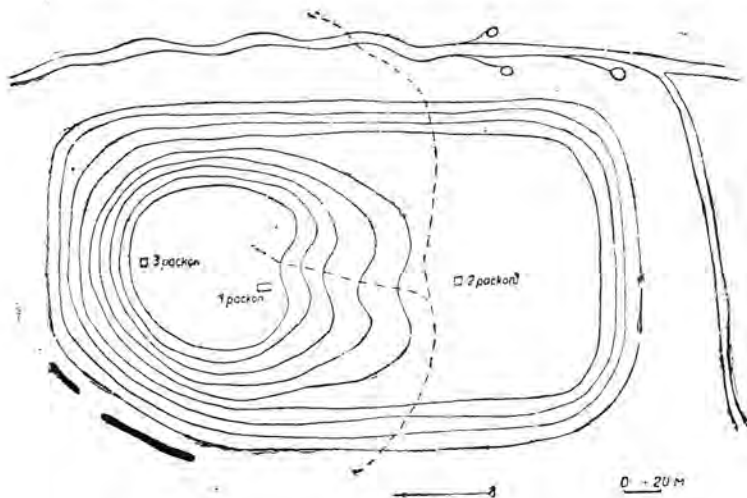

Рис. 24. План городища Тарса-тепе.

Казахстанской области, было частично вскрыто раскопками Южно-Казахстанской экспедиции 1948 г. Тепе это, известное среди местного населения под наименованием Тарса-тепе (рис. 24), имеет форму почти прямоугольного в плане двухъярусного бугра, ориентированного сторонами по странам света. Размер его у основания с С на Ю — 330 м и с З на В — 190 м. Северная, более высокая часть бугра высотой около 10 м имеет сверху почти круглую в плане площадку диаметром около 90 м. Южная часть бугра высотой около 4 м представляет собой прямоугольной формы площадку размером с С на Ю около 120 м и с З на В — 150 м. С южной и восточной сторон у подножия бугра находятся несколько довольно многоводных родников, питающих арык, огибающий эти стороны бугра¹⁶⁷.

Все зарегистрированные нами тепе с площадками по месту находж-

¹⁶⁷ Описание раскопок см. на стр. 21—24 настоящей работы.

и в результате анализа подъемного керамического материала можно разбить на 5 групп, а именно:

- Группа 1-я — район Отрарского оазиса;
- " 2-я — район южных предгорий Каратау;
- " 3-я — район северных предгорий Каратау;
- " 4-я — район левого берега средней Сыр-Дарьи;
- " 5-я — район междуречья Арысь-Талас и верховьев реки Келес.

По своей планировке *тепе отрарской группы* (рис. 25) разбиваются на следующие виды:

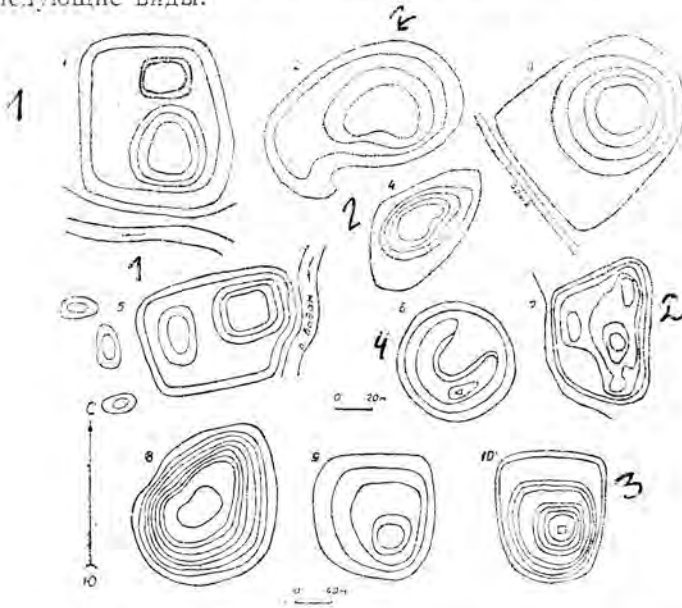

Рис. 25. Планы *тепе* Отрарской группы: 1—Ак-Пайтчан; 2—Май-балык; 3—Кос-тепе I; 4—Ак-тепе; 5—Бадам; 6—Ак-тепе I (в 3 км от ст. Тимур); 7—Ран; 8—Кара-Гундук; 9—Кос-тепе II; 10—Шник-Мардан.

Тепе, у которых площадки имеют прямоугольную или близкую к
прямоугольную форму, а остатки «кешка» или жилой башни «донжона»
находятся в ее середине (как, например, Кок-су-тепе) или в одном из
углов (Кара-тепе, Кос-тепе, Ак-Пайтчан и тепе Бадам). Остатки «кеш-
ки» или «донжона» этих тепе имеют форму прямоугольного (тепе Ба-
дам), овального (Кара-тепе и Ак-Пайтчан) или круглого (Кос-тепе
II) бугра высотой от 6 до 10 м над окружающей местностью.

Тепе с площадками овальной (Ак-тепе Арыское, Май-балык) или
круглой (Ран) формы, у которых остатки «кешка» или «донжо-
на» находились примерно в середине площадки и представляют собой
стоящее время бугры неправильно овальной формы высотой в 2—
над площадкой или 4—6 м над окружающей местностью.

Несколько другую планировку, чем описанные выше тепе, имеет
Шник-Мардан, представляющее собой трехъярусный бугор, имею-
щий у основания форму разрезанного пополам овала, причем нижняя
площадка тепе (высотой около 2 м, размером с С на Ю—30 м и с
Ю на В—10 м) расположена в северном прямоугольном конце тепе.
В южной части второй, более высокой площадки находятся остатки
«кешка» в виде бугра с круглой в плане площадкой на вершине диамет-

ром около 30 м. Ширина второй площадки, охватывающей с трех сторон остатки «кешка», около 25 м, высота ее над окружающей местностью около 6 м. Общая же высота тепе около 8 м.

→ Совершенно оригинальным по планировке является Ак-тепе I, расположенное примерно в 3 км к ЮЗ от железнодорожной станции Тимур. На круглой в плане площадке высотой около 1,5 м и диаметром 65 м находятся остатки сооружения в форме подковообразного вала, расположенного по краю площадки. Высота этого вала — 2,5 — 3 м над окружающей местностью и 1,5 — 2 м над внутренней площадкой.

Ни на одном тепе этой группы не сохранилось остатков стен или вала, полностью окружавших центральную часть тепе или его площадку. Не обнаружено также остатков рва вокруг них, из чего можно заключить, что вся площадь тепе и площадки двора застраивались, по-видимому, помещениями для жилья и хозяйственными постройками. Наружные стены этих зданий одновременно несли функции внешних стен всего сооружения.

Все тепе этой группы и часть тепе без площадок, за исключением Ак-тепе I (судя по их расположению и планировке), являлись остатками укрепленных усадеб землевладельцев, близких по типу к поселениям дехкан Средней Азии. Анализ подъемной керамики, собранной на территории этих тепе, произведенный Е. И. Агеевой¹⁰⁸, показал, что здесь имеются отдельные образцы, датируемые первыми веками до н. эры, и одновременно образцы керамики XI — XII и даже XIV — XV вв. н. эры.

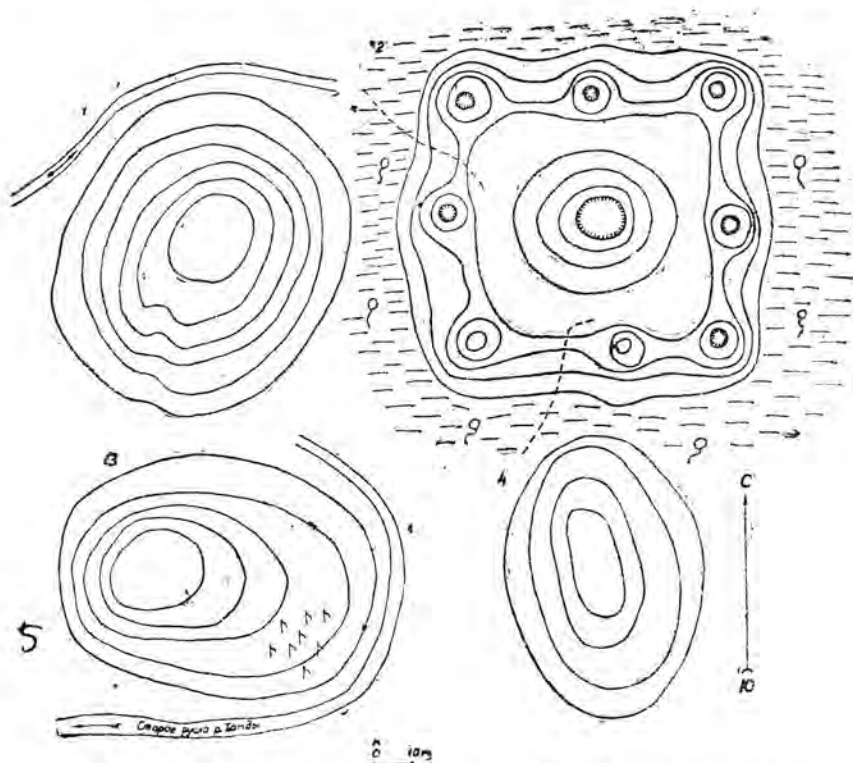

Рис. 26. Планы тепе: 1 — Ак-тепе; 2 — Май-Турткуль-тепе; 3 — тепе 2 из группы Кунгур-тепе; 4 — Ак-тепе Алтынтау.

¹⁰⁸ Е. И. Агеева. Керамика городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Каратау... стр. 100 и след; е е же. Керамика Отрара... стр. 98 — 110.

Это свидетельствует о том, что большая часть таких усадеб в измененном виде продолжала существовать и в феодальный период.

На тепе, расположенных в районе северных предгорий Каратау, имеется подъемный материал того же типа, что и на описанных выше Тарса-тепе и Ак-тепе (см. рис. 25, рис. 26).

Все тепе этой группы как с площадками, так и без площадок, по-видимому, являются остатками земледельческих поселений. В состав их населения входили и оседавшие кочевники, о чем свидетельствует наличие среди подъемного материала образцов, характерных для тюрко-киргизских и огузских кочевых племен.

Тепе с площадками, расположенные в междуречье Арысь — Талас, по своей планировке также могут быть разделены на тепе с площадками овальной в плане формы (тепе у пос. Белые воды и пос. Корниловка, Кендык-тепе, Кунгур-тепе и тепе у пос. Сайрам), изогнутоовальной формы (тепе у городища Аузы-Кулан, Адраспан-Мурде и тепе в конце пос. Сайрам) и, наконец, трапециевидной (Мурде-тепе). У перечисленных тепе, за исключением тепе у пос. Белые воды, сохранивших остатки «кешка» в середине площадки, остатки «кешков» или «донжонов» находились у края, а у Мурде-тепе — в восточном углу площадки. В отличие от тепе описанной выше присырдарьинской группы некоторые тепе этой группы (Мурде-тепе и тепе у городища Аузы-Кулан) сохранили остатки

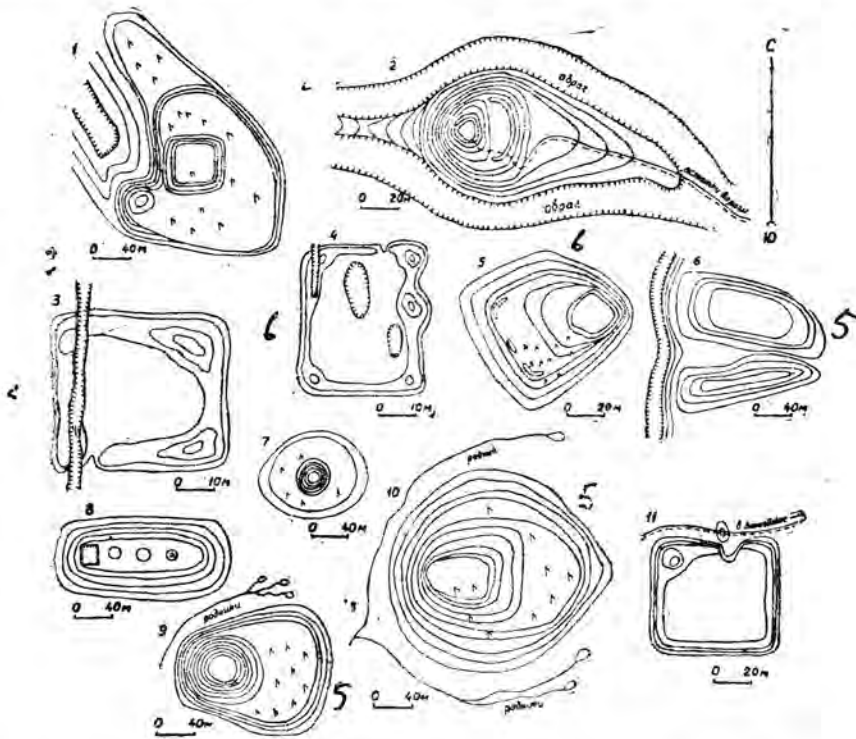

Рис. 27. 1 — городище Адраспан-тепе; 2 — безымянное тепе (к ЮВ от городища Аузы-Кулан); 3 — укрепление около городища Аузы-Кулан; 4 — укрепление около городища Аузы-Кулан; 5 — Мурде-тепе; 6 — тепе на юго-западной окраине пос. Сайрам; 7 — тепе между Чимкентом и пос. Белые воды; 8 — безымянное городище между Чимкентом и Сайрамом; 9 — Кендык-тепе; 10 — тепе около пос. Корниловка; 11 — укрепление около пос. Казатлык.

стен или вала вдоль наружного края как нижней площадки—двора, так и площадки «кешка». Часть описываемых тепе расположена у горных проходов или в таких местах, где подступы к ним затруднены из-за рельефа местности (рис. 27).

Подъемный материал, собранный на тепе этой группы или возле последних, дал почти исключительно неполливную керамику — преимущественно фрагменты толстостенных крупных сосудов типа хумов, теста которых сравнительно хорошего промеса, красного в изломе цвета обжига, а также фрагменты котлообразных сосудов из грубого с дрсевой теста черно-красного цвета. Таразская керамика такого типа А. Н. Бернштамом датируется VIII—X вв. н. эры. Отсутствие среди подъемного материала архаической керамики, отмеченной на тепе присырдарьинской и закаратауской группы, по-видимому, объясняется тем, что зарождение этих тепе относится к более позднему времени, т. е. не ранее VI—VII вв. н. эры, так как этот район благодаря физико-географическим условиям являлся наилучшим местом для летних выпасов и с древнейших времен служил местом летних кочевков.

Отсутствие фрагментов поливной керамики объясняется, вероятно, удаленностью этих тепе от мест производства последней и тем, что жизнь на многих из них прекратилась в VIII—IX вв.

— Форма и ориентировка всех описанных выше тепе с площадками, являющихся остатками укрепленных усадеб, а также и расположение жилых зданий — «кешков», жилых башен — «донжонов» внутри укрепленных дворов не были стабильными, и, по-видимому, планировка их зависела как от естественно-топографических условий, так и от взаимоотношений владельца такой усадьбы — «замка» — с его ближайшими соседями.

— Несмотря на то, что на территории исследуемого района раскопки производились лишь на нескольких таких развалинах «усадоб», мы все же считаем возможным решить ряд вопросов, связанных с этим типом древних поселений на юге Казахстана.

Наиболее древними тепе с площадками, т. е. многосемейными усадьбами с укрепленным двором, следует считать тепе бассейна средней Сыр-Дарьи (с IV—V по VIII—X вв. н. эры), хотя, как мы отметили выше, отдельные тепе существовали здесь до XIV—XV вв.

Затем следует группа тепе, расположенная в районе северных предгорий Каратау (см. рис. 26), где земледельческие усадьбы появляются, очевидно, в VI в. и продолжают свое существование в раннефеодалный период. Несколько позднее в междуречье Арысь—Талаз получают распространение земледельческие усадьбы с укрепленным двором, причем в первую очередь в районе оазисов древнего Нелнджаба и Тараза, где они достигают полного развития уже в карлукский период и частично сохраняются до монгольского завоевания (XIII в.).

— Длительность и одновременность формирования этого типа поселений, длительное их существование, наличие наряду с керамикой мавераннахско-согдийского типа местной кангюйско-каратауской и тюрко-карлукской керамики и в больших пропорциях, чем в тепе первой группы, исключают возможность признания в тепе с площадками остатков «согдийских замков».

— Тип архитектуры таких усадеб с применением в строительстве нахсовых блоков и крупного сырцового кирпича, планировка коридоробразных комнат не могут быть признаны в настоящее время «согдийскими», хотя первоначально исследователи обнаружили их в Согде. Последующими исследованиями советских археологов было установлено наличие такого архитектурного типа в сооружениях Хорезма, древней-

го Мерва, Тохаристана, а также за рубежом среднеазиатских республик (в Китайском Туркестане и Афганистане). Многие из признаков так называемого «согдийского стиля» вырабатывались в результате технических условий возведения зданий из сырцового кирпича и пахсы и не составляли особой монополии ни одного из земледельческих народов Средней и Центральной Азии. Однако при этом не исключено, что при возведении укрепленных «замков» в районах, не знавших до того крупных сооружений из сырца, привлекались люди из районов древнего орошаемого земледелия (имевшие соответствующий опыт), где строительные приемы стали определенной архитектурной традицией. Но перенесение их на новую почву не могло быть механическим. Об этом говорит, например, тот факт, что «царь тюрков», точнее его мастера, воздвигли, по словам ибн ал-Факиха¹⁶⁹, здание совершенно оригинальным по конструкции основания способом, не известным ни в практике, ни в исторических свидетельствах о древних зодчих Средней Азии. Можно сослаться при этом на ряд сооружений эпохи Тимура, строителями которых, как нам известно, были выходцы из Сирии и Ирана, но произведения которых в Самарканде и Туркестане, выполненные руками самых различных по происхождению мастеров (Ургенча, Карши, Бухары и т. д.), составляют вполне местное проявление градостроительной культуры и искусства. То же можно сказать и об архитектуре «кешков» средней Сыр-Дарьи и Семиречья.

Все они в общем по типу сооружения и по архитектурным формам восходят к рисунку на известном «Аниковском» блюде, по мнению А. Н. Тереножкина и С. П. Толстова, изображающем хорезмский замок, но элементы которого, вплоть до деталей его украшения, обнаруживаются и в «кешках» Мерва, Термеза, Согда и Ферганы. В работе Пугаченковой, где опубликованы терракотовые плитки «кешка», раскопанные М. Е. Массоном в Таразе¹⁷⁰, высказывается весьма убедительный довод в пользу того, что некоторые «кешки» в долине Таласа принадлежали к тому же типу архитектуры, что и «кешк» на «Аниковском» блюде. Подобное изображение «кешка» было обнаружено Южно-Казахстанской археологической экспедицией на фрагменте терракотового достархана, найденного на развалинах Отрара. Все это свидетельствует не о «хорезмийском» или «согдийском» происхождении такого рода «кешков», а о внутренней близости и родстве культуры древнего междуречья Сыр-Дарья — Чу с культурой земледельческих общин Согда, Тохаристана и Хорезма в период, последовавший за упадком «античных городов» в Средней Азии.

Если вопрос о строительстве этого типа усадеб не может быть решен в пользу выходцев из одного района Средней Азии, то вопрос об этнической принадлежности его обитателей тем более не может быть решен односторонне, в смысле признания всех владельцев этих усадеб согдийцами. Не только в VIII в., к которому восходят, очевидно, сведения ал-Факиха, называвшего тюрка строителем — хозяином укрепления, но и раньше и позже, а особенно при карлуках (т. е. IX — X вв.), обитателями таких «замков» были более или менее давно осевшие в этих местах представители родовой феодализирующейся знати из среды кочевников тюрков. Достаточно вспомнить, что выдающийся ученый раннего средневековья ал-Фараби — уроженец Отрарского оазиса — был выходцем из тюркской родовой знати и пришел в среду первоклассных ученых боль-

¹⁶⁹ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины... стр. 60.

¹⁷⁰ Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатской терракоте. Труды Института истории и археологии АН УзССР, Ташкент, 1950, стр. 53.

ших городов Востока не из «шатров карлухов или огузов», а из местных (отрарских) укрепленных поселений — первых очагов оседлой земледельческой культуры в «стране тюрок, говорящих по-согдийски и по-тюркски», — так характеризовал обитателей городов междуречья средней Сыр-Дарьи — Чу еще в XI в. Махмуд Кашгарский¹⁷¹. Следовательно, обитателями укрепленных усадеб земледельческих общин V — X вв. в междуречье Сыр-Дарья — Талас следует признать, по нашему мнению, как местных осевших кочевников тюркоязычного происхождения, так и ираноязычное население, сохранившее связи с районами орошаемого земледелия в Средней Азии. Возможно, что в Отрарском оазисе и бассейне рек юго-западных склонов Каратау внешние торговые связи сосредоточивались преимущественно в руках согдийцев, ферганцев и хорезмийцев, в то время как внутренние связи со степью и земледелием были преимуществом местного тюркоязычного населения. Ремесла, как об этом можно судить главным образом по керамике, до X в. в Отрарском оазисе находились в основном в руках местного тюрко-карлухского населения, исключая главные центры оазиса — города Кедер и Отрар. В районах северных предгорий Каратау с древнейших времен — как в дофеодальный, так и в феодальный период — ремеслом (особенно гончарным) занималось местное земледельческое и кочевое население. Городское ремесло чужеземного происхождения не вытеснило здесь местных форм. Керамика Мавераннахра вошла сюда вместе с окончательным сложением феодального города (X в.) сначала в качестве продукта торгово-ремесленных городов Мавераннахра, затем как продукт местного производства Тараза. Она распространилась в главном городе и его округе, не проникая глубоко ни в кочевья, ни в «кешки», которые здесь в XI — XII вв., в отличие от Согды и Хорезма, стали хиреть, и, по-видимому, к моменту монгольского завоевания большинство их прекратило свое существование.

На исследуемой территории за годы работы Южно-Казахстанской археологической экспедиции выявлено и обследовано всего 31 тепе с площадками. Из общего числа обследованных остатков городов, селений, крепостей и т. д., составляющих 133 единицы, они составляют, следовательно, около 25%. При этом наибольшее их число — 12 единиц — было зарегистрировано в междуречье Арысь — Талас, затем следует Отрарский оазис — 11 единиц; на левобережье Сыр-Дарьи, в среднем ее течении, выявлено 4, на северных склонах Каратау — 3, а в районе Туркестан — Сыгнак — 1. Хотя эти цифры отражают только относительную сохранность и степень изученности памятников в разных районах и не могут свидетельствовать даже примерно о том, какое количество укрепленных усадеб существовало в каждом из упомянутых выше районов, но все же, как бы неравномерно ни шло разрушение древних поселений этого типа, преобладание их в междуречье Арысь — Талас и в Отрарском оазисе соответствует в какой-то мере их действительной исторической топографии и дает основание полагать, что именно в междуречье Арысь — Талас и в Отрарском оазисе имело место и в прошлом наибольшее их скопление. И если в Отрарском оазисе этот тип дофеодальных и ранне-феодальных поселений возник раньше, чем в других районах юга Казахстана, то распространение его от Арыси и Келеса в направлении к Семиречью протекало в более поздний период и с большей интенсивностью, оставив Отрарский оазис в этом отношении позади, что видно из суммарной статистики типов керамики, обнаруженной на всех остатках поселений типа тепе с площадкой. Как бы не были спорны да-

¹⁷¹ МТТ, М., т. I ... стр. 312

тировки керамики средней Сыр-Дарьи (а спорными мы считаем датировки, главным образом, наиболее простой, грубой неполивной керамики с неустойчивыми признаками большей или меньшей архаичности), керамика почти всех тепе с площадками укладывается в две основные группы — кангюйско-каратаускую и тюрко-карлухскую (огузскую?). Так, например, из 11 тепе с площадками Отрарского оазиса ранне- и позднекангюйская керамика преобладает на Ак-тепе (у ж.-д. ст. Тимур), Кос-Кунгуре II, Серкен-тепе, Мерген-тепе II, Ак-тепе арыском, Кос-тепе I и отчасти на Кара-Гундчуке и Пшик-Мардане, т. е. в большинстве случаев на памятниках этого рода. Тюрко-карлухская керамика распространена на том же Пшик-Мардане и Кара-Гундчуке и господствует лишь на Кос-тепе II и на Ак-тепе шаульдерском. Ни одно из перечисленных тепе с площадками не дало караханидской и более поздней керамики, за исключением Муг-тепе, Кунгур-тепе и Ак-тепе шаульдерского, где керамика принадлежит карлухо-караханидскому и даже частично монголо-тимуридскому типу. Отсюда можно заключить, что в Отрарском оазисе большинство поселений типа усадьбы с укрепленным двором в караханидский период уже утратило значение и находилось в заброшенном и разрушенном состоянии.

Такая же картина обнаружена при анализе керамики, собранной на тепе с площадками из других обследованных нами групп. Более позднее существование тепе с площадками имело место на левом берегу Сыр-Дарьи, где на Сазан-тепе была найдена монголо-тимуридская керамика. В междуречье Арысь — Талас и в бассейне реки Келес на тепе с площадками преобладает керамика тюрко-карлухского типа, т. е. VI — X вв., и лишь частично — керамика XII в. н. эры.

Исходным пунктом образования городов на территории юга Казахстана были оседлые центры земледельческих районов и некоторые постоянные ставки кочевников. Первые располагались обычно в экономическом и стратегическом центре определенного района (бассейн реки, оросительной системы, в узле караванных дорог и т. д.), вторые — в районе зимовок, вблизи от обильных родников, пастбищ, караванных дорог и в других местах, важных для осуществления господства кочевников над центрами земледелия, торговли и ремесла.

В процессе работ Южно-Казахстанской археологической экспедиции при предварительной публикации ее материалов была сделана попытка охарактеризовать некоторые городища Отрарского оазиса как «доантичные» и «антично-эллинистические» поселения хорезмийского типа и проследить, далеко ли на север от Каратау проникают античные города. Согласно гипотезе А. Н. Бернштама, главным средоточием античных поселений на юге Казахстана был Отрарский оазис. В основе доантичных поселений этого оазиса лежало «поселение подквадратных чертаний, огражденное длинными стенами с тремя продольными рядами помещений», характерное для городищ хорезмийского типа (Калат-гыр и Кюзели-гыр)¹⁷². В качестве примера этого типа поселения названо городище Отрар. К такому же типу городищ были одновременно отнесены и более мелкие поселения, как, например, Кок-Мардан. В «раннеэллинистический период» здесь существовали, по той же гипотезе, «мелкие городки-полисы» (Алтын-тепе, Кок-Мардан или Пшик-Мардан)¹⁷³. Остатками их являются «городища с отогнутым овалом», представлявшие собой некогда «эллипсоидно-овальные формы большого жилищного массива»¹⁷⁴.

¹⁷² А. Н. Бернштам. Древний Отрар... стр. 82—93.

¹⁷³ Там же, стр. 86.

¹⁷⁴ Там же, стр. 85.

На рубеже нашей эры «эллипсоидно-овальные формы» большого жилищного массива приобретают формы огражденных стенами городов, иногда с концентрически расположенными линиями стен внутри города¹⁷⁵. Остатками таких позднеантичных городов являются «тепе с площадками». В середине первого тысячелетия н. эры линии стен «выпрямляются» в виде четырехугольников или ломаных отрезков прямой, характерных уже для раннесредневековых городов (Сюткент, Байракум)¹⁷⁶.

Изложенная гипотеза, однако, до сих пор материалами той же Южно-Казахстанской археологической экспедиции не подтверждена и остается пока лишь домыслом.

Остатки валов в юго-западном углу внешней стены городища Алтын-тепе (Отрарский оазис) нельзя отнести к типу городищ с «жилыми стенами», открытых С. П. Толстовым в Хорезме и датируемых им VI — III вв. до н. эры. Помимо того, что остатки этих валов на Алтын-тепе не подвергались вскрытию, следует иметь в виду, что они отмечены в Алтын-тепе только с одной стороны, а не вокруг городища. Близкие по конструкции валы (в четыре ряда) сохранились и вдоль южной границы городища Куйрюк-тепе, где тоже не охватывают всего городища, а отмечены лишь на одной его стороне, примыкающей к остаткам древней оросительной системы.

В отношении городища Отрар — крупнейшего в оазисе древнего города — А. Н. Бернштам и сам заметил, что оно не сохранило никаких остатков доантичных или античных «жилых стен», поскольку они если и существовали, то были скрыты позднейшей средневековой перестройкой, а стена северного участка вообще оказалась как бы «использованной» под «распределительное сооружение арыков, уводящих воду по направлению к колодезю Джидели и южной окраине песков Ишке-Ульмес».

Поскольку район расположения этих городищ еще и в настоящее время в результате чрезмерных поливов легко подвергается засолению в связи с повышением уровня засоленных грунтовых вод, нам кажется не лишним основания другое предположение, а именно, что указанные валы, ограничивающие одну из сторон Алтын-тепе, Куйрюк-тепе и Отрара, являются остатками магистрального канала с дренами (узкими, глубокими боковыми каналами), назначение которых состояло в отводе грунтовых вод (в пониженных местах) для предохранения протекающей по магистральному каналу воды от засоления. Против такого предположения говорит то обстоятельство, что валы, идущие на Алтын-тепе грядами, имеют разрывы, которые, впрочем, едва ли говорят и в пользу предположения об их принадлежности «жилым стенам». Так или иначе на юге Казахстана городищ с «жилыми стенами» пока не обнаружено.

Вопрос об античных «мелких городах — полисах» эллипсоидно-овальной формы или в виде «ранних тепе с площадками» также остается не доказанным, ибо ни один из памятников этого рода в Отрарском оазисе не дал пока никаких археологически достоверных данных, а «эллипсоидно-овальные массивы», как и некоторые «ранние тепе с площадками», по форме бугра не имеют никаких характерных черт «античности». Что касается состава подъемного керамического материала, то уже тот факт, что на этих «эллипсоидно-овальных буграх» насчитывается более 13 — 15 типов керамики из 23 типов (максимального чис-

¹⁷⁵ А. Н. Бернштам. Древний Отрар... стр. 82—93.

¹⁷⁶ Там же.

но), существовавших на юге Казахстана, говорит о полной невозможности отнесения этих бугров к античным городам-полисам.

Не обладая достоверными данными о материальной культуре этих эллипсоидно-овальных или подпрямоугольных «городов-полисов» Отарского оазиса, мы вряд ли можем решить вопрос о социальной природе, этническом составе населения и культуре этих городов. Так же мало оснований имеется у нас для того, чтобы говорить о «выпрямлении» или «изломе» отрезков стен античных городов первыми строителями городов раннего средневековья (городов или поселений типа Джуван-тепе и Караспан-тепе на средней Арыси, Шарап-хана в верховьях Келеса, Сюнкента и Байракума в районе левобережья Сыр-Дарьи).

На данном уровне проведенных исследований можно лишь констатировать, что на пороге средневековья мы застаем здесь строительство поселений и укреплений как округло-концентрического, так и подпрямоугольного плана, причем в определенный период (VI—VIII вв. н. эры) преобладающее место занимала планировка укреплений, имеющая в основе круг и многогранник, а в последующую эпоху и прямоугольник, что, впрочем, отнюдь не говорит об определенной закономерности, вызванной составом населения.

В. А. Лавров¹⁷⁷ высказал мысль, что в позднеантичное время (III—IV вв. до н. эры) могильники кочевников, например, Берк-каринский могильник (Джамбулский район Джамбулской области) с его курганными насыпями, окруженными каменными выкладками из концентрических колец, и с двумя расположенными на одной оси разрывами для подходов, «...имитируют структуру плана города в двух основных вариантах его конфигурации — прямоугольником и кругом — и по своим размерам в плане (60—70 м) в известной мере соответствуют величине рядового города-крепости этого времени». Предположение это также основано на чисто формалистических доводах и совершенно не подтверждается какими-либо археологическими данными.

В конце VIII в. усилился приток из кочевой степи в города карлуков, джикилей, тухси и других тюркоязычных племен, обитавших в ближайшем соседстве с городами и располагавших свои стойбища вдоль бывших торговых путей. Роль их во внутренней жизни городов значительно возросла. Они стали не только частыми посетителями городских базаров, посредниками в торговле скотом и продуктами земледелия, но и занялись слободами, образуя смежные с городами селения, ставшие центром переходивших к оседлой жизни племен, из состава которых известная часть, особенно роды, богатые скотом, продолжали вести полукочевую образ жизни, а другая — главным образом неимущая — приобщалась к особенностям жизни городского населения, занимаясь ремеслами и торговлей. Исторические источники выходцев из степи называют «неверными», в отличие от выходцев из Мавераннахра и Хорезма, которые уже были в большинстве своем мусульманами. В городе Ташкенте половину его населения составляли, по сообщению Макдиси¹⁷⁸ «неверные», что касается «правоверных», то они селились непосредственно у ворот шахристана, за его стенами, в отдельных рибатах. По словам Макдиси¹⁷⁹, за воротами шахристана Испиджаба (Нуджакетскими, Ферганскими, Бухарскими) находились рибаты нахшебцев, самаркандцев и каратегинцев. В этих рибатах были своего рода заезжие двора, где останавливались, проживали и вели торговые дела иногородние купцы. Много рибатов отмечалось им и в городе Адахкесе (долина Та-

¹⁷⁷ В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии... стр. 25.

¹⁷⁸ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 10.

¹⁷⁹ Там же, стр. 8.

ласа). Взаимоотношения между «иногородними» и выходцами из степей и сам процесс сложения коренного населения раннефеодальных городов на юге Казахстана до сих пор не выявлены. Что касается господствующей части общества, то известны факты (засвидетельствованные историком Нершахи и др.) переселения согдийской знати из долины Заревшана (между Бухарой и Самаркандом) в долину Таласа и основания ими не то города Тараза, не то Хамуката, находившегося в окрестностях Тараза¹⁸⁰. Тот же автор (Нершахи) далее сообщает, что затем последовало «возвращение» богатых согдийцев в Бухару. Наличие согдийцев в долине Таласа подтверждается и другими авторами¹⁸¹. Махмуд Кашгарский (XI в.) свидетельствует, что «.. люди (каум), которые поселились в Баласагуне, они из Согда, который между Бухарой и Самаркандом, но они приняли облик и их (т. е. местных тюрков) обычаи». Известно также его указание, что жители Тараза и Баласагуна говорили в XI в. одновременно на двух языках — «по-согдийски и по-тюркски»¹⁸². Сохранение согдийского языка в среде, где долго преобладали «неверные», можно объяснить скорее всего не тем, что «основателями» городов на юге Казахстана были согдийские дехкане, заложившие здесь свои согдийские замки и города, а тем, что миграция земледельческого, торгового и ремесленного населения из городов Мавераннахра была длительной и постоянной, причем она сопровождалась, начиная с VI века, проникновением тюркоязычного населения юга Казахстана, в частности Семиречья, в города Средней Азии, особенно в Ташкент, Самарканд и Бухару. Это подтверждается Нершахи, говорящим, что и сам город Бухара был заложен предводителем тюркских племен Семиречья — Ширкишваром¹⁸³. Взаимное смешение тюрко- и ираноязычных, скотоводческих и земледельческих племен и народностей является общим и постоянным явлением всей древней и средневековой истории на исследуемой нами территории.

По сорокупности данных, которыми располагает в настоящее время археология, мы полагаем возможным считать, что городская жизнь на юге Казахстана начала складываться, главным образом, в середине первого тысячелетия н. эры. Характерным признаком формирования города в эту эпоху следует считать выделение цитадели, торгово-ремесленного центра, обнесенного валами, стенами и окруженного рвом, и предместий. Принятые в отношении городов Средней Азии термины — «диз», «шахристан» и «рабад» — лишь условно могут быть перенесены на города юга Казахстана, возникшие в несколько иных, как отметили выше, исторических условиях, чем города Узбекистана.

Несмотря на то, что подавляющее большинство городов исследуемого района выросло и развилось в иных, отличных от городов Средней Азии условиях, однако и на них можно отчетливо проследить все три составные части, из которых обычно складался средневековый среднеазиатский город, а именно: цитадель — «диз», или «кухендиз», шахристан и предместье — «рабад».

Наиболее старой частью города была цитадель (кухендиз, арк, кялла) — первоначально крепость поселения, а затем «замок» владельца, наместника или правителя города. Некоторые исследователи склонны считать, что применение средневековыми авторами к цитадели термина

¹⁸⁰ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 18.

¹⁸¹ В. В. Бартольд. К вопросу о языках согдийском и тахарском. «Изв. Российской Академии наук». Л.—М., вып. I, 1927, стр. 36.

¹⁸² Сведения арабских, персидских и тюркских источников ... стр. 20.

¹⁸³ Там же, стр. 18.

«кухендиз», т. е. «старая крепость», свидетельствует о том, что она в эпоху раннего средневековья уже лежала в развалинах.

Вряд ли это мнение справедливо не только в отношении городов юга Казахстана, но даже и Мавераннахра, где термин «старая крепость» означал лишь, что цитадель наиболее старая часть города. О том, что разрушение цитадели в пору раннего средневековья было не общим, а лишь единичным явлением свидетельствует упоминание в письменных источниках о каждом отдельном случае разрушения.

Как правило, остатки цитадели в настоящее время представляют собой наиболее высокую и мощную часть городища, доминирующую над остальными частями.

Ни на одном из городищ исследуемого района раскопок цитадели, на основании которых можно было бы сделать более или менее полную реконструкцию последней, не произведено. В большинстве случаев раскопки выражались в закладке одного или двух небольших шурфов, при помощи которых можно было вскрыть лишь отдельные части сооружений или получить материалы для датировки и выяснения культурно-исторических и экономических вопросов (городище Тараз, Тарса-тепе, Сюткент и др.). Более обширные раскопки Южно-Казахстанской археологической экспедицией были произведены на цитаделях городища Куйрук-тепе (в 1951 г.) и Баба-Ата (в 1953 — 1954 гг.). Ими вскрыто около одной четверти территории каждой цитадели, что позволяет сделать некоторые заключения о конструкции, строительных приемах и материалах и установить известную общность этих конструкций и приемов, характерных для строительства в странах Средней Азии¹⁸⁴.

Расположение и форма цитаделей не были подчинены определенному правилу и обычно сохраняли свой первоначальный вид, какой они имели, будучи замком — «кешком». В настоящее время цитадель — это форс овальной, круглой, прямоугольной (редко) или квадратной в плане формы с площадкой на вершине, а иногда и остатками стен и башен, сошедших до нас в виде земляного вала с холмами различного размера и формы. Такая цитадель в очень редких случаях была расположена в центре шахристана (Караспан-тепе, Кулан-Аузы-турткуль и др.) и обычно находилась в середине одной из сторон или в одном из его углов, а иногда даже оказывалась вынесенной за линию стен (Баба-Ата, Оксус и др.).

Это говорит об отсутствии определенной системы в планировке возмывавших городов.

Цитадели городов (VI—VIII вв. н. эры), возникших на базе древних большесемейных усадеб и ставок, хотя и окружались самостоятельной стеной с башнями, все же не только не выделялись из общего плана города, а, наоборот, являлись его органической частью.

Остатки шахристана в настоящее время обычно представляют собой прямоугольную, иногда многоугольную и изредка круглую или близкую к круглой форме площадку, окруженную со всех сторон стенами в виде земляного вала с остатками на нем башен. Обычно размер площади шахристанов городов, расположенных на территории исследуемого района, включая в нее и площадь цитадели, невелик. Самый большой шахристан — в городище Сюткент I — имеет примерно 49 га, за ним следует Сауран — 33 га, городища Отрар, Тараз — по 14 га, Сайрам — 15 га, Байркум — 11,2 га, Сыгнак — 10,5 га. Размер шахристанов остальных городищ — от 1,5 до 8—9 га. Из этого можно заключить,

¹⁸⁴ А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в конце века. КС ИИМК. № 28, 1949, стр. 42; В. Л. Воронина. Приемы строительной техники доарабского периода. Там же, стр. 103—109.

что размер шахристанов ранних городов, даже таких крупных, как Испиджаб, Тараз, Отрар, Сыгнак и др., не превышал 10—14 га, тогда как остальные города этого района, возникшие позднее (Сюткент, Сауран, Байрқум), имели более крупные шахристаны.

Сообщаемый Сюань-Цзяном размер окружности городов, через которые он проследовал, по-видимому относится не к территории шахристана, а всего города, включая и предместья — рабады. Наибольшая площадь шахристана города Тараза, судя по его остаткам, была около 14 га при общей длине стен примерно около 1,5 км, тогда как, по Сюань-Цзяну, окружность города — 8—9 ли (около 4,5 км), т. е. примерно в 3 раза больше действительной длины стен шахристана. То же, очевидно, имеет место и в отношении размеров других городов, описанных Сюань-Цзяном. Предместья-рабады, расположенные у стен шахристанов, иногда ограждались снаружи особыми стенами или валами, снабженными в некоторых случаях даже башнями. Правда, стены рабадов, судя по их остаткам, были значительно слабее, чем стены, окружавшие шахристан или цитадель.

Как размеры рабадов, так и их количество обычно зависели от величины самого города, его местонахождения, а также развития торговли и ремесел. У некоторых городов количество рабадов доходило до двух и даже трех, они создавались почти одновременно у разных ворот шахристана, как нами было отмечено выше в отношении города Испиджаба, или же возникали в разное время в зависимости от роста и развития города, что сравнительно четко можно проследить на плане некоторых городищ, как, например, Отрар, Сюткент I (район левого берега Сыр-Дарьи), Баба-Ата, Саудагент (район северных склонов Каратау) и др.

Стимулом роста городов, помимо их удобного расположения на торговых путях и границах кочевых земель, являлось развитие ремесел, т. е. дальнейшее общественное разделение труда. Город в этом случае был не только торговым центром, но и местом концентрации ремесленного производства. С широкими торговыми связями и развитым ремеслом он постепенно занимает среди окружающей его земледельческой округи более прочное положение. Возникает производственная специализация не только отдельных ремесел, но и отдельных городов. Так, по словам Макдиси¹⁸⁵, из Шаша вывозились высокосортные шагреновые седла, колчаны для стрел, палатки и т. д., из Испиджаба — «белые ткани, оружие, мечи, медь, железо», из Тараза — козыг шкуры и пр.

Крупные города, объединяя район или оазис, являлись экономическим центром земледельческих поселений. В них сосредоточивается политическая и административная жизнь.

Из общего числа (свыше 130) развалин древних поселений, обнаруженных на территории исследуемого района, по всем наружным признакам 56 объектов с большей или меньшей вероятностью можно считать остатками древних городов или городского типа поселений, которые по месту их нахождения, так же как описанные выше тепе с площадками, могут быть разбиты на 5 групп: первая группа — 10 городищ Отрарского оазиса, вторая — 14 городищ в районе южных предгорий Каратау (Туркестан — Сыгнак) и среднем течении реки Арысы, третья — 7 городищ северных предгорий Каратау, четвертая — 12 городищ левобережья среднего течения Сыр-Дарьи и пятая — междуречье Арысь — Талас, включая район верховий реки Келес, — 13 городищ.

Отождествление остатков поселений и городов, обнаруженных на

¹⁸⁵ Сведения арабских, персидских и тюркских источников ... стр. 11.

территории исследуемого нами района, с древними городами пришлось приводить на основании дошедших до нас сведений (в большинстве отрывочных, зачастую противоречивых) китайских, европейских, арабских и иранских послов, путешественников, историков и географов и сопоставлять их с археологическими материалами.

Если не считать сообщения китайского посла Чжан Цяня¹⁸⁶ (II в. до н. эры), в котором упоминаются лишь главные ставки племенных объединений усуней и кангюй, первое упоминание о городах на территории исследуемого района имеется в сообщении византийского посла эмарха¹⁸⁷ (569 г.).

Следующее по времени описание этого района сделано в сообщении китайского паломника, буддийского монаха Сюань-Цзяна¹⁸⁸ (29 г.), где, кроме города Тараза (Та-ло-се), упоминаются города Чан-шуй, Ну-чи-кнен, Конг-ю, безымянный город на реке Су-е (Чу) и некоторые другие (отождествление их см. ниже — в главе V «Караван-де пути»). Наибольшее количество сообщений, преимущественно арабских и иранских авторов, о городах исследуемого района падает на X—XII вв. нашей эры.

Почти все известные нам в русском переводе источники этого периода могут быть разбиты на несколько групп:

а) Источники, в которых упоминаются или описываются исключительно города или селения, лежавшие на основном караванном пути, так называемом «Великом шелковом пути», например, «Книга путей и провинции» ибн Хордадбега (IX в.), «Книга стран» Якуби (IX в.), «Книга рассказов о странах» ибн ал-Факиха (X в.), «Книга путей стран» ал-Истахри (X в.), «Книга путей и стран» ибн Хаукаля (X в.) и другие¹⁸⁹.

б) Источники, в которых, кроме городов и селений, лежавших непосредственно на основном пути, сообщается о городах и селениях, находящихся вблизи — на ответвлениях его, а также о городах и селениях входивших в округ того или иного крупного политического или экономического центра, как, например, Испиджаба или Тараза. К ним относятся: «Наилучшее распределение для познания стран» Макдисен (X в.), анонимное географическое сочинение «Границы мира» Ху-ал-Алема (X в.), «Словарь стран» Якута (XIII в.).

в) Источники фискального порядка, как например, «Книга земельного налога» Кудама ибн Джафара (X в.).

г) Исторические сочинения: «История пророков и царей» ат-Табари (X в.), «История Бухары» Нершахи (X в.) «Полный свод по истории» ал-Асира (XIII в.), «История завоевателя» Джувейни (XIII в.).

д. Несколько особо стоит сочинение Махмуда Кашгарского (XI в.) «Сван тюркских диалектов». Это своеобразная восточная энциклопедия, в которой наряду с лингвистическими сведениями имеются сведения географические, исторические и другие¹⁹⁰.

Во всех этих сочинениях часто один и тот же город или селение носят различные наименования (Параб — Фараб — Бараб; Сауран — Соб-Сыгнак — Сугнак — Сунак — Сигнак; Газгирд — Газ-Кирд — Куз-Кирд; Нушаджан — Барехан и т. д.). Это объясняется, очевидно, тем, что большинство упомянутых авторов лично не посещали этот район, а пользовались другими сочинениями или расспросными сведениями. Ис-

¹⁸⁶ Д. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины ... стр. 10.

¹⁸⁷ С. Деестунис. Византийские историки. СПб, 1861.

¹⁸⁸ St. Julien. Memoire sur les contrées occidentales. Paris, 1857, стр. 12—15.

¹⁸⁹ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 1—7.

¹⁹⁰ Там же, стр. 14—15.

ключение составляют Макдиси и Махмуд Кашгарский, по-видимому лично посетившие этот район. Часть искажений следует отнести за счет переписчиков, а возможно и переводчиков.

Характерно, что почти ни в одном из перечисленных выше источников ни слова не говорится о городах, расположенных вдоль северных предгорий Каратау, где обнаружено значительное количество развалин крупных городов, причем почти все они, судя по их остаткам, в описываемое время не только существовали, но и достигли значительного развития. Из городов, расположенных на левом берегу среднего течения Сыр-Дарьи, в этих источниках упоминается лишь Сюткент и Весидж, как входившие в это время в округ Испиджаба или Фараба. Отсутствие упоминания об этих городах у арабских и иранских авторов, по-видимому, объясняется тем, что в то время международная торговля находилась в основном в руках мавераннахрских, хорезмийских или ферганских купцов, а внутренняя торговля с кочевой степью была в руках местного населения и велась при посредстве пограничных, удаленных от основного караванного пути городов и селений, о которых арабские и иранские авторы сведений не имели.

В связи с монгольским нашествием значительная часть, если не большинство, городов исследуемого района была разрушена, а торговые пути временно заглохли. Но по мере упрочения власти завоевателей они начинают постепенно восстанавливаться, так же как и города, расположенные на караванных путях. Это видно из сообщений ряда авторов, проезжавших по ним вскоре после монгольского завоевания: министра Чингиз-хана Е-люй Чу-цана (1219 — 1222 — 1224 гг.)¹⁹¹, Чан Чуня¹⁹², посла папы Иннокентия IV — Плато Карпини¹⁹³ (1245 — 1247 гг.), посла французского короля — Рубрука¹⁹⁴ (1253 — 1255 гг.), царя Малой Армении Гайтона¹⁹⁵ (1255 — 1256 гг.). В сообщениях последних трех европейских авторов, проехавших не обычным путем через Среднюю Азию, а через земли кипчаков, т. е. вдоль северных предгорий Каратау, впервые упоминаются города, расположенные вдоль этих предгорий и в низовьях реки Таласа. Города эти, судя по описанию авторов, не были разрушены монголами.

*В дальнейшем, в XIII — XV вв., в сообщениях арабского путешественника ибн Батуты¹⁹⁶ (XIV в.) и флорентийского купца Пегалотти¹⁹⁷ (XIV в.) упоминаются города, лежащие на старом караванном пути, а в сообщениях Рашид-ад-дина¹⁹⁸ (XIII в.), Абул-Феда¹⁹⁹ (XIV в.), аль-Омари²⁰⁰ (XIV в.), Низам-ад-дина Шами²⁰¹ (XV в.), Шереф-ад-дина Иезди²⁰² (XV в.), Мухаммеда Хайдера²⁰³ (XVI в.) и др. встречаются на-

¹⁹¹ Bretschneider. Notes on ceinese mediavae travelvestoen west. L., 1918.

¹⁹² Чан Чунь. Си-ю-цзи, или описание путешествия на запад... стр. 260—434.

¹⁹³ Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука... стр. 73—74.

¹⁹⁴ Там же, стр. 125 — 126.

¹⁹⁵ История монголов по армянским источникам. Перевод и объяснения К. П. Патканова. СПб, 1874, вып. 2, стр. 83.

¹⁹⁶ Прошлое Казахстана в источниках и материалах Алма-Ата, 1935, стр. 73—78.

¹⁹⁷ H. Yule. Cathay and the way thithen. L., 1866.

¹⁹⁸ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.—Л., 1941, стр. 77.

¹⁹⁹ МТТ, т. I... Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 37.

²⁰⁰ Там же, стр. 32.

²⁰¹ МТТ, т. I... стр. 7, 9, 456 — 459.

²⁰² Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... стр. 6, 7, 104 и след.

²⁰³ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб, 1864, стр. 139 — 202.

звания ряда городов района Отрарского оазиса, южных предгорий Каратау и левого берега среднего течения Сыр-Дарьи, ранее в источниках не встречавшихся. Часть городов этих районов к этому времени оказалась уже переименованной (Весидж в Зернух, Ясы в Туркестан, Тараз в Яны, Газгирд в Шарапхана и т. д.). Перечисленные выше источники (из числа составленных авторами или участниками описываемых событий, лично посетивших эти места) хотя и заслуживают доверия, но в некоторых случаях допускают присущие средневековым восточным авторам заведомые искажения фактов. Например, сообщение Макдиса²⁰⁴ о 1700 рибатах, расположенных в окрестностях города Испиджаба.

Значительная же часть этих источников, составленная по данным других авторов или на основании расспросных сведений, кроме обычных искажений, происходящих при переписке, иногда приводит противоречивые, а, зачастую, даже прямо фантастические описания. Так, многие исследователи, основываясь на сообщении географа ал-Идриси²⁰⁵ (середины XII в.) о том, что «...города гузов многочисленны, — они тянутся друг за другом на север и восток», считают, что огузы имели большое количество городов и являлись народом, сохранившим «...старые оседлые традиции и комплексное скотоводческо-земледельческо-рыболовное хозяйство своих предков»²⁰⁶, не принимая при этом во внимание, что тот же Идриси дальше писал: «...у них неприступные горы и у них там укрепленные крепости», а далее, что «...обиталище их степи, там где есть плодородные пастбища, у них дома из войлока». То есть, в этом сообщении налицо полное противоречие между первой и второй частями. В районе предполагаемого расселения огузов, в низовьях Сыр-Дарьи, неприступных гор с крепостями нет и не было. Эта часть сообщения, нужно думать, была написана со слов современников и относится к тому времени, когда огузы уже ушли с Сыр-Дарьи на юг и образовали там Сельджукское государство, где как раз и имеются соответствующие этому описанию естественно-географические условия. Вторая же часть, где говорится о том, что «...обиталище их степи» и живут они в домах из войлока», взята из более ранних источников, возможно, относящихся еще к IX или началу X в. Эта часть сообщения ал-Идриси полностью совпадает с сообщениями других авторов: Якуби²⁰⁷, например, утверждает (IX в.), что «... нет у них (гузов) жилищ и крепостей, и живут они только в турецких ребристых шатрах»; Худуд ал-Алем (конец X в.)²⁰⁸ пишет, что «...у них нет никаких городов, они представляют множество людей, живущих в палатках»; ибн Фадлан (X в.)²⁰⁹, лично посетивший гузов и проживший у них значительное время, также пишет, что «...они (гузы) кочевники; у них дома волосяные (из кошмы) и не останавливаются и уезжают». Вызывают сомнения и сообщения та же, казалось бы, сведующего автора, как Махмуд Кашгарский²¹⁰, который ряд городов, расположенных в районе Отрарского оазиса и южных предгорий Каратау, считает городами гузов, в то время как многие города — современники Махмуда Кашгарского, лично посетившие эти места, называли их в числе городов Мавераннахра, пограничных с гузами (Макдис, Худуд ал-Алем), или городов, принадлежавших карлухам и т. п. Поэтому при использовании того или иного из упомянутых источ-

²⁰⁴ Сведения арабских, персидских и тюркских источников ... стр. 7.

²⁰⁵ МТТ, т. 1 ... стр. 220.

²⁰⁶ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации ... стр. 246—

²⁰⁷ Сведения арабских, персидских и тюркских источников ... стр. 2.

²⁰⁸ МТТ, т. 1, стр. 211.

²⁰⁹ Там же, стр. 159.

²¹⁰ Там же, стр. 311—312.

пиков мы в каждом отдельном случае анализировали его данные, сверяли одни сообщения с сообщениями других авторов и результатами археологического обследования.

Городища района Отрарского оазиса

Наиболее компактная и многочисленная группа развалин древних городов и поселений обследована в районе Отрарского оазиса.

На площади около 300 км² находится свыше полусотни развалин древних городов, поселений и усадеб. С любой точки территории оазиса невооруженным глазом видно не менее 5—6 объектов. Весь район перерезан в разных направлениях многочисленными руслами древних и современных арыков. В годы больших половодий воды Сыр-Дарьи и Арыси выходят из берегов и заливают почти всю территорию оазиса, оставляя в виде островков естественные возвышенности и многочисленные развалины древних поселений, на которых местами расположены современные постройки ближайших колхозов.

Всего в Отрарском оазисе обнаружено и обследовано 10 развалин поселений городского типа. Из них прямоугольной или близкой к прямоугольной форме — 2 (Алтын-тепе и Джалпак-тепе I), многогранной или неопределенной формы — 7 (Джалпак-тепе II, Куйрюк-тепе, Отрар, Мардан, Пчакчи-тепе, Токай-тепе и Чунгурли) и овальной формы — 1 (Кок-Мардан). Из всех городищ этого оазиса остатки цитадели не сохранились лишь на Кок-Мардане. Следы или остатки рвадов сохранились у 6 городищ. У остальных 4 (Джалпак-тепе I, Кок-Мардан, Мардан-куюк и Токай-тепе) следов рвадов обнаружено не было. Остатки стен, окружавших города, сохранились у 7 городищ, нет их только у трех (Джалпак-тепе I и II и Кок-Мардан). Следы рвов, окружавших городища, сохранились у пяти (Алтын-тепе, Кок-Мардан, Отрар, Токай-тепе и Чунгурли). Все городища оазиса, за исключением Токай-тепе расположенного на реке Арыси, пользовались водой, подведенной к ним арыками из нее и, возможно, частично — из Сыр-Дарьи.

Интересно отметить, что местные предания некоторые из городищ расположенных вблизи Отрара, связывают с последним и считают, будто свои современные наименования они получили от тех функций, которые якобы несли по отношению к этому городу. Так, например, Алтын-тепе получило свое название потому, что служило местом расселения ювелиров, Пчакчи-тепе (пчак — нож) — оружейников, Куйрюк-тепе — мясников и т. д.

Отрар (рис. 28) по своим размерам является наиболее крупным из городищ не только оазиса, но и всего юга Казахстана и представляет собой громадный бугор (в плане трапециевидной формы) с сильно закругленными углами, ориентированными приблизительно по странам света. Размеры его с СВ на ЮЗ — 450, с СЗ на ЮВ — в юго-западном конце — 400 м, в северо-восточном — около 300 м; высота — от 15 до 20 м. В северном углу его площади, являющейся остатками шахристана, сохранились развалины цитадели в виде большого, близкого к овальной форме бугра с верхней площадкой диаметром около 100 м.

Кроме цитадели, по краям городища сохранились остатки крупных сооружений, возможно — башен, хотя стен, окружавших шахристан, не отмечено.

Остатки ворот, ведущих внутрь шахристана, сохранились с северо-западной и северо-восточной сторон. Площадь шахристана со всех сторон окружена развалинами колоссального предместья — рабада, по ко-

Рис. 28. План городища Отрар.

которого кое-где обнаружены следы стен в виде земляных валиков с определенным периметром.

Вся площадь рабада покрыта остатками различных сооружений в виде холмов всевозможной формы и размеров и перерезана во всех направлениях старыми и современными арыками.

В 1904 г. на территории Отрара членами Туркестанского кружка любителей археологии К. А. Кларе²¹ и А. А. Черкасовым производились раскопки, давшие значительный, но, к сожалению, несистематизированный археологический материал, на основании которого установить стратиграфию или время зарождения города не представляется возможным.

Вся площадь шахристана и цитадели, а также довольно крутые, местами почти отвесные склоны его лишены растительности и покрыты сплошным слоем фрагментов всевозможной керамики и обломками жженого кирпича. Это, по-видимому, объясняется тем, что слабый связанный солонцеватый грунт легко поддается размыванию и выветриванию, оставляя на поверхности более тяжелые фрагменты керамики и кирпича. В то же время на территории рабада, расположенного

²¹ К. А. Кларе и А. Черкасов. Древний Отрар ... стр. 13 — 36.

много ниже шахристана и заросшего травой, подъемный материал встречается значительно реже.

Анализом собранного многочисленного материала, среди которого в основном преобладает керамика позднего средневековья, устанавливается непрерывность жизни города по меньшей мере с середины первого тысячелетия н. эры, причем наибольший расцвет его падает на V—VIII и XIII—XV вв. н. эры, что соответствует времени развития феодального города, а также подъему его жизни после монгольского завоевания.

При этом необходимо отметить, что наряду с керамикой, датированной с большей или меньшей определенностью V—XV вв. н. эры, на родине Отрара, как и на подавляющем большинстве других городищ Отрарского оазиса, в массе подъемного керамического материала встречается керамика так называемых «архаических» типов. Это — изделия домашнего производства, грубой ручной выделки; как показывают этнографические наблюдения, они могли существовать в быту беднейшего населения города, а также среди оседавшего в городах сельского населения в течение очень длительного периода. Присутствие такого типа керамики не дает нам пока никаких оснований относить Отрар, как и другие средневековые городища с вкраплением керамики «архаических» типов, в массу средневековой керамики, к скифскому (сакскому) или скифо-сарматскому (кангюйскому) периоду.

В мировую историческую литературу наименование города Отрара вошло благодаря так называемой «Отрарской катастрофе», послужившей одним из поводов к началу войны между Хорезмом и монгольским государством²¹².

Некоторые исследователи склонны считать, что само наименование города восходит к очень глубокой древности и что он в то время являлся важнейшим пограничным и узловым пунктом караванных дорог Средней Азии.

На основании тщательного изучения всех доступных нам средневековых араб- и персоязычных источников нами установлено, что город Отрар впервые упоминается лишь в начале IX в. н. эры в сообщении арабского историка ат-Табари²¹³, который в числе врагов халифа ал-Мамуна (813—818 гг.) называет и царя города Отрара. Арабский историк Абул Валид Мухаммед ал-Азраки²¹⁴ в своем сочинении «Хроника города Мекки» сообщает: «Также и из области Торбад (послал) то, что он потребовал с Фараба и Шавгара и он (ал-Мамун) постарался овладеть областью Отрар; он убил начальника пограничной крепости и взял в плен сыновей карлухского джабгу с его женами, после того как заставил бежать его самого в страну кимаков». В этом сообщении область Отрар упоминается наряду с Фарабом, что свидетельствует об одновременности существования и независимости одной области от другой, поэтому и локализация города Отрара на территории области Фараба или наоборот, как это пытаются делать некоторые исследователи, по нашему мнению, ничем не обоснована.

Подчинение Отрара арабам было, по-видимому, непродолжитель-

²¹² В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. К истории орошения Туркестана. СПб, 1914; О статье «Догадка о прошлом Отрара»...; Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб, 1900; Н. Лыков и И. В. Догадка о прошлом Отрара...; А. Кастанье. Мертвые города Сунак-Ат-Беш-там, Кзыл-кала (Перовского уезда, Сыр-Дарьинской области). Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, вып. XXIII, 1911, стр. 40—46; К. Клари и А. Черкасов. Древний Отрар...

²¹³ В. В. Бартольд. О статье «Догадка о прошлом Отрара»...

²¹⁴ А. И. Михайлова. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. «Эпиграфика Востока», вып. V, 1951, стр. 17.

ным, так как еще при жизни ал-Мамуна, что видно из записи беседы Халифа с его визирем ал-Фадл ибн Сахл'ом²¹⁵ «... царь Отрарбенда отказался платить подать, которую он обычно платил. Тогда ал-Фадл ответил ему: «О, Амир, напиши джабгу и хакану, возврати им управление над областями, которыми они владели раньше, и обещай им помощь в борьбе с (другими) царями... и отдай царю Отрарбенда подать за этот год, сделай это подарком от тебя и им ты обяжешь его». Далее он предложил ал-Мамуну «...собрать все свои области и войска и ударить всеми силами на непокорных». Халиф с этим предложением согласился и предложил ему (Фадл ибн Сахлу) провести это предложение в жизнь. С этого момента до начала XIII в., то есть в продолжении почти четырехсот лет, имя города Отрара со страниц письменных исторических источников исчезает, в то время как Параб, или Фараб, и его главный город Кедер упоминаются почти всеми историками и географами IX — XII вв. (Истахри, ибн Хаукаль, ибн Хордадбех, Макдиси и др.).

Если даже допустить, что город Отрар и существовал в это время, то он, по-видимому, был настолько незначительным, что ни один из раннесредневековых авторов, даже лично посещавших этот район, не считал нужным упоминать о нем. Лишь в 1218 г. его имя вновь появляется в связи с разграблением правителем Отрара (наместником Хорезм-шаха) монгольского каравана и убийством сопровождавших его послов и торговцев.

В конце первой половины XII в. (в 1141 году?) район Отрара, входивший, очевидно, до этого времени в состав одного из уделов государства Караханидов, был захвачен, как и вся северо-восточная часть этого государства, каракитаями.

В 1210 г. каракитаян, в свою очередь, были разбиты войсками Хорезм-шаха Мухаммеда, который, не считая возможным охранять усилившегося к этому времени найманского хана Кучлука и появившихся на северо-восточных границах монголов захваченные им у каракитаев владения на правом берегу Сыр-Дарьи, по словам ибн ал-Асира и Якута²¹⁶, разрушил и опустошил большую часть городов, оставив лишь некоторые из них, в числе которых был и город Отрар. Последний к моменту завоевания его монголами был настолько значительным и защищенным, что смог выдержать почти полугодовую осаду монгольских полчищ.

Особое усиление Отрара в это время возможно произошло за счет притока жителей из других, разрушенных по приказанию Хорезм-шаха Мухаммеда городов правого берега Сыр-Дарьи.

Несмотря на значительное разрушение Отрара при его завоевании монголами, последний продолжал существовать, оставаясь крупным городом, имевшим право чеканки монет.

При монголах Отрар, по-видимому, вошел в состав улуса Джучи-хана — старшего сына Чингиз-хана — и после смерти Берке-хана (сына Джучи), при разделении улуса в 1265—1266 гг. на две части, вошел в состав Ак-Орды²¹⁷.

В 1255 г. через город Отрар проезжал царь Малой Армении (Киликии) Гайтон (Гетум), возвращавшийся из ставки монгольского хана

²¹⁵ А. И. Михайлова. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. ... стр. 11—12.

²¹⁶ Сведения арабских, персидских и тюркских источников ... стр. 31—32.

²¹⁷ К. А. Кларе и А. Черкасов (в статье «Древний Отрар...»), ссылаясь на описание нумизматических коллекций Ташкентского музея, в котором монеты чеканки 1228—1333 гг. якобы носят имена джагатайдов, считают, что Отрар входил в это время в состав улуса Джагатай (см. ПТКЛА, год IX, стр. 13—36).

Менгу. В описании его путешествия Отрар упоминается наряду с другими крупными городами, встретившимися на пути посольства.

По сообщению Рашид-ад-дина²¹⁸, в 1264 г. во время междоусобной войны Берке-хана с внуком Джагатаем — Алгу — Отрар был разграблен войсками.

В описании торгового пути от берегов Азовского моря до Китая, составленном флорентийским купцом Пегалотти в 1340 г., город Отрар упоминается как один из крупнейших торговых пунктов, лежавших на трассе этого пути.

По словам анонима Искандера²¹⁹, правителем Ак-Орды Эрзеном — сыном Сасы-Буки (1320—1345 гг.) — в Отраре и других городах этого района было построено много медресе, ханака, мечетей и прочих «благотворительных» учреждений.

Наибольшего своего развития Отрар достиг во второй половине XIV в., но и в это время он уступал первенство городу Сыгнаку, бывшему в то время столицей Ак-Орды.

После захвата в 1367 г. Урус-ханом власти в обеих (Ак и Кок) ордах отрарская степь стала полем битвы между войсками Тимура и войсками Урус-хана (улус Джучи) и, по словам Шереф-ад-дина Йезди²²⁰, была свидетелем разгрома войск Урус-хана в 1376 г.

С этого времени Отрар входит в состав государства Тимура, который, по словам того же источника, посещал его во время борьбы с Тохтамышем в 1391 и 1395 гг. и умер в нем в 1405 г., в самый разгар подготовки к походу на Китай.

Последние тимуриды, желая обезопасить северные границы Мавераннахра от все более усиливающихся казахских ханов, стали привлекать для этой цели узбеков. По словам Хондемира²²¹, после возвращения Шейбани-хана из Хорезма (рубеж XV—XVI вв.) «...по приглашению Султан-Махмудхана (тимурида), Шейбани приехал в Отрар. Здесь они заключили между собой дружеский союз. Султан-Махмудхан уступил Шейбани-хану Отрар, а сам уехал в Ташкент». Вслед за Отраром Шейбани-хану подчинился и Сайрам.

Через некоторое время войска казахского хана Бурундук-хана подступили к Саурдуну, в котором в это время находился брат Шейбани-хана — Махмуд-хан. Жители, желая спасти город, выдали казахам Махмуд-хана, но ему удалось от них бежать к Шейбани-хану, с которым он отправился в Отрар. По словам Хондемира, «Вскоре Бурундук-хан и эмир Мухамед-Мезир-Тархан (правитель Туркестана) подошли к Отрару, Шейбани-хан заперся в крепости. Несколько дней продолжались жестокие битвы между осаждавшими и войском Деишским. Наконец, Бурундук-хан, увидев, что к Отрару подоспело вспомогательное войско от Султан-Махмудхана, оставив за собой эмира, отступил от города и ушел к себе. Когда область Отрарская опустела от войска Бурундукова, Шейбани-хан двинулся на Есы (Туркестан)».

Со второй половины XVI в. Отрар, входивший в район Туркестана, большей частью находится во власти казахов, временами подчиняясь узбекам.

Городище Алтын-тене (рис. 29) расположено в 7 км к СЗ от развалин Отрара и представляет собой большую, прямоугольную в плане площадку, ориентированную сторонами по сторонам света и

²¹⁸ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды ... стр. 75.

²¹⁹ Там же, стр. 122.

²²⁰ Там же, стр. 147.

²²¹ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследования о ильхановских царях ... стр. 139—202

окруженную со всех сторон мощным земляным валом высотой до 4 м с остатками башен в виде крупных холмов, возвышающихся над валом и выступающих за его линию как наружу, так и внутрь. Вал этот местами сохранился в два или даже три ряда.

Размер городища с С на Ю — 950 м, с З на В — около 500 м. Снаружи вала сохранились остатки большого рва.

В середине площади городища, несколько ближе к восточной стороне, находятся остатки цитадели, в настоящее время представляющей собой почти квадратной формы холм с крутыми склонами, высотой в 12,5 м и размером у основания примерно 100 × 100 м. Холм этот сторонами также ориентирован по странам света.

На верхней площадке размером примерно 50 × 50 м сохранились остатки каких-то сооружений.

К южной стороне цитадели примыкает вторая, прямоугольной формы площадка высотой около 6,5 м, ориентированная также сторонами по странам света. С трех сторон ее, за исключением северной, которой она примыкает к цитадели, сохранились следы земляного вала с остатками башен в виде холмов, выступающих как вверх, так и в стороны за линию вала. Размер площадки с С на Ю — 100 м и с З на В — 160 м.

На ее территории располагаются остатки построек в виде земляных холмов разного размера и формы. Входные ворота находились, по-видимому, в северо-восточном углу, у основания стен цитадели. Вся площадка внутри наружного вала заросла травой, среди которой изредка встречаются фрагменты керамики. Поверхность цитадели и примыкающей к ней площадки почти свободна от растительности и изобилует осколками керамики, среди которой преобладает так называемая «арханьская», принадлежащая по своим формально-типологическим и частично технологическим признакам к типу скифо-сарматской керамики (Кангуйского времени)²²².

Городище Пчакчи-тепе (рис. 30) расположено примерно 4 км к югу от Отрара и представляет собой прямоугольный в плане двухъярусный бугор с сильно закругленными углами, приблизительно ориентированный сторонами по странам света (откл. 10—15°). Размер его у основания с З на В — 138 м и с С на Ю — 110 м. Западная, более низкая часть представляет собой площадку высотой 7,5 м, размером с З на В — 30 м и с С на Ю — 60 м. Восточная, более высокая часть бугра также имеет форму почти квадратной площадки размером 30 × 30 м и высотой около 11,5 м. Вокруг этого бугра, являющегося, по-видимому, остатками цитадели с небольшим шахристаном или двором, находятся остатки различных сооружений в виде разного размера и фер-

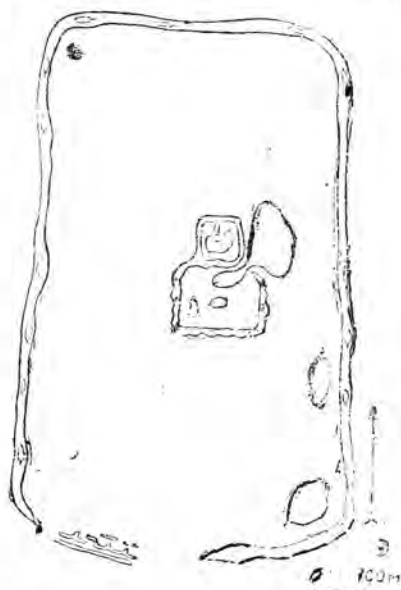

Рис. 29. План городища Алтын-тепе.

²²² А. Н. Бердзига. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана ... стр. 87.

мы бугров. Площадка, сохранявшая по краям остатки земляного вала, является, очевидно, остатками шахристана, значительно увеличенного в связи с развитием города. Эта часть шахристана в настоящее время пересекается с З на В современным магистральным каналом, проходящим почти у самого подножия северной стороны цитадели.

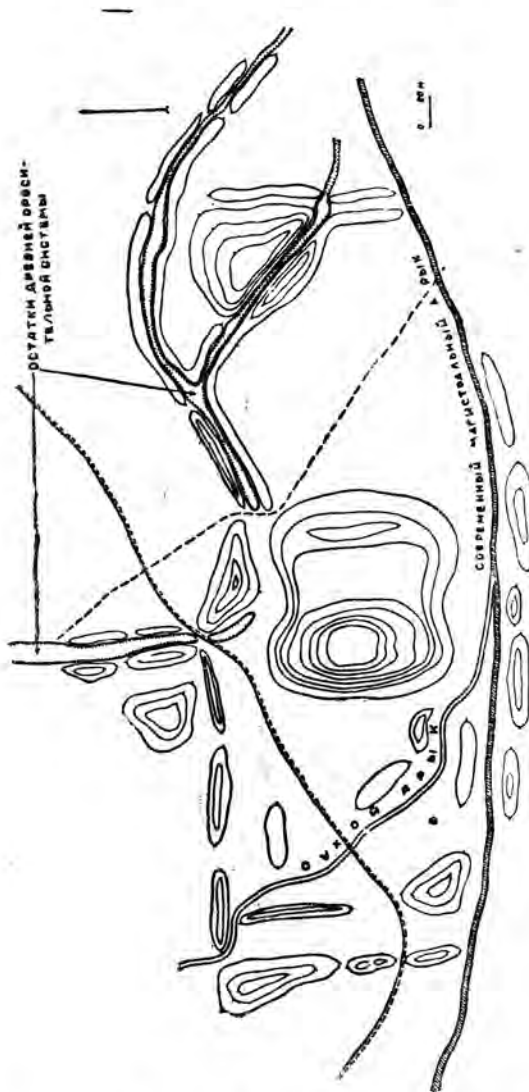

Рис. 30. План городища Пчакир-тепе.

К югу от остатков цитадели сохранились следы древнего магистрального канала, идущего со стороны Арыси к подножию цитадели. У южной стены канал сворачивал сначала к западу, затем метрах в 100 от цитадели раздваивался и сворачивал еще раз к северу. По обе стороны канала сохранились остатки крупных сооружений, из которых один бугор, носящий наименование Жар-тепе, имеет в диаметре около 100 м и высоту около 6 м. Бугор разрезан на две части руслом старого арыка, по-видимому прорытого в позднесредневековое время.

Городище Куйрюк-тепе (рис. 31) расположено в 5 км к ЮВ от Отрара и представляет собой трапециевидной формы двухъярус-

ный бугор, размеры сторон которого (у основания) следующие: северо-западная — 250, западная — 125, юго-западная — 225 и юго-восточная — 180 м. Высота основной площадки около 7,5 м. В юго-западном углу этого бугра, являвшегося когда-то шахристаном, расположены остатки цитадели в виде холма с площадкой размером 30 × 30 м, квадратной формы, высотой около 13 м над горизонтом, или около 5,5 м над площадью шахристана. На углах цитадели сохранились остатки четырех угловых башен, а в центре ее — крупного сооружения в виде круглой формы бугра. Вокруг основания шахристана на значительной площади расположены земляные холмы разного размера и формы, являющиеся, очевидно, остатками различных сооружений. В некоторых местах по краям этой площади, бывшей, по-видимому, в свое время обширным предместьем — рабадом, сохранились следы стен в виде земляного вала.

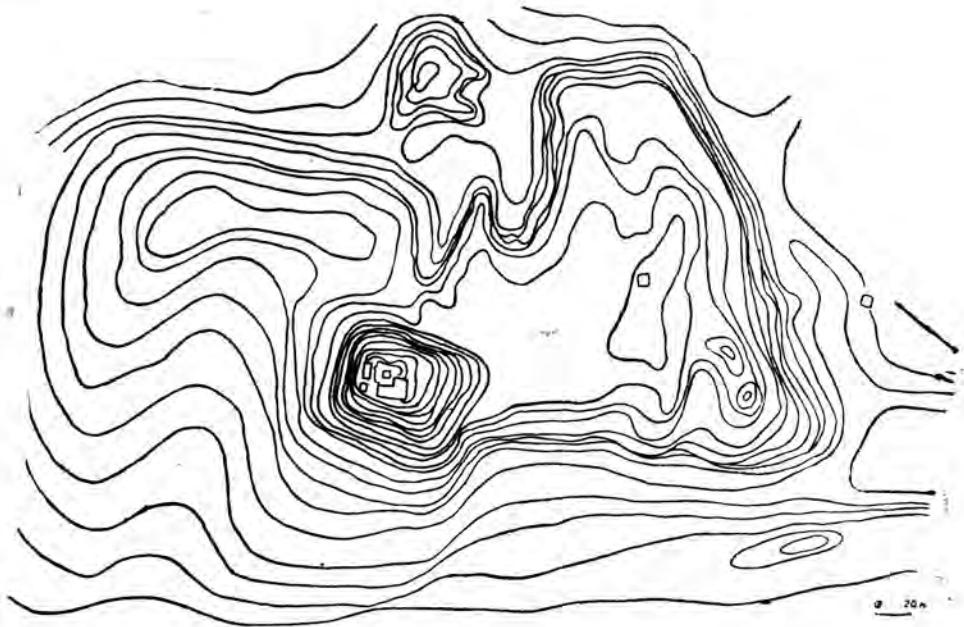

Рис. 31. План городища Куйрук-тепе.

Территория шахристана и цитадели, а также довольно крутые их склоны покрыты редкой травой, среди которой встречается значительное количество фрагментов керамики от «архаического» типа то тюрко-карлукской включительно.

Городище Кок-Мардан (рис. 32), известное в настоящее время среди окрестного населения под этим же наименованием, нанесено на пятиверстной карте Средней Азии под именем Улькун-Мардан. Оно находится в урочище Кок-Мардан примерно в 10 км к югу от Отрара, на левом берегу реки Арыси, недалеко от места впадения ее в Сыр-Дарью. В настоящее время городище представляет в плане яйцевидной формы бугор с несколько выпуклой площадкой наверху размером 140 × 60 м, ориентированный острым концом на Ю—ЮВ. Высота его около 15 м, размеры у основания с Ю—ЮВ на С—СЗ — 270 м и с ЮЗ—З на СВ—В—150 м. Следов вала или стен по краям площадки не

сохранилось. Бугор этот со всех сторон окружен широким (от 20 до 25 м) ровом глубиной в 2—2,5 м.

С наружной стороны ров, в свою очередь, был окружен земляным валом, остатки которого местами сохранились до настоящего времени.

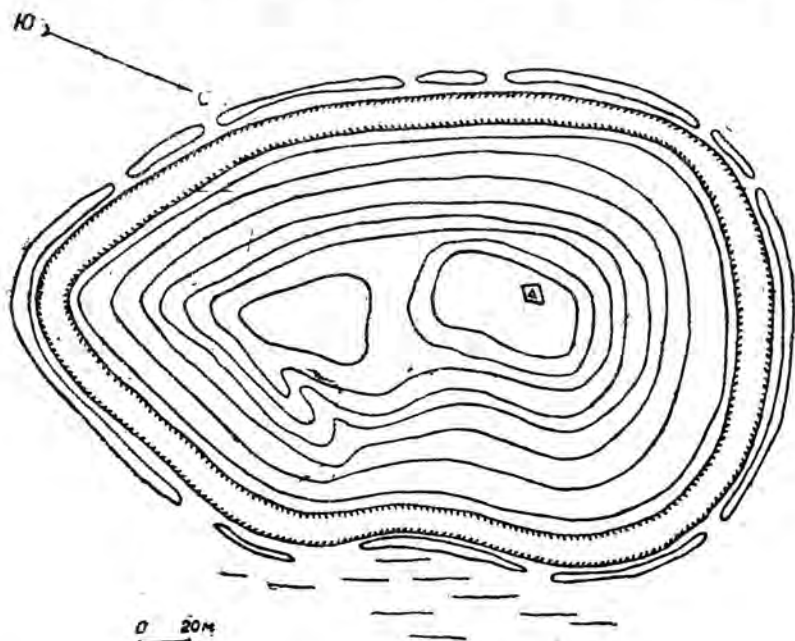

Рис. 32. План городища Кок-Мардан.

Рыхлый зольно-солончаковый верхний слой, покрывающий площадь городища и его склоны, свободен от растительности. На поверхности его встречается довольно большое количество фрагментов исключительно неполивной керамики.

Городище Мардан-кюк (рис. 33), известное среди местного населения под именем Мардан или Куюк, расположено в 7 км к СЗ от городища Отрар, т. е. на северо-западной окраине Отрарского оазиса.

Оно представляет собой в настоящее время подпрямоугольной формы бугор высотой около 8 м, ориентированный сторонами примерно по странам света (откл. около 15°). Склоны его довольно крутые. Размер бугра у основания с С на Ю — 220 м и с З на В — 340 м. На верхней такой же подпрямоугольной площадке размером соответственно 120 на 260 м расположено несколько холмов разной формы и величины. В наиболее высокой, восточной части этого бугра, являющегося, по-видимому, остатками шахристана, была расположена цитадель, сохранившаяся в виде прямоугольной формы бугра с сильно закругленными углами и площадкой наверху общей высотой около 11 м и размером с С на Ю — 70 и с З на В — 45 м. В середине северной стороны шахристана, почти вплотную к его основанию, примыкает высокий, конусовидной формы холм с очень крутыми склонами, высотой около 13 м. Холм этот, судя по его расположению и форме, является остатками большой, возможно жилой, башни, охранявшей вход в город. Почти со всех сторон площади шахристана сохранились следы земляного вала с остатками башен в виде холмов разного размера и высоты.

К южной стороне шахристана примыкают остатки предместья — рабада, сохранившегося в форме подпрямоугольной площадки размером с С на Ю — 180 м и с З на В — 460 м.

Площадь рабада с трех сторон, за исключением стороны, примыкающей к шахристану, окружена сильно оплывшим в настоящее время

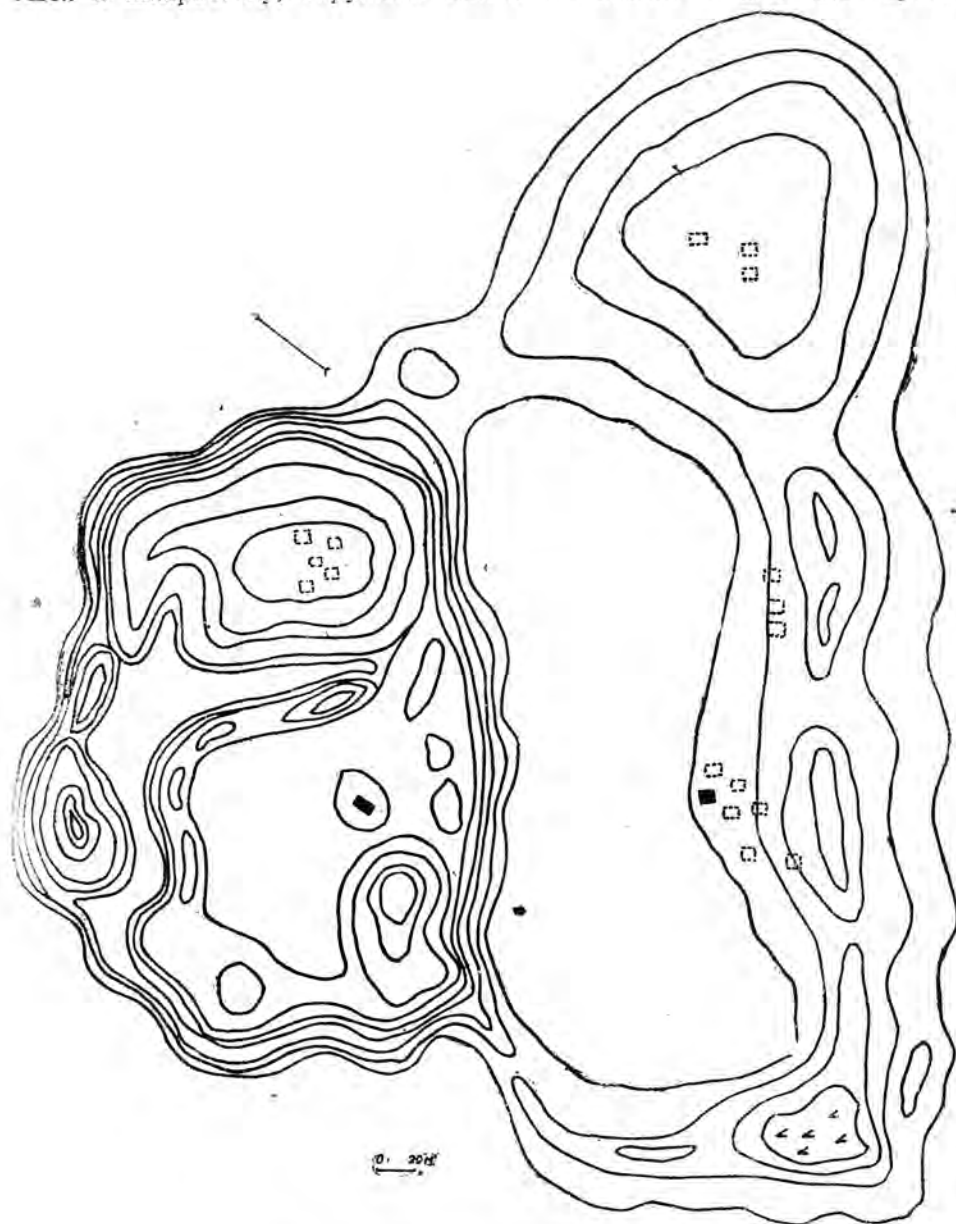

Рис. 33. План городища Мардан-кюк.

земляным валом с остатками башен. Высота вала местами достигает 5—6 м, а ширина его у основания — от 60 до 100 м. Внутренняя площадь рабада, свободная от остатков каких-либо сооружений, почти на метр ниже окружающей ее местности, несмотря на то, что она в на-

стоящее время значительно поднялась за счет размываемого атмосферными осадками окружающего ее вала и шахристана.

На территории шахристана и цитадели, а также на внутренних склонах окружающего рабад вала сохранились остатки всевозможных строений в виде бесформенных бугров и отчетливо вырисовывающихся на поверхности остатков стен в форме контурных прямоугольников.

Почти на всей поверхности городища и, главным образом, на склонах его встречаются в значительном количестве фрагменты исключительно неполивной керамики, обломки бронзовых изделий, керамического шлака, бус и других остатков предметов материальной культуры.

Городище Джалпак-тепе I (рис. 34) расположено примерно в 10 км к западу от Отрара и представляет собой подпрямоугольной формы двухъярусный бугор, ориентированный сторонами примерно по странам света. Размеры его у основания: с З на В — 240 м и с С на Ю — 200 м. Восточная, более возвышенная часть бугра имеет форму трапециевидной площадки размером с З на В — 100 м и с С на Ю — 90 м. Высота ее около 6 м. На углах площадки сохранились остатки башен в виде холмов, выступающих как над площадкой, так и за линию ее стен. Особенно далеко наружу вынесены башни юго-западного угла высотой 7,5 м и юго-восточного угла высотой около 10 м. Башни эти соединены с основной площадкой перемычками двадцатиметровой ширины и отделяются одна от другой глубокой выемкой шириною у основания башен около 15 м. Кроме угловых башен, в середине западной стороны сохранились остатки еще двух небольших башенок, очевидно оформлявших или охранявших вход на площадку с примыкающей к этой стороне второй более низкой прямо-

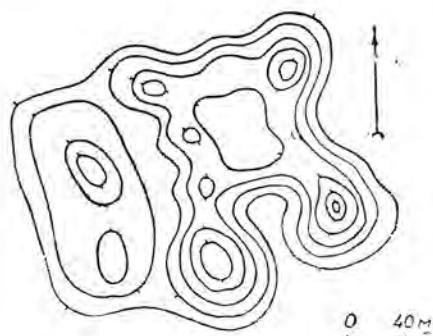

Рис. 34. План городища Джалпак-тепе I.

угольной же формы площадки высотой около 4 м и размером с С на Ю — 140 м и с З на В — 100 м.

Собранная керамика дала образцы кангюйско-хорезмийского и гунно-эфталитского типов (с IV в. до н. эры и до V—VI вв. н. эры) и довольно значительное количество фрагментов красной в изломе, невыразительной керамики X в. н. эры. Городище является остатками небольшой крепости с постоянным гарнизоном — рибата.

Городище Кара-Гундук (см. рис. 24, 8) расположено у северо-западной окраины поселка Шаульдер, в 250 м от современного русла реки Арысь, и представляет собой овальный в плане бугор высотой около 15 м с овальной формы площадкой наверху. Размеры его у основания с СВ на ЮЗ — 200 м и с ЮВ на СЗ — 150 м, размеры площадки — соответственно 100 × 70 м. На поверхности тепе, среди рыхлого золисто-солонцеватого грунта, почти свободного от растительности, а также в насыпях современных мусульманских захоронений, расположенных на территории городища, встречается значительное количество фрагментов керамики преимущественно арханчского типа, представленной посудой черной и красной окраски, с лощением, рыхлой шамотной с рифленой поверхностью — так называемой кангюйско-хорезмийской и гунно-эфталитской, а также значительное количество керамики, красной в изломе, нехарактерной, с зеленоватым ангобом.

Городище, судя по его форме, является остатками небольшого города или крупного сельского поселения, развившегося на базе укрепленного дома-массива кангюйского типа.

Городище Токай-тепе (рис. 35), находящееся примерно в 13 км к Ю—ЮВ от Отрара, расположено в местности, заросшей кустарником (тугай), в излучине правого берега реки Арыси. Оно очень оригинально по своему плану и представляет собой площадку в виде равнобедренного треугольника, направленного вершиной к западу, к руслу реки, причем верхняя часть его примерно до половины срезана современным руслом реки. Основание треугольника изогнуто внутрь. Размер сторон площадки: южной — 280 м, северо-западной — 260 м, западной (примыкающей к реке) — 240 и северо-северо-восточной — (по прямой линии) 380 м. Площадка со всех сторон, исключая примыкающую к руслу реки, окружена глубоким (до 2 м глубины) и широким (свыше 20 м) рвом, западные концы которого соединяются с руслом реки. Уровень воды в ней в момент обследования был примерно на 0,5 м ниже современного дна рва, который в момент половодья, по-видимому, заполняется водой. Как с наружной стороны рва, так и с внутренней сохранились остатки валов, в настоящее время высота их около одного метра. В середине западного конца площадки, почти на самом берегу реки, находится бугор треугольной в плане формы, обращенный одним из углов в сторону реки, к западу. Высота его около 5 м, длина каждой стороны у основания около 80 м. Верхняя площадка бугра такой же треугольной формы, с длиной каждой стороны около 35 м. На северо-восточном углу этой площадки находится небольшой, круглый в плане холм высотой над площадкой около одного метра. Кроме этого бугра, являющегося, очевидно, остатками цитадели или дворца—арка, на территории городища, занятой в настоящее время посевами зерновых, находятся еще три довольно крупных круглых в плане холма.

Поверхность городища, валов и рва, свободная от посевов, покрыта густой травой. На городище было собрано некоторое количество фрагментов керамики, среди которой (кроме маловыразительной керамики красного цвета) обнаружено несколько фрагментов архаической, кангюйско-хорезмийского типа.

Оригинальное по своей форме городище является, по-видимому, остатками сходного с малым Кырк-кыз-кала замка, обследованного С. П. Толстовым на территории древнего Хорезма²²³.

Городище Джалпак-тепе II (рис. 36) находится примерно в 15 км к Ю—ЮВ от Отрара недалеко (около 500 м) от правого берега Арыси и представляет собой пятиугольный в плане бугор высотой около 15 м со сторонами следующих размеров у основания: северо-западная — 140, северо-восточная — 90, юго-восточная — 170, южная — 100 и юго-западная — 120 м. Вершина бугра плоская, в виде площадки, с размерами сторон, соответственным сторонам основания: 120, 50, 140, 70 и 90 м.

Рис. 35. План городища Токай-тепе

²²³ С. П. Толстов. Древний Хорезм ... стр. 100.

На трех углах площадки сохранились остатки башен. Четвертая башня находилась в северо-восточном конце городища. Самая крупная башня, располагалась в юго-западном углу, и является, по-видимому, остатками цитадели или большой жилой башни — доижона. Остатков стен или вала не сохранилось.

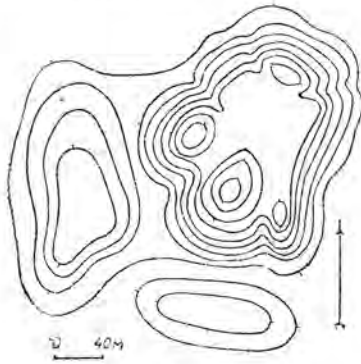

Рис. 36. План городища Джалпак-тепе II.

К юго-западной и южной сторонам городища примыкают две сравнительно большие овальные площадки, а именно: юго-западная размером 120×180 м, высотой около 5 м и южная размером 60×180 м, высотой около 2 м.

Все городище покрыто травой. На поверхности современных мусульманских захоронений, расположенных в южном конце городища, собрано большое количество подъемного материала, главным образом фрагментов керамики кангюйско-хорезмийского и гунно-эфталитского типов.

Городище, по-видимому, является остатками небольшого города, возникшего на базе поселения кангюйского времени и прекратившего свое существование к периоду арабского завоевания.

Кроме упомянутых выше развалин крупных городов и поселений, современный Отрарский оазис буквально насыщен остатками поселений типа укрепленных домов-массивов или замков, сохранившихся до настоящего времени в виде различных размеров бугров полусферической, конической или уступчатой формы, круглых, овальных или прямоугольных в плане.

Из числа описанных выше городищ лишь одно городище Отрар бесспорно может быть отождествлено с древним городом Отраром. Остальные городища отождествлению пока не поддаются.

С каким же из этих городищ могут быть отождествлены древние города Фараб (Параб, Бараб) и Кедер? Где именно может быть локализован округ Фараб? На основании имеющихся в нашем распоряжении исторических и археологических материалов решить эти вопросы сейчас едва ли возможно. Во всяком случае, идентифицировать округ Фараб с округом Отрара, как это делают некоторые исследователи²²⁴, нет оснований, так как оба эти округа, как видно из цитированной выше «Хроники города Мекки», существовали одновременно и независимо один от другого.

Округ Фараб, как и его главный город Кедер, в раннесредневековой историко-географической литературе обычно упоминается или в числе округов и городов, подчиненных округу Испиджаб, или как находящийся в районе последнего. Согласно сообщению географа X в. ал-Истахри, «...от Испиджаба (пос. Сайрам) до Усбаникета (городище у пос. Обручевка) два дня пути. От Усбаникета до Кадара (Кедер), главного города Бараба, два легких дневных перехода. От кадара до Шавгара день пути»²²⁵. В то же время Мақдисӣ²²⁶, лично посетивший этот район, писал, что «... от Бараба до Шавгара два дня пути». Если принять расстояние от Кадара до Шавгара, указанное ал-Истахри, то

²²⁴ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана... стр. 145, 146 и 149; А. Н. Бернштам. Древний Отрар... стр. 82, 83 и др.

²²⁵ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 6.

²²⁶ Там же, стр. 8.

область Фараб нужно локализовать к северу от Отрара, в районе расположения городищ Мардан-куюк, Алтын-тепе, Куйрюк-тепе и др., что, пожалуй, будет неправильно, так как они находятся в непосредственной близости к городищу Отрар и едва ли могли входить в другой округ. Если же признать правильным указание Макдиси о двух днях пути между указанными городами, то округ Фараб (Параб) может быть локализован к Ю—ЮВ от Отрара примерно в районе городищ Кара-Тундук, Джалпак-тепе II, Токай и др., т. е. в месте, достаточно удаленном от Отрара. Кроме того, этот район, расположенный ближе к такому крупному городу, как Испиджаб, и к основным караванным путям, более часто, чем район Отрара посещали средневековые географы и путешественники, почему он и упоминается почти во всех средневековых дорожниках вплоть до XIII в.

Первоначально имя Параб, по-видимому, носил лишь город, так как арабский географ ибн Хордадбех²²⁷ в своей книге «Пути и провинции» (вторая половина IX в.) писал: «... а в городе Фарабе находятся (одновременно) отряды мусульман и отряды тюрок-харлухов».

Ал-Истахри²²⁸, писавший свою «Книгу путей стран» примерно через сто лет после ибн Хордадбега, в одном месте о Фарабе говорит как о городе, упоминая его наряду с городами Сюткентом, Шашем и другими, а в другом месте пишет: «От Усбаникета до Кадара, главного города Бараба, два легких дневных перехода».

Ибн Хаукаль²²⁹ сообщает о Барабе (Фарабе) опять-таки только как о городе, а не округе, и лишь в анонимном географическом сочинении Худуд ал-Алем²³⁰, составленном в 982—983 гг., отмечено, что Параб является богатым округом с главным городом Кедером.

Таким образом, можно считать установленным, что упоминаемое в середине IX в. наименование города Фараба (Параб, Бараб) во второй половине X в. переносится на округ, главным городом которого становится город Кедер (Кадар). Был ли при этом переименован старый город Фараб в Кедер или же главным в области сделался другой развившийся город — установить пока не представляется возможным, но более вероятно последнее, на что указывает и Макдиси, а не наоборот, как это предполагает В. В. Бартольд²³¹. Возможно, что такой перенос центра области произошел вследствие очередного разрушения прежнего центра Фараба при завоевании его караханидом Богра-ханом (около 1000 г.).

В дальнейшем имя Кедер из источников исчезает совершенно.

Округ же Фараб (Параб) упоминается Махмудом Кашгарским²³², который (1074 г.) пишет: «Карачук — название Фараба, а это название города гузов».

Во всяком случае, если даже наша локализация округа Фараба в районе упомянутых городищ Токай, Джалпак-тепе II и других правильна, то какое из этих городищ является остатками города Фараба или Кедера — решить в настоящее время невозможно.

Городища района южных предгорий Каратау и среднего течения реки Арыси

Между Отрарским оазисом и северо-западной границей культурных земель правобережья средней Сыр-Дарьи, в районе южных предгорий

²²⁷ МТТ, т. I... стр. 144.

²²⁸ Там же, стр. 178.

²²⁹ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 5.

²³⁰ МТТ, т. I... стр. 216.

²³¹ В. В. Бартольд. История орошения Туркестана... стр. 145.

²³² МТТ, т. I... стр. 312.

Каратау, находится большая группа городищ. В большинстве своем они являются остатками пограничных городов, поселений и крепостей, прикрывавших земледельческие области Южного Казахстана от вторгавшихся с запада и северо-запада гузов, кипчаков и кимаков.

Наименования некоторых, известных нам по письменным источникам, крупных средневековых городов носят современные города и поселения, как, например, Туркестан, Икан, или сравнительно мощные развалины — Сыгнак, Сауран. В то же время значительная часть известных нам развалин в настоящее время носит наименования, которые никакого отношения не имеют к именам городов, остатками которых они являются, например — Чуй-тепе, Садык-Ата-тепе и др.

Из 12 городищ района южных предгорий Каратау 8 имеют прямоугольную или близкую к прямоугольной форму (Икан, Ишкан, Мыр-тепе, Малик-Баба-Ата, Садык-Ата, Чуй-тепе, Шорнак и Яны-Асар), а остальные — неопределенную или многогранную форму (Кара-тепе, Сыгнак, Сауран и Ясы-Туркестан). Остатки цитаделей сохранились лишь на 8 городищах (Икан, Ишкан, Кара-тепе, Малик-Баба-Ата, Садык-Ата, Чуй-тепе, Ясы-Туркестан и Яны-Асар). На остальных четырех следов цитадели не сохранилось. Почти у всех городищ (за исключением Кара-тепе) сохранились остатки предместий, причем некоторые из них также были ограждены стеной или валом (Сыгнак и др.). Остатки стен или валов, ограждавших площадь шахристана, сохранились у 10 городищ (за исключением Икана и Садык-Ата). Следы башен как на стенах, так и на самой территории городищ имеются также у 10 городищ (за исключением Ишкана и Шорнака). Остатки рвов, окружавших площадь шахристана, сохранились лишь у двух (Ишкан и Сауран). Ворота большинства городищ охранялись башнями, расположенными на стенах по сторонам входа, и лишь у городищ Саурана и Сыгнака вход на территорию города был оформлен выгнутыми наружу стенами, образующими коридорообразный проход. В большинстве своем городища этой группы были расположены на берегах небольших горных речек, а остальные снабжались водой с помощью арыков, как, например, Чуй-тепе, Сауран, Сыгнак и др.

Городище Ясы-Туркестан (рис. 37) находится на территории современного города Туркестана. Большая часть территории средневекового города перекрыта развалинами позднейших сооружений и современных построек. Городище это имеет форму неправильного пятиугольника с небольшим выступом западного угла. Размеры его сторон следующие: юго-восточная — 13, северо-восточная — 80, северная — 90, юго-западная — 130 и юго-западная — 200 м. Городище было окружено земляным валом, на вершине которого почти со всех сторон сохранились остатки сложенной из пахсы и крупных размеров сырцового кирпича крепостной стены с башнями круглой формы на углах. Сохранились остатки ворот: первые — к востоку от северо-восточного угла и вторые — примерно в середине юго-западной стены.

Цитадель находилась в западном углу площади шахристана, имеет в настоящее время вид площадки, возвышенной над остальной частью городища, и отделяется от шахристана земляным валом. Большая часть площади цитадели занята мавзолеем — мечетью Ходжи-Ахмеда Ясеви. К западной стороне шахристана примыкает обширная площадь предместья — рабада — размером 350×350 м, которое также было окружено земляным валом и пахсовой стеной, часть ее сохранилась до настоящего времени. На площади рабада расположены в нескольких местах древние мусульманские кладбища. Судя по пахсовой стене, местами расположенной не на вершине вала, а на уровне площадки городища,

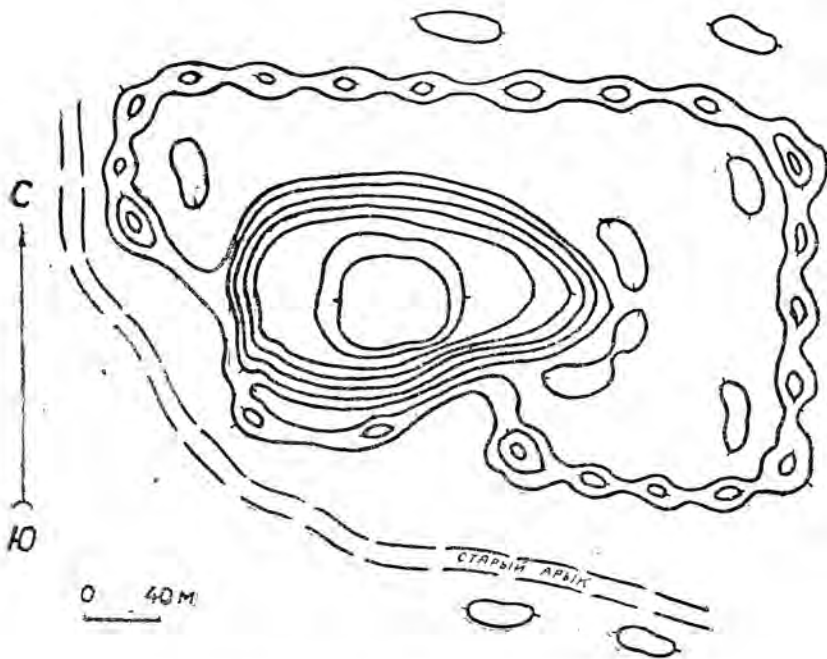
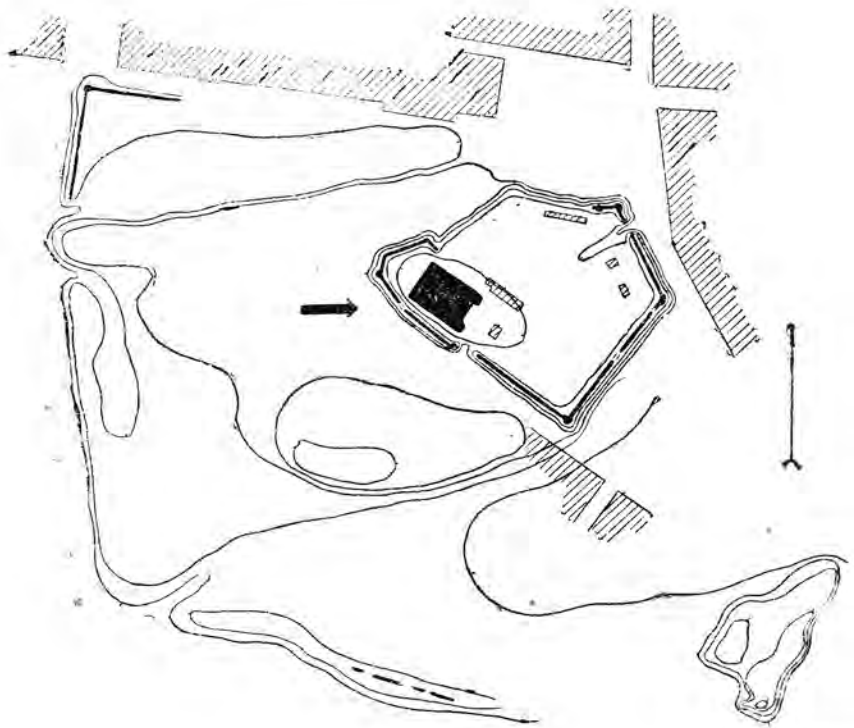

Рис. 37. План городищ Туркестана (Ясы) и Чуй-тепе.

можно думать, что план средневекового города Ясы был несколько иным, чем у послемонгольского города Туркестана.

Тщательное обследование района города Туркестана показало, что, помимо городища, на территории которого расположен современный Туркестан, километрах в 8 к югу от него, имеется еще одно городище, являющееся остатками довольно обширного древнего города.

Городище это, известное в настоящее время под наименованием Чуй-тепе, представляет собой подпрямоугольный в плане бугор, ориентированный сторонами по странам света, со срезанным юго-западным углом. Размер бугра (у основания) с З на В—360 м и с С на Ю—200 м, высота—2—2,5 м. Верхняя площадка окружена со всех сторон земляным валом высотой 3,5—4 м. На валу сохранились остатки башен в виде разного размера холмов. Башни были расположены как на углах, так и в середине стен, причем наиболее крупные находились на углах.

Примерно в середине площадки городища, являющейся, по-видимому, остатками шахристана, несколько ближе к северо-западному срезанному углу, сохранились остатки цитадели в виде овального в плане двухъярусного бугра высотой около 12 м над окружающей местностью. Размеры его, у основания с З на В около 200 м и с С на Ю около 120 м. Прямоугольной формы верхняя площадка цитадели ориентирована сторонами по странам света. Размеры ее с С на Ю—50 м и с З на В—60 м.

Как на территории городища, так и к северу и югу от него сохранились остатки довольно многочисленных сооружений. Вдоль южной и западной стороны, за стенами городища, сохранились остатки древнего арыка.

Для отождествления городища Чуй-тепе и городища, на территории которого расположен современный город Туркестан, с городами, упоминаемыми средневековыми авторами, существенное значение имеет указание арабского географа X в. ал-Истахри²³³ о том, что «...от Кадара (главный город округа Фараб) до Шавагара день пути. От Шавагара до Собрана (Саурана) легкий дневной переход». Судя по этому сообщению, город Шавгар должен был находиться где-то на полдороге между развалинами Отрара и Саурана, т. е. в районе современного города Туркестана.

Тот же Истахри²³⁴ сообщает, что во второй половине IX в. на город Шавгар совершил поход один из Саманидов (Наср ибн Ахмед ибн Асад). По словам Макдиси, «Шавагар большой город с обширным рустаком, вокруг него стена. Мечеть на краю рынка. Он владел от большой дороги»²³⁵.

— Городище Чуй-тепе, расположенное несколько в стороне от основной прямой дороги из Саурана в Отрар и давшее подъемный материал (в основном керамику) не позднее XI—XII вв. н. эры, по всей вероятности и является остатками древнего города Шавгара, наименование которого исчезает со страниц средневековой историко-географической литературы с XII в. Известно, что вместо Шавгара в исторической литературе с XIV в. (т. е. в тимуридское время) начинает упоминаться город, лежащий в том же районе, но посвящий имя Ясы. Судя по тому, что в нем находилась могила умершего (примерно в период 1166—1167 гг.) тюркского «святого» — суфия Хаджи Ахмеда, прозванного по месту его

²³³ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 5.

²³⁴ А. Якубовский. Об одном раннесаманидском фельсе (из ранней истории Саманидского дома). КС ИИМК, № XII, 1946, стр. 103.

²³⁵ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 9 (примечание).

проповедческой деятельности «Ясеви», город Ясы существовал еще в первой половине XII в. и был первоначально, по-видимому, пригородом древнего Шавгара. Постепенно развиваясь, «новый» город (Ясы) оттеснил старый, сохранив свое имя «Ясы» после поглощения Шавгара.

О сплошной в прошлом заселенности района между современным городом Туркестаном и городищем Чуй-тепе свидетельствуют многочисленные фрагменты преимущественно неполивной керамики раннесредневековых типов, встречающейся на всем пространстве между описанными двумя городищами этого района.

Возможно, что древний город Шавгар был разрушен во время междоусобных войн или нападений кимаков, тогда как пригород его — Ясы — благодаря могиле почитаемого всеми тюрками «святого» избежал разрушения.

Имена городов Шавгар и Ясы в хрониках завоеваний этого района Хорезм-шахом Мухаммедом и Чингиз-ханом не упоминаются, очевидно он был в это время очень незначительным, либо сдался обоим завоевателям без сопротивления.

По сообщению Шереф-ад-дина Йезди²³⁶, в 1389 г. город Ясы, входивший, по-видимому, в то время в состав Мавераннахра, был разграблен войсками Тохтамыша. При этом были захвачены ценности мавзолей Ходжи-Ахмеда Ясеви. Часть добычи, захваченной Тимуром после разгрома войск Тохтамыша, была использована на постройку нового мавзолея над могилой Ходжи-Ахмеда Ясеви взамен пришедшего в ветхость и разрушенного войсками Тохтамыша старого мавзолея.

В 1451 г. по сообщению Абд-ар-Раззака Самарканди²³⁷, у города Ясы войска правнука Тимура — Султан-Абу-Сайда — соединились с узбекскими войсками Абулхаир-хана для совместного выступления против другого тимурида — Султана Абдаллаха.

Со второй половины XV в. и до второй половины XVI в. Ясы, находившийся на территории, занятой узбеками, принадлежал последним, сначала на короткое время переходя в руки владетелей Мавераннахра. В этот период здесь были похоронены дочь внука Тимура Улугбека Раби-а-султан-бегум (умершая в 1485 г.), ее сын — узбекский хан Сулейман (1524 г.), а также внук и внучка последнего.

Рузбехани²³⁸ в своем сочинении «Михман-наме-и Бухара» писал: «Ясы — главный город Туркестана. Окрестность обширна и покрыта зеленью. Сюда поступают товары из всех мест и здесь распродаются. Здесь место пребывания купцов, через него проезжают путешественники. Мавзолей Ахмед Ясеви — одна из самых монументальных построек во всем мире: в архитектуре мавзолея проявлено человеческое искусство доброты и разительности и восхищения».

В 1579 г., по сообщению Хафиза Тавыша²³⁹, Баба-султан, восставший против владетеля Бухары Абдулла-хана и захвативший власть в Ташкенте после убийства своего брата — наместника Ташкента, ввиду невозможности противостоять движению казахских племен уступил им область Есы и Собран. С этого времени город Ясы (Есы) принадлежал казахам и лишь в самом конце XVI в. очень короткое время находился под властью владетеля Бухары — узбекского хана Абдуллы II, по-

²³⁶ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... стр. 157.

²³⁷ Там же, стр. 199.

²³⁸ Материалы к истории Узбекской ССР. (Из рукописи Салеева). Ташкент, Институт истории АН УзССР.

²³⁹ В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические известия о киргиз-кайсаках в сношениях России со Средней Азией... стр. 279—312.

распоряжению которого была закончена постройка порталной части мавзолея Ахмед Ясеви, оставшаяся незаконченной после смерти Тимура.

Название города Туркестан вместо Ясы начало входить в употребление примерно со второй половины XVI в., т. е. с момента занятия этого района казахами. Этот город с конца XVI и до конца XVIII в. с небольшими перерывами был одним из центров и официальным местом пребывания казахских ханов то Старшего, то Среднего жуза.

В конце XVII в. тобольский купец Гауш Мергень²⁴⁰, посетивший Туркестан, сообщал: «... а город де Тургустан кладен необожженным кирпичом, в иных местах и жженой кирпич; в вышину тот город сажень в три, в толщину — аршина в два — сажень (имеется в виду стена вокруг города), а кругом сажень с 500, и на стенах поделаны бойницы; да в том же городе башня да четверы ворота проезжие, да казаков живет в том городе человек с 1000. Да в том же городе по их закону построена мечеть, а кругом того Тургустана города прилегла степь».

Городище Сыгнак (рис. 38). Описанию развалин города Сыгнака (Сугнак, Сугнах, Сунак, Сигнак) посвящено много работ таких исследователей, как Лерх, Бартольд, Каллаур, Кастанье, Чулошников и другие. Сводные данные о нем сообщает А. Ю. Якубовский, почему мы и коснемся здесь главным образом плана его развалин. План Сыгнака, снятый В. А. Каллауром, как справедливо отметил еще А. Ю. Якубовский, совершенно не соответствует действительности²⁴¹.

Городище Сыгнак находится в урочище Сунак-Ата, к северу от ж.-д. линии между станциями Чийли и Тюмень-арык, среди довольно густых зарослей саксаульника и джиды и в настоящее время в плане представляет собой пятиугольной формы бугор, длина сторон которого: северная — 275, северо-западно-западная — 175, юго-западно-западная — 190, южная — 175 и юго-восточно-восточная — 320 м (замеры произведены по вершине вала). Вход внутрь городища сохранился в северном конце юго-восточно-восточной стороны в виде узкого, длиною около 20 м коридора, образованного выступами земляного вала, охватывающего площадь городища. Высота вала над окружающей местностью иногда достигает 6 — 7 м. На нем сохранились остатки 15 башен в виде крупных земляных холмов, возвышающихся над валом на 1,5 м. Башни эти были расположены по 3 на каждом углу, из которых одна находилась на самом углу, а остальные две — по обе стороны угловой башни примерно на расстоянии 40 — 50 м от угла. Высота внутренней площади городища над окружающей местностью — 4 — 5 м. Наружные склоны вала довольно крутые, местами почти отвесные, внутренние — пологие.

С трех сторон (за исключением восточной) этой площади, являющейся, по-видимому, остатками шахристана, примыкают развалины довольно обширного рабада, также окруженного со всех сторон земляным валом высотой от 0,5 до 1 м и шириною у основания 3 — 4 м. Рабад вместе с площадью шахристана, имеет форму пятиугольной площадки, вытянутой с С на Ю. Размеры сторон его: северная — 250, западная — 650, южная — 250, юго-восточно-восточная — 450 и восточно-северо-восточная — 350 м.

Вокруг городища среди зарослей кустарника встречается большое количество остатков всевозможных сооружений в виде разного размера и формы земляных холмов. От мавзолея — мечети Сунак-Ата, — нахо-

²⁴⁰ А. П. Чулошников. К истории феодальных отношений в Казахстане XVII—XVIII вв. «Изв. Академии наук СССР», отд. обществ. наук, 1936, № 3, стр. 52.

²⁴¹ А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака... стр. 123.

дившегося в полуразрушенном состоянии во время посещения Сыгнака А. Ю. Якубовским, в настоящее время остался лишь большой холм из обломков жженого кирпича и глины. Собранный на территории Сыгнака керамика свидетельствует, что наибольший расцвет жизни города происходит в V—VIII вв. н. эры. Затем роль его падает и поднимается вновь лишь в XII—XVI вв. н. эры, т. е. после монгольского нашествия, когда он временами возвышался до положения столицы Белой Орды (по русским источникам — Сией).

Городище Сауран (рис. 39), так же как и городище Сыгнак, неоднократно обследовалось и упоминалось еще в дореволюционной специальной литературе²⁴². Оно расположено к ЮВ от развалин Сыгнака на правом берегу Сыр-Дарьи, в 8 км от разъезда № 35 Турк.-Сиб. ж. д. В настоящее время представляет собой овальной или, скорее, многоугольной формы площадку, вытянутую с ЮЗ на СВ, с несколькими выступами (один — к западу, два — к северу и один к востоку). Размеры ее с ЮЗ на СВ около 800 и с СЗ на ЮВ около 550 м. Внутренняя площадь городища несколько приподнята над окружающей местностью (от 1,5 до 2,0 м) и ограждена мощным земляным валом шириной у основания около 30 м. Наверху вала сохранились местами остатки крепостной стены, сооруженной из пахсы, чередующейся с кладкой из сырцового кирпича, по размеру и форме близкому к современному европейскому кирпичу. В стене сохранились остатки четырех башен круглой

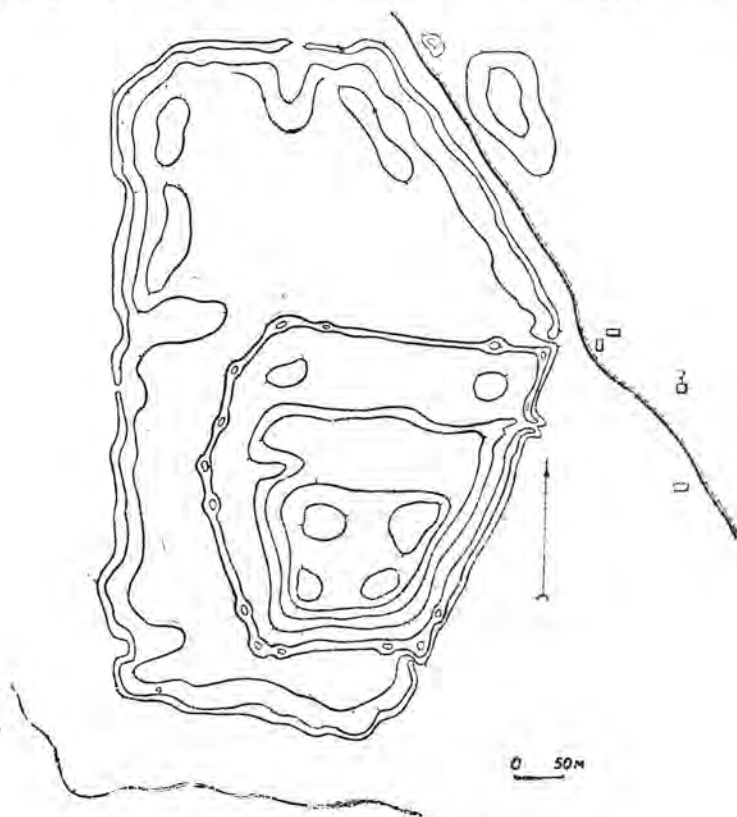

Рис. 38. План городища Сыгнак.

²⁴² П. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край... 1870, стр. 22—31.

формы, выступающих на три четверти наружу за линию стены, и одной, выступающей внутрь площади городища. Последняя ввиду отсутствия остатков цитадели использовалась, возможно, в качестве жилой башни — «донжона», где в случае опасности укрывался правитель города.

Общая высота сохранившейся стены местами достигает 6 м над окружающей местностью. За стенами почти со всех сторон, за исключением южной, сохранились остатки второго вала высотой от 0,5 до 1,5 м, отделенного от первого рвом, в настоящее время имеющим глубину около одного метра и ширину с северо-западной стороны 15—20 и с северо-восточной от 40 до 50 м. Следов арыка, подводившего воду к этому рву, не сохранилось.

В северо-восточном и юго-восточном концах города находилось двое ворот с двадцатиметровыми коридорообразными проходами, образованными стрелками стены, изогнутыми наружу. Ширина прохода — 15—18 м. Против северо-восточных ворот в 300 м и против юго-восточных в 500 м находятся несколько бугров овальной формы, диаметром около 40 м и высотой 1,5 м, на вершине которых сохранились остатки крупных сооружений из сырцового кирпича, возможно — развалины мавзолеев.

На площади городища, покрытой черновато-серой солончаковой коркой, прослеживаются контуры беспорядочно распланированных улиц и остатки отдельных крупных сооружений, на поверхности которых

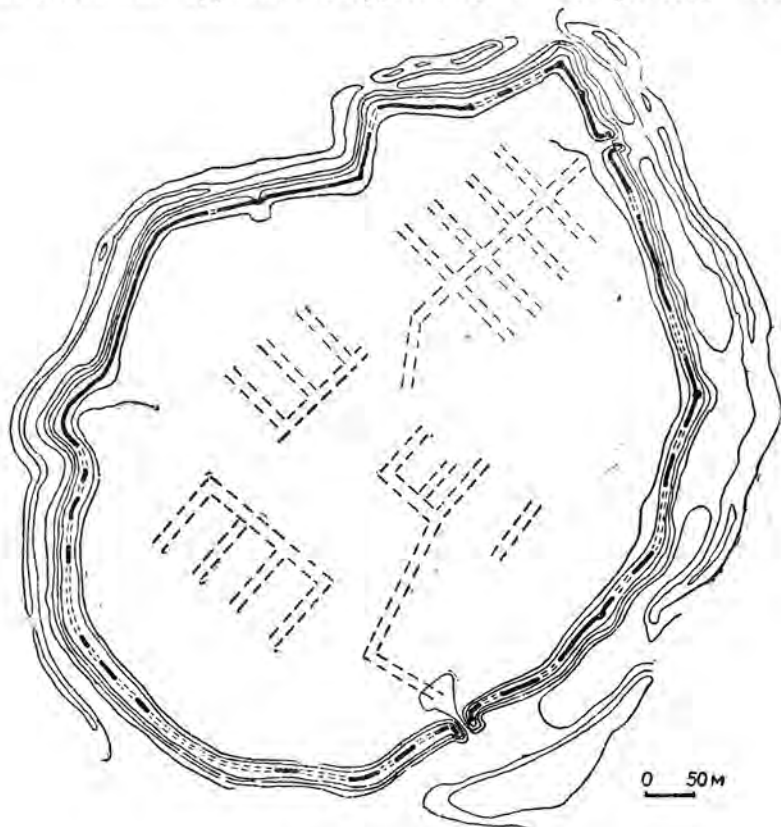

Рис. 39. План городища Сауран.

встречается значительное количество фрагментов керамики примерно такого же типа и времени, что и керамика Сыгнака. Периоды подъема

и упадка городской жизни в Сауране приблизительно совпадали с такой же периодизацией городища Сыгнак.

Впервые имя города Саурана (Савран, Сабран, Сабрай, Ясырван) упоминается в первой половине X в. в сочинении Истахри, переработанном в 976 г. арабским географом ибн Хаукалем²⁴³, который в «Книге путей и стран» писал: «...а этот Собран город, в котором собираются гузы для (заключения) мира и перемирия и для торговли, когда они в мире; это укрепленный город». Некоторые исследователи на основании этого сообщения склонны считать, что не только город Сауран, но и вся территория правобережья среднего течения Сыр-Дарьи и бассейна Арыси вплоть до города Тараза (совр. Джамбул) в это время входила в состав государства огузских Ябгу²⁴⁴, с чем мы не можем согласиться по следующим соображениям. В городе Фарабе, расположенном недалеко от Саурана (к юго-востоку), по сообщению ибн Хордадбеха²⁴⁵ (середина IX в.), одновременно с мусульманами (арабами) находились отряды турок карлухов, но не гузов.

Кроме того, географ Макдиси²⁴⁶ сообщал, что «Сауран большой (город), окруженный 7 стенами, одна за другой, а в нем есть рабад, соборная мечеть (находится) во внутреннем городе. Он — пограничная крепость против гузов и кимаков». В другом месте он же писал, что Сауран входит в число городов Испиджаба.

Из цитированных выше источников можно заключить, что в IX — X вв. город Сауран не входил в состав государства огузов, а наоборот, как говорил Макдиси, был «пограничной крепостью против гузов». Этому не противоречит и сообщение Истахри, что гузы собирались сюда «для (заключения) мира и перемирия», а также и замечание анонима Худуд ал-Алема²⁴⁷, что «Собран город очень богатый — место гузских купцов». Последнее указание, по мысли переводчика цитированного текста — С. Волина, не заключает сколько-нибудь ясного определения — принадлежал ли город огузам или огузские купцы стекались сюда в мирное время для закупки товаров для кочевников.

В начале XI в. город Сауран и его округ, как, по-видимому, и Фараб, и Испиджаб, и другие города и округа юга Казахстана, вошли в состав государства Караханидов, подчинивших себе в это время большую часть территории Средней Азии.

Во время борьбы сельджукидов с караханидами сельджукид Алп-Арслан, по сообщению ибн ал-Асира²⁴⁸, в 1065 г. совершил поход на Дженд и Сабран, причем для этого он «...переправился через Джейхун (Сыр-Дарью) и направился в Дженд и Собран, а они около Бухары... когда он переправился через реку, его встретил мелик Дженда, выразил ему покорность и преподнес ему крупные подарки».

Из этого сообщения следует, что Сыр-Дарья в то время шла по старому руслу, известному сейчас под наименованием Джана-Дарья, на правом берегу которой расположены развалины Дженда. В противном случае Алп-Арслану не пришлось бы переправляться через Сыр-Дарью. Был ли при этом Сауран занят Алп-Арсланом из сообщения ибн ал-Асира не ясно.

Хотя прямых указаний о том, кому принадлежал в это время Сауран, в источниках и не имеется, но нужно думать, что районом как Сау-

²⁴³ МТТ, т. I ... стр. 183.

²⁴⁴ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации ... стр. 249.

²⁴⁵ МТТ, т. I ... стр. 144.

²⁴⁶ Там же, стр. 185.

²⁴⁷ Там же, стр. 216.

²⁴⁸ Там же, стр. 374.

рана, так и Дженда в это время владели караханиды Мавераннахр. Основная масса огузов к этому времени оставила даже район нижнего течения Сыр-Дарьи, поэтому и владеть Саураном в это время они не могли.

Географ Якут²⁴⁹ в своем сочинении «Словарь стран», составленном в начале XIII в., пишет, что Сауран является одним из пограничных городов, не платящих хараджа наравне с Испиджабом.

После завоевания каракитаями (1141 г.) северо-восточной части государства Караханидов город Сауран вошел, очевидно, в состав их государства.

В числе городов, захваченных в 1207 — 1208 гг. Хорезм-шахом Мухаммедом и в 1220 г. — Чингиз-ханом, город Сауран не упоминается, из чего можно заключить, что он сдался без боя Хорезм-шаху и монголам, поэтому, по-видимому, и не подвергся разрушению, так как иначе он едва ли смог быстро оправиться, чтобы уже в 1254 г. быть «весьма велик», как отметил армянский историк, описывающий путешествие армянского царя Гайтона (Гегума)²⁵⁰.

С момента образования Ак-Орды (1265 — 1266 гг.) город Сауран входит в состав последней и, согласно сообщению анонима Искандера²⁵¹, в нем был похоронен умерший в 1320 г. правитель Ак-Орды — Сасы-Бука. Сын его Эрзен (1320 — 1345 гг.), по словам того же источника, построил в Отраре, Сауране и других городах много медресе, ханака и мечетей. В этот период город Сауран временами играл роль столицы Ак-Орды. Так, по словам того же источника, Эмир Тимур, принявший участие в судьбе Тохтамыша, «...отдал приказ, чтобы украсили его (Тохтамыш) именем грамоту на управление Туркестаном. Когда Тохтамыш получил желаемое, прибыл в столицу Сауран».

В период борьбы Тохтамыша с Урус-ханом и его сыновьями Сауран несколько раз переходил из рук в руки, а затем во время войны Тохтамыша с Тимуром он был занят войсками Тимура и вошел в состав его государства, о чем свидетельствует и то обстоятельство, что в 1388 г. Тохтамыш осаждал его, но безуспешно.

В конце первой четверти XV в. в юго-восточной части распавшейся Ак-Орды образовалось узбекское ханство, первый хан которого Барак в 1427 г. разгромил войска внука Тимура Улугбека и разорил часть городов Мавераннахра. В числе разоренных им городов был, по-видимому, и Сауран. Но победа эта не закрепилась, так как лишь в 40-х гг. XV столетия преемнику Барака — Абулхаир-хану — удалось завоевать Сыгнак и несколько других городов, среди которых, был, возможно, и Сауран.

В конце 70-х или начале 80-х гг. XV столетия первыми ханами возникшего в западных районах Моголистана нового государства «Казахского ханства» — Жанибеком и Гиреем — было нанесено жестокое поражение преемнику Абулхаир-хана — Шейх-Хайдар-хану. При этом казахи заняли значительную часть территории Узбекского ханства и в том числе город Сауран. По сообщению Хондемира²⁵², узбекский хан Мухаммед Шейбани в самом начале своей карьеры (90 гг. XV в.) «...около Собрана был разбит наголову тамошним владельцем Иранджи-ханом, сыном Джанибек-хана».

В середине 90 гг. после получения от тимурида Султан Махмудхана по договору города Отрара «...жители Собрана из преданности к Шей-

²⁴⁹ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 32.

²⁵⁰ История монголов по армянским источникам... стр. 83.

²⁵¹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды... стр. 129.

²⁵² В. В. Вельяминов-Зернов. Исследования о касимовских царях... стр. 236.

бани-хану отказались от повиновения своему даруге (правителю) Кул-Мухаммед-Тархану, сыну Мухаммед-Мезир-Тархана (правителя Туркестана) и отослали ключи города и крепости к Махмудхану (брату Шейбани-хана). Махмуд занял Собран... но вскоре Бурундук-хан (казахский хан) по наущению эмира Мухаммед-Тархана приступил к Собрану, жители этого города, как какие-нибудь непостоянные люди не выдержали своего характера... толпа главнейших из среды их напала на Махмуд-султана и выдала его Касым-султану». В последующие годы Сауран несколько раз переходил в руки то к шейбанидам, то к казахским султанам, пока в конце концов не остался в руках узбеков, настолько усилившихся к началу XVI в., что Шейбани-хану удается не только укрепить свою власть в Дешт-и-кипчаке, но и захватить почти весь Мавераннахр.

По словам В. В. Бартольда²⁵³, в XVI в. Сауран представлял собой сильную крепость с высокими стенами и глубоким рвом.

В начале этого же столетия для снабжения Саурана питьевой водой, согласно сообщению Васыфи, на средства уроженца города Мирграба силами 200 индийских рабов были сооружены кяризы, начало которых находилось на расстоянии около фарсаха от Саурана.

В книге «Большой Чертеж»²⁵⁴, составленной, по-видимому, в конце XVI или в начале XVII в., Сауран значится под именем «Ясырвана», о нем сказано: «На реке же на Сыре, от Сунака града 90 верст город Ясырван. А от Ясырвана града 100 верст град Туркустан».

По сообщению Хафиз Таптыша²⁵⁵, в 1579 г. Баба-султан, захвативший Ташкент, желая обезопасить свои владения от казахов, передал им город Сауран и всю область Ясы (Туркестан).

В 1582 г. (после разгрома войск Баба-султана войсками узбекского хана Абдуллы II) Сауран опять заняли узбеки.

В 1598 г. Сауран, как и почти вся северо-восточная часть Мавераннахра, был завоеван казахскими войсками, возглавлявшимися Тевекель-ханом. С этого времени и вплоть до 1725 г., т. е. до захвата этого района джунгарскими ойротами (калмыками), город Сауран входил в состав Казахского ханства.

Отождествление древнего Саурана с одноименным городищем на Сыр-Дарье не требовало бы никаких оговорок, если бы не отсутствие следов пяти из семи стен, окружавших в X в., по словам Макдиси, этот город. Однако отсутствие в этом районе другого, соответствующего хотя бы отчасти сообщению Макдиси, городища дает нам основание думать, что отождествление это является правильным, а отсутствие недостающих стен можно объяснить сносом их в последующие века, а возможно, и допущенным автором этого сообщения преувеличением. Отсутствие снаружи стен остатков рабада подтверждает сообщение Макдиси, что рабад находился внутри стен города.

Городище Мыр-тепе (рис. 40) находится недалеко от развалин Саурана и представляет собой почти квадратную площадку высотой около 5 м и размером 45 × 45 м, ориентированную углами по странам света. Северный угол площадки вытянут к северу в виде двадцатиметрового выступа. Площадка со всех сторон окружена земляным валом, возвышающимся над ней на высоту около 3 м (общая высота вала над окружающей местностью около 8 м). На валу сохранились ос-

²⁵³ В. В. Бартольд. История орошения Туркестана... стр. 147.

²⁵⁴ Книга, глаголемая Большой Чертеж, изданная по поручению Императорского общества истории и древностей Российских Г. И. Спасским. М., 1846, стр. 74.

²⁵⁵ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследования о касимовских царях... стр. 279—312.

татки 10 башен в виде овальной формы бугров, выступающих над валом на 1—1,5 м. Остатки еще одной башни находятся на северном выступе и являются, по-видимому, развалинами небольшой цитадели или вернее жилой башни.

Рис. 40. План городища Мыр-тепе.

Вокруг основной площади городища, бывшей, очевидно, шахристаном, расположена несколько возвышенная площадка с остатками построек — в прошлом рабад.

Собранная на территории городища керамика мало выразительна. По мнению А. Н. Бернштама, развалины Мыр-тепе являются остатками одной из крепостей — хиси, окружавших средневековый Сауран (?), с чем мы не можем согласиться по следующим соображениям. В одной

из своих статей В. В. Бартольд²⁵⁶, ссылаясь на сообщение Макдиси, помещает за Саураном со стороны Сыгнака древний город Турар, добавляя, что «в его волости находится селение Зерах». В другом месте тот же Макдиси²⁵⁷, описывая город Испиджаб, говорит: «... (округ) Испиджаб посредине границы области — он имеет главный город того же имени. К числу городов его относятся Бараб (Фараб), Шавагар, Сауран, Турар, Зерах, Шагилджан...».

Ближайшими развалинами городского типа поселения за Саураном со стороны Сыгнака и является описанное выше городище Мыр-тепе. Так как в этом районе других развалин городского типа поселений археологическими экспедициями обнаружено не было, то городище это, по нашему мнению, имеет все основания быть отождествленным с древним городом Тураром или, во всяком случае, с селением в области Турар — Зерахом, хотя, судя по размерам и конструкции, оно более напоминает развалины небольшого города, нежели селения.

Принимая во внимание, что город Турар упоминает лишь один Макдиси²⁵⁸, нужно думать, что он прекратил свое существование еще в XI в.

В дальнейшем в исторических источниках имени Турара нигде не встречается. Собранная на поверхности этого городища, как мы отметили выше, исключительно неполивная керамика оказалась настолько невыразительной, что датировать это городище более или менее точно без раскопок не представляется возможным.

Городище Ишкан (рис. 41) расположено почти в середине современного поселка Ата-бай, находящегося в 25 км к северу от города Туркестана.

Оно в настоящее время имеет в плане форму трапециевидной площадки, ориентированной углами примерно по странам света. Размер ее с СЗ на ЮВ — 100 м и с ЮЗ на СВ — 150 м. Высота — 1—1,5 м. По краям площадки сохранились остатки земляного вала высотой около 1 м. Большая часть северо-восточной половины городища представляет собой возвышенную, прямоугольной формы площадку высотой 5—6 м, размером с СЗ на ЮВ — 60 м и с ЮЗ на СВ — 70 м. По краям этой

²⁵⁶ В. В. Бартольд. О статье «Догадка о прошлом Отрара» ... стр. 7.

²⁵⁷ Сведения арабских, персидских и тюркских источников ... стр. 7.

²⁵⁸ Там же.

площадки, бывшей, вероятно, цитаделью, местами сохранились остатки сооружений и вала.

Площадь цитадели с трех сторон (за исключением юго-западной) окружена в настоящее время глубоким полноводным арыком, юго-западный конец которого перерезает нижнюю площадку, являющуюся, по-видимому, остатками шахристана, на две почти равные части.

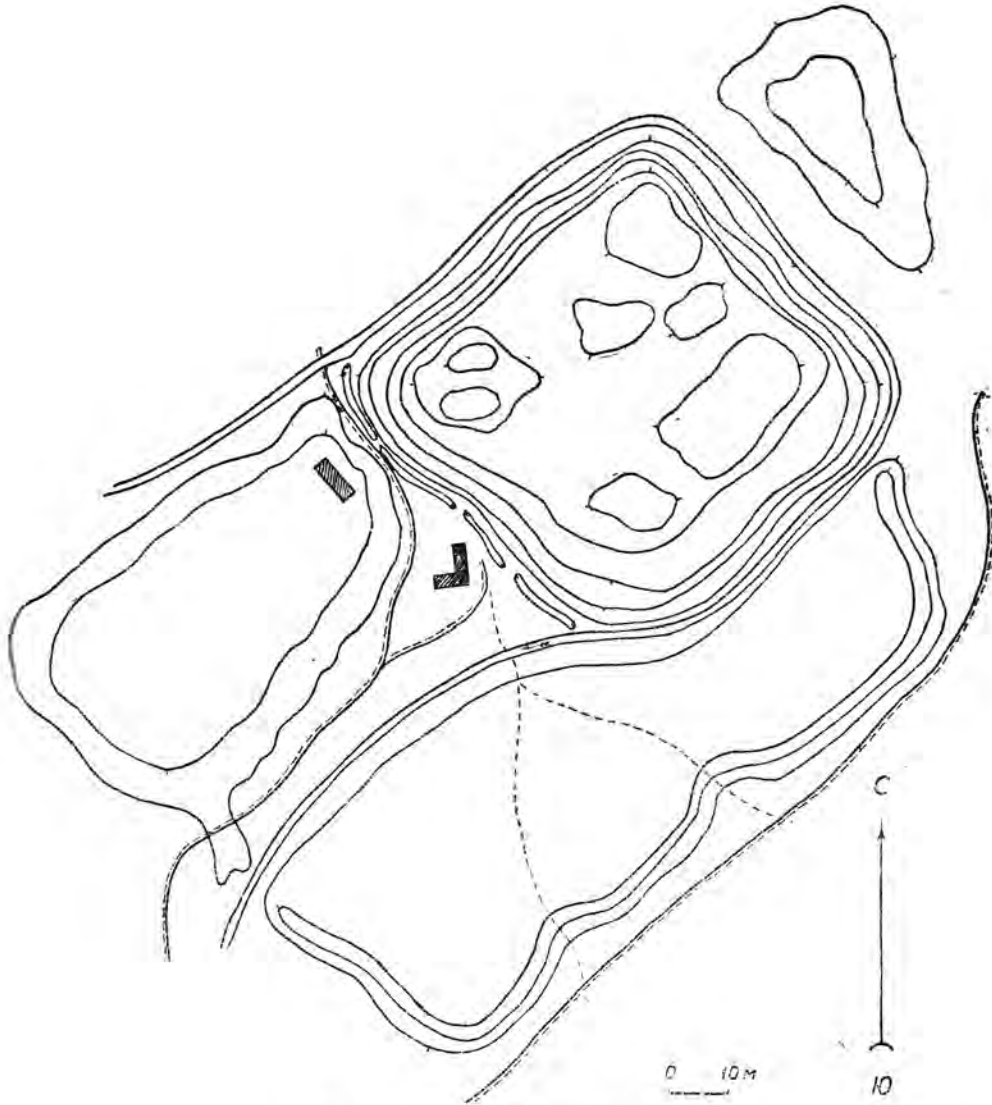

Рис. 41 План городища Ишкан.

Вход на территорию шахристана находится в середине его юго-западной стороны, а на цитадель — у места примыкания ее к шахристану. К СВ от городища, за арыком, расположен большой, треугольный в плане с закругленными углами холм высотой около 2 м и размером приблизительно 130×90 м.

Собранная на территории городища подъемная керамика относится почти исключительно к монголо-тимуридскому времени (XIII — XV вв.).

Городище Ишкан, расположенное у подножий южных склонов Каратау, за которым в X в. находились кочевья кимаков, по нашему мнению, может быть отождествлено с древним городом Шагилджаном, о котором Макдиси²⁵⁹ писал, что Шагилджан — пограничная крепость против кимаков. Некоторые исследователи²⁶⁰ склонны считать, что развалины Ишкана являются остатками другого древнего города — Карнака, с чем мы не можем согласиться потому, что городище это расположено далеко в стороне от пути между городом Туркестаном и Саураном, где, согласно сообщениям древних авторов, находился город Карнак.

Городище Садык-Ата-тепе (рис. 42) находится недалеко от ж.-д. станции Сауран и представляет собой прямоугольной формы бугор с тремя площадками, ориентированный сторонами по странам света. Размеры его у основания с С на Ю — 340 м и с З на В — 180 м. Нижняя (северная) площадка высотой около 5 м, размером с С на Ю — 80 м и с З на В — 140 м. К южной стороне ее примыкает вторая, почти квадратной формы площадка высотой около 10 м и размером 80 × 80 м. К югу от этой площадки, являвшейся, вероятно, цитаделью, примыкает еще одна площадка, отделенная от нее небольшой впадиной. Высота ее около 4 м, размеры с С на Ю — 40 м и с З на В — 120 м. В восточном и западном концах этой площадки находятся остатки двух крупных сооружений в виде земляных холмов. Как северная, так и южная площадки являются, по-видимому, остатками шахристана, в середине которого находилась цитадель. На обработанной под посевы площади вокруг городища на значительном расстоянии встречаются фрагменты керамики, подтверждающие, что территория ранее была занята рабдом. Собранный материал датируется от V—VI до XI—XII вв. н. эры.

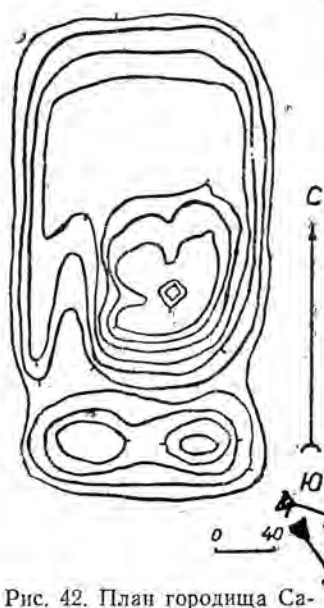

Рис. 42. План городища Садык-Ата-тепе.

Городище это, известное в настоящее время среди местного населения под именем Садык-Ата, в конце XIX в., судя по картам Туркестанского военного округа, значилось под именем Чорнак-тепе. Колхоз, расположенный возле городища, носит то же название, звучащее в местном произношении то как Шорнак, то как Чорнак. Есть основание предполагать, что имя Чорнак является искаженным именем древнего города Карнак, о котором Макдиси писал, что он находится между Шавгаром (городище Чуйтепе) и Саураном, а Махмуд Кашгарский²⁶¹ включал его в число огузских городов.

Современное наименование Шорнак или Чорнак, как и приводимое Рычковым наименование Курлак, является, видимо, искаженным именем древнего города Карнака. Подобные примеры многочисленны, и в тюркском произношении изменение Карнака в Шорнак (вследствие замены буквы К на Ч или Ш) является вполне вероятным.

По преданию, в городе Карнаке в конце XIV в. был отлит уникаль-

²⁵⁹ Сведения арабских, персидских и тюркских источников ... стр. 9.

²⁶⁰ А. Н. Бернштам. Древний Отгар ... стр. 23.

²⁶¹ МТТ, т. I ... стр. 311.

ный бронзовый котел, пожертвованный Тимуром мавзолею Ходжи-Ахмед Ясеви в г. Туркестане.

Городище Шорнак-тепе (рис. 43) расположено в 8—9 км от Саурана, около современного поселка Чорнак.

Городище имеет вид почти квадратной площадки (75×80 м), ориентированной углами примерно по странам света, высотой около 3 м, по краям которой сохранились остатки земляного вала, возвышающегося над площадкой на один метр. Следов каких-либо сооружений на ней не сохранилось. Внутри городища вели два входа: один в восточном углу и второй у западного угла северо-западной стороны. Почти со всех сторон площадь городища окружает возвышенная площадка неопределенной формы с остатками сооружений в виде холмов разных размеров.

Рис. 43. План городища Шорнак-тепе.

Собранный на поверхности городища немногочисленный подъемный материал — в основном фрагменты малохарактерной керамики — датирующим материалом служить не может.

Городище, вероятно, является остатками укрепления, сооруженного, согласно сообщению Васыфи²⁶², в XVI в. для охраны истоков кяризов, так как остатков других укреплений в районе Саурана не обнаружено.

Городище Абд ал-малик Баба-Ата (рис. 44) находится возле поселка Ташнак, в 15 км к востоку от города Туркестана, и представляет собой почти прямоугольной формы возвышенную площадку, ориентированную сторонами примерно по странам света (отклонение около 15°). Высота ее около 3 м, размеры с С на Ю — 40 м и с З на В — 60 м. По краям площадки в некоторых местах сохранились остатки земляного вала, а в северо-западном и юго-западном углах — остатки построек (возможно, башен).

К трем сторонам ее (за исключением восточной) примыкает довольно обширная, возвышенная (от 0,5 до 1 м высотой) площадка подпрямоугольной формы, ориентированная примерно так же, как и первая. Размеры последней с С на Ю около 220 м и с З на В около 180 м. По краям ее местами сохранились остатки земляного вала, а внутри — остатки построек.

Собранная на территории городища керамика дала почти исключительно образцы монголо-тимуридского периода.

Городище это, судя по его конструкции и подъемному материалу,

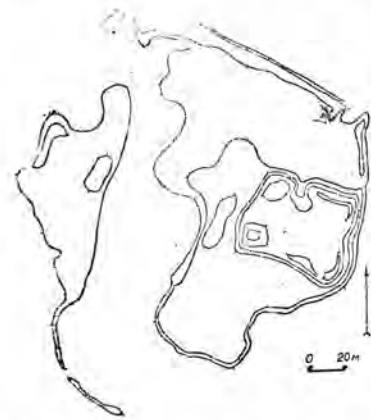

Рис. 44. Ташнакское городище Абд ал-Малик Баба-Ата.

²⁶² В. В. Бартольд. История орошения Туркестана ... стр. 147.

является, по-видимому, остатками небольшого позднесредневекового города, входившего в округ Туркестана.

Городища в пос. Икан (рис. 45). В современном поселке Икан расположено два городища — одно из них почти в центре поселка, второе — на его окраине. Первое является остатками средневекового города Икана и имеет в настоящее время вид большого бугра трапециевидной в плане формы, высотой 6—7 м, ориентированного углами примерно по странам света. Размеры бугра у основания с СЗ на ЮВ — свыше 300 и с СВ на ЮЗ — 225 м. В юго-восточном конце его расположены остатки цитадели в виде холма с квадратной, ориентированной сторонами по странам света площадкой размером 50 × 50 м.

Кроме цитадели, на площади шахристана сохранились разного размера и формы земляные холмы, некогда представлявшие собой различные сооружения.

Ворота внутри шахристана находились, вероятно, с северо-западной стороны, у западного угла, и охранялись расположенной на этом углу башней.

Вся площадь вокруг городища на значительном расстоянии занята современными постройками, сооруженными на территории древнего предместья, о чем свидетельствует значительное количество фрагментов позднесредневековой керамики, заделанной в стенах и дувалах современных построек.

Вся поверхность городища покрыта большим количеством фрагментов керамики почти исключительно монголо-тимуридского периода.

Второе городище, расположенное на окраине пос. Икан, известно среди местного населения под именем Яны-Асар — «Новое укрепление» (рис. 46). Оно представляет собой площадку, имеющую в плане форму вытянутого равнобедренного треугольника размером с ЮВ на СЗ —

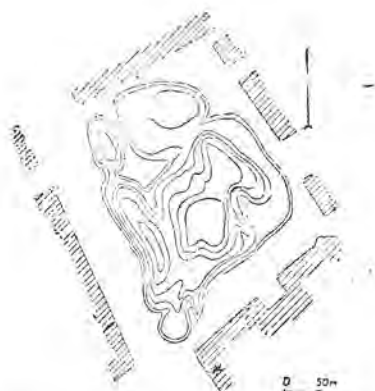

Рис. 45. План городища Икан.

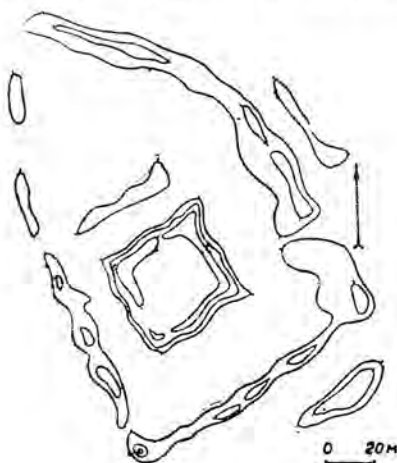

Рис. 46. План городища Яны-Асар.

180 м с ЮЗ на СВ — 110 м. Площадка окружена земляным валом высотой от 1 до 1,5 м с остатками башен как на углах, так и в середине сторон. Почти в центре городища (несколько ближе к его юго-восточной стороне) находится квадратной формы площадка, бывшая небольшой цитаделью, высотой около 1,5 м, ориентированная углами по странам света. Размер ее — 40 × 40 м. Площадка со всех сторон окружена зем-

ляным валом со следами башен на углах. Кроме цитадели, на территории городища и снаружи его сохранились остатки нескольких сооружений в виде овальной формы бугров.

Подъемный материал, собранный на территории городища, наряду со средневековой керамикой дал фрагменты керамики, датируемой по своим признакам IV — V вв. н. эры.

Следует отметить, что это городище дало среди подъемной керамики более архаические образцы, чем городище Икан. Утверждать, что «Новое укрепление древнее старого Икана» без закладки стратиграфических раскопов едва ли возможно, так как отсутствие среди подъемного материала, собранного на территории средневекового Икана, архаических форм керамики можно объяснить поздними наслоениями монголотимуридского времени на более древние слои этого городища.

Городище Кара-тепе (рис. 47) находится недалеко от развалин средневекового города Саурана и имеет форму бугра, в плане напоминающего геральдический щит, направленный острием на СЗ. Размер его у основания с СЗ на ЮВ — 325 м и с СВ на ЮЗ — 230 м. Высота бугра около 4 м. В середине верхней площадки, окруженной со всех сторон остатками земляного вала, находится прямоугольный в плане, ориентированный углами по странам света холм (высотой над окружающей местностью около 6 м), являющийся остатками цитадели. Размер его у основания с СЗ на ЮВ — 100 м и с ЮЗ на СВ — 60 м. Следы ворот сохранились на севере, северо-востоке, юго-западе и западе. Со всех сторон к городищу примыкают остатки обширного предместья — рабада, представляющего собой возвышенную площадку, неправильно овальной формы, со следами построек в виде земляных холмов разных размеров. Собранный на территории городища керамика дала образцы кангюйско-каратауского типа и с красным лощением каунчинского типа.

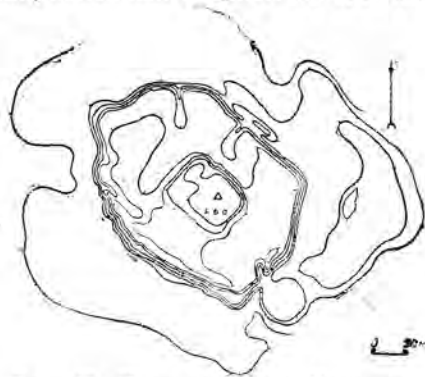

Рис. 47. План городища Кара-тепе.

Городище Караспан-тепе (рис. 48) находится около пос. Обручевка и представляет в настоящее время большую возвышенную, прямоугольную в плане площадку с сильно закругленными углами, ориентированную сторонами по странам света. Размер ее с С на Ю около 600 м и с З на В около 850 м. Площадка эта со всех сторон ограничена мощным земляным валом или, вернее, насыпью высотой от 3 до 5 м, шириной с северной и восточной сторон около 60 м и с южной и западной — от 100 до 150 м. На валу сохранились остатки большого количества крупных сооружений, расположенных в один-два-три ряда вдоль насыпи. Цитадель в центре площадки городища — в настоящее время представляет собой бугор прямоугольной формы со срезанной вершиной, ориентированный по странам света, высотой 22 м, размером (у основания) с З на В — 260 и с С на Ю — 220 м. На вершине бугра, несколько ближе к его восточному краю, находится прямоугольной формы площадка размером соответственно 70 × 50 м.

Остатки входа в городище сохранились с южной стороны, у юго-восточного угла наружного вала. На внутренней площадке, между наружным валом и цитаделью, сохранились следы нескольких, стоящих отдельно крупных сооружений, а в северо-восточном углу — остатки во-

дохранилища — хауза (в виде прямоугольной формы впадины). Площадь городища пересекается современным арыком, входящим на его территорию в середине восточной стороны. Арык проходит вдоль южной и западной сторон и выходит наружу у северо-западного угла северной стороны.

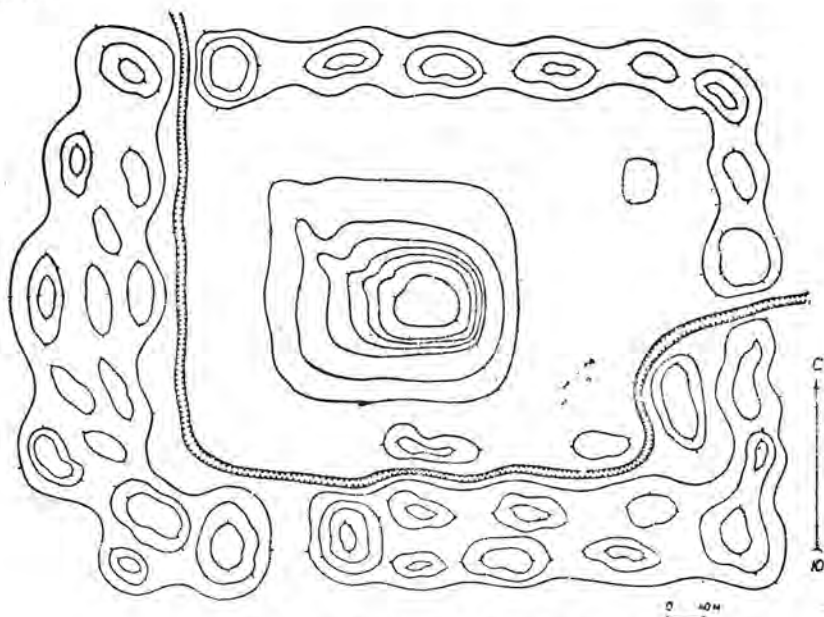

Рис. 48. План городища Караспан-тепе.

Подъемный материал, собранный на территории этого городища, дал в основном типичную для IX — XIV вв. керамику. Более древняя керамика представлена немногочисленными образцами. Городище, по всей вероятности, в прошлом было довольно большим средневековым городом.

Городище Жуан-тепе (Жуван, Джуван), расположенное у восточного края современного поселка Мамаевка, имеет в плане форму, близкую к описанному выше городищу Караспан-тепе, и отличается от него лишь несколько меньшим размером. Южно-Казахстанской археологической экспедицией 1953 г. на этом городище было заложено два небольших стратиграфических шурфа²⁶³. Судя по его размерам и форме, оно является, вероятно, остатками небольшого раннесредневекового города.

Караспан-тепе и Жуан-тепе по своей конструкции резко отличаются от других городищ исследуемого нами района тем, что внешние валы, окружающие их, образованы несколькими рядами жилых построек и других сооружений; между последними и расположенной в центре цитадели оставлена большая свободная площадь.

Оба городища еще в конце прошлого столетия дали интересный археологический материал²⁶⁴. Одно из этих двух почти однотипных городищ может быть бесспорно отождествлено с древним городом Субаникетом (Арсубаникет).

²⁶³ Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года... стр. 33—60.

²⁶⁴ Н. П. Остроумов. Из поездки в селение Мамаевку; И. А. Кастанье. Древности киргизской степи и Оренбургского края...; В. Д. Городецкий. К археологии Чимкентского уезда... стр. 99—103.

По сообщению ибн Хаукаля²⁶⁵, «...между Фарабом, Кенджидом и Шашем хорошие пастбища, (там) около тысячи семей тюрков, которые уже приняли ислам... Субаникет главный город Кенджида». В. В. Бартольд, видимо, на основании этого сообщения, область Кенджид с городом Субаникетом локализует в среднем течении реки Арыси.

Судя по размеру обоих городищ, а также на основании анализа собранной на поверхности их подъемной керамики, больше прав на отождествление с городом Субаникетом имеет Жуан-тепе, давшее значительное количество раннесредневековых образцов.

Расстояние от этого городища до Испиджаба (совр. Сайрам) и до развалин Отрара примерно соответствует указанию Истахри²⁶⁶, что «...от Испиджаба до Усбаникета два дня пути, от Усбаникета (у ибн Хаукаля — Субаникет) до Кадара, главного города Бараба (Фараба), два легких дневных перехода», или, по Якуту²⁶⁷, «Усбаникет город в Мавераннахре, один из городов Испиджаба, между ними большой день пути».

Макдиси²⁶⁸ о городе Субаникете писал: «Арсубаникет — большой (город) чистый, укрепленный; соборная мечеть в нем, а постройки в рабаде», а в анониме Худуд ал-Алем²⁶⁹ в дополнении к Макдиси говорится, что «Саникес (Субаникет) приятный процветающий богатый город».

Район поселка Мамаевка, где расположено городище Жуан-тепе, благодаря обилию воды в настоящее время представляет собой цветущий оазис, таким же он, очевидно, был и в древности, о чем свидетельствуют остатки большого количества археологических памятников в виде ряда тепе и грандиозного могильника (Бурджарского), тянувшегося по краю верхней террасы русла Арыси примерно на десять километров.

Все это свидетельствует о том, что наше предположение о возможности отождествления этого городища с древним городом Субаникетом — правильно. Результаты раскопок 1953 г., давшие, как отмечено выше, материал не позднее X — XI вв., вполне согласуются с тем, что город в исторических источниках позднее этого периода не упоминается. Отождествление городища Караспан-тепе с позднесредневековым городом Карасеманом едва ли может вызвать сомнение, поскольку и современное его наименование — Караспан — является, по-видимому, искаженным от Карасеман. В этом городе, по словам Низам-ад-дина Шами и Шереф-ад-дина Йезди²⁷⁰, в 1392 г. Тимур принимал послов Тохтамыша.

Городища района северных предгорий Каратау

Вдоль предгорий северных склонов Каратау расположен ряд развалин древних городов, лежащих в основном на берегу небольших, но сравнительно многоводных горных речек, обычно у выхода последних из щелей, по которым эти города сообщались с городами южных предгорий Каратау и присырдарьинского земледельческого оазиса.

Район в 1946 г. был обследован Центрально-Казахстанской²⁷¹, а в 1947, 1948, 1953 и 1954 гг. — Южно-Казахстанской археологической экспедицией²⁷² с производством раскопа на Ак-тепе, Тарса-тепе и на городищах Тамды²⁷³ и Баба-Ата²⁷⁴.

²⁶⁵ МТТ, т. I ... стр. 184.

²⁶⁶ Сведения арабских, персидских и тюркских источников ... стр. 6.

²⁶⁷ Там же, стр. 31.

²⁶⁸ Там же, стр. 8.

²⁶⁹ Там же, стр. 16.

²⁷⁰ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды ... стр. 112 и 159.

²⁷¹ А. Х. Маргулан. Оседлые поселения VIII—XIII вв. на северных склонах Каратау ... стр. 109 и след.

²⁷² А. Н. Бернштам. Древний Отрар ... стр. 81 и след.

²⁷³ Л. Я. Маловицкая. Тамдинский курганный могильник ... стр. 119—121.

²⁷⁴ Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской

Всего в этом районе обнаружено семь развалин поселений городского типа, из них 6 — прямоугольной формы или близкой к прямоугольной и лишь план городища Баба-Ата, имеющего прямоугольную форму, именуется цитаделью, выступающей за линию стен шахристана.

Пять городищ (Ак-Сумбе, Баба-Ата, Кумкент, Саудакент и Тамды) имеют остатки цитадели, на двух (Сузак и Чулак-Курган) ее следов не обнаружено. Остатки более или менее хорошо прослеживаемых рабадов сохранились у 6 городищ (за исключением городища Ак-Сумбе). Сохранились остатки стен у 5 городищ (за исключением Сузака и Чулак-Кургана), остатки башен на стенах — у четырех (Ак-Сумбе, Баба-Ата, Саудакент и Тамды) и следы рвов — у двух (Кумкент и Чулак-Курган). Сохранность городищ этого района значительно хуже, чем в других районах, что, по-видимому, объясняется действием постоянно дующих ветров, зачастую переходящих в ураганы. Лучшая сохранность городища наблюдается в тех случаях, где оно защищено от ветра (Баба-Ата, Тамды)²⁷⁵.

Городище Ак-Сумбе (рис. 49) находится у подножья северных склонов хребта Каратау, у выхода небольшой горной речки Ак-Сумбе из горной щели, на левом берегу. В настоящее время оно представляет собой прямоугольной формы площадку, ориентированную сторонами по странам света, высотой около одного метра над окружающей местностью. Размеры ее с С на Ю — 75 и с З на В — 60 м. Со всех сторон она окружена земляным валом высотой 0,5 м с остатками четырех башен (три по углам и одна в середине западной стены). В юго-восточной части этой площадки, бывшей некогда шахристаном, находятся остатки цитадели квадратной формы, высотой около 1,5 м над площадью шахристана, с квадратной площадкой наверху размером 25×25 м, окруженной со всех сторон земляным валом высотой 0,5 м со следами четырех башен на углах.

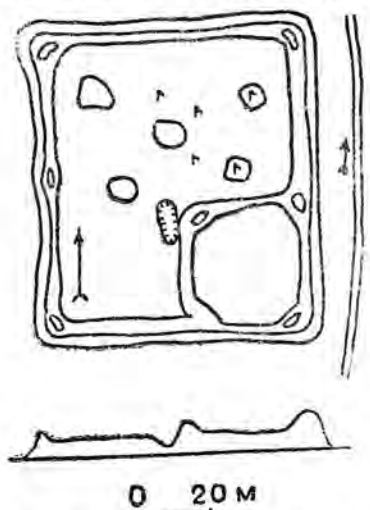

Рис. 49. План городища Ак-Сумбе.

Примерно в 0,5 км от городища, на вершине, отдельно стоящего естественного холма высотой около 200 м, расположена конусовидной формы сторожевая башня, сооруженная из сырцового кирпича. Высота ее около 10 м. Подъем на верхнюю площадку ее осуществлялся при помощи винтовой лестницы, идущей внутри башни.

Как сама местность, так и башня упоминаются в описании походов Тимура против Тохтамыша в 1389 — 1390 гг. в «Книге побед» Низам-ад-дина Шами и Шереф-ад-дина Йезди²⁷⁶. Последний писал: «...когда они (войска Тимура) прибыли в Отрар, то послали несколько человек, которые в тех горах (Каратау) занялись поисками Одильшаха (эмир

археологической экспедиции ... стр. 51.

²⁷⁵ Описание городищ с публикацией планов (Ак-Сумбе, Сузак, Кумкент, Баба-Ата, Саудакент) приведено в кратком отчете экспедиции 1946 г., руководимой А. Х. Маргуланом (см. «Изв. АН КазССР», серия археологическая, вып. 1, 1948, № 46, стр. 109 — 113). Поскольку настоящая работа является сводной, считаем необходимым повторно привести их описание.

²⁷⁶ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды ... стр. 112 и 158.

Тимура, отколовшийся от него и перешедший на сторону Тохтамыша). Его захватили в местности Ак-Сумбе и казнили. А Ак-Сумбе башня (мель), которую строили на вершине горы Карачук (Каратау) для дозора, который наблюдает оттуда за стороной Дешт-и-кипчака».

Городище Сузак (рис. 50) расположено южнее современного поселка Сузак, на высоком естественном холме, который с севера и частично с запада и востока омывается небольшой речкой. Три склона

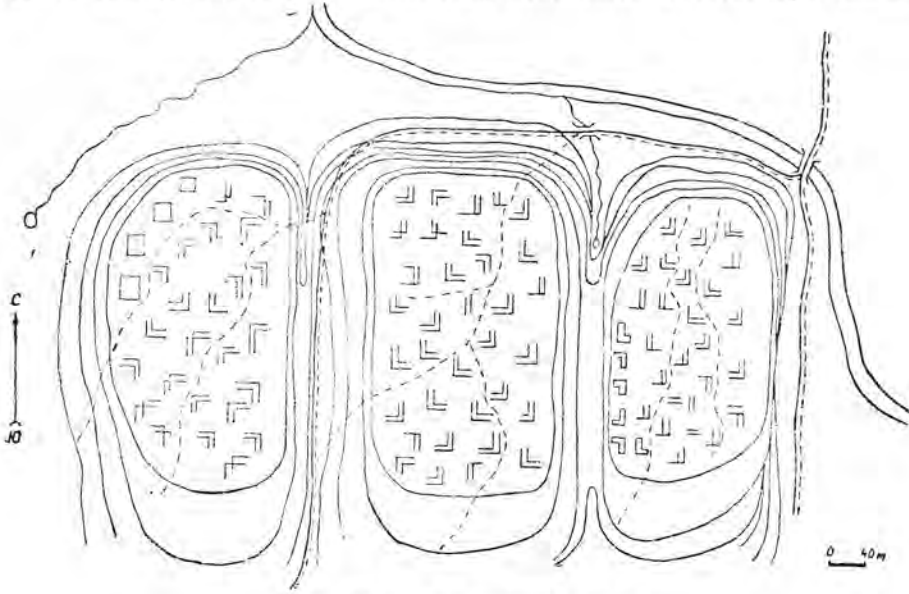

Рис. 50. План городища Сузак.

(за исключением южного) этого холма очень крутые, высотой от 15 до 30 м. Толщина культурного слоя, судя по обнаженному срезу на городище, достигает 8—10 м. Городище представляет собой трехъярусную площадку прямоугольной формы со срезанными углами, из которых самая высокая — средняя высотой (с северной стороны) 35 м и размером с С на Ю — 350, с З на В — 200 м. Восточная площадка высотой 20 м и размером с С на Ю — 300 м и с З на В — 200 м, западная — высотой около 15 м и размером 300 × 200 м. Впервые город Сузак под именем Хузак упоминается в отчете посольства царя малой Армении Гайтона²⁷⁷, проехавшего в 1256 г. вдоль северных склонов Каратау. Затем упоминается, уже под своим современным названием, в начале XVI в. у Хондемира²⁷⁸ в связи с борьбой Мухаммед-хана Шейбани с владельцем Сузака Махмуд-султаном — сыном Джанибек-хана. В Сузакскую крепость, по словам Хондемира, был направлен для заключения в ней брат Мухаммед-хана Шейбани — Махмуд-султан — после выдачи его жителями Саурана Касыму (второму сыну Джанибек-хана), причем последнему (Махмуд-султану) по дороге в Сузак удалось бежать.

Археологическое обследование городища позволяет установить, что город Сузак в основных чертах своей планировки сложился разновременно, более древней была средняя, наиболее возвышенная часть городища, соответствовавшая территории древнего шахристана. Две другие площадки представляли собой предместья — рабады.

²⁷⁷ История монголов по армянским источникам. ... стр. 83.

²⁷⁸ В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические известия о киргиз-кайсаках в сношениях России со Средней Азией... стр. 236—251.

Городище Чулак-Курган (рис. 51) расположено к востоку от современного поселка Чулак-Курган. Оно представляет собой подпрямоугольной формы площадку со срезанным северо-западным углом, ориентированную сторонами по странам света. Размер ее (по верхнему краю) с С на Ю — 80 и с З на В — 160 м, высота восточного конца около 30 м над горизонтом, западного — около 20 м. Склоны трех сторон (за исключением пологого западного) очень крутые, а местами даже отвесные. У самого подножия площадки, вдоль южной и восточной сторон, проходит русло небольшой, но многоводной речки. По краям площадки в ряде мест сохранились остатки земляного вала.

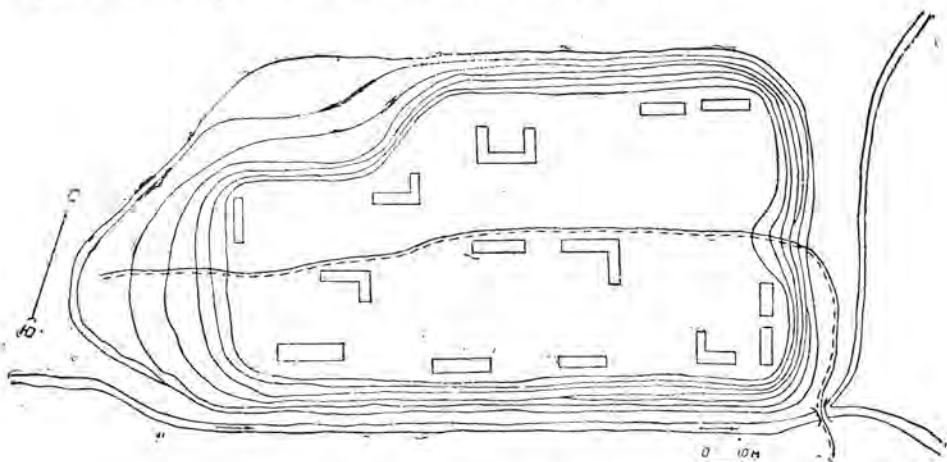

Рис. 51. План городища Чулак-Курган.

Городище это, лежавшее на пути, идущем вдоль северных склонов Каратау, являлось, по-видимому, одним из городов, через которые проследовало посольство армянского царя Гайтона в 1256 г. Имени города установить не удалось.

Городище Баба-Ата расположено в 23 км к ЮВ от пос. Чулак-Курган. В 1946 г. оно обследовано Центральной Казахской археологической экспедицией АН КазССР²⁷⁹, а в 1953—1954 гг. — Южно-Казахстанской экспедицией²⁸⁰.

Городище Кумкент (рис. 52) расположено в 30 км от пос. Чулак-Курган у дороги на пос. Байкадам. Оно представляет собой массивный бугор неправильно овальной формы с площадкой наверху высотой в среднем около 20 м. Размер его у основания с СВ на ЮЗ — 450 м, с СЗ на ЮВ — 300 м, размер верхней площадки соответственно — 200 × 160 м. Вдоль северо-западной и юго-восточной сторон сохранились остатки земляного вала высотой 0,5 м. В южном конце этой площадки, являвшейся прежде шахрстабом, расположены остатки цитадели в виде прямоугольной формы бугра высотой около 2 м с площадкой наверху размером 28 × 30 м, окруженной со всех сторон валом высотой от 0,5 до 1 м. Вокруг городища примерно в 30 м от его основания расположен земляной вал высотой около 3 м и толщиной по верхнему краю в 1,5—2 м. Снаружи вала, на расстоянии 10—20 м, сохранились следы рва, опоясывающего городище с СЗ на ЮВ. Вне городища на рас-

²⁷⁹ А. Х. Маргулан. Оседлые поселения VIII—XIII вв. ... стр. 109.

²⁸⁰ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года... стр. 33.

стоянии до километра сохранились остатки разного рода земляных бугров — прежде построек, а также остатки древней оросительной сети.

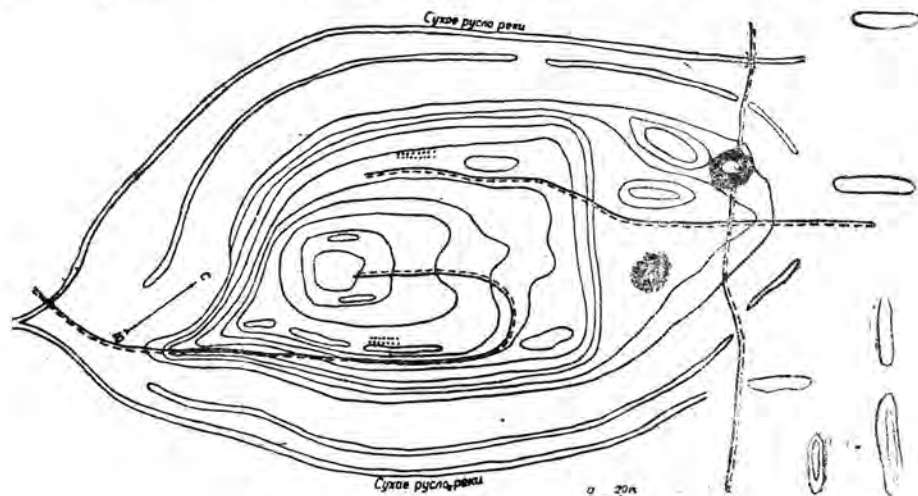

Рис. 52. План городища Кумкент.

Все археологические данные говорят о том, что городище было в прошлом крупным средневековым городом. Вместе с тем сведения о нем в источниках отсутствуют. Это еще раз подтверждает наше предположение, что мусульманские авторы упоминают лишь те города, которые лежали непосредственно на основных караванных дорогах или вблизи их. В отчете посольства царя Гайтона²⁸¹ среди городов отмечается город Койканд, который мы склонны считать искаженным названием Кумкента.

Городище Саудамент (рис. 53) расположено к ЮВ от современного поселка Байкадам и представляет собой прямоугольный в плане возвышенный бугор, ориентированный углами примерно по странам света, высотой в среднем около 5 м. Размер верхней площадки его с СВ на ЮЗ — 210 м и с ЮВ на СЗ — 130 м. Площадка со всех сторон окружена земляным валом высотой около 1 м со следами 11 башен в виде небольших земляных холмов.

В северо-восточном конце площадки, являвшейся остатками шахристана, находятся развалины цитадели в форме квадратного в плане с сильно закругленными углами холма, с площадкой наверху размером 35×35 м и высотой над площадью шахристана около 2 м. Цитадель со всех сторон окружена земляным валом высотой 0,5 м, в центре ее находится небольшой почти круглый в плане холмик диаметром 12 м и высотой около метра. С трех сторон (за исключением ЮЗ) к цитадели примыкают три прямоугольной формы, но разных размеров рабада в виде площадок, окруженных с трех сторон (кроме той, которой они примыкают к шахристану) земляным валом со следами нескольких крупных башен. Северо-восточная часть городища пересекается современной шоссейной дорогой, а вдоль его юго-западной стороны проходит сухое русло реки Шабакты. Центрально-Казахстанская экспедиция 1946 г. на территории цитадели заложила небольшой шурф, доведенный до глубины 2,5 м. Им была вскрыта (с внутренней стороны) часть стены какого-то сооружения. Кроме фрагментов керамики монголо-тиму-

²⁸¹ История монголов по армянским источникам... стр. 83.

ридского времени и костей животных, на глубине 2 м от поверхности в стене была обнаружена небольшая стрельчатая ниша, в которой лежало свыше 20 бараньих астроголов, окрашенных черной краской²⁸².

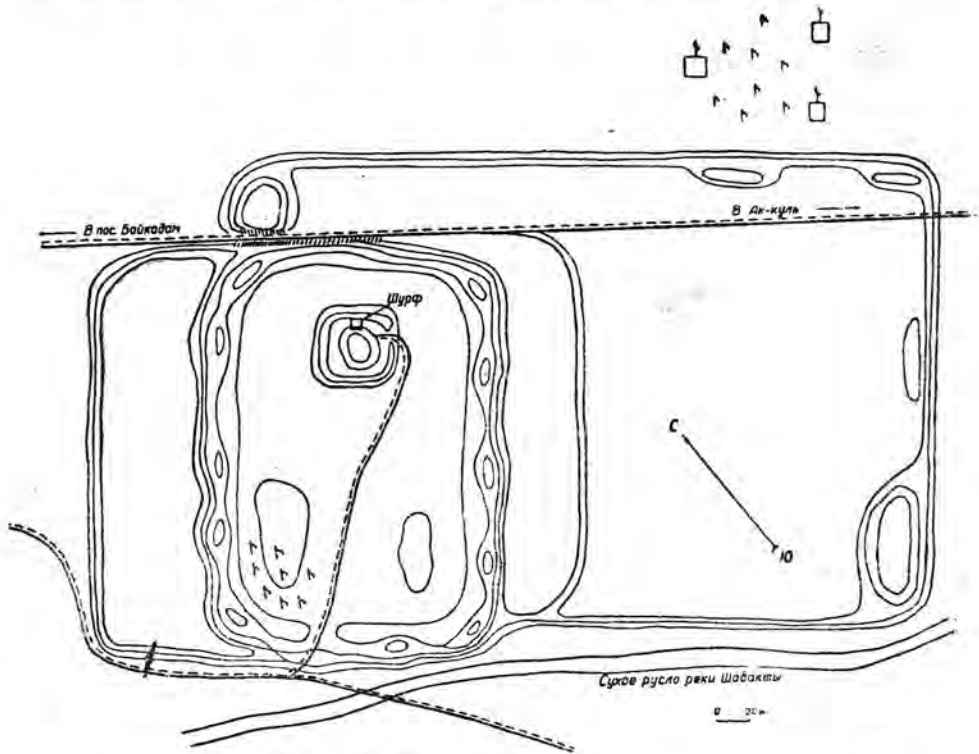

Рис. 53. План городища Саудзгент

Городище Тамды (рис. 54) расположено в 2 км к западу от пос. Чулактау, на правом берегу небольшой горной речки Тамды. Оно представляет собой прямоугольной формы возвышенную площадку, ориентированную сторонами по странам света. Размер ее с С на Ю — 175 м и с З на В — 300 м, высота — около 1 м. Площадка со всех сторон окружена земляным валом высотой от 1,5 до 2,5 м и являлась, по-видимому, шахристаном. В СЗ ее углу сохранились остатки цитадели в виде квадратной формы площадки высотой около 4 м и размером 55×55 м. Площадь цитадели со всех сторон окружена земляным валом высотой около 0,5 м с остатками башен. От башни, расположенной в СЗ углу цитадели, сохранилась значительная часть стены, сооруженной из битой глины. Возле остатков цитадели, к востоку от нее, расположена квадратной формы площадка размером 80×80 м и высотой около 1,5 м над площадью шахристана. Площадка эта, также как и цитадель, окружена земляным валом высотой 0,5—0,6 м со следами 4 угловых башен. Сохранились остатки крупной башни на северо-восточном углу наружного вала шахристана и двух небольших башен в середине южной стены. Большая часть северной стены городища в настоящее время подмыта рекой Тамды, проходящей у самого ее основания. В отвесном срезе видны остатки каменного фундамента, на котором была сооружена крепостная стена.

²⁸² А. Х. Маргулан. Оседлые поселения VIII—XIII вв. на северных склонах Каратау... стр. 109.

Все данные археологического обследования городищ района предгорий северных склонов Каратау (Сузак, Тамды, Саудакент, Кумкент, Баба-Ата, Чулак-Курган) позволяют сделать заключение, что городская

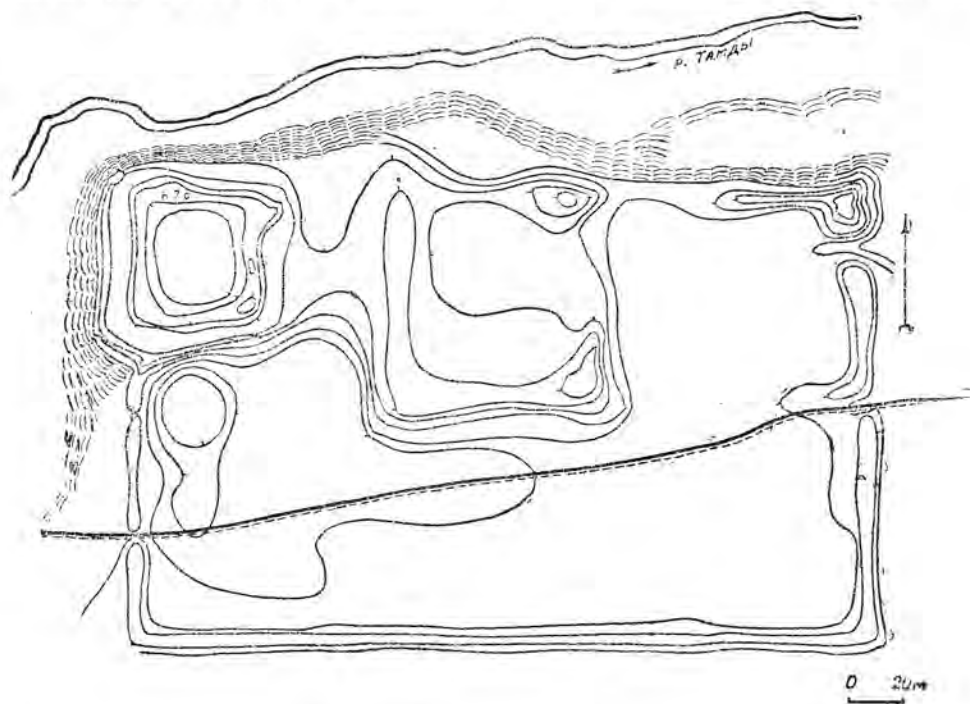

Рис. 54. План городища Тамды.

жизнь в этом районе была сравнительно менее развита, чем на южных склонах, и по времени своего возникновения и наибольшего подъема относится к более позднему периоду.

Основная масса датированного материала указывает на активность городской жизни в этом районе главным образом в карлухо-караханидский и монголо-тимуридский периоды. В карлухо-караханидский период города этого района играли немаловажную роль в развитии оседло-земледельческой культуры, ремесла и торговли.

Городища района левого берега средней Сыр-Дарьи

Остатки городов и поселений на левом берегу Сыр-Дарьи расположены вдоль русла последней, лишь изредка отступая на 2—5 км, это объясняется близостью песков Кызыл-Кум, которые местами вплотную подходят к самому руслу Сыр-Дарьи.

От границ Ташкентского оазиса и ниже современного поселка Кара-Тюбе последовательно расположены: Ак-тепе, тепе Чардара, Сейд-тепе, Ак-тепе сюткентское, Сюткент I, Сюткент II, Байркум, Жар-тепе, Оксус, Кавган-Ата, Артык-тепе и Бузук-тепе.

Из 12 городищ этого района 5 (Ак-тепе чардаринское, Байркум, Жар-тепе, Кавган-Ата и Сейд-тепе) имеют прямоугольную или близкую к прямоугольной форму, остальные 7 — многогранную или неопределенную форму. На 6 городищах (Ак-тепе чардаринское, Артык-тепе, Байркум, Оксус, Сюткент I и тепе Чардара) сохранились остатки цита-

дели. В большинстве городищ этой группы цитадель отделена от шахристана (кроме стен) рвом. У 5 городищ (Ак-тепе сюткентского, Артык-тепе, Бузук-тепе, Сейд-тепе и Сюткент I) сохранились остатки довольно хорошо прослеживаемых предместий — рабадов. У остальных городищ четко выраженных остатков рабадов не сохранилось. На 10 (за исключением Ак-тепе сюткентского и Сейд-тепе) обнаружены следы стен в виде земляных валов. Остатки башен сохранились на стенах 8 городищ (за исключением Артык-тепе, Кавган-Ата, Оксус и Сюткент II). Следы рвов вокруг шахристана отмечены лишь у 5 (Ак-тепе чардаринское, Байркум, Жар-тепе, Сюткент I и Чардара).

Городище Ак-тепе чардаринское (рис. 55) расположено примерно в 16 км от пос. Чардара вверх по Сыр-Дарье, на берегу старой протоки, представляющей в настоящее время полузаросшее камышом озерко. Городище сейчас имеет форму почти квадратной возвышенной площадки высотой около 2,5 м и размером 170×170 м. Площадка ориентирована углами примерно по странам света. Почти в се-

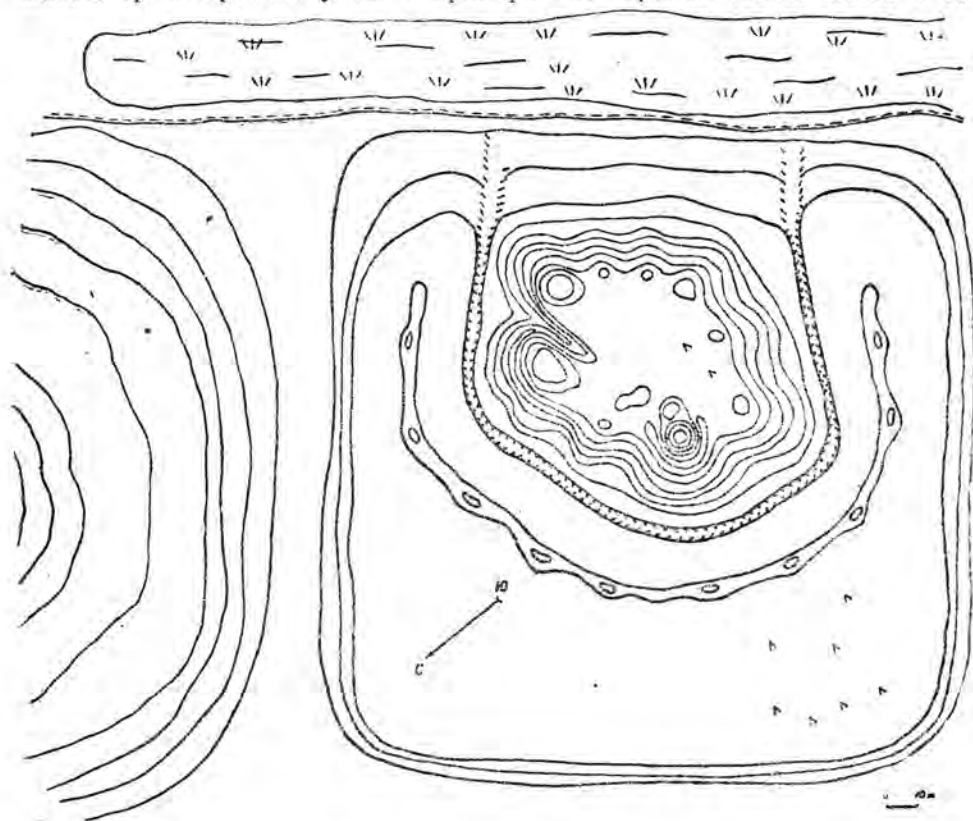

Рис. 55. План городища Ак-тепе.

редине ее, несколько ближе к юго-западному краю, расположены остатки цитадели в виде крупного, неправильно пятиугольного в плане бугра высотой около 10 м и размером (у основания) с С на Ю — 80 м и с З на В — 110 м, с такой же формы площадкой наверху размером (соответственно) 50×70 м. По краям верхней площадки сохранились разного размера земляные холмы — остатки башен или других сооружений. У основания одного из наиболее высоких холмов (высотой около 14 м), расположенного в северо-западном углу площадки, сохранились остат-

ки невысокого земляного вала, с трех сторон (с севера, запада и юга) охватывающего холм.

В 8—10 м от основания цитадели обнаружены следы полузаплывшего в настоящее время рва шириною 3—5 м и глубиною 0,5 м. Ров с севера, запада и юга подковообразно опоясывает цитадель и своими юго-восточными концами соединяется со старой протокой, проходящей у основания городища. На расстоянии 15—20 м от рва, снаружи его, также с трех сторон, тянется земляной вал с остатками небольших башен.

Как площадь самого городища, так и цитадель являются, по-видимому, частью древней верхней террасы русла реки Сыр-Дарья, искусственно отрезанной глубокой выемкой от поверхности берега и соответствующим образом приспособленной.

На поверхности городища и в насыпях современных мусульманских захоронений, расположенных на его территории, встречается большое количество исключительно неполивной керамики, датируемой с первой половины первого тысячелетия нашей эры и до IX—XI вв.

Городище, судя по его конструкции и размеру, являлось, вероятно, небольшим раннесредневековым городом, возникшим на базе укрепленного замка — «кешка».

Городище Чардара (рис. 56) находится примерно в 2 км к ЮЗ от пос. Чардара и представляет собой подпрямоугольной формы возвышенную площадку, ориентированную сторонами примерно по странам света (отклонение на 25—30°).

Высота площадки — от 1 до 3 м; размер ее с С на Ю — 240 и с З на В — 310 м. Почти в середине этой площадки, несколько ближе к западной стороне, расположен бугор ромбовидной (у основания) формы с сильно закругленными углами, высота его около 15 м. Бугор ориентирован углами примерно по странам света. Размеры его у основания — 140×120 м. Верхняя площадка бугра, являющегося остатками цитадели, неправильно овальной формы с зигзагообразным наружным краем, размером с С на Ю — 60 и с В на З — 30 м. Вокруг основания цитадели, примерно в 10—15 м от нее, проходит ров шириною около 8 м и глубиною около 1 м, с земляной перемычкой с северо-западной стороны. По обе стороны этого рва сохранились остатки двух земляных валов с проходами в них против перемычки рва.

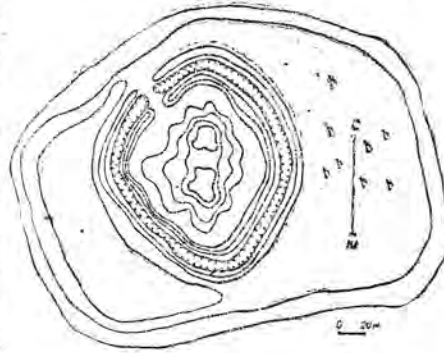

Рис. 56. План городища Чардара.

На свободной от растительности поверхности городища встречаются в значительном количестве фрагменты исключительно неполивной керамики, в основном раннесредневековых типов (VIII—X вв.), и единичные экземпляры более ранней, архаической керамики или керамики, сделанной домашним способом.

Городище Сеид-тепе (рис. 57) находится на территории центральной усадьбы Кызыл-Кумской МТС и представляет собой прямоугольной формы бугор, ориентированный сторонами по странам света, с двумя площадками разного размера и высоты. Общие размеры бугра у основания: с З на В в южном конце около 190 м и северном — 220 м и с С на Ю — 140 м. Восточная половина бугра представляет собой под-

прямоугольной формы площадку высотой около 3 м с выступающим к востоку северо-восточным углом. Размер этой площадки с С на Ю около 110 м и с З на В около 75 м. На северо-восточном углу, выступающем

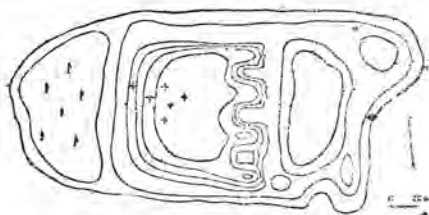

Рис. 57. План городища Сеид-тепе.

за линию площадки, сохранились остатки башни в виде довольно большого холма. С южной стороны этой площадки обнаружены следы еще двух небольших башен, которые, судя по сравнительно пологому в сторону площадки склону, предназначались для охраны входа на нее.

Западная, более высокая часть бугра, имеет наверху полуовальной формы площадку размером с С на Ю около 80 м, с З на В около 70 м и высоту около 7 м. Восточная сторона этой площадки прорезана тремя глубокими, доходящими до уровня восточной площадки выемками с почти отвесными стенами. В срезе одной из выемок (южной), в верхней части ее, видны остатки кладки из сырцового кирпича размером $36 \times 20 \times 10$ см.

К западу от этого холма расположен второй бугор полуовальной в плане формы, обращенный изогнутой стороной к западу. Размер его с З на В около 70 м и с С на Ю около 120 м, высота около 1 м. От основной площадки городища он отделен глубоким, доходящим почти до горизонта рвом.

На поверхности городища, покрытой травой, а также в насыпях современных мусульманских и христианских захоронений, расположенных на западной части городища, собрано значительное количество фрагментов керамики тех же типов, что и на описанных выше городищах Чардара и Сеид-тепе. Кроме того, на нижних площадках обнаружен керамический шлак.

Городище, судя по его конструкции, является остатками небольшого города, имевшего все три основные составные части средневековых городов, т. е. цитадель (средняя, самая высокая площадка), шахристан (восточная площадка) и рабад (западная площадка).

Как и большинство городов этого района оно развивалось, вероятно, на базе раннесредневекового замка — «кешка» — или древнего укрепленного дома-массива.

Городище Ак-тепе сюткентское (рис. 58) расположено примерно в 25 км от городища Сюткент, вверх по Сыр-Дарье, в одном километре от ее современного русла. Городище представляет собой бугор подпрямоугольной (в плане) формы с сильно закругленными углами и зигзагообразной южной стороной. Бугор ориентирован сторонами по странам света (отклонение около 10°). На вершине его на различной высоте расположено 3 площадки. Размер его сторон (у основания): Ю — 360, З — 240, С — 290 и В — 260 м. Западная площадка (самая нижняя) высотой 3 м, южная — 4,5 м, северо-восточная расположена на почти квадратном у основания холме высотой 14 м, размером с С на Ю — 50 м и с З на В — 40 м. Примерно на половине высоты этого холма, на южном склоне зигзагообразной формы — на небольших выступах — расположены остатки четырех небольших башен. Холм этот является, по-видимому, остатками цитадели, а две расположенные по его сторонам площадки — остатками шахристана.

У подножия северной стороны городища и частично восточной про-

ходит глубокий (до 2,5 м глубины и от 90 до 100 м ширины) ров или, возможно, русло старой протоки.

Против юго-восточного угла городища, примерно в 60 м от него, находится овальной формы бугор высотой около 3 м, расположенный на изгибе русла протоки. К западу от городища, в 200 м от него, находится большое старое мусульманское кладбище с однокупольным мазаром, известным под именем Азун-Ата, сооруженным из обожженного кирпича.

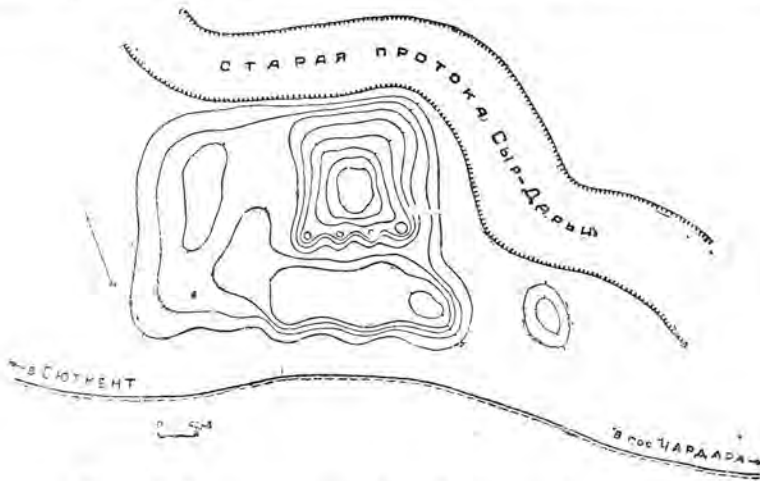

Рис. 58. План городища Ак-тюбе (около Сюткента).

ча $23 \times 23 \times 6 - 7$ см. Возле мазара находится полуразрушенная небольшая мечеть из сырцового кирпича.

Собранная на территории городища керамика дала образцы в основном тех же типов, что и на описанных выше городищах этого района VIII — X вв. н. эры.

Городище это, как и предыдущие, являлось, очевидно, в прошлом небольшим раннесредневековым городом.

Городища Сюткент I и II (рис. 59). Городище Сюткент I расположено в урочище Кара-куль, примерно в 2 км от современного русла Сыр-Дарьи и около 2 км к СЗ от центральной усадьбы совхоза Сюткент. Оно является наиболее крупным из городищ не только левого берега Сыр-Дарьи, но и всего исследуемого нами района и в настоящее время представляет собой возвышенную площадку полуовальной в плане формы, прямая сторона которой обращена к СЗ. Размер ее с СЗ на ЮВ около 800 м и с СВ на ЮЗ (в северо-западном конце) около 900 м. Средняя высота ее около 2 м. Площадка, по-видимому бывшая шахристаном, окружена со всех сторон земляным валом высотой около одного метра над внутренней площадью городища, с остатками большого количества башен. Снаружи вала, у подножия городища, проходит глубокий ров, ранее окружавший шахристан со всех сторон. Остатки цитадели расположены внутри шахристана в виде бугра почти квадратной формы, примыкающего к его северо-западной стороне. Высота его около 8 м и размер примерно 150×150 м. Цитадель ориентирована углами по странам света и, подобно шахристану, окружена со всех сторон валом с остатками башен, расположенных как на углах, так и в середине вала. Кроме того, цитадель со всех сторон окружена снаружи глубоким ровом, проходящим у основания стен и отделяющим площадь цитадели от шахристана. На территории цитадели сохранились остатки нескольких со-

оружий в виде земляных холмов. Вход на цитадель сохранился в середине северо-западной стены, а входы на шахристан — с СВ и ЮВ сторон. В восточном конце шахристана обнаружены следы довольно большого водохранилища — хауза — в виде глубокой прямоугольной впадины. К северо-восточной стороне шахристана примыкают остатки большого городского предместья, разбитого арыками и невысоким валом на отдельные кварталы. У северо-западной стороны, против цитадели, находятся развалины еще одного небольшого рабада, также разбитого на несколько кварталов.

Снаружи северного и западного углов шахристана у основания стен сохранились два древних колодца.

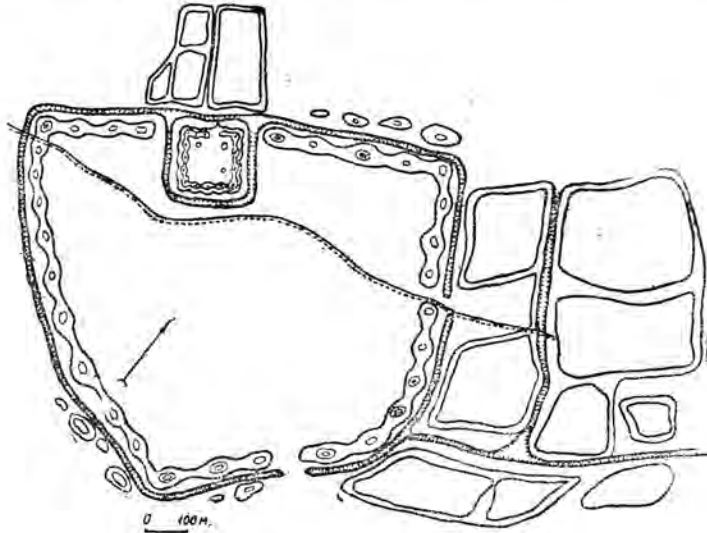

Рис. 59. План городища Сюткент I.

Вся площадь городища покрыта редкой растительностью, среди которой встречается довольно много фрагментов керамики от архаической и до монголо-тимуридской.

Второе городище (рис. 60) расположено на территории центральной усадьбы совхоза Сюткент, примерно в 2 км от первого, и представляет собой пятиугольную в плане площадку высотой около 1,5 м со сторонами (у основания) размером: южная — 60 м, западная — 200, северная — 280, восточная — 200, юго-восточная (имеет примерно в середине небольшой, полукруглой формы выступ) — 240 м. Площадка эта со всех сторон окружена остатками вала с башнями на углах. На площадке городища сохранились следы различных сооружений, расположенных правильными рядами, с проходами в виде улиц.

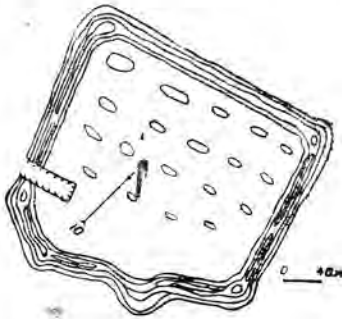

Рис. 60. План городища Сюткент II.

На поверхности встречается довольно большое количество фрагментов керамики по преимуществу позднесредневековых типов.

Городище является развалинами позднесредневекового города, развившегося

после прекращения жизни Сюткента I, который, судя по керамическому материалу, является более древним.

Между городищами Сюткент I и Сюткент II расположен ряд небольших холмов — остатков отдельных построек.

Оба городища, как и некоторые другие развалины южных районов Казахстана, сохранили свое наименование с момента первого упоминания о них в раннесредневековых мусульманских источниках до наших дней.

По сообщению ибн Хаукаля (X в.)²⁸³ «Сюткент (лежит) к западу от реки Шаша (Сыр-Дарья), в нем есть мечеть и в нем собираются тюрки из (разных) племен гузов и карлухов, которые уже приняли ислам и они (жители города) храбры и воюют с тюрками и недоступны для них». То же самое пишет аноним «Худуд ал-Алем»²⁸⁴: «Сюткент место, изобилующее благами и расположенное на берегу реки, (его) население воинственно».

Во многих источниках Сюткент упоминается обычно в числе городов округа Фараб. Ал-Истахри²⁸⁵ (X в.) включает его в пограничные с владениями города Мавераннахра.

Сюткент с конца XI в., т. е. после Махмуда Кашгарского²⁸⁶, который ошибочно называет его огузским городом, и до начала XV в. исчезает со страниц арабо-иранских средневековых источников. Не упоминается он и в числе городов, захваченных Хорезм-шахом Мухаммедом а затем и монголами, и лишь в связи с походом Тимура из Самарканда в Отрар, в 1404 — 1405 гг., о нем говорится как о городе, через который проходил Тимур²⁸⁷.

Собранная на поверхности городища Сюткент I подъемная керамика, а также добытый раскопками 1949 г. археологический материал дают основание предполагать, что жизнь на этом городище прекратилась не позднее XV — XVI вв. На городище Сюткент II жизнь сохранилась, судя по подъемной керамике, вплоть до XIX века.

Городище Байркум (рис. 61) расположено примерно в 25 — 26 км к северу от городища Сюткент и находится почти на самом берегу современного русла Сыр-Дарьи в урочище Байркум-Тогай, недалеко от центральной усадьбы совхоза Байркум. В настоящее время оно имеет форму подквадратной возвышенной площадки с сильно закругленными углами и зигзагообразной ЮВ стороной. Городище ориентировано углами по странам света. Размер его с СВ на ЮЗ — 300 м и с СЗ на ЮВ — 400 м. Высота — около 1,5 м. Со всех сторон оно окружено земляным валом высотой около 3 м над окружающей местностью или 1,5 м над площадью городища.

В середине (зигзагообразной) юго-восточной стены сохранились остатки пяти прямоугольной формы башен, сооруженных из пахсы и сырцового кирпича крупного размера. Снаружи городища, у основания стен, проходит ров шириной до 20 м и около 2 м глубиной, наполнявшийся по особому каналу, подходившему к нему с СЗ стороны. За пределами рва оно окружено остатками второго, довольно мощного земляного вала со следами многочисленных башен. Въезд на территорию городища сохранился в середине северо-западной стороны.

Почти в центре городища расположены остатки цитадели, имеющей форму почти прямоугольного бугра высотой около 9 м, ориентиро-

²⁸³ МТТ, т. I... стр. 184.

²⁸⁴ Там же, стр. 216.

²⁸⁵ Там же, стр. 178.

²⁸⁶ Там же, стр. 311.

²⁸⁷ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана... стр. 146.

ванного углами по странам света. Размер цитадели (у основания) с СВ на ЮЗ — 100 м и с СЗ на ЮВ — 80 м. По краям площадки сохранились остатки стены в виде земляного вала высотой около одного метра со следами 8 башен (4 по углам и 4 в середине сторон).

Сама цитадель была окружена рвом, как и в других городищах этой группы, проходившим у основания ее стен. Ширина рва около 10 м. В середине юго-западной стороны, где, по-видимому, был вход в цитадель, ров пересекается земляной перемычкой.

У основания северо-западной и частично восточной стен цитадели на площади шахристана расположены остатки довольно большого водохранилища — хауза, имеющего в плане г-образную форму.

Вдоль северо-восточной и частично северо-западной сторон водохранилища сохранились остатки двух, идущих перпендикулярно друг к другу, но не соединенных между собой дувальных стен толщиной у основания выше одного метра и высотой около 2,5 м. Назначение этих стен неизвестно. Возможно, что они предназначались для защиты хауза от заноса его песком.

На площади шахристана, покрытой густой травой, в разных местах обнаружены следы различных построек в виде сильно расплывшихся плоских бугров.

Рис. 61. План городища Байркум.

Собранная на территории городища керамика дала образцы в основном ранних (кангуйско-хорезмийского и тюрко-огузского) типов.

Городище, очевидно, является остатками крупного раннесредневекового города, прекратившего свое существование, судя по керамике, не позднее IX — X вв.

Городище Джар (Жар) - тепе (рис. 62) расположено в 1 — 1,5 км к СЗ от оз. Ата-Балты, на левобережье Сыр-Дарьи ниже городища Байркум. Оно имеет форму квадратной в плане, возвышенной площадки размером 210×210 м, ориентированной углами по странам света, высотой около 3 м. Площадка со всех сторон окружена земляным валом с остатками двух башен, одна находится в южном углу и вторая — на юго-восточной стене, примерно в 60 м от восточного угла. От этой башни к северо-западной стороне идет невысокий земляной вал, делящий площадь городища на две неравные части. По обе стороны южной угловой башни сохранились два отрезка дувальной стены

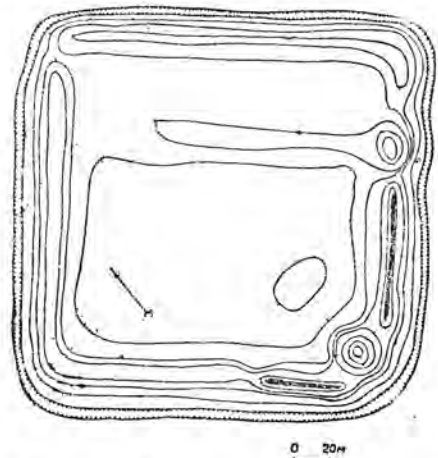

Рис. 62. План городища Жар-тепе.

высотой около 2 м, идущей по верхнему краю вала. У основания городища сохранились остатки рва, окружающие его со всех сторон. Ширина рва около 7—8 м и глубина немногим больше метра.

На площади городища, заросшей довольно густой травой, собрано небольшое количество фрагментов малохарактерной керамики, изготовленной на гончарном круге, красного в изломе цвета обжига, и лишь несколько фрагментов более древней керамики, окрашенной снаружи красной краской.

Городище является, по-видимому, остатками небольшого древнего поселения, в котором роль цитадели или вернее дома правителя выполняла жилая башня — «донжон», расположенная в его южном углу. Оно, судя по развалинам дуальных стен, расположенных на вершине вала, было использовано вторично в XVIII—XIX вв. как укрепление, охранявшее караванный путь вдоль левого берега Сыр-Дарьи.

Городище Оксус (рис. 63) расположено в урочище Ак-жар, на левом берегу Сыр-Дарьи, примерно в 10 км ниже городища Отрар. Оно имеет в плане форму неправильной пятиугольной возвышенной площадки с большим полуовальной формы выступом в северо-восточном углу и вторым — меньшим, расположенным в северном углу. Размеры сторон: северная — 220, восточная — 200, юго-восточная — 120, юго-западная — 150 и западная — 160 м. Площадь городища почти со всех сторон окружена остатками стен в виде земляного вала. Вынесенный наружу северо-восточный выступ представляет собой двухъярусный бугор со склоном, покатым в сторону площади. Нижняя площадка этого бугра высотой около 4 м имеет форму неправильного прямоугольника размером с С на Ю (примерно) — 50 и с З на В — 75 м. Вторая (верхняя) площадка почти круглой в плане формы, расположена у наружного северо-восточного края выступа и имеет очень крутые склоны десятиметровой высоты. Диаметр площадки (примерно) — 40 м. Выступ является, по-видимому, остатками небольшой цитадели, а основная площадка — остатками шахристана. По краям площадки цитадели следов стен или вала не сохранилось. К югу и западу от городища обнаружены развалины большого предместья — рабада — с трудно прослеживаемыми нечеткими очертаниями границ вследствие частичного заноса их песком. Входов на территорию городища было, по-видимому, два: один — с восточной стороны, у южного края цитадели, и второй — в середине юго-западной стены.

Подъемный материал (фрагменты керамики), в изобилии покрывающий площадь городища, дал немногочисленные образцы архаической керамики кангюйско-хорезмийского и эфталитского типов (собрана преимущественно на территории цитадели) и большое количество керамики тюрко-карлукского, караканидского и особенно монголо-тимуридского периодов, собранной в основном на территории шахристана.

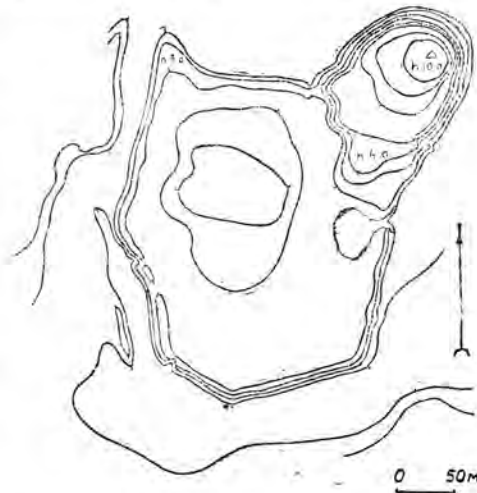

Рис. 63. План городища Оксус.

Некоторые исследователи²⁸⁸ склонны считать, что город основан в древности выходцами из района реки Оксуса (древнегреческое название р. Аму-Дарьи), почему он и получил свое наименование, сохранившееся до настоящего времени, и что собранная на его поверхности подъемная керамика кангуйско-хорезмийского типа подтверждает глубокую древность этого поселения.

Не возражая против длительности существования этого города в монгольский период, мы считаем, однако, существование его в первые века до н. эры весьма сомнительным. Вряд ли мог он сохранить свое наименование на протяжении почти двух тысячелетий, ни разу не упоминаясь ни в одном из средневековых источников, в то время как ряд других более мелких городов и даже поселений, как, например Весидж, Артук и др., упоминается неоднократно. Нам кажется, что городище это получило свое современное наименование сравнительно недавно, чем и объясняется его отсутствие в средневековых источниках. Вместе с тем нам известно из тех же источников, что на левом берегу Сыр-Дарьи, в 2 фарсахх вниз по течению от города Кедера²⁸⁹, находился город Весидж. Местоположение Весиджа (примерно) соответствует единственному в этом районе развалинам поселения городского типа — городищу Оксус, которое на этом основании мы склонны отождествить с древним городом Весиджем.

По словам В. В. Бартольда²⁹⁰, «Весидж — укрепленное селение с соборной мечетью, был родиной философа Абу-Наср ал-Фараби (учителя знаменитого ученого средневековья — Авиценны). В Весидже в X в. жил сильный эмир, в XII в. этот город упоминается как место изгнания». После XII в. о нем никаких известий в источниках не имеется.

Из городов левого берега Сыр-Дарьи в числе первых городов, сдавшихся в 1219 г. войскам Чингиз-хана, значится Зернук. После его сдачи, по словам Рашид-ад-дина²⁹¹, «...по войскам монголов вышел приказ выгнать жителей Зернука в поле, молодых назначили в ополчение (хашар) Бухары, а другим дали позволение возвратиться и Зернуку положили название Кутлуг-Балык (счастливый город)». Один из жителей этого города, хорошо знавший местность, провел монгольские войска по малонизвестной дороге к Бухаре, после чего она стала называться ханской дорогой.

Ближайшей к Отрару переправой через Сыр-Дарью, которая значится даже на географических картах второй половины XIX в., была, вероятно, переправа против городища Оксус, т. е. города Весидж, имя которого к моменту завоевания края монголами в литературе уже не встречается. А так как городище среди подъемного материала дало керамику и монголо-тимуридского периода, то, нам кажется, что исчезнувший со страниц истории город Весидж в момент прихода монголов еще продолжал существовать, но носил уже другое имя — «Зернук».

Из числа городищ, расположенных на левом берегу реки, на основании размеров и по собранной подъемной керамике может претендовать на отождествление с Зернуком лишь городище Кавган-Ата, находящееся примерно в 12 км севернее Оксуса. Однако этому отождествлению, по нашему мнению, препятствует то обстоятельство, что городище Кавган-Ата, во-первых, расположено довольно далеко от Отрара, откуда поступали на переправу войска Чингиз-хана, и, во-вторых, что перепра-

²⁸⁸ А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана... стр. 84 и след.

²⁸⁹ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана... стр. 145.

²⁹⁰ В. В. Бартольд. О статье «Догадка о прошлом Отрара»...

²⁹¹ МТТ, т. I ... стр. 503.

же через Сыр-Дарью в его районе должны были препятствовать наличие между основным руслом реки и этим городищем нескольких старых протоков и сильно разветвленная сеть арыков, чего в районе Оксуса не имеется. Других же развалин поселений городского типа ближе городища Байркум, расположенного в 120 км от Отрара, вверх по течению Сыр-Дарьи, или Артык-Ата, находящегося в 60—65 км вниз по Сыр-Дарье, в районе Отрара до сих пор не обнаружено. Необходимо отметить, что новое наименование «Кутлуг-Балык», данное (по словам Рашид-ад-дина) монголами городу Зернуку, не привилось, и город продолжал существовать под своим старым именем.

По словам В. В. Бартольда²⁹², в словаре Абу-Абдаллах Хорезми слово «зернух» является термином, обозначающим разного размера чигири. Город Зернук, по предположению Бартольда, стоял на возвышенном месте, куда воду необходимо было поднимать с помощью чигирей. Это указание также частично подтверждает наше предположение о тождестве Оксуса с древним городом Весидж — Зернук. Подтверждает его и то обстоятельство, что в 1295 г. проезжавший этим маршрутом армянский царь Гайтун²⁹³ из Саурана направился к Отрару и только оттуда — в Зернук (Зернух). Если бы Зернук находился в районе городища Кавган или Артык-Ата, то Гайтуну не нужно было бы ехать из Саурана в Отрар, так как Кавган-Ата расположен примерно против Саурана.

По сообщению Шереф-ад-дина Йезди и Низам-ад-дина Шами²⁹⁴, в 1388 г. авангард войск Тохтамыша, выступавшего против Тимура, достиг города Зернука (у Шереф-ад-дина Йезди — Уджук — Зернуха). Тимур, находившийся недалеко от последнего, узнав о походе авангарда противника, несмотря на выпавший в это время большой снег, решил выступить против войск Тохтамыша. Для облегчения движения войск он отдал распоряжение утаптывать снег. Ночью скрытно подошел к отряду Тохтамыша, и здесь, где-то в районе города Зернуха, произошло сражение, в результате которого авангард войск Тохтамыша был разбит поголовно.

С XV в. в исторической литературе ни имя Весидж, ни Зернук не упоминаются. Дата эта, как мы указывали выше, примерно соответствует характеру наиболее поздней подъемной керамики, собранной на территории городища Оксус.

Городище Кавган-Ата (рис. 64) находится примерно в 23 км к СЗ от Оксуса, в урочище Балта-куль, в 1,5 км к З от оз. Балта-куль. Оно представляет собой прямоугольной формы площадку, ориентированную углами примерно по странам света. Размер ее с СЗ на ЮВ — 90 и с СВ на ЮЗ — 140 м, высота около 3 м. По краям ее сохранились остатки стен в виде земляного вала высотой 0,5 м над площадкой. Вход в городище сохранился в середине северо-восточной стены. Небольшое повышение вала на трех углах (за исключением восточного) можно объяснить тем, что на них находились, вероятно, небольшие башенки, из которых южная, более крупная, была жилой.

Следов каких-либо сооружений на территории городища не сохранилось. Собранный на его поверхности материал дал всего несколько фрагментов «архаической», черной и красной в изломе, с черной окраской керамики и более многочисленную группу фрагментов карахандского и монголо-тимуридского периодов (X — XIV вв.).

Отсутствие остатков построек на территории городища и вокруг

²⁹² В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана... стр. 146.

²⁹³ История монголов по армянским источникам... стр. 83.

²⁹⁴ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... стр. 114 — 156.

него, а также незначительное, сравнительно с другими городищами, количество собранной на нем керамики дают основание предполагать, что оно является, по-видимому, остатками небольшой крепости — рибата — или крупного караван-сарая.

Рис. 64. План городища Кавган-Ата.

площадка высотой около 3 м и размером с СВ-В на ЮЗ-З — 160 и с СЗ-С на Ю-ЮЗ — 140 м. На ней сохранились развалины нескольких сооружений в виде разных размеров и формы земляных холмов.

Юго-восточная, более высокая часть бугра представляет собой подпрямоугольной же формы холм около 9 м высотой, с довольно крутыми склонами с трех сторон (кроме пологой восточной стороны), с овальной площадкой наверху размером 30×40 м. Примерно в середине площадки находится небольшой полусферической формы холмик высотой около метра. Северная, более низкая часть городища является, по-видимому, остатками шахристана. Следов стен или вала по краям обеих площадок не сохранилось. Вход на территорию цитадели был, очевидно, с северо-северо-восточной стороны, имеющей более пологий склон. С этой же стороны у основания цитадели находился вход на шахристан.

Вся площадь городища покрыта толстым слоем пухлого селитряно-солонцеватого грунта с солонцовой коркой, усеянной фрагментами керамики от «архаической» — кангуйско-хорезмийского типа (единичные образцы) — и до монголо-тимуридской.

Второе городище Бузук-тепе (рис. 66) находится примерно в полукилометре от Артык-Ата и представляет собой восьмиугольную, близкую к овалу площадку высотой около 2 м. Размеры ее с С на Ю — 350 м и с З на В — 300 м. Площадка окружена со всех сторон остатками стен в виде земляного вала высотой от одного до полутора

Городище Артык-тепе (Артык-Ата) находится в урочище Ак-куль, в 10 км к северу от городища Кавган-Ата и в 6 км от современного русла Сыр-Дарьи (рис. 65).

Оно представляет собой двухъярусный бугор пятиугольной в плане формы со сторонами размером (у основания): северо-восточно-восточная — 200, северная — 80, северо-западная — 90, западно-юго-западная — 220 и юго-юго-западная — 150 м. Северо-западная, более низкая часть бугра — подпрямоугольная

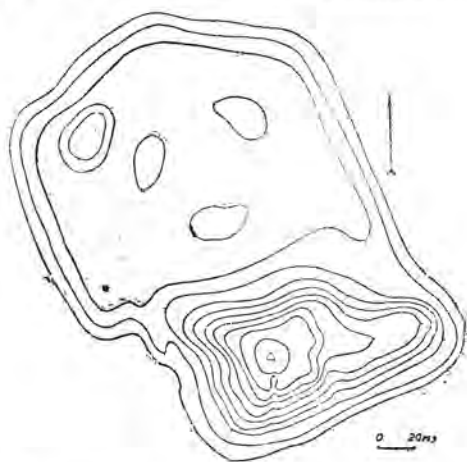

Рис. 65. План городища Артык-Ата.

метров, с развалинами башен, находившимися на всех углах. На поверхности городища сохранились остатки сооружений — крупные холмы овальной формы, из которых один, наиболее крупный, расположенный у южного края, является, вероятно, остатками дворца или храма (мечети). Вся площадь этого городища, как и городища Артык-Ата, покрыта толстым слоем пухлого, с верхней коркой, селитряно-солонцеватого грунта и усеяна обломками керамики почти таких же типов, что и на городище Артык-Ата но с некоторым преобладанием керамики X — XV вв.

Площадь обоих городищ покрыта ямами, вырытыми в недавнее время, земля из которых использовалась, по-видимому, для выварки селитры, о чем свидетельствуют находящиеся возле них остатки печей.

Из городищ Артык-Ата и Бузук-тепе древнейшим является, очевидно, первое, что подтверждает преобладание на нем керамики более древних типов.

Оба городища могут быть безошибочно отождествлены с древним городом Артуком (Артук — тюркское слово, означающее «последний» или «крайний»), название которого в средневековой историко-географической литературе встречается лишь в конце XV в. у Хондемира, Рузбехани и Махмуда Хайдара, главным образом в связи с началом карьеры Шейбани-хана. По словам Хондемира²⁹⁵, «...когда он (Шейбани-хан) подошел к крепости Артуку, то Қазы-Бикчик, старейший из всех тамошних казыев, взял его сторону, выехал к нему в сопровождении главнейших жителей навстречу с ключами крепости, поднес ему дары и стал в ряды его приверженцев».

В своем сочинении «Михман-наме-и Бухара» один из приближенных Шейбани-хана — Рузбехани²⁹⁶ — писал, что «...город Артук находится на границе Туркестана. Дороги, идущие из Бухары и Самарканда, не могут миновать его. Артук находится к западу от Сыр-Дарьи. Через него ездят в Сайрам, город Туркестан и другие места. Хотя город невелик и состоит из нескольких домов, но по богатству продуктов имеет большое значение. Артук и другие населенные пункты в его окрестностях, легко и быстро без жалоб со стороны населения, собрали нужное (для снабжения войск Шейбани-хана) продовольствие. Несмотря на зимнее время... Довольный Артуком Шейбани-хан как-то радостно заметил мне, что город Артук для него имеет такое значение, какое имела когда-то Медина для пророка».

Как расстояние этого городища от русла Сыр-Дарьи, так и размеры его, а также природные условия вполне соответствуют цитированному выше сообщению Рузбехани.

Обращает на себя внимание перемещение к северу в эпоху тимуридов основной магистрали между Мавераннахром (Самарканд и Бухара) и правобережьем среднего течения Сыр-Дарьи (район Туркестана — Отрара), тогда как при Тимуре он шел через Сюткент — Зернук (Ок-

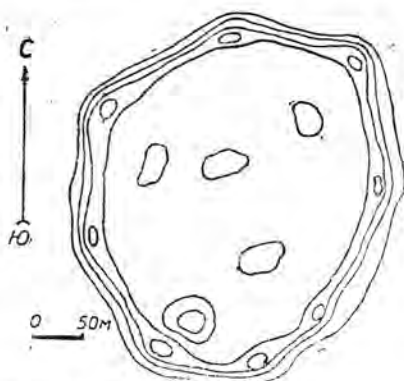

Рис. 66. План городища Бузук-тепе.

²⁹⁵ В. В. Вильяминов-Зернов. Исследования о каспийских царях... стр. 236—251.

²⁹⁶ Материалы по истории Узбекской ССР ...

сус), что говорит и об окрепшей связи с северо-западными районами Хорезма в то время, когда города Отрарского оазиса потеряли свое первенствующее значение.

Ввиду того, что город Артук в дальнейшем в исторических источниках не упоминается, нужно думать, что он вскоре же после этого прекратил свое существование, по-видимому в результате борьбы шейбанидов с казахами.

Отсутствие имени Артука и ряда других городов левобережья средней Сыр-Дарьи в раннесредневековых мусульманских источниках объясняется, возможно, тем, что они находились в стороне от основного караванного пути, на котором лежали почти все упоминаемые в этих источниках города.

Некоторая ритмичность, наблюдающаяся в размещении остатков городов и поселений, расположенных вдоль левого берега Сыр-Дарьи, объясняется, по-видимому, тем, что в раннесредневековый период здесь проходил торговый караванный путь и развитие городов, расположенных на нём, частично зависело от этого пути.

Неравномерность расстояния между стоянками караванов объясняется топографическими условиями и состоянием пути между отдельными пунктами.

Городища района междуречья Арысь — Талас и верховьев реки Келес

Из 13 развалин городского типа поселений этого обширного района 8 городищ имеют прямоугольную форму или близкую к прямоугольной (Турткуль-тепе, Бурненское I, Казатлык, Кремневское, Кулан-Аузы-турткуль, Кырк-Курез-турткуль, Шарап-хана и Бек-Тюбе I). Остальные 5 (Булак-Ковал, Бурненское II и III, Сайрамское и Аулие-Бастау) имеют неправильную или многогранную форму. Остатки цитадели сохранились на 9 городищах (за исключением Кырк-Курез-турткуль, Сайрамского, Шарап-хана и Бек-Тюбе I). Остатки более или менее хорошо прослеживаемых рабадов сохранились у 7 (Турткуль-тепе, Кремневское, Кулан-Аузы-турткуль, Сайрамское, Шарап-хана, Аулие-Бастау и Бек-Тюбе). Возле остальных городищ рабадов не обнаружено. Остатки стен (в виде земляных валов) сохранились на 11 городищах (за исключением Бурненского I и Аулие-Бастау), а остатки башен на них — на 8 (за исключением Бурненского I, Казатлык, Сайрамского, Аулие-Бастау и Бек-Тюбе I). В отличие от остальных районов, рвы, окружавшие городище, сохранились лишь у 4 (Турткуль-тепе, Бурненское II, Казатлык и Шарап-хана), остальные следов рва не имеют. У большинства городищ (8) предвратные сооружения состояли из башен (обычно по 2), фланкирующих ворота, у 2 (Булак-Ковал и Бурненское III) вход внутрь города охранялся сложными сооружениями. У двух городищ (Сайрамское и Турткуль-тепе), кроме обычных стен вокруг шахристана, сохранились остатки стен или валов, окружавших целый район — рустак.

Сайрамское городище (рис. 67). В историко-географической средневековой литературе, посвященной югу Казахстана, район междуречья Арысь — Талас занимал значительное место. Исключительное экономическое и стратегическое значение этого района в эпоху раннего средневековья возбудило повышенный интерес восточных авторов к исторической топографии этого района, в особенности к его главному городу Испиджабу. Город этот на протяжении многих веков играл господ-

ствующую роль не только в земледельческой округе, но и по отношению к землям Отрарского и Таразского оазисов, которые если и не фактически, то номинально, по свидетельству ибн Хаукаля²⁹⁷, Макдиси²⁹⁸, Абул-Феда²⁹⁹ и др., входили в орбиту его экономического, политического и культурного влияния. Политическая роль Испиджаба и его земель проявляется уже в том немаловажном факте, что он не платил хараджа правителям Мавераннахра даже в период наибольшего могущества державы саманидов, подчинивших себе во второй половине X в. все междуречье Арысь — Талас — Чу. И лишь в силу освященных временем обычаев Испиджаб ежегодно отправлял, по словам Макдиси³⁰⁰, ко двору саманидов «четыре данника и мелгу вместе с подарками», как бы символизировав тем свое подданство последним.

Испиджаб как «величайшая, по словам Якуби³⁰¹, пограничная крепость», расположенная на границах вековых кочевий, представлял собой в эпоху IX—XII вв. классический образец города, в котором принципы феодального устройства, характерные для Мавераннахра, были подчинены иным, местным специфическим условиям, господствовавшим на всей территории юга Казахстана от Сыгнака и Саурана на западе до Кулана и Мирки на востоке. Сопоставление источников, касающихся Испиджаба, с данными археологического обследования его развалин является поэтому особенно важным для нашего исследования. Однако, несмотря на ряд научных работ, посвященных древнему Испиджабу, в существующей научной литературе все еще нет окончательного решения вопроса о тождестве древнего Испиджаба с определенным городищем.

В центре современного поселка Сайрам Южно-Казахстанской области находятся остатки большого городища, представляющего собой возвышенную площадку подпрямоугольной формы со срезанными углами, высотой от 2,5 до 4 м. Площадка эта ориентирована сторонами по странам света (отклонение около 15°). Размер ее с С на Ю около 500 м и с З на В около 550 м. Восточная сторона площадки несколько выгнута наружу в виде треугольника со срезанной вершиной. На территории городища в настоящее время расположено несколько современных построек — жилые дома, мечеть, минарет, а также находятся древние кладбища с полуразрушенными мавзолеями. Юго-восточный угол городища несколько выше всей остальной площади и является, вероятно, остатками разрушенной еще в древности цитадели.

Городище со всех сторон окружено современными постройками, стоящими, по-видимому, на территории обширного предместья города — рабада, о чем свидетельствуют большое количество фрагментов преимущественно средневековой керамики, в изобилии встречающейся на территории поселка, а также несколько полуразрушенных средневековых мавзолеев. На окраинах поселка местами сохранился земляной вал, а также отдельные бугры, являющиеся остатками крупных сооружений типа замка или рибата или погребальных холмов — «наусов».

Как местное предание, так и позднесредневековая рукопись, хранящаяся у одного из жителей поселка³⁰², отождествляют это городище с городом Испиджабом (Исфиджап), упоминаемым почти во всех ранних позднесредневековых мусульманских источниках, а также в сообще-

²⁹⁷ Сведения арабских, персидских и тюркских источников ... стр. 6.

²⁹⁸ Там же, стр. 8.

²⁹⁹ Там же, стр. 37.

³⁰⁰ Там же, стр. 12.

³⁰¹ Там же, стр. 2.

³⁰² Перевод этой рукописи, сделанный Г. В. Исхаковым, хранится в библиотеке Института истории, археологии и этнографии АН КазССР.

ниях китайских и западноевропейских путешественников. Об этом городе имеется довольно обширная современная литература³⁰³.

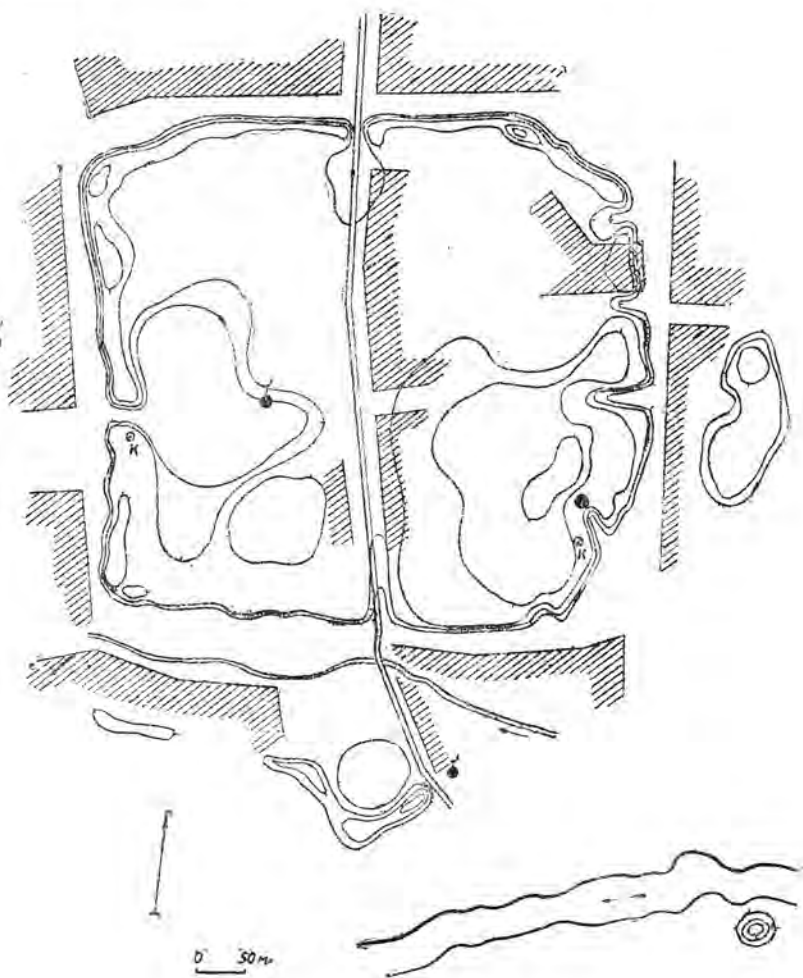

Рис. 67. План городища Сайрам.

Отождествление это подтверждается и сообщением Махмуда Кашгарского³⁰⁴, который писал, что «Сайрам — название белого города, который называется Испиджаб, Сайрам — видоизменение этого».

Обследованные в 1925 г. М. Е. Массоном³⁰⁵ в районе современного Сайрама остатки земляного вала являются, по-видимому, развалинами стены, сооруженной, согласно сообщению ал-Белазури, саманидом Нух ибн Асадом вокруг рабада древнего города Испиджаба.

Несмотря на то, что это городище имеет все основания к отожде-

³⁰³ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 68—73; П. П. Иванов. К вопросу об исторической топографии старого Сайрама стр. 151—170.

³⁰⁴ Сведения арабских, персидских и тюркских источников ... стр. 26.

³⁰⁵ М. Е. Массон. Старый Сайрам ... стр. 23.

ствлению его с городом Испиджабом, некоторые исследователи³⁰⁶, основываясь на том, что на территории городища не сохранилось остатков цитадели и что подъемный материал в основном дал почти исключительно образцы позднесредневековой керамики, считают его развалинами позднесредневекового Испиджаба или, вернее, послемонгольского Сайрама, а остатки древнего Испиджаба они склонны искать в другом месте. Высказывалось предположение, что древний Испиджаб следует искать в районе среднего течения реки Бадам, с чем мы не можем согласиться по следующим соображениям. Несмотря на тщательное обследование не только окрестностей современного Сайрама, но и всей юго-восточной части Южно-Казахстанской области, другого городища, которое бы могло претендовать на отождествление его с городом Испиджабом, обнаружено не было. Расстояние от этого городища до развалин других городов, как, например, Туркестана, Отрара, или к востоку до Манкеса (современный Манкент) вполне соответствует расстоянию, указанному в раннемусульманских источниках. Количество городских ворот городища совпадает с указанием источников, и, наконец, окружение современного пос. Сайрам большим количеством всевозможных размеров и форм тепе, а также и наличие остатков древнего вала говорят за то, что современный пос. Сайрам находится на месте древнего Испиджаба.

Незначительное количество собранной на поверхности городища и его склонах керамики ранних типов, по нашему мнению, можно объяснить тем, что в современных городах и селениях (расположенных на территории других древних городов, особенно в предгорных районах с лёссовой, плотной, слабо поддающейся размыванию и выдуванию почвой, имеющейся в Сайраме) позднейшие отложения полностью перекрывают нижние, более древние слои. Это часто встречается тогда, когда развитие города идет за счет концентрического расширения территории, как мы видим это на примере развалин древнего Тараза или Мерке, где керамика более древнего периода была обнаружена лишь в глубоких срезях и шурфах, но не на поверхности или склонах городища.

Разрушение цитадели в Испиджабе было отмечено еще Макдиси³⁰⁷, который писал, что в нем (Испиджабе) «...есть заброшенная цитадель», а Абу-л-Фед³⁰⁸, ссылаясь на ибн Хаукаля, также сообщил, что «...у него разрушенная цитадель». И странно было бы искать сейчас остатки разрушенной еще в X в. цитадели на территории города, просуществовавшего после ее разрушения свыше тысячи лет, когда при чрезмерной уплотненности древних городов буквально каждый метр свободной площади старались использовать наиболее рационально. Останавливаться здесь на наиболее интересных этапах истории города Испиджаба мы не считаем возможным, так как о нем уже имеется обширная литература.

Городище Булак-Ковал (рис. 68) расположено на возвышающемся над окружающей местностью выступе верхней террасы левого берега реки Ак-су, почти против современного поселка Манкент, и представляет собой неправильно многоугольной формы площадку размером с С на Ю — 120 м и с З на В — 140 м. По краям площадки сохранились остатки стен в виде земляного вала высотой до 1,5 м с остатками башен, расположенных как на углах, так и в середине север-

³⁰⁶ А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного-Казахстана ... стр. 73 и 74; Е. И. Агеева. Керамика городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Каратау ... стр. 101 и след.

³⁰⁷ Сведения арабских, персидских и тюркских источников ... стр. 8.

³⁰⁸ Там же, стр. 37.

ной и северо-восточной сторон. Остатки башен представляют собой земляные бугры диаметром 16—17 м и высотой от 1 до 4 м. Внутри этой площадки, являвшейся, по-видимому, шахристаном, к восточной стороне ее примыкают остатки цитадели, представляющей собой тоже прямоугольной формы площадку размером с В на З — 30 и с С на Ю — 55 м, окруженную земляным валом с остатками входа в северо-западном углу. На территории шахристана, кроме цитадели, сохранились остатки еще каких-то сооружений в виде земляных оплывших холмов. Высота внутренней площади шахристана над горизонтом около 16—18 м. К западной и юго-западной, южной и юго-восточной сторонам шахристана примыкают извне две площадки, являющиеся, вероятно, остатками двух рабадов. Один из них, примыкающий к юго-восточной и южной сторонам, размером с СЗ на ЮВ около 60 и с ЮЗ на СВ — 130 м. С северо-восточной и юго-восточной сторон этот рабад ограничен валом высотой до 1,5 м с остатками башен: трех — с северо-восточной стороны и четырех — с юго-восточной стороны. Юго-западная сторона этого рабада отделяется от второго рабада двумя большими башнями, из которых северная (она же угловая) прикрывала вход в первый рабад и на шахристан. Средняя высота этого рабада над горизонтом около 13 м. Через всю площадь рабада с В на З, почти у основания шахристана, проходит глубокая впадина шириною от 20 до 30 м и глубиной 7—9 м. Впадина является, по-видимому, остатками большого водохранилища —

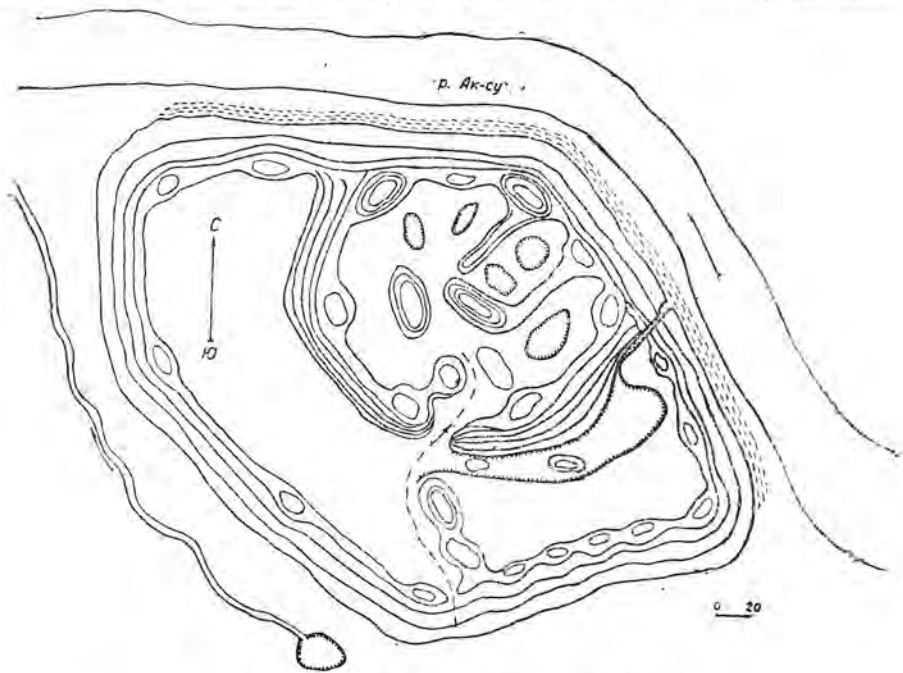

Рис. 68. План городища Булак-Ковал.

хауза. В настоящее время в северо-восточном углу его прокопана канава для спуска воды в реку. Второй рабад, примыкающий к юго-восточной и восточной сторонам шахристана, имеет размер (примерно) 60×240 м; у наружного края его сохранился вал высотой от 1 до 1,5 м с остатками пяти башен. Средняя высота площади этого рабада над горизонтом около 6 м. На территории его никаких следов сооружений не сохранилось. Въезд в рабад был, по всей вероятности, с южной сторо-

вы, где сохранилась перемычка, соединявшая городище с верхней террасой берега. На этой перемычке, в 80 м от рабада, имеется холм диаметром около 60 м, высотой около 7 м. Холм этот является, очевидно, остатками крупной башни, охранявшей подступы к городищу. Вдоль юго-западной и западной сторон городища протекает глубокий и многоводный родник «Булак-Ковал», давший свое наименование и городищу.

Все наружные склоны как шахристана, так и рабадов почти отвесные, особенно со стороны реки, где подъем по склону даже в настоящее время совершенно невозможен. Там, где склоны более доступны, как например, на юго-восточной стороне первого рабада, стены были усилены большим количеством башен. На поверхности городища, покрытой травой, обнаружено лишь небольшое количество фрагментов, совершенно нехарактерной как поливной, так и неполивной керамики, датированной IX-XII вв. н. эры. На южном конце второго рабада, в промоине вала, образованной дождевыми водами, обнаружено несколько фрагментов труб из обожженной глины диаметром 8—9 см.

Вблизи городища, к западу и югу от него, вдоль гряд, образованных оврагами, идущими с юга на север, расположено несколько цепочек курганов размером от 16 до 20 м в диаметре и высотой от 0,3 и 1,5 м. Общее количество курганов (в поле зрения) — свыше 100.

Городище Турткуль-тепе (рис. 69), расположенное вблизи центральной усадьбы колхоза им. Чапаева Тюлькубасского района, представляет собой возвышенную площадку подпрямоугольной формы (со сторонами: западная — 318 м, северная — 291, восточная — 306 и южная — 311 м), окруженную со всех сторон земляным валом высотой над внутренней площадью от 0,5 до 1 м и над горизонтом 7—8 м, с остатками башен на углах и на некоторых сторонах (с З — одна, с С — одна и с В — две).

В северо-западном углу городища находятся развалины цитадели в виде бугра высотой 11 м над горизонтом, с горизонтальной площадью наверху (50×30 м). В остатках стен сохранились следы двух во-

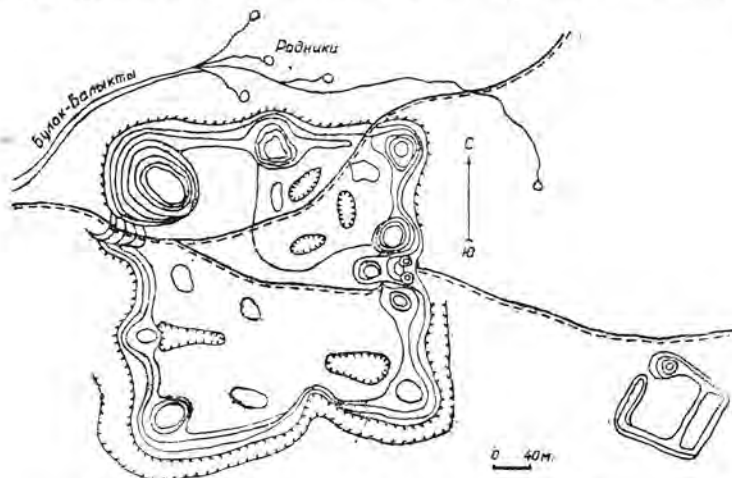

Рис. 69. План городища Турткуль-тепе Балыкчи.

ст. у одних, расположенных в южной стене, остатков предвратных сооружений не зафиксировано, тогда как у вторых, находящихся с восточной стороны, сохранились следы сложного предвратного сооружения, состоящего из двух больших башен, фланкировавших вход с обеих сторон. Внутри городища, против входа, находилась еще одна башня, и,

наконец, две небольших башни были расположены перед входом, также по обе стороны. Таким образом, вход охранялся пятью башнями.

На территории основной площадки городища, являвшейся, по-видимому, шахристаном, сохранились остатки различных сооружений в виде разного размера и формы оплывших земляных холмов.

С северной стороны шахристана местность сильно заболочена несколькими многоводными родниками, собирающимися в одно русло, огибающее северную и западную стороны городища. Место выхода родников густо заросло камышом и талом. К югу и востоку от городища местность также заболочена — видимо водами искусственно вырытой впадины шириною с северной стороны около 70 — 80 м и с восточной около 150 м. От восточных ворот шахристана через эту выемку проложена дорога по земляной дамбе шириною в 6 — 8 м.

К востоку от городища, в 150 м против юго-восточного угла, находятся развалины небольшого укрепления в виде неправильной прямоугольной площадки, ориентированной сторонами примерно по странам света. Площадка окружена со всех сторон земляным валом высотой около 0,5 м с восточной стороны и 3,5 м с остальных сторон. Размер площадки — 70×80 м. Сооружение это служило, очевидно, укреплением, охранявшим доступ в город по земляной дамбе, проложенной по заболоченной впадине.

На площади шахристана находится современное мусульманское кладбище, на поверхности могильных насыпей которого встречаются в большом количестве фрагменты как неполивной, так и поливной керамики карлухо-караханидского периода (IX — XII вв.).

Значительная площадь вокруг этого городища с трех сторон, за исключением восточной, окружена земляным валом высотой (в настоящее время) от 0,3 до 1 м и шириною у основания 2 — 3 м. Длина сторон этого вала: западной около 400 м, а северной и южной около 4 — 4,5 км. Внутри этого вала, кроме рабадов, по-видимому, находились сады и пахотные земли.

На территории центральной усадьбы колхоза, расположенной возле описанного городища, на каждом шагу встречаются фрагменты всевозможной (преимущественно крупных сосудов) керамики. Во время земляных работ местными жителями выкапываются целые сосуды типа хумов емкостью от одного до 15 — 20 ведер. Нет почти ни одного колхозного двора, где бы не было одного-двух и больше таких сосудов. Кроме того, некоторыми колхозниками на своих приусадебных участках и на территории городища были обнаружены изделия из камня конусовидной формы, ручные мельничные жернова со специальными вытесанными петлями на поверхности верхнего жернова и с вихревой насечкой с внутренней рабочей стороны, каменные сосуды в виде корытец с ножками, капители и базы каменных колонн, а в одном случае найден небольшой обломок камня с остатками вытесанной надписи. В стенах городища обнаружены керамические трубы большого диаметра, а к востоку от наружного длинного вала — хумообразные сосуды с человеческими костями.

Городище это, судя по его размеру, форме и археологическому материалу, является, вероятно, остатками крупного средневекового города, жизнь которого прекратилась еще до завоевания этого района монголами.

Городище Казатлык (рис. 70). В восточном конце усадьбы колхоза Казатлык (старый поселок Тюлькубас), примерно в 300 м к северу от дороги, на заболоченной, с большим количеством родников площадке, находится небольшое городище, представляющее собой оваль-

ной формы четырехъярусный холм размером с З на В — 185 м и с С на Ю — около 70 м. Средняя, наиболее высокая часть этого холма представляет собой площадку размером с З на В — 28 м и с С на Ю — 40 м и высотой над горизонтом около 6 м. Вокруг нее — вторая площадка высотой около 4 м и размером (примерно) 70 × 80 м. С южной и северной сторон второй площадки сохранились остатки земляного вала высотой в 0,3—0,5 м. К западной стороне ее примыкает третья площадка высотой 3 м и размером с З на В — 33 м и с С на Ю — 35 м, с трех сторон которой также сохранились остатки невысокого земляного вала, и, наконец, к восточной стороне третьей площадки примыкает еще одна — высотой 2 м и размером с С на Ю — 52 м и с З на В — 72 м, с остатками вала по краям.

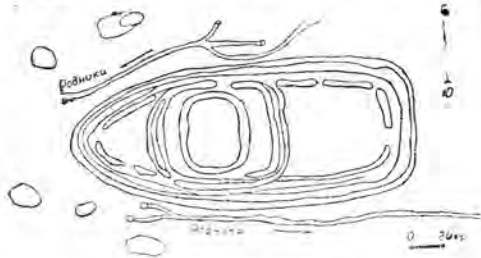

Рис. 70. План городища Казатлык.

Городище являлось, видимо, небольшим городом с цитаделью (1-я и 2-я площадки) и шахристаном (3-я и 4-я площадки). Рабад был расположен, вероятно, за родниками, где в настоящее время сохранилось несколько довольно крупных оплывших холмов, на поверхности которых и возле них встречаются фрагменты преимущественно неполивной керамики.

На территории городища находятся современные мусульманские могилы, на поверхности насыпей которых встречается значительное количество фрагментов как неполивной, так и поливной керамики, в основном карлухо-караханидского типа (IX—XI вв.).

Городище Кулан-Аузы-турткуль (рис. 71). На территории центральной усадьбы колхоза Берлик Джувалинского района находится городище, известное под наименованием Кулан-Аузы-турткуль, представляющее собой в плане почти квадратной формы площадку размером 105 × 115 м, ориентированную сторонами примерно по странам света. Площадка, являющаяся, по-видимому, небольшим шахристаном, окружена со всех сторон земляным валом, шириною у основания 5—6 м и высотой около 1 м. Как на углах, так и в середине сторон вала сохранились остатки башен (на северной стороне 2 и на остальных по одной). Высота их над валом — 1,5—1,8 м. Следы входов на территорию шахристана сохранились с север-

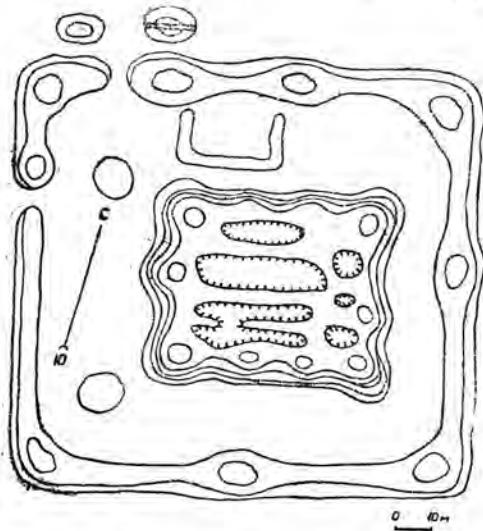

Рис. 71. План городища Кулан-Аузы-Турткуль.

ной и западной сторон, вблизи северо-западного угла. Кроме башни, расположенной с западной стороны, снаружи против северного входа по обе его стороны сохранились остатки еще двух небольших башен. За-

падный вход охранялся лишь одной башней, расположенной на валу с северной стороны входа.

В середине площадки шахристана, несколько ближе к восточной его стороне, сохранились остатки цитадели в виде прямоугольной возвышенной площадки размером 46×58 м и высотой 3 м над уровнем шахристана. Площадь цитадели, так же как и шахристана, со всех сторон окружена валом с остатками башен на углах и в середине сторон (с северной и южной — по две, с западной и восточной — по одной). Как угловые башни, так и башни западной и восточной сторон цитадели сильно выступают своими основаниями наружу за линию последней. На территории цитадели имеется ряд впадин (в западной части — 4 параллельных, идущих с З на В, и в восточной — три круглых). Судя по сохранившимся остаткам, она представляла собой одно крупное здание, несколько напоминающее по своей планировке среднеазиатский кешк или дом-массив согдийского типа.

На территории шахристана к западу от цитадели находятся два невысоких холма диаметром около 10 м, а к северу от нее — остатки земляного вала в форме буквы «П», расположенной нижней частью к северу, т. е. к остаткам башен, находившихся в середине северной стороны вала шахристана. Вход из шахристана в цитадель был, по всей вероятности, посредине северной стороны цитадели, между двумя средними башнями, где до настоящего времени сохранился более пологий склон.

Судя по форме цитадели, восточная часть ее сооружена позднее, чем остальная, которая первоначально, вероятно, имела квадратную форму и была расположена строго в центре шахристана.

Возле нескольких ям, имеющих на территории шахристана, встречается большое количество обломков жженого кирпича — плитки. Собранный на поверхности городища подъемный материал в основном состоит из фрагментов малохарактерной керамики.

На территории колхоза Берлик, в радиусе трех километров, кроме описанного выше городища, обнаружены: одно тепе с площадкой (развалины укрепленного замка), два небольших укрепления — хисны — и несколько отдельных крупных, округлой формы бугров (возможно, остатки отдельных крупных строений или сельских поселений).

Все говорит о том, что городище это является остатками сравнительно крупного средневекового города с обширной округой.

Городище Кырк-Крюз-туркуль (рис. 72). Километрах в 5 к СЗ от пос. Кремневка, между поселком и центральной усадьбой колхоза Кызыл-тал, находится городище, известное под наименованием Кырк-Крюз (сорок куполов)-туркуль. В настоящее время оно представляет собой прямоугольной формы площадку размером с С на Ю — 144 м и с З на В — 220 м. Площадка эта, ориентированная сторонами по странам света, со всех сторон окружена земляным валом с остатками многочисленных башен. На западной и восточной сторонах по 11 башен (включая угловые), на южной и северной (исключая угловые) — по 17, всего — 56 башен. Башни в настоящее время представляют собой сильно расплывшиеся земляные холмы высотой от 1 до 1,5 м и соединяющий их вал от 0,4 до 0,6 м. Остатки входа внутрь городища, фланкировавшегося двумя башнями, расположенными по обе его стороны, сохранились в середине западной стороны. Против входа, на расстоянии примерно 200 и 400 м от городища, находятся остатки еще четырех небольших отдельно стоящих башен, расположенных попарно и как бы оформлявших подход к городищу с запада.

Не только площадь самого городища, но и остатки вала и башен в настоящее время сильно перепаханы и заняты под посевы.

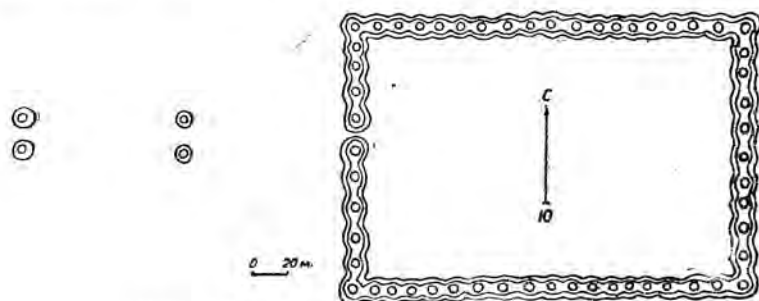

Рис. 72. План городища Кырк-Крюз-турткуль.

Никаких предметов материальной культуры на территории городища или возле него обнаружено не было. Ближайшим к нему водным источником является неглубокий колодец, расположенный примерно в 1,5 км к западу, причем вода в нем в настоящее время для питья непригодна. Как датировать это сооружение, так и определить его назначение пока не представляется возможным. Отсутствие пригодной для питья воды препятствует использованию его даже под караван-сарай, хотя вполне возможно, что вода сюда ранее поступала при помощи водопровода или арыка, остатки которого в настоящее время запаханы.

Кремневское городище (рис. 73). У западного края поселка Кремневка, расположенного у предгорий горного отрога Кулантау, имеется большой естественный овальной формы холм высотой около 80 м и диаметром у основания с С на Ю около 500 м и с З на В около 350 м. Почти со всех сторон у основания холма пробивается большое количество родников, образующих несколько небольших речек, текущих на С и СЗ. Количество воды, поступающей из этих родников, обеспечивает полив значительной площади посевов двух крупных колхозов и, кроме того, снабжает рабочий поселок Большая Кремневка.

В 4—5 км к северу от холма находился русский поселок, носивший наименование «Тысяча ключей» (поселок этот со слиянием колхозов ликвидирован). В полутора километрах к югу от описанного выше холма и в одном километре от южного края поселка Кремневка, к северу от дороги, идущей на поселок Высоксе, находится городище, имеющее форму прямоугольной площадки с несколько срезанным юго-восточным углом, ориентированной сторонами по странам света. Высота площадки около 6—7 м, размер ее с С на Ю—54 и с З на В—70 м.

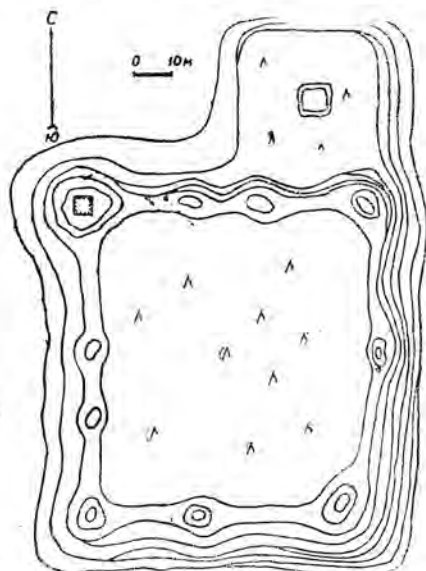

Рис. 73. План городища у пос. Кремневка.

Площадка со всех сторон окружена земляным валом высотой над поверхностью городища от 1 до 2,5 м и шириной у основания от 4 до 6 м с остатками башен на углах и в середине стен (на южной и восточной — по одной, на западной и северной — по две). Высота башен над валом от 1 до 2 м. К северной стороне этой площадки (ниже верхнего края вала на 5 м) примыкает вторая, горизонтальная площадка прямоугольной формы размером с З на В — 35 м и с С на Ю — 46 м. В центре ее расположены остатки укрепления квадратной формы размером 8 × 8 м, окруженного со всех сторон земляным валом. На территории обеих площадок городища (на поверхности могильных холмов мусульманского кладбища) встречаются фрагменты исключительно неполивной керамики, преимущественно от толстостенных сосудов. Часть фрагментов имеет следы лощения. Кроме фрагментов керамики, на поверхности городища встречаются обломки обожженного кирпича — плитки квадратной и прямоугольной формы.

К востоку от городища находятся остатки небольшого укрепления в виде квадратной формы площадки размером 30 × 30 м, окруженной со всех сторон земляным валом. В центре ее расположены остатки сооружения в виде земляного холма округлой формы. Кроме этого укрепления, между описанным городищем и поселком Кремневка расположены небольшие расплывшиеся холмы, на поверхности которых, а также на территории приусадебных участков поселка встречаются фрагменты неполивной керамики. Городище с окружающими его развалинами укреплений и многочисленных построек является, по-видимому, остатками раннесредневекового города с неоформившимся шахристаном и разбросанными предместьями. Жизнь на этом городище прекратилась, очевидно, не позднее X — XI вв. н. эры.

В районе современного поселка Бурно-Октябрьского (Джувалинского района Джамбулской области) на правом берегу реки Терс расположено три городища.

Первое городище (рис. 74) находится метрах в 400 к югу от дороги, идущей из поселка к железнодорожной станции, и метрах в 200 от современного русла реки. Оно представляет собой ориентированный

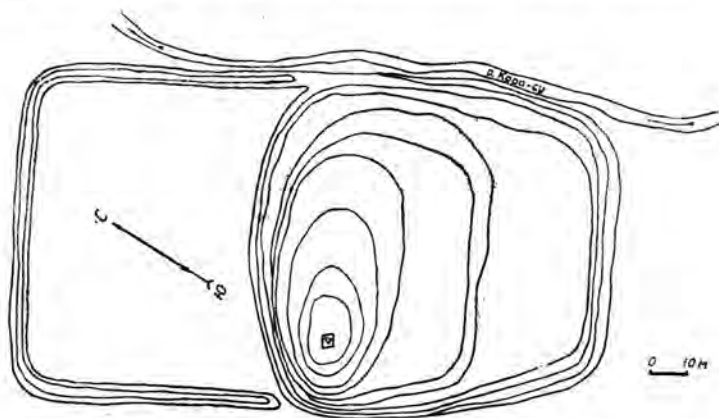

Рис. 74. План первого городища у пос. Бурно-Октябрьское.

сторонами по странам света прямоугольной формы холм с закругленными углами и четырьмя, расположенными на разных уровнях, площадками. Самая нижняя — южная площадка, высота ее над окружающей местностью — 2 м, размер с С на Ю — 27 м и с З на В — 55 м. Вторая

площадка, расположенная к северу от первой, выше ее на 5,5 м, т. е. с высотой над горизонтом 7,5 м, размером с З на В около 50 м и с С на Ю около 25 м. Третья площадка высотой 15,5 м, размером с С на Ю — 12 м и с З на В — 18 м. Центр ее несколько сдвинут к западу, благодаря чему восточный склон более пологий. Площадка эта является, вероятно, остатками цитадели или дворца-арка.

Вплотную к южному крутому склону этой площадки примыкает четвертая площадка, находящаяся почти на одном уровне с окружающей местностью. Размер ее с З на В — 90 м и с С на Ю — 70 м. Площадка с трех сторон (за исключением южной) окружена невысоким земляным валом высотой от 0,3 до 0,5 м и шириной у основания около двух метров. Следов вала на остальных площадках не сохранилось. Общий размер городища — примерно 160 × 100 м. У подножия восточного склона городища протекает небольшая речка Карасу, берущая начало из небольших родников, вытекающих южнее городища. Вдоль западного склона городища проходит довольно глубокий овраг с сырым дном.

На поверхности городища расположено в настоящее время мусульманское кладбище, в могильных насыпях которого встречается значительное количество фрагментов, в основном неполивной керамики, без всякого орнамента, за исключением одного фрагмента небольшого сосуда с лощеной поверхностью, орнаментированного прорезным рисунком в виде завитка.

Городище, несмотря на свой небольшой размер, включает полный комплекс частей средневекового города или крупного укрепленного замка, перерастающего в город (цитадель, небольшой шахристан и рабад).

Судя по подъемному материалу, его можно датировать VII — X вв. н. эры.

Второе городище (рис. 75), расположенное в юго-западном углу поселка (примерно в километре к западу от первого городища), пересекается шоссе-дорогой, идущей из поселка на железнодорожную станцию. Оно представляет собой подквадратной формы площадку, ориентированную сторонами примерно по странам света. Размер сторон этой площадки: северная — 102, восточная — 115, южная — 120 и западная — 110 м. Со всех сторон она окружена земляным валом высотой от 2 до 3,5 м с остатками башен на углах и по одной в середине трех стен (за исключением южной). Ширина вала у основания — от 5 до 8 м, высота его над внутренней площадкой — от 0,5 до 1,5 м. К южной и западной сторонам этой площадки, являющейся, по-видимому, цитаделью, примыкают остатки шахристана в виде площадки подпрямоугольной (со срезанными углами) формы. Северо-западный угол срезан значительно больше, чем остальные. Площадь шахристана, так же как и цитадель, окружена земляным валом высотой от 0,5 до 1,5 м, с остатками башен на углах и по сторонам четырех входов. Внутренняя поверхность площадки шахристана выше окружающей местности лишь на 0,2 — 0,5 м. Размер шахристана, с включением площади цитадели, с С на Ю — 250 м и с З на В — 210 м.

Снаружи, в 20 м от северо-восточного угла цитадели, расположена небольшая прямоугольной формы площадка размером 20 на 22 м, ориентированная сторонами по странам света. Она окружена со всех сторон земляным валом высотой около 0,5 м и шириной у основания 2 — 3 м. Никаких следов прохода или ворот в остатках вала не обнаружено. Площадь шахристана в настоящее время пересекается с С на Ю и с З на В современными дорогами, проходящими через остатки древних ворот.

Вдоль северной и частично северо-западной сторон городища про-

ходит глубокий арык с заболоченными берегами, а у восточной стороны сохранились остатки слегка заболоченного рва.

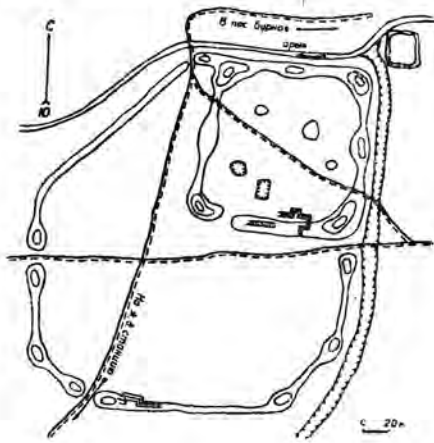

Рис. 75. План второго городища у пос. Бурно-Октябрьское.

нидского периода (X—XII вв.). Наличие среди подъемного материала в основном керамики караханидского периода и жженого кирпича свидетельствует о том, что городище является, вероятно, остатками средневекового города, возникшего после гибели более древнего, остатками которого могло быть описанное выше первое городище.

Третье городище (рис. 76), расположенное на этой же стороне реки между описанными выше первым и вторым городищами, представляет собой почти правильной формы восьмигранную площадку со следующими размерами сторон: южная — 60, юго-западная — 60, западная — 55, северо-западная — 60, северная — 50, северо-восточная — 68, восточная — 60 и юго-восточная — 55 м. Площадка эта, являющаяся, по-видимому, остатками шахристана, окружена почти со всех сторон (за исключением южной и частично восточной) земляным валом высотой (в настоящее время) около 1 м и шириной у основания 5—6 м, с остатками небольших башен на всех углах в виде холмов высотой в 2—3 и диаметром 10—12 м. Вход внутрь шахристана был с южной стороны, где сохранились остатки весьма сложных предвратных сооружений.

На площади шахристана сохранились остатки цитадели в виде прямоугольной формы площадки, примыкающей к северной стороне. Размер ее с З на В — 27 м и с С на Ю — 32 м. Цитадель также окружена земляным валом высотой до 1,5 м и шириной (у основания) до 8 м, с остатками небольших башен-холмов высотой около 2 м, расположенных как на углах, так и в середине стен (за исключением южной, где вместо башни в середине

Вскруг городища расположено значительное количество расплывшихся земляных холмов, являющихся, по-видимому, остатками древних построек.

Вся площадь городища покрыта редкой травой и сильно изрыта ямами и канавами. Среди современных насыпей сохранились следы древних сооружений в виде оплывших земляных холмов. На поверхности городища встречается значительное количество фрагментов как неполивной, так и поливной керамики, а также обожженного кирпича — плитки.

Среди подъемного материала встречаются почти все виды керамики, характерной для города Тараза, так называемого карлухо-караха-

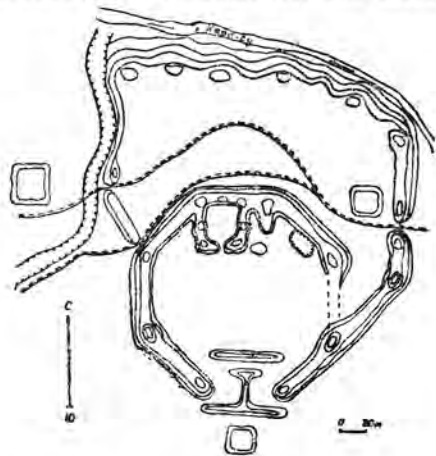

Рис. 76. План третьего городища у пос. Бурно-Октябрьское.

стены находился вход внутрь цитадели). Внутри шахристана, у северо-восточной стены его, имеется заросшая травой впадина овальной формы размером примерно 20×15 м и глубиной до 1,5 м. Впадина, по видимому, является остатками водохранилища — хауза. Кроме хауза, на территории шахристана сохранились следы различных сооружений в виде невысоких расплывшихся холмов.

К северной половине шахристана примыкают остатки сравнительно крупного предместья (в виде площадки неправильной прямоугольной формы) размером с З на В около 210 м и с С на Ю: в восточной части — 160, в середине — 80 и в западной части — 130 м. От стены, окружавшей площадь рабада, сравнительно хорошо сохранилась лишь часть ее на восточной и юго-восточной сторонах. Вдоль северного края рабада остались 5 холмов — остатки башен или каких-то других сооружений, наружная (северная) сторона которых подмыта рекой Карасу. Западная часть вала срезана глубоким оврагом. На площади рабада, в 20 м от восточной стены, возле остатков ворот расположена квадратной формы площадка (20×20 м), окруженная со всех сторон земляным валом высотой от 0,6 до 0,8 м и шириной у основания 3 — 4 м. Следов входа внутрь площадки не сохранилось. Входных ворот внутрь рабада, было, по-видимому, двое: с западной и восточной сторон, причем западный вход охранялся одной башней, а восточный — двумя, расположенными на концах вала.

К З и В от этого городища (к описанным выше городищам) тянутся 2 — 3 ряда невысоких расплывшихся овальной формы холмов, на поверхности которых встречаются мелкие фрагменты исключительно неполивной керамики.

Судя по форме городища, сложности его укреплений, а также по наличию всех частей, характерных для средневековых городов, — шахристана (восьмигранная площадка), цитадели (прямоугольная площадка у северного края) и рабада, оно является остатками небольшого средневекового города, жизнь которого прекратилась не позднее XI — XII вв.

Городище Аулие-Бастау находится на территории колхоза «Большевик» (Джамбулский район Джамбулской области) примерно в 25 км к западу от города Джамбула и в 2 — 2,5 км к югу от небольшого горного хребта Улькун Бурултау, у развилки дороги, идущей из Джамбула к оз. Бийли-куль и на старый Куюкский перевал. Оно расположено на отдельно стоящем, овальной формы, массивном каменном бугре высотой в среднем около 9 м. Размер бугра с З на В около 400 м и с С на Ю около 140 м. На вершине бугра расположены две овальной формы площадки со следующими размерами: западная площадка с З на В — 105 и с С на Ю — 87 м; восточная с З на В — 100 и с С на Ю — 120 м. Площадки эти отделены одна от другой небольшой седловиной.

По краям западной площадки местами сохранились следы земляного вала, а в середине ее — небольшой бугор диаметром около 20 м, округлой формы в плане, являющейся, по-видимому, остатками какого-то сооружения. Восточная площадка представляет собой сплошной каменный массив, свободный от грунта, лишь по краям кое-где сохранивший следы вала или стены, сложенной из крупных каменных глыб.

У подножия юго-западного склона этого бугра, из широкой трещины в каменном массиве, выбивается мощный родник, образующий у подножия бугра озеро диаметром около 100 м, из которого берет начало небольшая речка Ак-су. Как родник, так и бугор среди местного населения известны под наименованием «Аулие-Бастау».

Со всех сторон у подножия этого бугра и на значительном расстоянии от него встречаются небольшие, разного размера и формы силь-

по оплывшие бугры, являющиеся, судя по встречающимся на их поверхности и возле них фрагментам керамики, остатками отдельных жилых построек.

Метрах в 200 к югу от этого бугра расположены остатки крупного, по-видимому, позднесредневекового караван-сарая. На обеих площадках и у основания бугра встречаются фрагменты исключительно неполивной малохарактерной керамики.

В районе этого городища, в радиусе 4—5 км, расположено несколько крупных округлой формы тепе, являющихся, вероятно, остатками укрепленных «усадеб-замков» (Мурде-тепе) и сельских поселений (Киз-тепе и др.) Городище, судя по его расположению у дороги через перевал, естественно-географическим условиям местности, а также по обширной жилой округе, является остатками небольшого средневекового города с неоформившимся шахристаном и обширным рабадом. Жизнь на нем, судя по остаткам керамики, прекратилась не позднее X—XI вв., хотя караван-сарай продолжал существовать возможно до позднего средневековья.

Археологическое обследование части древнего, так называемого «Великого шелкового пути» от древнего города Испиджаба (Сайрама) и до Тараза (Джамбула) довольно детально было произведено в 1893 г. В. В. Бартольд³⁰⁹ и в 1896 и 1903 гг. В. А. Каллауром³¹⁰, причем часть обнаруженных при этом городищ была ими отождествлена с некоторыми из городов, упоминаемыми в средневековых мусульманских источниках.

В результате более тщательного обследования этого района и изучения источников мы считаем, что из числа обнаруженных в этом районе остатков древних поселений, кроме городища в пос. Сайрам, которое, по нашему мнению, бесспорно является остатками древнего города Испиджаба, еще несколько городищ могут быть отождествлены с древними городами, упоминаемыми в источниках.

Из числа обнаруженных в этом районе городищ остатками средневековых городов являются, по-видимому, следующие: Булак-Ковал у пос. Манкент, Турткуль-тепе у пос. Балыкчи, безымянное городище у усадьбы колхоза Казатлык, городище Кулан-Аузы-турткуль, городище у пос. Кремневка, городища у пос. Бурно-Октябрьского и городище Аулие-Бастау.

Почти все перечисленные городища имеют основные составные части средневековых среднеазиатских городов — шахристан, медина с цитаделью и один или два рабада. В районе их находятся остатки укрепленных усадеб-замков, небольших крепостей-хисн или рибатов, входивших, очевидно, в систему обороны того или иного города.

Отсутствие остатков рабадов с четкими границами на городищах Кулан-Аузы-турткуль, Турткуль-тепе у пос. Балыкчи и у пос. Кремневка объясняется, по-видимому, тем, что территория их в настоящее время занята современными поселениями. Находки значительного количества фрагментов керамики и других предметов материальной культуры на территории усадебных участков этих поселков подтверждают наше предположение.

Сопоставляя сведения о средневековых городах, упоминаемых в мусульманских дорожниках, с описанными выше городищами, мы пред-

³⁰⁹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию... стр. 8.

³¹⁰ В. А. Каллаур. Древние местности Аулие-Атинского уезда на древнем караванном пути на запад от Аулие-Ата к границе Чимкентского уезда. ПТКЛА, год IX. Ташкент, 1904, стр. 36 и след; его же. Археологическая поездка по Аулие-Атинскому уезду. ПТКЛА, год II. Ташкент, 1897, стр. 1—8.

ставляем себе следующую картину (цитируем выдержку из «Китаб ал-Хараджа», составленного Кудамой ибн Джафаром³¹¹, сообщающего более полные сведения о местности, по которой проходил этот путь): «...от Испиджаба (городище Сайрам) до Шараба (по Макдиси — Шават, который мы считаем возможным отождествить с городищем Турткультепе у пос. Балыкчи) 4 фарсаха по пустыне, в которой две большие реки, одна называется «Мава», другая — «Юран». Путь от поселка Сайрам до Балыкчей действительно проходит по пустынной (даже в настоящее время) местности. Две большие реки Мава и Юран соответствуют, по-видимому, рекам Ак-су и Арысь. «От Шараба до Бадухкета (который мы считаем возможным отождествить с безымянным городищем у пос. Казатлык) по колодцам» (расстояние от Шараба до Бадухкета у Кудамы ибн Джафара не указано, по ибн Хордадбеку³¹² — равно 5 фарсахам; действительное расстояние между этими городищами около 25 км). «От Бадухкета до Тамтаджа (который мы отождествляем с городищем Кулан-Аузы-турткуль) по колодцам 5 фарсахов, а этот Тамтадж в пустыне, в которой большая река и камыши». Расстояние от безымянного городища у пос. Казатлык до Кулан-Аузы-турткуль вполне соответствует расстоянию в 5 фарсахов. Правда, здесь не упоминается перевал, но о нем, как о незначительном по высоте, нет упоминаний ни в одном из дорожников, тогда как проехать из Тюлькубасского в Джувалинский район, минуя горы Бала-Кулан, невозможно. Большая река с камышами — соответствует реке Терс. «От Тамтаджа до Барджаджа (по ибн Хордадбеку—Абарджадж) по колодцам 4 фарсаха, а этот Барджадж — большой холм, вокруг которого тысяча источников, воды собираются в одну реку, которая течет на восток и называется поэтом Баркауб». Описание древнего города Абарджаджа (Барджадж) совпадает полностью с характером местности, на которой расположен в настоящее время пос. Кремневка. Здесь налицо и большой холм (среди местных жителей — казахов — он известен под именем Мын-Булак), и обилие многоводных родников, образующих реку Чокпак, впадающую в реку Терс, и описанное выше городище с остатками строений вокруг него. Предположение, высказанное В. А. Каллауром³¹³, что город Барджадж может быть отождествлен с городищем у Куланского перевала, по нашему мнению, недостаточно обосновано, так как и у ибн Хордадбека и у Кудамы ибн Джафара точно указывается — «...в Абарджадже — холм, вокруг которого «тысяча источников», что имеется налицо у пос. Кремневка. К тому же ссыла В. А. Каллаура на то, что местность против Куланского перевала носит название Мын-Булак, ошибочна, поскольку так называется урочище, расположенное к востоку от пос. Кремневка (в сторону пос. Грозное). «От Барджаджа до станции (которую как В. В. Бартольд, так и мы отождествляем с одним из трех городищ, расположенных у пос. Бурно-Октябрьское) 6 фарсахов — по Бархуабу, на обоих берегах этой реки заросли тамариска и болота, там водятся черные фазаны. У этой станции ты переправляешься через эту реку и останавливаешься направо». Расстояние между поселками Кремневка и Бурно-Октябрьское примерно равно отмеченному в дорожнике, но указание о том, что от Барджаджа следует ехать по реке Бархуаб (Терс) вызывает сомнение, так как она по Джувалинскому району течет с СЗ на В и южнее пос. Бурно-Октябрьское не проходит. Вероятно здесь имеется в виду не сама река Терс, а притоки ее, собирающиеся в одно русло у пос. Кремневка и впадающие затем в Терс недалеко от

³¹¹ Сведения арабских, персидских и тюркских источников ... стр. 12.

³¹² Там же, стр. 1.

³¹³ В. А. К а л л а у р. Древние местности Аулие-Атинского уезда... стр. 36 и след.

Бурно-Октябрьского. Указание ибн Джафара на то, что у этой станции необходимо переправляться через реку и останавливаться направо, имеет отношение, по-видимому, не к правому берегу реки, а к караван-садаю, который находился, очевидно, на левом берегу, но направо от места переправы. Это подтверждается сообщением ибн Хордадбега, писавшего: «Затем до станции на реке 6 фарсахов... Затем переправляются в Джувикат 5 фарсахов». Расположение городищ на правом берегу реки Терс вполне соответствует цитированной выше выдержке и подтверждает предположение Каллаура, что городища эти должны быть на правом берегу, а не на левом, как это утверждал В. В. Бартольд³¹⁴, введенный, видимо, в заблуждение сообщением Кудамы ибн Джафара: «От этой переправы до Шавагара горы точильного камня 3 фарсах». Сам Бартольд городищ не обследовал, а писал о них со слов других лиц, о чем свидетельствует его заявление, что они представляют собой невысокие четырехугольные валы, но, как видно из приведенного выше описания, это не соответствует действительности. Описание напоминает Куюкский перевал, на всем протяжении которого действительно имеются выходы песчаника, в настоящее время используемого для изготовления точильных камней. Город Шавгар может быть отождествлен с городищем Дулие-Бастау, принятым А. Н. Бернштамом³¹⁵ за замок. Большое количество фрагментов керамики на территории этого городища, наличие вблизи него нескольких развалин поселений сельского типа и замков, а также обилие воды говорят в пользу именно нашего предположения. Отсутствие упоминания об этом городе у ибн Хордадбега в описании пути от станции на реке до города Джувиката подтверждает, что Шавгар должен был находиться несколько в стороне от основной дороги. Он пишет: «От города Шавагара до Джавикета два фарсах по пустыне, в которой нет населенности». Город Джавикет (Джувикат) А. Н. Бернштамом отождествляется с холмом Бек-Тюбе, находящимся в нескольких километрах к северу от пос. Головачевка. Сопоставить с этим мы не можем по следующим соображениям. Холм Бек-Тюбе стоит в стороне от дороги, идущей с Куюкского перевала через современный пос. Головачевку, где расположены древние мазары Айша-биби и Бабаджи-хатун. Делать же крюк для того, чтобы проехать возле города, лежащего в стороне, было бы нецелесообразно. К тому же, насколько нам известно, ни один из мазаров, а тем более богато оформленных, в древности не сооружался вдали от поселения (исключая, конечно, мазары кочевников). Территория пос. Головачевка до настоящего времени детально не обследована. Судя по тому, что на усадебных землях поселка, по словам сторожилов, встречаются фрагменты керамики, а к югу и северу от него расположено значительное количество курганов, есть основание думать, что современный пос. Головачевка расположен на месте города Джувиката, остатки которого полностью скрыты современными постройками. Указание о том, что дорога от Шавгара до Джувиката проходит по населенной пустыне, также подтверждает наше предположение, так как если бы Джувикат соответствовал Бек-Тюбе, то путь от Шавгара к последнему должен был идти севернее головачевской дороги и проходить у подножия хребта Улькун-Бурултау, т. е. вдоль населенных мест, расположенных у родников этого хребта, питающих оз. Ак-куль. И, наконец, «...от Джавикета до города Тараза, по пастбищам и населенным местам 2 фарсах», это также соответствует

³¹⁴ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью... стр. 4 и след.

³¹⁵ А. Н. Бернштам. Археологические работы в Казахстане и Киргизии. ВДИ, 1939, № 4, стр. 176.

действительности, так как прямая дорога из пос. Головачевка в город Джамбул, расположенный на месте древнего Тараза, проходит южнее современной дороги — через городские пастбища и территорию колхоза им. Куйбышева, где по настоящее время сохранились следы древних арыков и развалины древних построек.

С каким же из древних городов может быть отождествлено городище Булак-Ковал? В. Городецкий³¹⁶ отождествлял его с городом Нузекетом (Нузкетом), упоминаемым в арабских дорожниках. Мы склонны отождествлять его скорее с городом Манкес, о котором географ XIII в. Якут³¹⁷ писал: «Манкес в окрестностях Испиджаба». Это древнее наименование города в несколько измененном виде сохранил за собой современный поселок Манкент, расположенный напротив городища, на правом берегу реки Ак-су. Перемещение поселка на противоположную сторону реки возможно было вызвано тем обстоятельством, что правый берег оказался более удобным как для садоводства, так и для земледелия благодаря обилию родниковых вод и возможности использовать для поливса воды реки, тогда как левый возвышенный берег, удобный в стратегическом отношении, совершенно непригоден ввиду недостатка воды для земледелия и садоводства.

К району междуречья Талас—Арысь нами условно отнесены и городища, обследованные в верховьях реки Келес.

Городища долины реки Келес. В долине реки Келес, несмотря на более или менее благоприятные природные условия, развалины древних городов и поселений встречаются значительно реже, чем в других, менее благоприятных для жизни районах Южного Казахстана. Причиной относительной пустынности этого района, как это правильно отмечает А. Н. Бернштам³¹⁸, является, по-видимому, то обстоятельство, что междуречье Арысь—Келес издавна служило буфером между различными группами кочевников, с одной стороны, и земледельческим оазисом, с другой. Из развалин поселений долины реки Келес экспедицией были обследованы городища Шарап-хана и 2 тепе — Ак-Пайтчкан и

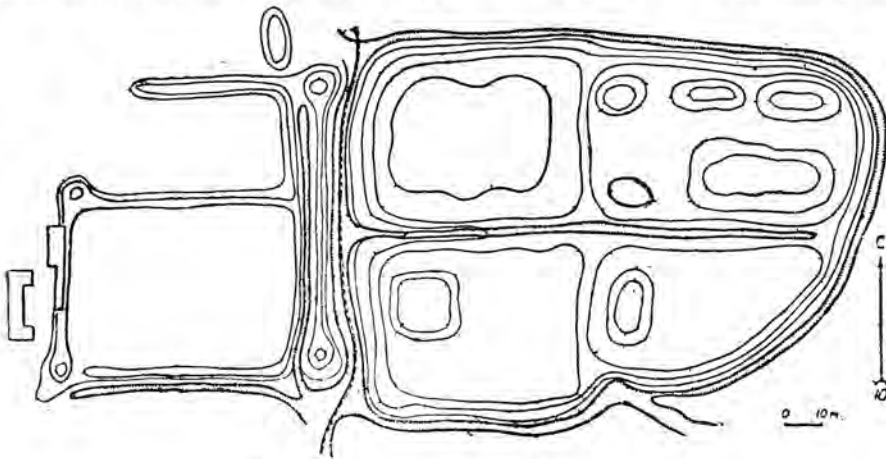

Рис. 77. План городища Шарап-хана.

Джар-Тюбе, являющиеся, вероятно, остатками укрепленных большесемейных усадеб или замков.

³¹⁶ В. Городецкий. К археологии Чимкентского уезда ... стр. 100.

³¹⁷ Сведения арабских, персидских и тюркских источников ... стр. 6.

³¹⁸ А. Н. Бернштам. Древний Отрар... стр. 87.

Городище Шарап-хана (рис. 77) расположено на правом берегу верховьев реки Келес примерно в 10 км к северу от центра Каратасского района Южно-Казахстанской области и представляет собой две, примыкающие одна к другой, почти прямоугольной формы возвышенные площадки, ориентированные сторонами по странам света.

Западная, более высокая площадка имеет размеры с С на Ю — 80 м, с З на В — 65 м и высоту — 1,5 м. Со всех сторон она окружена земляным валом с башнями на углах и в середине западной стены. Часть западной стены и северо-западная башня снесены, и на месте их расположены современные постройки. Проходящим с З на В земляным валом площадка эта разделена на две неравные части. С южной и восточной сторон снаружи городища сохранились следы довольно глубокого рва.

К восточной стороне этой площадки примыкает вторая, отделенная от первой, кроме окаймляющего их вала и рва, еще одним валом, заканчивающимся с севера и юга башнями и окруженного с трех сторон (кроме северной) рвом.

Она имеет почти прямоугольную в плане форму с сильно срезанным юго-восточным углом. Размер ее с С на Ю — 100 и с З на В — 140 м. Высота над окружающей местностью 0,5 м. Площадка эта (как и первая) со всех сторон окружена земляным валом и глубоким рвом, идущим снаружи у основания стен. Она разбита пересекающимися ее с З на В и с С на Ю земляными валами на четыре неравные площадки. Юго-восточная площадка благодаря срезанному углу имеет форму прямоугольного треугольника.

На территории всех площадок сохранились остатки сооружений в виде холмов различных размеров и форм.

У среза юго-западного угла и юго-восточной площадки выходит довольно многоводный родник. Ров, окружающий городище, соединен с современным руслом реки Келес, проходящим в 300 м к югу.

На поверхности городища, покрытой редкой травой, в изобилии встречаются фрагменты керамики от черной так называемой арханчской до монголо-тимуридской.

Городище это является, по-видимому, остатками средневекового города.

Согласно сообщению мусульманских арабо-персоязычных источников конца X в., между городами Шашем (Ташкент) и Испиджабом, т. е. примерно в районе верхнего течения реки Келес, находился город Газгирд (Газ-Кирд, Гузкерд).

Из развалин поселений городского типа в этом районе, да и вообще в долине верхнего течения реки Келес, обнаружено всего одно городище Шарап-хана, которое, по нашему мнению, и может быть отождествлено с древним городом Газгирдом. Согласно сообщению Кудама ибн Джафара³¹⁹, «...от города Шаша до лагеря внутри стены два фарсаха, оттуда до Газгирда пять фарсахов, от Газгирда по пустыне до Испиджаба четыре фарсаха», что составляет всего 11 фарсахов, тогда как на прямой линии выходит около 16 фарсахов. Городище же Шарап-хана находится примерно на полдороге между ними, т. е. в 8 фарсахах (55 — 60 км) от каждого, что несколько не соответствует указанному выше сообщению.

Макдиси³²⁰, сообщая в своем дорожнике о маршруте между Бинке

³¹⁹ Сведения арабских, персидских и турецких источников... стр. 12.

³²⁰ Там же, стр. 12.

гом (Банакет) и Испиджабом, минуя Шаш, указывал, что «...от Бинкета (развалины которого находятся на берегу Сыр-Дарьи, у современного пос. Чиназ) до рибата Анфаран — день пути, затем Газгирд — день пути, затем до Испиджаба — день пути...». Это примерно соответствует действительному расстоянию, т. е. если между Чиназом и Шарап-ханом около двух дней пути, то между Шарап-хана и Сайрамом — один день.

По сообщению Хафиз Таныша³²¹, в 1580 году в районе реки Шарап-хана (как называлась, по-видимому, в XVI в. река Келес, имя которой в дальнейшем было присвоено развалинам древнего города Газгирда) произошло совещание Баба-султана (Чагатаида) с другими султанами, на котором было решено умертвить Джалыма и некоторых других казахских султанов — приверженцев узбекского хана Абдуллы, что и было сделано Баба-султаном, коварно убившим приглашенных для переговоров султанов.

Упомянутый Макдиси рибат Анфаран, вероятно, находился в районе современного пос. Абай-базар, и остатки его скрыты постройками современного поселка, на территории которого встречаются фрагменты средневековой керамики.

Нам кажется необходимым остановиться здесь на вопросах о водных ресурсах и орошении древних поселений и городов исследованного района. В процессе археологических обследований выявлению древней ирригационной сети на юге Казахстана, к сожалению, не было уделено достаточного внимания. Письменные источники говорят об ирригации на исследованной территории несравненно меньше, чем, например, о Хорезме, где вопросы древнего орошения имеют богатую письменную историю и судьба городов и селений была неразрывно связана с развитием ирригации. Даже частичное уничтожение ирригационной системы вызывало в странах Средней Азии, как и в странах Ближнего Востока, гибель городов, на что указывал в свое время Ф. Энгельс³²². Это находит достаточно яркое подтверждение в истории города Пайкенда в Согде³²³ или целой серии городов Хорезма, расположенных вдоль древних оросительных каналов (Топрак-кала, Кават-кала, Гульдурсун и другие)³²⁴.

Несколько иначе, очевидно, обстояло дело на территории исследуемого района. Хотя и здесь ирригация играла важную роль в развитии земледелия, однако в античную пору, когда орошаемые земли в Средней Азии занимали наибольшую площадь и там воздвигались ирригационные сооружения, требовавшие применения труда больших людских коллективов, здесь роль ирригации, в связи с меньшим объемом посевных площадей, меньшей населенностью и оседлостью, была менее значительной. Земледелием занимались издревле, во-первых, кочевники, часть которых оставалась вблизи своих пашен до уборки урожая, во-вторых, отдельные роды и общины земледельцев, селящиеся у выходов горных рек в степь, в поймах Чу и в долинах рек, стекающих с Таласского Алатау и Каратау в Сыр-Дарью.

У кочевников, обитавших вдали от древних земледельческих районов, первоначально посе́вы были богарные — «под дождь», земли возделывались преимущественно в предгорьях крупных гор и в горных до-

³²¹ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследования о касимовских царях... стр. 279 и след.

³²² Ф. Энгельс. Избранные произведения. М., т. II, 1948.

³²³ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана... стр. 149.

³²⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм... стр. 120, 125, 169.

линах, как, например, Каратау и Таласского Алатау, где обычно часто выпадают дожди. В результате неоднократной гибели посевов от недостатка дождей в засушливые годы для полива начали использовать воды ближайших родников и небольших горных рек. Одновременно с этим практиковалось, очевидно, и каирное земледелие. В дальнейшем, с развитием земледелия и частичным переходом к оседлости, стали устраивать небольшие запруды на речках, а некоторая часть населения, соприкасающаяся с жителями земель древнего орошения, под влиянием последних начала осваивать поливное земледелие, используя при этом рукава даже таких рек, как Сыр-Дарья и Чу. Следы древних ирригационных сооружений, в частности магистральных каналов отмечаются здесь главным образом в бассейнах рек на склонах Каратау, Таласского и Киргизского Алатау. Поддержание ирригационных систем в исправности требовало больших трудовых усилий масс, но сами они были мелкие, и их существование и развитие не были связаны с рабовладением; наиболее ранним в исследуемом районе является, по-видимому, Тюмень-арык, выведенный из Сыр-Дарьи³²⁵. На протяжении многих веков он орошал район древнего Сыгнака. Других крупных магистральных арыков, выведенных из Сыр-Дарьи в среднем ее течении, мы не знаем, если не считать левобережья Сыр-Дарьи с его узкой полоской культурных земель, расположенных вдоль главного русла, рукавов и старых проток реки.

Все основные магистральные каналы, в том числе и более крупные ирригационные сооружения на юге Казахстана, относятся главным образом к XI — XII вв.

На реке Талас большой магистральный канал с развитой сетью арыков существовал в ее низовьях, в зоне сухой дельты. Известный среди местного населения под наименованием Калмак-арык, он был обследован и описан еще В. А. Каллауром³²⁶, по словам которого, — в конце прошлого века следы этого канала представляли собой сухой лог, проросший саксаулом, глубиною в 24 аршина (16 м) и шириною в 40 аршин (28 м). Канал брал свое начало из реки Талас — где-то в районе современного пос. Уюк — и имел протяжение около 100 км. Судя по его размерам, он орошал значительную площадь земли, покрытой в настоящее время зарослями саксаула. Расположенные на левом берегу канала два довольно крупных укрепления со сторожевыми башнями, известные под наименованием Кок-Кесене и Ак-Кесене, вероятно были сооружены для охраны его от разрушения.

О существовании в XIII в. в низовьях Таласа разветвленной оросительной системы свидетельствует Рубрук³²⁷, который в 1253 — 1255 гг. проехал через исследуемый нами район. Он писал: «На седьмой день к югу нам стали видны очень высокие горы, и мы выехали на равнину, которая ерошалась, как сад, и нашли возделанные земли... и с гор спускалась большая река, которая орошала всю страну, так как они проводили от нее воду куда им было угодно; эта река не впадала в какое-нибудь море, а поглощалась землею, образуя также много болот».

В Чуйской долине остатки древней и сильно развитой оросительной системы обнаружены в урочищах Улан-Бель (против пос. Байкадам Сары-Суйского района) и Тасты (против пос. Сузак Сузакского района), где на площади в несколько десятков квадратных километров, заросшей в настоящее время саксаульником и камышом, сохранились ос-

³²⁵ А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака... стр. 123.

³²⁶ В. А. Каллаур. Археологическая поездка по Аулие-Атинскому уезду... стр. 43 — 46.

³²⁷ Путешествие в Восточные страны... стр. 125.

татки крупных магистральных каналов с отходящими от них во все стороны более мелкими арыками. А. Н. Бернштам³²⁸ склонен считать, что эта оросительная сеть была создана лишь в первой половине XIX в. кокандцами, владевшими в то время этим районом. Предположение свое он основывает на том, что при пересечении этой местности Южно-Казахстанской археологической экспедицией 1948 года остатков древних поселений, кроме стоянки кочевников (V—VII вв. н. эры), обнаруженной в районе совхоза Тасты и перекрытой остатками кокандского укрепления XIX в., здесь не найдено. Не исключено однако, что при тщательном обследовании этих районов, особенно мест вывода из русла реки магистральных каналов, остатки древних поселений будут здесь обнаружены, тем более, что такая колоссальная площадь посевов при искусственном орошении требовала и значительного количества рабочих рук. Остатки даже сезонных поселений должны были выглядеть более внушительно, чем обнаруженные экспедицией развалины одной небольшой, очевидно казахской, зимовки.

Кроме того, необходимо отметить, что местными жителями эта оросительная система связывается с пребывавшими здесь калмыками. Это говорит о том, что она существовала задолго до кокандского владычества, так как в противном случае о ней должны были знать местные жители.

Орошение крупнейшего земледельческого оазиса средней Сыр-Дарьи с его главными городами Отраром и Кедером зависело не от Сыр-Дарьи, а от состояния ирригационных сооружений в верховьях Арыси и дамб у впадения Арыси в Сыр-Дарью (район современного пос. Шаульдер). По словам Масуди³²⁹, в период разливов рек паводковые воды так заливали Отрарский оазис, что деревни и поместья, расположенные в нем, общались между собой с помощью лодок. Хотя Бартольд считает это сообщение маловероятным, нам еще недавно (в 1944 г.) пришлось наблюдать, как часть Отрарского оазиса была зтоплена водой, что повлекло за собой разрушение нескольких аулов в районе нижнего течения Арысы. Правда, это наводнение было вызвано разливом не Сыр-Дарьи, а Арыси, у которой вследствие промерзания паводковая вода, немещающаяся в заполненное льдом русло, разлилась по окрестности. В том же году разливом Арыси были причинены повреждения городу Чимкенту. Большой разлив самой Сыр-Дарьи был в 1947 г., когда большая часть Отрарского оазиса также оказалась под водой, причем были заполнены все старые протоки Сыр-Дарьи и полузаплывшие рвы, окружающие некоторые развалины городищ этого оазиса. Кроме того, в прошлом подобные явления вызывались разрушением ирригационных систем войсками противника, как это известно по событиям времени монгольского нашествия. Это вело к заблачиванию орошаемой территории. Оросительная система, снабжавшая водой район Отрарского оазиса, была окончательно разрушена, по-видимому, в XVIII в., так как, по сообщению П. И. Рычкова³³⁰, посетившего этот район в 1762 г., город Отрар в это время представлял собой небольшой поселок из 40 домов или семей, «которые все люди пахотные», т. е. занимавшиеся земледелием, невозможным в этом районе без искусственного орошения.

В пределах исследуемого нами района Сыр-Дарья проходит лишь средним своим течением, и здесь из нее, насколько мы осведомлены из литературы и обследования на месте, был выведен лишь один канал,

³²⁸ А. Н. Бернштам. Древний Отрар... стр. 81 и след.

³²⁹ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана... стр. 149.

³³⁰ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, стр. 20—21.

известный под наименованием Иски-Тюмень-арык³³¹, протяженностью свыше 20 км, который начинался у современной железнодорожной станции Тюмень-арык и примерно в 10—12 км от истока у бугра Ак-тепе разветвлялся на два канала. Один из них направлялся к урочищу Кок-Кесене, а второй — к древнему Сыгнаку, где им орошалась большая часть посевных площадей. Этот канал реконструирован и сохранился до настоящего времени под тем же именем — Тюмень-арык.

Кроме этого канала, выведенного непосредственно из Сыр-Дарьи, вода для орошения района Сыгнака подавалась каналом Бузук-Узьяк, берущим свое начало из одноименного озера, заполнявшегося водой из Сыр-Дарьи в период половодья. Северо-западная, более возвышенная часть посевных площадей города орошалась рядом других, более мелких арыков, выведенных из горных речек Мын-Булак, Чулак, Арыстанды, Кызыл-Тал, Кельте-Чалгия, которые сохранили свои названия и до настоящего времени. До района Сыгнака эти реки не доходят по той причине, что они почти полностью разбираются на полив посевов в своем верхнем течении.

Что касается левобережья средней Сыр-Дарьи, то здесь древние города были расположены в непосредственной близости к реке. Древний Сюткент находился примерно в одном километре от современного ее русла и, судя по остаткам окружавшего рва и довольно обширной древней посевной площади со следами развитой оросительной системы, снабжался водой при помощи протока или канала, выведенного, по-видимому, непосредственно из Сыр-Дарьи. То же можно сказать и об орошении других городов левобережья — Байркума, Жар-тепе, Кавган-Ата, Бузук-тепе, Сейд-тепе, Чардара, Ак-тепе и т. д. Городища эти в настоящее время находятся на разном расстоянии от современного русла реки. В районах этих городищ местами сохранились следы древней оросительной сети, но, к сожалению, при обследовании экспедиция не уделяла ей должного внимания. Во всяком случае, остатков какого-либо крупного оросительного канала, выведенного из современного русла реки, как Южно-Казахстанской экспедицией, так и другими исследователями среднего течения Сыр-Дарьи обнаружено не было. Часть этих городов или поселений, как, например, Ак-тепе, Бузук-тепе, находилась на берегу старых протоков Сыр-Дарьи. Из всех городищ левого берега лишь одно (Оксуз-Весидж-Зернух) расположено почти у самого берега современного русла реки. Другие крупные земледельческие центры зависели в основном от горных рек. Район Испиджаба (Сайрама) снабжался водой рек Сайрам-су и Бадам, город Газгирд (Шарап-хана) — несколькими небольшими речками, образующими реку Келес. Города и поселения вдоль северных склонов Каратау (Ак-Сумбе, Сузак, Чулак-Курган, Саудагент, Кумкент и др.) сооружались на берегах небольших, но многоводных горных речек. Кроме поверхностных вод, в отдельных случаях использовались подземные воды, выводившиеся наружу при помощи «кяризов», т. е. сооружений, построенных по принципу сообщающихся сосудов, в данном случае — колодезев. Так, имеется сообщение Васыфи³³² о существовании в XIV в. двух кяризов в городе Сауране, сооруженных трудом 200 индийских рабов на средства уроженца Саурана известного позднесредневекового богослова Мир-араба. «Исток кяризов был (по словам Васыфи) на расстоянии фарсаха от Саурана: над ним была выстроена крепость, внутри крепости был вырыт колодец глубиной в 200 гязов (размер гяза примерно равен 70 см), причем 50 гязов было ст поверхности земли до уровня воды, 150 гязов составляла глубина во-

³³¹ А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака... стр. 123 и след.

³³² В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана... стр. 147.

ды в колодце; воду поднимали посредством чигиря, чигирь приводился в движение быком». Из этого сообщения следует, что подземный канал проходил на глубине 50 гязов (около 35 м), а для сбора грунтовых вод, поступавших в подземный канал, были устроены шахтные колодцы глубиной в 150 гязов. Вода по подземному каналу (кяризу) самотеком шла в Сауран. Но так как обычный колесный чигирь поднимает воду на сравнительно небольшую высоту, то остается предположить, что этот чигирь состоял из подвешенных на канатах ведер и бадеек. Такой тип чигиря употребляется иногда и в настоящее время.

Следов этого кяриза в настоящее время не сохранилось. Остатками крепости, защищавшей, по словам Васыфи, этот кяриз, является, по-видимому, небольшое укрепление, расположенное в районе современного поселка Чарнак. Следует отметить, что следов древней оросительной системы в районе развалин Саурана археологической экспедицией обнаружено не было, хотя остатки рва, окружающего город, сохранились. Возможно, что первоначально русло реки Сыр-Дарья проходило к городу ближе, чем в настоящее время, и город получал воду из нее при помощи канала. Но впоследствии (XVI в.), видимо в результате передвижения русла реки к югу, для снабжения города водой пришлось прибегнуть к сооружению кяриза.

Сплешных плотин на таких больших реках, как Сыр-Дарья, Чу, Талас, вообще не сооружалось, вода из них бралась при помощи дамб, выдвигаемых в реку для захвата в канал необходимого количества воды. Дамбы строились, по-видимому, тем же способом, что и в более позднее время (XVIII—XIX вв.), т. е. при помощи «сипаев» или «карабур». Сипай представлял собой огромную треногу из бревен, скрепленную внизу горизонтальной треугольной рамой. Треноги погружались в воду на дно, рама загружалась хворостом, камышом и камнями. Ряд или несколько рядов сипаев, промежутки между ногами которых заполнялись хворостом и камнями, составляли дамбу. Кара-бура — это нечто вроде огромных фашии до 8 м длиной и 2 м толщиной из соломы, камыша, кольев и камней. Фашины ставились в воду в несколько рядов и прикреплялись при помощи забиваемых в дно реки кольев, чем и достигалось направление и захват воды. Эти примитивные сооружения обычно сильно повреждались или полностью разрушались каждый год, что требовало значительных затрат рабочей силы на их восстановление. На более мелких горных речках создавались водохранилища при помощи временных плотин или запруд, полностью перегораживающих русло реки.

Следов каменных или кирпичных плотин, шлюзов или дамб до настоящего времени не сохранилось.

В тех случаях, когда уровень воды в реке или протоке лежал ниже уровня полей, для подъема воды применялись чигири. Это засвидетельствовано в топонимике некоторых древних городов Южного Казахстана (город Зернух), а также находками в подъемном материале и во время раскопок обломков глиняных сосудов особой формы (с вытянутым на конус дном), прикреплявшихся к колесу чигиря. Было несколько систем чигирей: приводимые в движение силой текущей воды и приводимые в движение при помощи животных или человека. В последнем случае вода поднималась сосудами, укрепленными непосредственно на самом колесе или подвешиваемыми к колесу на ремне или канате. Подъем в этом случае производился путем наматывания каната на колесо. Производительность чигирей очень невелика, поэтому при помощи их орошались обычно небольшие площади.

Кроме чигирей, иногда на протоках рек, в частности Сыр-Дарья,

устраивались «висячие каналы», т. е. арыки, лежащие выше уровня реки и наполнявшиеся только в период паводковых вод. Из письменных источников мы знаем, что отдельные мероприятия по восстановлению древних ирригационных сооружений имели место в XV—XVI вв. в районе Саурана — Ясы, что было связано с политикой Тимура и тимуридов на границах среднеазиатских ханств и их стремлением оторвать эти области из сферы влияния Золотой Орды.

Таким образом, земледелие на базе искусственного орошения возникло на юге Казахстана в первом тысячелетии нашей эры. Наибольшего развития зона орошаемого земледелия достигла в эпоху раннего средневековья (X—XII вв. н. эры). Глубокий упадок, а местами и полное исчезновение культурных земель, сокращение и разрушение каналов происходило в течение XIII—XVIII вв. Исключения составляют лишь Ясы (Туркестан), Сауран, Сыгнак, где оживление городской жизни, торговли и земледелия в XV—XVI вв. было связано с периодическим усилением Ак-Орды, когда город Сыгнак, а иногда и Сауран служили столицей последней. Для более полной характеристики городов исследуемого района необходимо остановиться на их военно-оборонительных сооружениях.

В образовании и развитии древних и средневековых городов наряду с развитием производительных сил края значительную роль играли и внешнеполитические события. Защита земледельческих оазисов от вторжения кочевников, военные походы государств Средней Азии в глубь степей Казахстана, ожесточенная междоусобная борьба феодалов, захват торговых путей и лежавших на них важных укрепленных пунктов и т. д. имели прямое влияние не только на развитие городской жизни в крае, но и отражались непосредственно на характере, типе и формах городов и поселений. Уже древние «кешки», а затем цитадели, шахристаны, рабады, рустакы с их ограничительными линиями «длинных стен», валов, ворот, предвратных и предмостных сооружений, форпостов, замков и крепостей, входивших в общую систему укрепленной оазиса или земледельческой округи, так же как и построение степной ставки с системой отдельных племенных станов, дозорных стойбищ и подвижных пикетов, были обусловлены в значительной мере военно-стратегическими соображениями, основанными на всестороннем учете естественно-географических и военно-оборонительных условий.

Плохое состояние развалин городов, поселений, укрепленных усадеб и крепостей, сооруженных в основном из сырца и битой глины, оплывших и превратившихся с течением времени в бесформенные возвышения — тюбе и турткули, мешает нам рассмотреть в деталях архитектуру общественных сооружений, жилищ, планировку улиц, усадеб и т. д. Но как бы не были смутны очертания сохранившихся развалин городов и поселений, их топография, рельеф местности, остатки наземных сооружений (арыков, водоемов, валов и т. п.) дают возможность уяснить некоторые методы возведения военно-оборонительных сооружений. При закладке нового города, населенного пункта, при перерастании поселений в города значительное внимание уделялось местоположению города, его стратегическим особенностям. В раннем средневековье бои велись обычно крупными массами конницы, иногда совместными действиями конницы и пехоты. Для наиболее успешного действия такого войска лучшим являлось ровное поле. Всякое естественное препятствие — река, лес, болото, гора или возвышенность — стесняли свободу передвижения, затрудняли развертывание боевых действий. В то же время пересеченная местность, лес или заросли кустарников, расположенные в непосредственной близости к оборонительным сооружениям,

препятствовали просматриванию окружающей местности и способствовали незаметному подходу неприятеля.

К числу наиболее эффективных естественных средств защиты города от неприятеля принадлежат крупные водные артерии, т. е. реки. В пределах исследуемого района единственной судоходной рекой является Сыр-Дарья. Почти все реки этого района в среднем и нижнем своем течении благодаря неравномерному режиму паводковых вод и лёссовой, легко размываемой структуре почвы имеют блуждающие русла. Это явилось причиной того, что такой важный военно-оборонительный прием, как защита города при помощи крупной водной артерии, здесь не использовался. Города обычно строились на берегах небольших рек, либо на значительном расстоянии от основного русла (Отрар, Сауран, Сыгнак, Сюткент, Байркум, Артук и др.).

Наряду с использованием тактических свойств местности (овраги, болота, заросли, возвышенности и т. д.) особое внимание уделялось искусственным сооружениям, к числу которых относятся: 1) стены или валы, 2) башни и 3) рвы. В зависимости от свойств местности, а также важности объекта применялись либо некоторые из них, либо все вместе, причем основными являлись стены или валы, без которых оборона города или поселения вообще была немыслима.

В результате обследования ряда развалин древних городов и поселений установлено, что большинство их располагалось на естественных возвышенностях или буграх, причем склоны для придания им большей крутизны, в целях повышения обороноспособности, соответствующим образом срезались или насыпались. В некоторых случаях, как установлено работами С. П. Толстова в древнем Хорезме³³³ и Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1949 года на городище Сюткент³³⁴, при отсутствии подходящей возвышенности с твердым грунтом приспособивались даже барханы путем покрытия их поверхности и склонов толстым, достигающим до одного и более метра слоем сильно уплотненной пахсовой глины, образующим сплошную платформу — цоколь, на котором и воздвигались как крепостные стены и башни, так и бытовые сооружения. Особенного внимания заслуживает способ сооружения городов и поселений на заболоченной площадке, практиковавшийся, по сообщению ибн ал-Факиха, тюркскими строителями в IX в. н. эры и примененный при постройке замка, остатки которого, известные под именем Чуль-тепе (расположены в 35 км к северу от гор. Джамбула), были частично раскопаны А. Н. Бернштамом в 1936 г.³³⁵

Близкий к этому приему способ строительства на заболоченной местности был, по-видимому, применен при сооружении городища Казатлык (Тюлькубасский район).

С появлением в практике осадных работ стенобитных орудий, воздалась необходимость поднять выше основания крепостных стен, чтобы обезопасить их от разрушения. Поэтому стены стали сооружать не на уровне горизонта, как это делалось ранее, а на особых мощных земляных валах — цоколях толщиной 8—10 м у основания (городища Байркум, Сауран и др.) В городах, у которых благодаря длительному существованию культурный слой достиг значительной мощности (культурный слой Тараза достигал 5—6 м, Отрара — 6—7 м, Сыгнака — 4,5 м и т. д.), с переносом стен на верхний срез культурного слоя отпадала необходимость сооружения особых валов — цоколей, что и бы-

³³³ С. П. Толстов. Древний Хорезм... стр. 105.

³³⁴ Описание раскопок см. на стр. 35—36 настоящей работы.

³³⁵ А. Н. Бернштам. Памятники старины Галасской долины... стр. 59—60.

ло в некоторых случаях сделано, как это установлено тщательным осмотром некоторых городищ (Тамды, Тараз и др.).

На территории Средней Азии, в частности юга Казахстана, стены городов и укреплений из-за недостатка леса сооружались из пахсовой (битой) глины, сырцового кирпича и комбинированные — из пахсы и сырцового кирпича. В большинстве случаев (как установлено раскопками на городищах Баба-Ата, Куйрюк-тепе и Мардан) применялась комбинированная кладка, т. е. кладка из сырцового кирпича чередовалась с пахсой, которая укладывалась слоем толщиной от 0,6 до 1 м. Во избежание рваных неровных трещин, образующихся в процессе сушки пахсового слоя, на боковых стенках его особым, очевидно металлическим инструментом делались через определенные промежутки довольно глубокие надрезы. Расчлененный таким образом пахсовый слой снаружи казался сложенным из массивных блоков, напоминающих каменные. Это впечатление особенно усиливается, когда пахсовый слой укладывался в два или больше рядов, так как вышележащий слой обычно надрезался вперевязку с нижним, таким образом, что швы эти не совпадали. Ширина прокладки обычно варьировалась от 1—2 до 4—5 рядов кирпича, уложенного плашмя на глиняном растворе. Толщина таких стен различна, но обычно не тоньше одного метра и до 3—4 м у основания. В некоторых случаях, как установлено раскопками 1951 года на городище Куйрюк-тепе, такое же чередование сырцового кирпича с пахсой применялось не только в вертикальном направлении, но и в горизонтальном, т. е. в то время, когда внутренняя часть стены была сложена из кирпича, наружная набивалась из пахсы или наоборот³³⁶.

Преимуществом комбинированной кладки перед кладкой из одних кирпичей или пахсы является то, что она менее трудоемка, чем кирпичная, и более устойчива, чем пахсовая. Пахса, прослоенная кирпичом, обычно не дает трещин, а если и дает, то лишь мелкие, в пределах только одного слоя. Кроме отмеченных выше, чисто практических целей, при комбинированной кладке достигался известный архитектурный эффект.

Сырцовый кирпич для кладки крепостных стен, как показали раскопки, произведенные на городищах Мардан-куюк, Куйрюк-тепе, Алтын-тепе и др., обычно был тех же размеров и формы, что и при бытовом строительстве. В то время как жженный кирпич в большинстве случаев изготовлялся в форме квадратной плитки, сырцовый изготовлялся в прямоугольной форме размером от 35 до 50 см длины, от 18 до 26 см ширины и 8—10 см толщины. Независимо от размеров кирпича его ширина и длина выдерживались в пропорции 1:2. Когда его размеры отступали от этой пропорции на 1—2 см, это компенсировалось увеличением или уменьшением слоя связывающего раствора. Такая форма кирпича обеспечивала перевязку швов как в продольном, так и в поперечном направлении, позволяла изменять толщину стен и чередовать кладку рядов тычком и ложком (цепная кладка). При изготовлении сырцового кирпича, во избежание его растрескивания, в глину добавлялся песок или мелкая солома. Толщина слоев раствора в сырцовых кладках крепостных стен колеблется в широких пределах. Судя по следам пальцев рук на одной широкой грани кирпича, снятие глины и сглаживание этой грани производилось руками. На этой грани иногда наносились тамги мастеров. В кладке она обычно укладывалась вниз на связывающий раствор.

Значительное уменьшение размера кирпича и изменение его формы

³³⁶ Описание раскопок см. на стр. 47 настоящей работы.

наблюдаются лишь с переходом к обожженному кирпичу (VIII—IX вв н. э.), который в основном изготовлялся в виде квадратной плитки размером 23—25×23—25×4—5 см. Уменьшение размера и особенно толщины кирпича было вызвано тем, что толстый кирпич при прокаливании сильно коробится и деформируется. Обожженный кирпич прямоугольной или иногда клиновидной формы применялся обычно при фигурной кладке или кладке сводов. Уменьшение размера жженого кирпича компенсировалось применением в качестве скрепляющего раствора алебаstra. Применение такого кирпича в строительстве оборонительных сооружений, и то очень редко, наблюдалось нами в цокольной части башен (городище № 2 у пос. Бурное).

Камень употреблялся только в качестве фундамента стен и башен. Такой фундамент состоял из плитняка, уложенного в 3—5 рядов, на глиняном растворе (городища Тамды, Тараз, Казатлык и др.). Обычно же стены городищ и башен сооружались непосредственно на грунте, предварительно уплотненном.

В некоторых случаях крепостные стены ставились в несколько рядов, так, например, город Сауран, по словам Макдисси³³⁷, имел семь рядов стен, из которых до настоящего времени сохранились остатки только двух.

Кроме крепостных стен, к числу военно-оборонительных сооружений, как отмечалось выше, относятся башни как на углах, так и в середине крепостных стен, у ворот, а также снаружи стен (Куван-Аузы-турткуль, Кырк-Крюз-турткуль и др.) или внутри их (Сауран). Последний тип башен обычно встречается внутри цитаделей или укрепленных усадеб. Он представляет собой, как предполагает С. П. Толстов³³⁸ жилую башню — «донжон», заменявшую собой позднейший «арк» (дворец) и, как показали раскопки городища Тешик-кала (Хорезм), одновременно служившую укрепленным продовольственным складом.

Плохая сохранность развалин и то, что до сих пор ни одно из городищ не раскопано, не дают возможности определить действительную форму башен того или иного городища. К настоящему времени они сохранились лишь в виде земляных холмов округлой формы, выступающих над остатками стен как вверх, так и наружу, за линию стены, а иногда — внутрь. Исключением является городище Байркум (левый берег Сыр-Дарьи), на стенах которого довольно хорошо сохранились остатки башен прямоугольной формы, на три четверти выступающих наружу за стену и соединенных с внутренней площадью городища узким коридорообразным проходом. На основании наружного обследования развалин можно предположить, что в большинстве случаев башни имели круглую форму. Некоторые, более крупные башни иногда использовались, как это установлено раскопками на Куйрук-тепе, под жилье, для чего стены помещения нижнего этажа угловой башни были аккуратно оштукатурены раствором глины, а пол покрыт раствором глины с саманом. В центре этого помещения находилась цилиндрической формы яма, предназначавшаяся, по-видимому, для хозяйственных целей. Многослойность штукатурки стен и покрытия пола свидетельствует о длительном использовании помещения.

Большинство городищ юга Казахстана имело башни на углах. В середине стен количество их неодинаково — от одной и до нескольких десятков. Наибольшее количество имело городище Кырк-Крюз-турткули (Джувалинский район) — 56 башен при 700 метрах общей длины, так что развалины этого городища в настоящее время представляют собой

³³⁷ МТТ, т. I... стр. 186.

³³⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм... стр. 138, 139.

почти непрерывные цепочки земляных холмов, соединенных небольшими перемычками. Такого рода городища с непрерывной цепью башен обследованы А. Н. Бернштамом³³⁹ в Фергане (Мархаматское городище) и С. П. Толстовым в Хорезме (отмеченное выше Калалы-гыр, Топрак-кала и др.).

Каково было внешнее оформление стен и башен, имели ли они, как стены и башни городищ древнего Хорезма, наверху площадки для стрелков и зубчатый или гладкий парапет со стреловидными бойницами, установить по сохранившимся остаткам невозможно.

Кроме стен и башен, обороноспособность городов и крепостей усиливалась глубокими рвами. Они соединялись либо с руслом реки, либо с крупным магистральным арыком, на берегу которого располагался город или укрепление (Сюткент, Токай-тепе и др.). Ширина и глубина этих рвов неодинаковы. Судя по остаткам, ширина их обычно колебалась от 6—8 до 20—25, а иногда и более метров. Глубина их была, вероятно, не менее двух метров. В настоящее время они настолько заросли, что определить первоначальную глубину не представляется возможным.

Наиболее уязвимым местом всех древних крепостных сооружений являлись ворота, поэтому их обороне уделялось особое внимание и они охранялись специальными башнями, расположенными по обеим сторонам входа. Крепостные ворота располагались большей частью в середине стен (Сюткент, Чунгурли, Мыр-тепе и др.), а иногда — на углах (Шорнак-тепе, Жар-тепе, Яны-Асар, Кыргыз-тепе и др.). В некоторых случаях они находились у мест примыкания стен шахристанá к цитадели, в таком случае охрана их осуществлялась главным образом цитаделью или одной из ее угловых башен. (Тамды, Чуй-тепе, Ишкан и др.). Иногда ворота, кроме фланкирующих башен, охранялись дополнительными, отдельно стоящими башнями, вынесенными наружу и прикрывающими подходы к ним (городище Кулан-Аузы-турткуль). Более сложное предвратное сооружение имелось на городище у поселка Балыкчи, где кроме двух башен, фланкирующих ворота, одна находилась непосредственно перед проходом и две небольших башни — у прохода с внутренней стороны. Таким образом, чтобы проникнуть через ворота в город, необходимо было сначала пройти мимо вынесенных вперед башен, затем мимо башен, фланкирующих ворота, за которыми следовала еще одна пара небольших башенок.

Очень сложным и интересным было предвратное сооружение на городище № 3 около пос. Бурно-Октябрьское, представляющее собой фигурный отрезок стены, имеющий в плане форму поперечно разрезанного железнодорожного рельса (см. рис. 76). Эта система является совершенно своеобразной и ранее в Казахстане и Средней Азии не встречалась. Городище находилось на главном пути, идущем из Таразского оазиса в округ Испиджаб. Располагалось оно в горной долине, вблизи перевала через Каратау, и являло собой пример глубоко продуманного военно-оборонительного сооружения эпохи раннего средневековья (IX—XI вв. н. эры) на юге Казахстана.

Следует отметить, что предвратные сооружения городищ района южных склонов Каратау (Сауран и Сыгнак) оказались наиболее простыми. Они представляли собой узкие коридорообразные проходы шириной 8 и длиной около 20 м. Проходы были образованы изогнутыми наружу выступами крепостной стены без всяких башен на них. Единственными сооружениями, охранявшими вход, служили деревянные воро-

³³⁹ А. Н. Бернштам. Арванские наскальные изображения и Даваньская столица Эрши. «Советская этнография». 1948, № 3.

та, возможно даже двое таких ворот, из которых одни находились у наружного конца прохода, а вторые — на линии стен. В отдельных случаях, чаще всего у небольших крепостей — хисн, следы входных ворот в остатках стен вообще отсутствовали. Сообщение с внешним миром происходило, по-видимому, при помощи переносных приставных лестниц.

Количество ворот в городищах было неодинаково, так как зависело от естественно-географических условий местности, размеров города, внутренней планировки, связей с окружающей сельской округой и т. п. (Тараз, Испиджаб)³⁴⁰. Большинство же развалин городов юга Казахстана сохранило остатки 1—3 ворот.

Кроме описанных военно-оборонительных сооружений, связанных непосредственно с объектом, к ним относятся так называемые предместные укрепления, охраняющие подходы к поселению или городу. В число их входили искусственные сооружения в виде небольших крепостей — хисн, защищавших подступы к городу. Они представляли собой прямоугольной или даже квадратной формы площадки со сторонами размером от 20—23 до 60—70 м, окруженные со всех сторон стеной или земляным валом. Большинство таких укреплений, как видно из их разрезов, сооружалось из битой пахсовой глины. На остатках их стен сохранились следы башен, обычно расположенных на углах и, реже, по сторонам входных ворот. Иногда из числа угловых башен выделялась одна наиболее крупная (турткуль Ак-су, турткуль у городища Казатык и др.), использовавшаяся, видимо, под жилье. Вокруг некоторых укреплений сохранились остатки рва, окружавшего его с одной-двух, или даже со всех сторон. У большинства хисн входных ворот не обнаружено. Развалин каких-либо сооружений на внутренней площади их также не сохранилось. Особый интерес представляют два укрепления Ак- и Кок-Кесене. Отличием их являются крупные сторожевые башни, находящиеся в одном из углов. Башни цилиндрической, несколько суживающейся кверху формы, с площадками наверху, сооруженные из сырцового кирпича. Первоначальная высота их была около 10 метров. Подъем на верхнюю площадку совершался при помощи винтовой лестницы, идущей внутри башни. Такого же типа башня Ак-Сумбе, сохранившаяся в районе северо-западных отрогов Каратау, но, в отличие от первых, она расположена на вершине высокой, отдельно стоящей возвышенности, тогда как само укрепление расположено у основания ее. С этой башни благодаря ее выгодному расположению можно было видеть лежащую к северу степь на десятки километров.

Большое количество укреплений подобного рода обнаружено в непосредственной близости к развалинам наиболее крупных древних городов — таких, как Тараз, турткуль Балыкчи, Сайрам и др., что свидетельствует, видимо, о том, что укрепления входили в число предместных сооружений этих городов. Судя по подъемному материалу, время их существования можно ограничить IX—XII вв. н. эры.

Глава IV

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ

В раскопках, проведенных экспедицией в течение четырех полевых сезонов, а также в подъемном материале основным, а подчас и единственным материалом являлась керамика. В связи с этим возникла не-

³⁴⁰ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 6—9.

обходимость ее хронологической классификации для решения вопроса о развитии оседлых поселений и городов³⁴¹.

Первую большую группу составляет керамика из 16 раскопов (5 — на курганных могильниках, остальные — на развалинах поселений и городов), вторую группу — коллекции подъемного материала, собранные с 70 объектов³⁴², третью группу — коллекции Музея истории народов Узбекистана³⁴³ и Чимкентского областного музея.

Всего было изучено 10 624 номера коллекций.

При обработке коллекций применялись два метода:

Метод типологического анализа керамики обследованного района и комплексов вещей из сопредельных районов Средней Азии и Казахстана, в первую очередь Семиречья (Чуйская и Таласская долины и Ташкентского оазиса, низовьев Сыр-Дарьи, Ферганской долины, Хорезма и Согда. Большинство отдельных статей и монографических исследований, посвященных археологии Средней Азии, в той или иной степени касается вопросов хронологической классификации керамики. В них, конечно, нет упоминания о керамике Южного Казахстана, но тем не менее они дают большой материал, помогающий с той или иной точностью классифицировать керамику этого района, поскольку политическая, экономическая и культурная жизнь племен и народов, населявших земли вдоль среднего течения Сыр-Дарьи, шла в тесном взаимодействии с племенами и народами Средней Азии.

Метод сравнительной стратиграфии, основанный на учете топографических особенностей групп археологических памятников и встреченных на них типов керамики. При датировке в каждом отдельном случае учитывались особенности и характер строительных остатков, а также данные письменных источников.

Реконструкция форм и размеров посуды проводилась нами способом, разработанным М. П. Грязновым³⁴⁴.

В связи со слабой разработанностью вопросов хронологической классификации керамики Средней Азии и спецификой самих коллекций в настоящей главе не ставится задача дать узкие хронологические рамки, наметить основные этапы развития оседлых поселений. Очевидно, что одна керамика не может быть достаточным материалом для выяснения уровня развития производительных сил и производственных отношений. Изучение керамики позволило провести археологическую периодизацию, обусловленную общим процессом развития и изменения гончарного ремесла.

Мы намечаем 6 таких периодов.

1. Сакский (VII — IV вв. до н. эры).
2. Раннекангюйский (III в. до н. эры — I в. н. эры).
3. Позднекангюйский (I — IV вв. н. эры).
4. Кенгересский (V — VIII вв. н. эры).

³⁴¹ Первую предварительную классификацию керамики с 34 объектов дает Е. И. Агеева в статье «Керамика городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Кара-тау» ... стр. 100 — 119.

В настоящее время коллекции керамики хранятся в фондах Центрального государственного музея г. Алма-Аты и Чимкентского областного музея.

³⁴² Главная цель, которая преследовалась при сборе подъемного материала, — получить максимальное количество всех типов керамики. Число номеров коллекций зависело от размера и степени насыщенности объекта. При изучении подъемного материала брались не отдельные объекты, а комплекс археологических памятников. Учитывалось, что поселения и города, на которых жизнь продолжалась в XIII — XV вв. н. эры, содержат большее количество керамики этого времени.

³⁴³ Музей истории народов Узбекистана, коллекции за №№ 151, 100.

³⁴⁴ М. П. Грязнов. Техника графической реконструкции форм и размеров глиняной посуды по фрагментам. «Советская археология», 1946, № 8, стр. 308—316.

5. Карлукский (VIII — XII вв. н. эры).

6. Восточно-кыпчакский (XIII — XV вв. н. эры).

Каждый из перечисленных периодов знаменует собой новый этап в развитии керамического ремесла — начиная с посуды домашнего производства, техника которого последовательно совершенствовалась, и кончая выделением производства керамики в самостоятельную отрасль феодального ремесла.

Основным предметом изучения является в первую очередь хозяйственная, бытовая посуда. В археологической литературе уже достаточно исследованы вопросы техники изготовления посуды, вопрос же о назначении тех или иных форм ее освещен еще недостаточно. В известных и доступных нам письменных источниках нет упоминания о назначении посуды, за исключением времени Тимура, о котором сохранились сведения в дневнике Клавихо³⁴⁵. Мало дошло до наших дней и названий многочисленных видов глиняной посуды, употреблявшейся в быту. Из словаря тюркских наречий Махмуда Кашгарского (Диван Лугат ат-тюрк) известно, что у огузов миска носила название «тажари»³⁴⁶, кувшин — «афтаби»³⁴⁷, у тюрков кувшин — «кумган»³⁴⁸, стакан — «идиш», а у ягма, тухси, ямак, гузов и аргу это слово («идиш») относится ко всякому котлу, чашке или вазе³⁴⁹.

Благодаря этому наши определения хозяйственного и бытового назначения тех или иных форм посуды могут носить лишь условный характер. Вся посуда разбивается на следующие основные группы:

Посуда для хранения и переноски сыпучих тел и жидкостей (хумы, кувшинообразные сосуды всех типов).

Посуда для приготовления пищи (котлообразные, горшкообразные сосуды, жаровни).

Посуда, используемая для разного рода хозяйственных работ (чашеобразные сосуды — тагора, подставки под котлы, светильники, туваки и т. п.).

Посуда, употреблявшаяся для еды и питья (блюда, тарелки, кесы, кубки, небольшие чашечки и др.).

Вся посуда, кроме предназначавшейся для приготовления пищи, формовалась из плотного, хорошо отмученного теста без примесей, хорошего обжига (в изломе тесто имеет красный и желтый цвета). Она чаще всего орнаментирована. Посуда второй группы сделана из средней плотности теста со значительным количеством дресвы, шамота, песка и орнаментирована всегда очень скупно.

подавляющее большинство посуды изготовлено из местных лёссовых глин, которые представляют собой в большей или меньшей степени пористые отложения пылевых частиц различной тонкости зерна. Такая текстура лёсса вынуждает при изготовлении теста, особенно предназначенного для выделки посуды с тонкими стенками, тщательно промешивать его, что необходимо для получения более плотной массы. Этим увеличивается прочность изделия и его водонепроницаемость. Лёссовая глина обладает целым рядом преимуществ в условиях жаркого лета и примитивной гончарной техники. Она обладает средней пластичностью и хорошо формуется (жирные глины при сушке давали бы трещины), а высокое процентное содержание известняка (CaCO_3) и запесоченность

³⁴⁵ Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура. СПб. 1881, стр. 327.

³⁴⁶ МГТ, т. I... стр. 311.

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Там же, стр. 312.

³⁴⁹ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 14—15.

дают возможность производить обжиг при довольно низких температурах (соответственность лёссовых глин равна 1140°). Последнее, правда, приводит к ослаблению механической прочности изделий, но они имеют невысокую пористость.

Благодаря большой запесоченности лёссовых глин они вместо усадки, при которой неизбежны трещины, а следовательно, и увеличение керамического брака, дают прирост. Одним из отрицательных свойств лёссовых глин является большая водопоглощаемость.

Сосуды для хранения жидкостей должны иметь стенки с мелкими порами, чтобы вода, просачивающаяся через них, испарялась медленнее, поэтому для их изготовления использовались глины, богатые известью, дающие после обжига черепок желтоватого цвета в изломе. Глина при этом должна быть хорошо отмучена и не содержать крупных частиц извести.

Южно-Казахстанская область богата месторождениями каолина, огнеупорных и легкоплавких глин³⁵⁰.

Произведенные Южно-Казахстанской археологической экспедици-

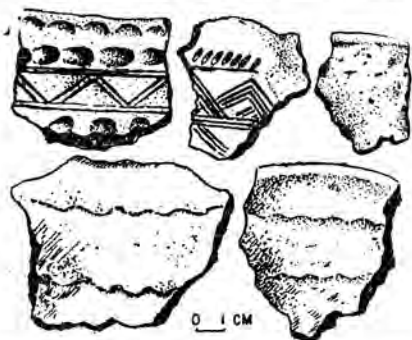

Рис. 78. Керамика VII—IV вв. до н. эры.

ей раскопки пока не вскрыли слоев с керамикой, характерной для сакского времени (VII—IV вв. до н. эры). Она в незначительном количестве встречена в подъемном материале на городищах Отрар, Сюткент, Оксус и представлена обломками сосудов, сделанных из рыхлого дресвяного теста, черного и слоистого, иногда с лошением. Изготавливалась посуда ленточной техникой, швы между отдельными лентами проступают очень четко на внутренней и даже внешней поверхности черепка (рис. 78)³⁵¹.

Раннекангуйская керамика (III в. до н. эры — I в. н. эры) составляет основную массу подъемного материала, собранного на округлых в плане тепе с рыхлыми расплывчатыми контурами, а также в нижних горизонтах тепе с площадкой (типа Пчакчи-тепе, Садык-Ата-тепе и др.) и высоких трапециевидных, овальных в плане поселений (Жок-Мардан, Кара-Гундчук).

Вся посуда в это время была продуктом домашнего производства и ручной лепки. Представленная в основном тремя-четырьмя формами, она дает большое разнообразие в профилировке отдельных деталей. Так, например, в нашем материале имеется 28 форм различно профилированных кувшинообразных сосудов. По своему назначению, а следовательно, и составу теста они резко делятся на две группы: первая — для питья, переноски и хранения жидкостей, вторая — для варки пищи. Первая сделана из теста без примесей (или со случайными примесями естественного происхождения), вторая обязательно имеет в составе глиняного теста большой процент примесей толченого камня (дресвы) или шамота (мелкобитый черепок). Шамот и дресва в примесях — круп-

³⁵⁰ А. Д. Федосеев, Ф. А. Зенкович. Глины СССР, ч. 2, М., 1937, стр. 625 и след.

³⁵¹ Наличие жизни в этот период на поселениях Отрарского оазиса подтверждают обнаруженные на селище Канды-Тогай обломок бронзового ножа, бронзовые наконечники стрел (хранятся в Чимкентском областном музее).

позернистые, что дает меньшую усадку, чем при мелком зерне, и делает глинистую массу менее чувствительной к переменам температуры.

При изготовлении посуда ставилась на подстилку с песком и формовалась путем последовательных налепов предварительно раскатанных небольших лент глиняного теста. При формовке больших сосудов пользовались широкими большими лентами. Подлепка лент производилась изнутри, отчего на краях лент прослеживаются пальцевые вдавления, а отпечатки пальцев на внутренней стороне свидетельствуют о том, что посуда лепилась без применения твердых основ. При поломке посуды излом чаще всего шел не по шву. Часто ленты (для изготовления посуды) раскатывались на подстилке с присыпкой мелкого речного песка, и после эта сторона, с приставшим песком и его отпечатками, составляла внутреннюю плоскость сосуда, которая дополнительно не обрабатывалась. Весь корпус уже готового сосуда вставлялся в дно и прикреплялся к нему с внешней и внутренней стороны. Очень часто следы прикрепления не сглаживались и хорошо заметны с обеих сторон сосудов. Дальнейшая формовка производилась также руками с применением примитивных костяных или деревянных инструментов, служивших для выравнивания стенок, счистки лишнего теста и т. п. Отгибание стенок у дна и в верхней части шейки, профилировка венчика выполнялись также рукой, так как на сосудах сохранились следы пальцев. Ручки формовались отдельно из предварительно раскатанной ленты глиняного теста, которая завертывалась с двух сторон вовнутрь. Прикрепление ручек к стенкам сосудов делалось двойным способом. Иногда они просто примазывались к стенкам сосуда, иногда вставлялись в специально приготовленное сквозное отверстие в тулове, а уже затем примазывались к стенкам. Обработка внешней поверхности — замывка и затирка — также была очень грубой и примитивной. Замывку производили каким-либо мягким предметом — тряпкой или куском кожи, а затирку — пучком травы. Часто внешняя поверхность покрывалась тонким слоем чистой глины, изредка светлым кремевым ангобом, получаемым в результате покрытия

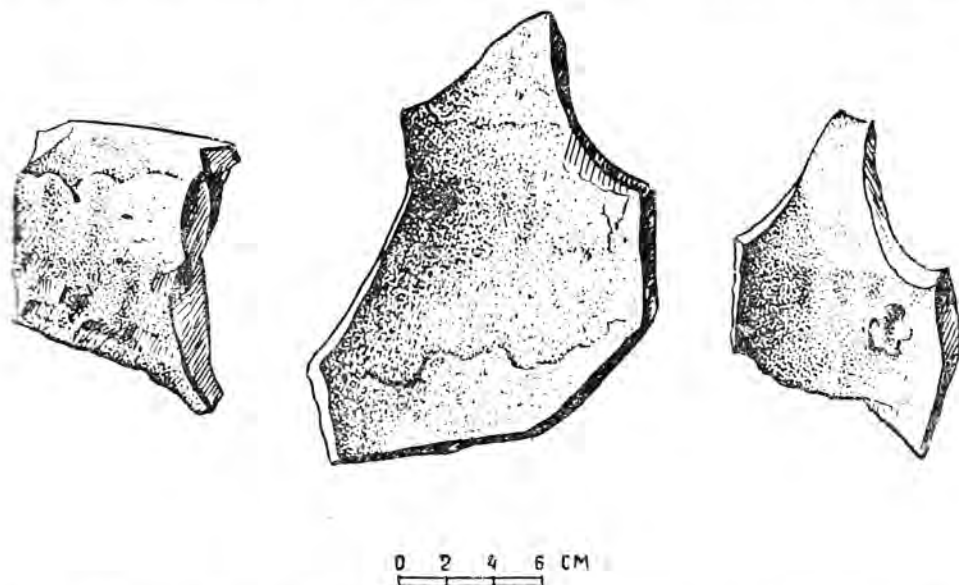

рис. 79. Внутренние стороны сосудов раннекангюйского времени со следами техники лепки.

посуды до обжига белой известковой глиной. Дальнейшей обработки сосудов не проводилось, а поэтому большинство их асимметрично, стенки имеют разную толщину, особенно они толсты в месте соединения дна с туловом и у венчиков, наиболее тонки — в центре тулова (рис. 79, 80).

Рис. 80. Днище сосуда со следами техники лепки.

После соответствующей просушки посуда подвергалась обжигу, скорее всего костровому, так как в этом был уже значительный навык, связанный с обработкой металла (плавка бронзы и железа), а возможность достижения высоких температур при костровом обжиге известна по этнографическим материалам³⁵². Стенки сосудов толщиной от одного и более сантиметров в большинстве случаев прокалены полностью. В изломе тесто у подавляющего количества сосудов желтое и красное. Посуда, употреблявшаяся для варки пищи, обжигалась на кострах, но при более низкой температуре, при которой углеродистые части ее сгорали и придавали посуде черный цвет; черепок при этом слонется по линиям лепки, крошится и имеет внутренние разрывы. Топливо для обжига керамики давали обильные тугайные заросли вдоль Сыр-Дарьи. Для этой цели, очевидно, широко использовался курай и кизяк, что характерно и для более позднего времени³⁵³.

Самую многочисленную по количеству и разнообразию форм группу составляет посуда, сделанная из плотного красного теста без примесей. У крупных толстостенных сосудов обжиг неполный, в середине излома черепок имеет серую или черную прослойку. У мелких сосудов такой излом дают ручки. Посуда этой группы почти не имеет рисунков, за исключением тех редких случаев, когда по верхней части тулова про-

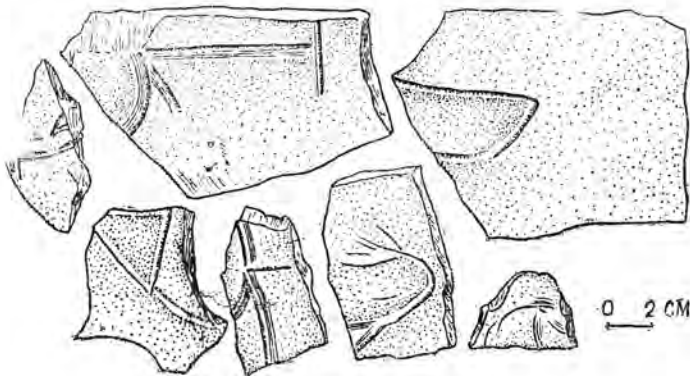

Рис. 81. Боковны сосудов с орнаментом.

ходит поясok из линейного волнистого орнамента, нанесенного заостренной палочкой (рис. 81).

³⁵² Е. М. Пещерова. Гончарное производство у горных таджиков. «Изв. Среднеазиатского отдела Русского географического общества», 1929, № XIX, стр. 25—27.

³⁵³ Там же, стр. 27, а также см. на стр. 58, 86 настоящей работы.

Основную массу составляют кувшинообразные сосуды, не имеющие четкой профилировки отдельных частей. По формам они делятся на следующие группы (рис. 82).

Грушевидной формы кувшины с короткой и широкой горловиной раструбом. Закраины венчиков прямые или слегка выгнутые наружу. Ручки вертикальные, большой широкой петлей, круглые и овальные в сечении, иногда с резкими гранями. Вдоль тулова ручки часто идет широкая вмятая полоса, объясняемая техникой лепки (свертывание раскатанной полосы глиняного теста). В месте соединения с туловом сосуда ручки утолщаются. Сами ручки прикреплялись в центре горловины, а иногда около края венчика, составляя с ним одно целое и как бы являясь его продолжением.

Кувшины с высокой и сравнительно узкой цилиндрической горловиной и закраиной венчика в виде валика, образованного отгибом стенки сосуда наружу. Край венчика либо прижат к стенкам сосуда, либо имеет вид небольшой площадки, расположенной под прямым углом по отношению к стенкам. Тулово кувшинов овальное, слегка вытянутое. Четкой грани между горловиной и туловом нет. Донца прямые. Ручки массивные, вертикальные, круглые и овальные в сечении. На горловине они посажены низко, так что верхняя часть

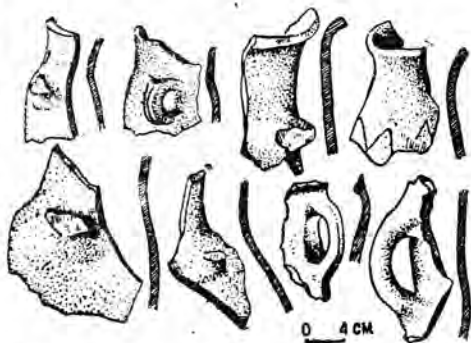

Рис. 82. Формы кувшинообразных сосудов раннекангуйского времени.

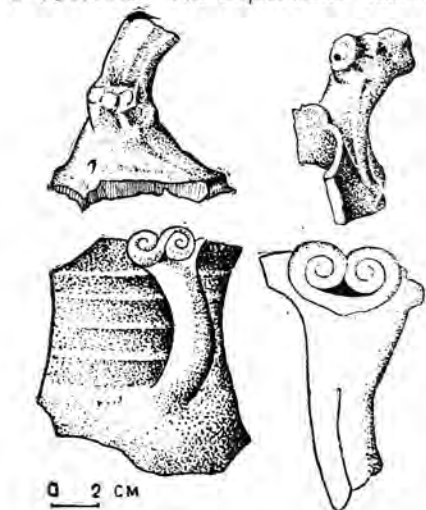

Рис. 83. Ручки сосудов с изображениями животных и их частей.

ручки приходится на среднюю часть тулова горловины. Встречаются и небольшие кувшинчики с нечетко выделенной горловиной и овальным туловом. Ручки у них небольшие, петлеобразные и вертикальные, низко посаженные; часто ручки имеют форму схематически исполненной фигурки животного (барана). В ряде случаев на верхней части их налепы в виде спирально загнутых рогов того же барана (рис. 83).

Вопрос о роли изображения животных и его частей на керамике впервые был разработан Г. В. Григорьевым³⁵⁴ по материалам из раскопок на городищах Ташкентского оазиса. Затем семантика их на керамике «сарматского» периода (с привлечением материалов из раскопок в Средней Азии, в частности из пос. Никольского близ Ташкента, го-

родища Каунчи-тепе, Алимбай-тепе Ташкентской области) подробно разработана К. М. Скалон в ее статье «Изображение животных на кера-

³⁵⁴ Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. «Изв. АН КазССР», серия археологическая, вып. I, 1948. № 46, стр. 47—48.

мике сарматского периода»³⁵⁵. К. М. Скалон делает правильный вывод, что эта традиция восходит к глубокой древности в связи с верой в оберегающую силу такого изображения. В освещаемый период, с нашей точки зрения, такие рисунки в керамике уже являются пережиточным моментом, а выбор того или иного животного связан с конкретными условиями жизни людей. Не случайно в нашей керамике в большинстве случаев изображается баран, игравший большую роль в скотоводческом хозяйстве племен, населявших в это время изучаемый район. Рисунки животных сохранились и позднее, известны они и по этнографическим материалам. Об этом Ч. Валиханов писал: «Все шаманские обряды, понятия, легенды, столь тесно соединенные с бытом кочевым, сохранились у киргиз в совершенной целости»³⁵⁶. Среди существующих богов-животных главным (ульку) считался бог-овца.

Мотив бараньего рога в орнаменте, уже не осмысливавшийся даже как оберег, широко известен в казахском народном искусстве; он лежит в основе многочисленных узоров на кошмах, тканях и вышивке³⁵⁷.

Второй, не менее широко представленной формой являются горшкообразные сосуды с нечетко выраженной горловиной и закраиной венчика, образованной легким выгибом стенки тулова наружу. Сосуды этого типа большого размера, диаметр горловины достигает 40 см. На них очень хорошо заметна техника выделки венчика. Сделаны они грубее кувшинообразных сосудов. На внешней поверхности часто видны следы срезов лишнего теста и сглаживания стенок сосуда пучком травы.

Мелкие сосуды, а также порошкообразные покрывались сверху красным, коричневым или, чаще всего, черным ангобом, иногда раскрашивались красками этих же тонов уже после обжига. Раскрашивание производилось мягким предметом — куском тряпки или кожи.

В гораздо меньшем количестве встречается посуда, сделанная из теста средней плотности, бурого и красного в изломе, почти без примесей. Сосуды имеют буро-красное, почти коричневое лощение внешней поверхности поверх ангоба. В нашем материале целых форм нет, имеются только обломки цилиндрических горловин, по форме близких к горловинам кувшинообразных сосудов, описанных выше. Иногда эти горловины имеют рифление, аналогичное джеты-асарскому.

Кроме того, бытовали небольшие кружечки с петлеобразными ручками, округлым и удлиненно-овальным туловом, небольшой горловиной с прямым венчиком, образованным легким выгибом стенки сосуда наружу.

К этому же времени мы относим хумы с квадратным в сечении венчиком, охватывающим горловину в виде бандаж. Горловина у них выражена очень слабо, почти сразу от венчика начинается переход к шаровидному тулову.

Целых сосудов, служавших для варки пищи, не обнаружено, сохранились в основном донца и венчики горловин с прилегающими к ним частями тулова. Однако взаимосооставление частей дало возможность выявить, что основными были две формы сосудов — горшкообразные и чашеобразные. Горшкообразные сосуды имели небольшую цилиндрическую горловину, иногда слегка выгнутую наружу, образованную изгибом стенки. Венчики у них прямые или в виде небольшого валика. Дон-

³⁵⁵ Труды отдела первобытной культуры Эрмитажа. Т. I. Л., 1941, стр. 183.

³⁵⁶ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Следы шаманства у киргизов. Соч., СПб, 1904.

³⁵⁷ В. Ч е п е л е в. Об искусстве казахского народа. «Искусство», 1936, № 4, стр. 154; Ш. К у т х у д ж и в. Казахская орнаментика. «Изв. АН КазССР», серия искусствоведения, вып. I, 1950, стр. 51—60; Материалы этнографических экспедиций 1948—1949 гг. Института истории АН КазССР (рукопись).

па прямые, массивные, значительно толще стенок. Около стенок они образуют небольшой наплыв, связанный, очевидно, с усадкой при просушке сосуда до обжига. Средние размеры этой посуды: диаметр горловины — 17—20 см, донца — 8—12 см, тулова — в пределах 20—25 см. Толщина стенок колеблется от 0,6 до 1 см (чаще всего — 0,8—0,9 см), донца — от 0,8 до 1,2 см. По форме эта посуда генетически связана с посудой эпохи бронзы³⁵⁸, но в отличие от последней у сосудов несколько более удлиненное тулово и меньшие размеры. Орнамента она совсем не имеет. Единственным украшением ее является налепной волнистый жгутик по краю венчика или имитация его в виде налепного прямого жгута, разделанного косыми насечками и вмятинами. Иногда на тулове со-

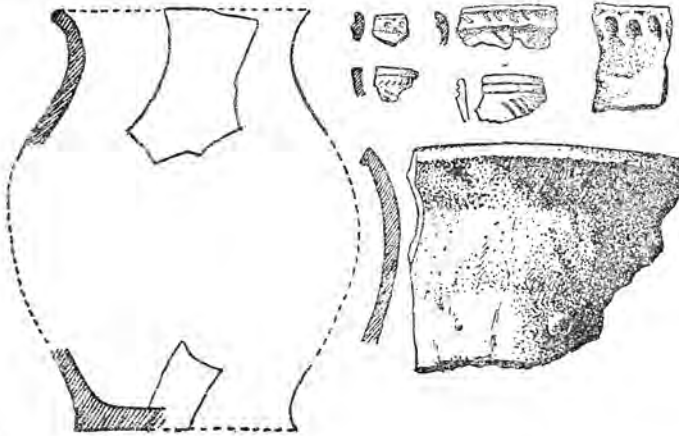

Рис. 84. Сосуды для варки пищи раннекангюйского времени.

туда бываюи налеплены круглые или конические шишечки. Этот волнистый жгутик и его имитация, с нашей точки зрения, имели в первую очередь не декоративное, а утилитарное назначение. Как уже отмечалось выше, он встречается только на посуде, которая использовалась для варки пищи, т. е. для употребления на огне. Посуда эта не имеет ручек. Функцию ручек в данном случае несет налепной жгутик, с помощью которого сосуд очень удобно подвешивать, так и снимать с огня. Впервые мы видим его в позднекельтеминарской керамике³⁵⁹, относящейся к началу II тысячелетия до н. эры, широко известен он и на посуде ранних кочевников³⁶⁰ (рис. 84).

Небольшие чашеобразные сосуды в форме полусферы с прямым, слегка вогнутым внутрь венчиком украшаются линейным прорезным орнаментом, нанесенным острой палочкой по необожженному сосуду. Орнамент располагается в верхней части тулова сосуда таким образом, что горизонтальными поясками подчеркивается венчик, а ниже их идет прорезной штриховой рисунок прямыми, иногда слегка наклонными отрезками прямой линии. Изредка эта посуда имеет лощение внешней поверхности. Вторую разновидность этой группы составляют сосуды тех же форм, но сделанные из рыхлого теста с большой примесью шамота. В

³⁵⁸ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года., стр. 51.

³⁵⁹ А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КС ИИМК, № XXXI, 1950, стр. 144.

³⁶⁰ С. С. Черников. Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. «Изв. АН КазССР», серия археологическая, вып. 2, 1950, стр. 49.

качестве сырья для шамота употреблялся бой посуды, сделанной из плотного без примесей теста, красного в изломе.

Синхронна с описанной посудой керамика из могильника в районе поселка Тамды, состоящего из цепочек курганов. Она встречается и в подъемном материале на тепе и городищах северных склонов Каратау. Это сосуды из рыхлого теста с примесью дресвы, серого и черного в изломе, сделанные на матерчатом шаблоне. Внешняя поверхность сосудов иногда с лощением. Техника изготовления этой посуды подробно описана А. Н. Бернштамом³⁶¹. Формы посуды также совпадают с встречающимися в Семиречье (котлы шаровидной формы с плоским дном и двумя круглыми ручками на плечиках; грушевидной формы сосуды со слегка уплощенным сферическим дном и высоким горлом, с небольшой петлеобразной ручкой в верхней части горловины, котлообразные сосуды со сферическим дном и прямой закраиной венчика). Иногда эта посуда имела раскраску красными широкими полосами, расположенными в 2—3 см от края венчика, нанесенными сверх желтого ангоба.

Поселения, расположенные по среднему течению Сыр-Дарьи, в непосредственно примыкающей к Отрару зоне, дают количественно больше керамики из плотного красного теста, а тепе и городища на северных склонах Каратау — наоборот, большее количество посуды, изготовленной из рыхлого дресвяного серого и черного теста. Посуда же, сделанная на матерчатом шаблоне, встречается только в комплексах материалов, собранных с поселений северных склонов Каратау.

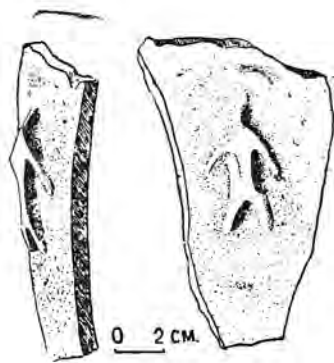

Рис. 85. Изображение человека на боковине сосуда.

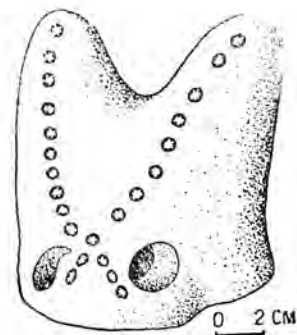

Рис. 86. Подставка под котел.

В раскопе № 2 на городище Мардан-куюк нами встречен обломок тулова сосуда (скорее всего кувшинообразной формы) с рельефным, крайне схематичным изображением человека (рис. 85). Сделано оно следующим образом: к стенке сосуда прилеплен небольшой валик глиняного теста, который затем отформован рукой. Это небольшая призматическая фигурка (в фас), руки и ноги слегка расставлены в стороны, верхняя часть головы вытянута (очевидно этим передавалась форма головного убора — высокая шапка). Внешне изображение очень близки

³⁶¹ МИА, № 14 ... стр. 63

к рисункам на скалах и камнях Сибири³⁶², Восточного Казахстана³⁶³ и в материалах из раскопок Гляденовского костыща³⁶⁴.

К этому же хронологическому периоду следует отнести «рогатые кирпичи», служащие подставками под котлы (рис. 86). Сделаны они из плотного теста с незначительными примесями дресвы, внешние поверхности их тщательно заглажены и заматы. Изображения схематичны, отмечены только рога и ноздри. Вдоль рогов в один ряд орнамент в виде небольших круглых ямочек. На правильность определения функции этого типа предметов, а также их датировки указывают не только материалы из раскопок в Средней Азии (Каунчи-тепе)³⁶⁵, но и более далекие параллели — городища Торфель³⁶⁶, городища верхней Десны³⁶⁷, Кубани и района Краснодар³⁶⁸.

Вся керамика описанного периода наиболее близкие аналогии имеет среди материалов Ташкентского оазиса³⁶⁹, Большого Ферганского канала³⁷⁰, в раннекангюйских городищах Хорезма (хумы Кой-кырлган-калы, кувшинообразные сосуды)³⁷¹, в городищах низовьев Сыр-Дарьи³⁷², а также могильниках Таласской и Чуйской долинах³⁷³ и около станции Вревская³⁷⁴.

Позднекангюйская керамика (I — IV вв. н. эры). Посуда этого времени широко представлена в подъемном материале на тепе с примыкающими к ним площадками, на городищах типа Алтын-тепе и Байрдум, а также на поселениях типа Кок-Мардан. Она в основном продолжает развитие форм предшествующего периода (рис. 87 — 89), но приобретает большую четкость и разнообразие в обработке внешней поверхности. Особое развитие получает профилировка закраины венчика, в своей простой форме представляющая просто выпуклый валик, образованный отгибом стенки сосуда наружу. Постепенно этот профиль услож-

³⁶² И. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Труды XIV археологического съезда в Чернигове, 1908, табл. 1, 2; табл. 6, рис. XXVI.

³⁶³ С. С. Черников. Наскальные изображения в верховьях Иртыша. «Советская археология», 1947, № IX, стр. 262, рис. 9 — 10.

³⁶⁴ А. А. Спицин. Гляденовское костыще. Труды отделения славянской и русской археологии. Т. XII, вып. I—II (Записки ИРАО, новая серия). СПб, 1901, табл. X, рис. 3.

³⁶⁵ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе ... стр. 23, рис. 27—28; стр. 24, рис. 29—30; его же. Келесская степь в археологическом отношении ... стр. 72, табл. XI, рис. 85.

³⁶⁶ Е. И. Горюнова. Городище Торфель. КС ИИМК, 1950, № XXXI, стр. 155, рис. 51 — 52.

³⁶⁷ М. Е. Воеводский. Городища верхней Десны. КС ИИМК, № XXIV, 1940, стр. 71, рис. 17 «б».

³⁶⁸ В. А. Городцев. Старшее Каширское городище. «Изв. ГАИМК». Л., вып. 85, 1933, стр. 14 — 15.

³⁶⁹ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе... Нами принимаются в отношении Каунчи-тепе датировки А. И. Тереножкина, приведенные в статье «Согд и Чач» (КС ИИМК, 1950, № XXXIII, стр. 154).

³⁷⁰ В. Д. Жуков. Археологические наблюдения на трассе Большого Ферганского канала. «Изв. УзФАН», 1940, № 10, стр. 25, рис. 4, 8; стр. 26, рис. 9, 10; Т. А. Оболдуева. Археологические наблюдения на трассе Большого Ферганского канала. «Изв. УзФАН», 1940, № 10, стр. 29—32.

³⁷¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм... рис. 22, стр. 84.

³⁷² С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации... рис. 34; его же. Города гузов ... стр. 65, рис. 12.

³⁷³ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины... стр. 14, М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усунские могильники на территории Северной Киргизии ... стр. 167.

³⁷⁴ М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории народов Узбекистана о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г. ... стр. 47, рис. 1 (2, 3).

няется, разбивается одним или двумя желобками, а нижний край его разделяется насечками. Основную массу по-прежнему составляет посуда, сделанная из плотного красного теста без примесей, хорошего обжига, дающего в изломе красный черепок. Отличительной особенностью посуды этого периода

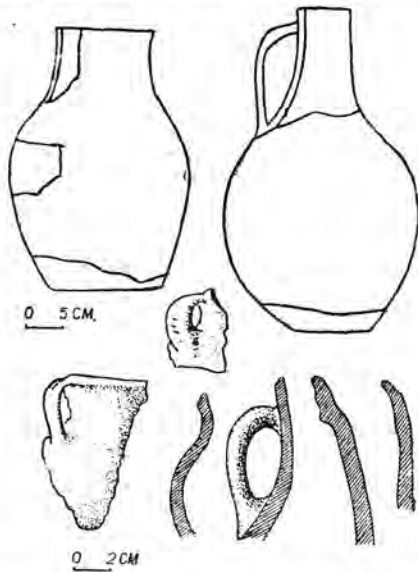

Рис. 87. Сосуды позднекангюйского времени (красное лощение).

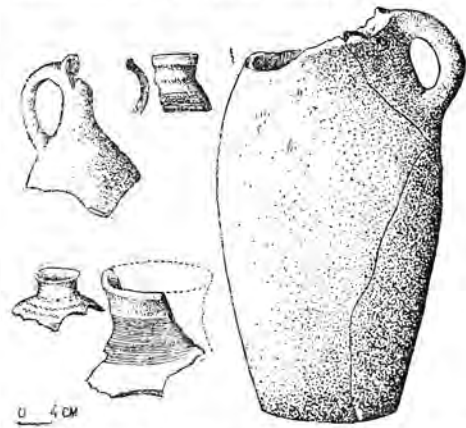

Рис. 88. Сосуды позднекангюйского времени.

является новый способ ее изготовления. Сравнительная асимметричность сосудов и характер венчика (выгиб верхней части наружу) дают возможность сделать вывод, что при ее изготовлении были использованы подставки в виде кружков, которые можно было легко вращать, а для профилировки горловин применялись специальные палочки. Сам сосуд формовался из трех или четырех кусков глины, предварительно раскатанной на ленты. Из таких широких лент глиняного теста отдельно вылепливались горловина, дно и тулово, которые затем соединялись в целый сосуд. Ручки лепились отдельно, так же, как и в предыдущий период, они нередко вставлялись в специальное отверстие в тулове сосуда, затем это место ручки тщательно заглаживалось на внешней стороне и менее тщательно на внутренней, где сильнее всего и заметна эта техника. Такой способ изготовления посуды бытовал вплоть до VIII в. н. эры. И в этот период посуда орнаментируется мало и скупо. Распространенным орнаментальным приемом является волнистый нарезной пояс, сделанный острой палочкой. Располагается он обычно в верхней части сосуда, как бы маскируя шов между горловиной и туловом. Очень часто внешняя поверхность сосудов покрыта сверху тонким слоем ангоба двух цветов: светлый кремовый, получаемый в результате покрытия сосуда белой известковой глиной, и красный разных тонов — от розового до темно-красного и коричневого (оттенки зависят от процентного содержания в глине железа). Применяется и черная краска. Посуда с красным ангобом всех тонов украшалась волнистым орнаментом, нанесенным до ангоба по сырому черепку, из чего можно заключить, что ангобирование производилось уже после обжига. На территории Средней Азии в указанную эпоху подобная техника украшения внешней поверхности сосудов отмечена в Семиречье, Согде, Чаче и Хорезме, несомненно свидетельствуя о тесных связях территории Южного Казахстана со Средней Азией.

Широкое распространение в это время получает лощение поверхно-

сти. Применялось два способа лощения — до и после обжига. В первом случае, после того как сосуд просушивался до состояния твердости кожи, его полировали инструментом из камня, дерева или металла, а затем обжигали. Поверхность сосуда становилась матовой. Во втором случае лощение производилось после того, как сосуд был обожжен, в результате чего лощенная поверхность приобретала глянец, напоминающий глазурь. В нашем материале преобладает посуда с лощением, сделанным после обжига. Лощение производилось поверх ангоба, и в зависимости от количества содержания железа в ангобной глине после обжига получались различные оттенки от ярко-красного до буро-коричневого. Лощение создавало водонепроницаемую поверхность и применялось первоначально с чисто практическими целями. Так разделялась посуда, в которой хранили жидкости (кувшины, кубки, миски). Лощение применялось до тех пор, пока не заменилось глазурованием. Большая часть посуды имеет лощение только на внешней поверхности. Вся она тщательной выделки, более четко профилирована, чем первая группа. Сосуды тонкостенные и небольшие по размеру. Формы чаще всего совпадают с формами посуды первой группы. Самую большую группу лощеной посуды составляют кувшины. Все они с высокой, довольно широкой горловиной. Закраины венчиков небольшие, в виде треугольного

Рис. 89. Сосуды позднекантийского времени.

в сечении валика или неширокого бережка, перпендикулярного к стенкам сосуда, иногда слегка скошенного. Все венчики образованы путем выгиба стенок сосуда наружу. Средние размеры сосудов: диаметр горловины — 8 — 12 см, высота — 6 — 9 см, высота сосуда — 15 — 17 см, диаметр дна — 8 — 5 см. Тулово шаровидное или овально-вытянутое, переход горловины к тулову резкий, как у металлических сосудов. Иногда горловина к венчику слегка расширяется, образуя раструб. Донца у сосудов небольшие, слегка вогнутые внутрь, размер их таков, что получается впечатление крайней неустойчивости сосудов. Ручки вертикальные, плоские, овальные в сечении, чаще прикрепленные несколько ниже венчика (отступа 2 — 3 см от края).

Вторая группа кувшинообразных сосудов напоминает сосуды типа античных «гидрий». Они небольшого размера с невысокой горловиной, оканчивающейся венчиком в виде валика. Иногда закраина горловины прямая, слегка утончающаяся. Тулово у этих сосудов овальное, плавно суживающееся книзу. Донце прямое. У верхнего края горловины расположены петлеобразные ручки, являющиеся продолжением венчика.

Средние размеры: диаметр горловины — 7 см, дна — 5,5 см, тулова — 11 см, общая высота — 11 см.

Третий тип сосудов с лощением составляют кубки. Они имеют округлое тулово, прямой венчик в форме муфточки, небольшое плоское дно, петлеобразную и низко посаженную ручку. Размеры их невелики: высота — 8—9 см, диаметр венчика — 8—10 см, тулова — 12—14 см, дна — 6,8 см.

Формы сосудов с черным и коричневым ангобом и раскраской повторяют формы посуды первой группы.

Венчики хумов сохраняют прежнюю профилировку в виде квадратного в сечении валика. Украшались хумы своеобразно: венчик окрашивался по внешней поверхности целиком, а на внутренней — слегка и лишь в верхней части, от этого пояса на венчике по внешней стенке хума спускается несколько полосок, образованных потеками краски.

Широко бытуют кувшинообразные сосуды с рифлением горловин. Рифление очень небрежное (расстояние между рифами самое различное), исполнено острой палочкой. Закрайны венчиков у этих сосудов либо слегка скошены наружу, либо оформлены в виде валика, образованного выгибом стенки сосуда.

Вся посуда этой группы сделана из плотного красного теста, почти без примесей. Обжиг хороший, дающий в изломе красного цвета черепок. Формовка сосудов ручная, но тщательная. Небрежность рифления наводит на мысль, что оно сделано только в силу каких-то традиций. Это продолжение более древних традиций прослеживается и на других частях сосудов, а именно на ручках, внешние поверхности которых нередко разделяются косыми насечками, как бы изображающими шерсть животного.

В конце позднекангуйского периода появляются сосуды с фигурной раскраской в виде s-образных фигур, идущих горизонтальными поясами по центральной части тулова.

Сосуды для приготовления пищи все те же: котлообразные или шаровидной формы с прямым венчиком, иногда подчеркнутым одной врезной узкой полоской. Ручки у них вертикальные, с дырочками в центре. Крышки круглые, слегка сферические, с орнаментовкой круглыми вдавлениями по внешнему краю.

В посуде этого периода более четко выявляется близость, а иногда и прямое заимствование форм и технических приемов из районов Ташкентского оазиса, Джеты-Асара и Хорезма. Таким техническим приемом, воспринятым от более развитых в общественном отношении районов Средней Азии, явилось изготовление посуды с красным лощением. Заимствованы были и формы — узкогорлые кувшины, кубки. Из Хорезма проникали кувшинообразные сосуды с рифлением горловины, напоминающие аналогичную посуду из металла. Взаимоотношения с Ферганой нашли также свое отражение в рассмотренном керамическом материале (посуда с красным лаком, фигурной раскраской, s-образными фигурами и др.).

В отличие от поселений южных склонов Каратау, связанных с Мавераннахром, поселения северных склонов Каратау сами испытывали на себе влияние более передового (по сравнению с ними) Отрарского оазиса.

Кенгересская керамика V—VIII вв. н. эры является одним из наиболее массовых материалов на большинстве обследованных развалин поселений и городов. На поселениях, в плане представляющих тепе с примыкающей низкой площадкой, а также тепе трапециевидные и овальные, керамика присутствует в верхнем слое (рис. 90—92).

Для этого времени отмечается резкое увеличение количества оседлых поселений, что было связано с процессом феодализации, идущим внутри кочевых скотоводческих и оседлых земледельческих племен.

Происшедшие социально-экономические сдвиги отразились и на характере керамического материала. Основная масса посуды по-прежнему остается продуктом домашнего производства. Продолжают бытовать уже ранее существовавшие формы. В технике ее изготовления очень мало нового. Даже замечается, наоборот, некоторое огрубение форм, а также возрождение орнаментации кангюйского времени. Вместе с тем появляется посуда, сделанная на ручном гончарном круге. Она отличается плотностью теста, имеющего в своем составе очень незначительное количество примесей. По нашим материалам восстанавливается следующая техника изготовления этой посуды. Первоначально лепились отдельные составные части сосуда из полос глиняного теста. Отдельно формовалось доньшко, размер которого не должен был превышать размера круга или подставки. Затем края дна срезались несколько наискось к середине, к этому срезу приставлялся корпус сосуда, после чего отдельно вылеплялась горловина. Места соединения жгутов прекрасно прослеживаются на внутренних стенках. В качестве подсыпки на подставку круга употреблялся мелкий речной песок и, в редких случаях, зола.

Характерным орнаментом для всей посуды этого времени является, в первую очередь, наклепной валик-жгутик, покрытый насечками или пальцевыми вдавлениями. Валик-жгутик либо накладной — из отдельной полосы глиняного теста, либо образованный путем отяжки стенок сосуда. Располагается он в верхней части горловины, у венчиков. Закраины венчиков в этом случае прямые, иногда в виде небольшого валика. В сочетании с накладным валиком-жгутиком часто встречается орнамент из пояса косыми насечками, расположенными около венчика и в месте перехода тулова в горловину. Здесь они как бы маскируют швы между составными частями сосуда. Насечки глубокие и сделаны довольно грубо. Аналогичного характера орнамент встречается на плечиках и венчиках хумов, на которых хорошо прослеживается техника их выделки: тонкие полосы теста придавливались боковой стороной пальца или палочкой через некоторые промежутки, что создавало впечатление волнистого жгутика. Иногда такие фестончатые края получались от защипа пальцами.

Вторым, не менее распространенным типом орнаментации являются ногтевые вдавления, также возрождающие орнамент более ранних эпох. Располагаются они как в верхней части горловины, около венчика, так и в месте перехода тулова к горловине и значительно реже — по средней части тулова. Снова появляются наклепные конические шишечки и на ручках сосудов. Они отформованы отдельно, после прикрепления к тулову верхняя часть их слегка оттянута конусом. Новым приемом орнаментации является рисунок, воспроизводящий резьбу по кости и дереву. Однако посуда с красным лощением и ангобированием внешней поверхности все еще встречается, но количество ее значительно уменьшается.

Количество ремесленной посуды еще очень незначительно. Домашнее производство посуды, осуществляемое скорее всего женщинами, стало ограничиваться лепкой посуды, употребляемой для варки пищи (котлы и горшкообразные сосуды с плоскими и полусферическими крышками). Вся она сохраняет прежние формы и сделана из грубого теста, в большинстве случаев рыхлого и слоистого, черного и серого цветов. Примеси крупнозернистые, обжиг ее костровый. Формовалась она

от руки ленточной техникой. Внешняя поверхность сосудов замыта, а затем затерта тонким слоем глины того же характера, что и в тулове сосуда. При затирке и замазывании происходило смещение зерен дресвы и шамота.

Формы этой посуды следующие:

Горшкообразные с округлым и удлиненно-овальным или прибли-

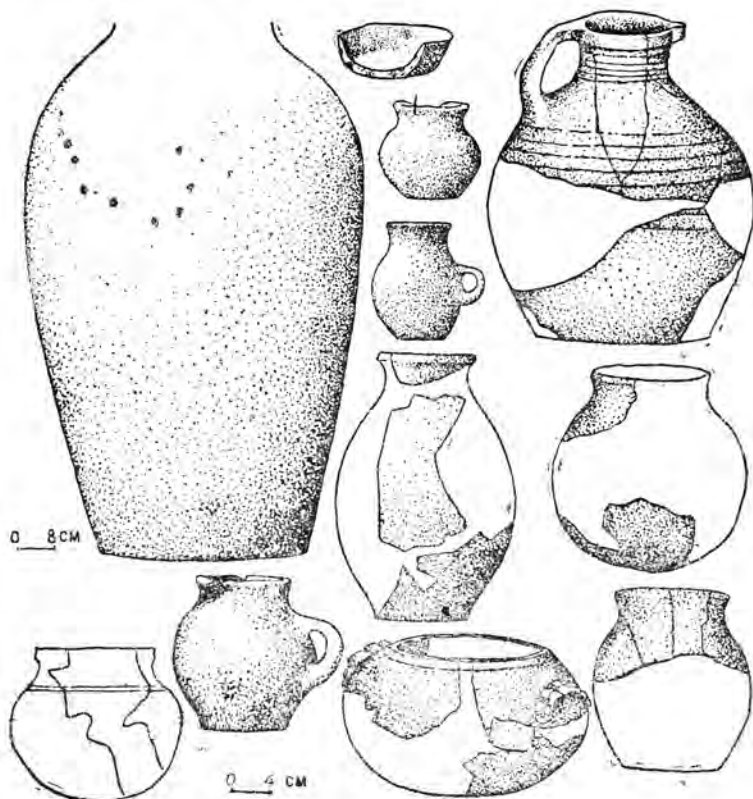

Рис. 90. Керамика VI—VII вв. н. эры.

жающимся к шаровидному туловом, с небольшой цилиндрической шейкой, составляющей одно целое с венчиком. Заканна венчиков в виде муфточки образована отгибом стенок сосуда. По всей плоскости ее идет орнамент вертикальными насечками или удлиненными овалами, прорезанными острой палочкой. Размеры небольшие: диаметр венчика — 10—12 см, тулова — 16—17 см, дна — 10—12 см, высота — 15—18 см, толщина стенок — 0,6—0,8 см.

Той же формы и размеров сосуда, но с невысокой цилиндрической шейкой. Заканна венчиков трех различных видов: небольшой наплыв, узенький валик, прямой венчик. Верхний край их (отступая 0,5—2 см) окаймляет волнистый налепной жгутик. В отличие от кангюйской керамики, где жгутовые налепы широкой полосой идут около венчика, они резко моделированы, вмятины на них глубокие, доходящие до основных стенок сосуда, в керамике VI—VIII вв. волнистые жгутовые налепы моделированы менее четко и идут узкой полосой, сами волны сделаны мягче и плавней, чаще заменяются налепными валиками с последующей разделкой их волнами (вмятины палочкой) или косыми насечками.

Котлообразные сосуды. Тулово у них шаровидное, закраины венчиков небольшие, отогнуты наружу валиком, имеющим треугольное и

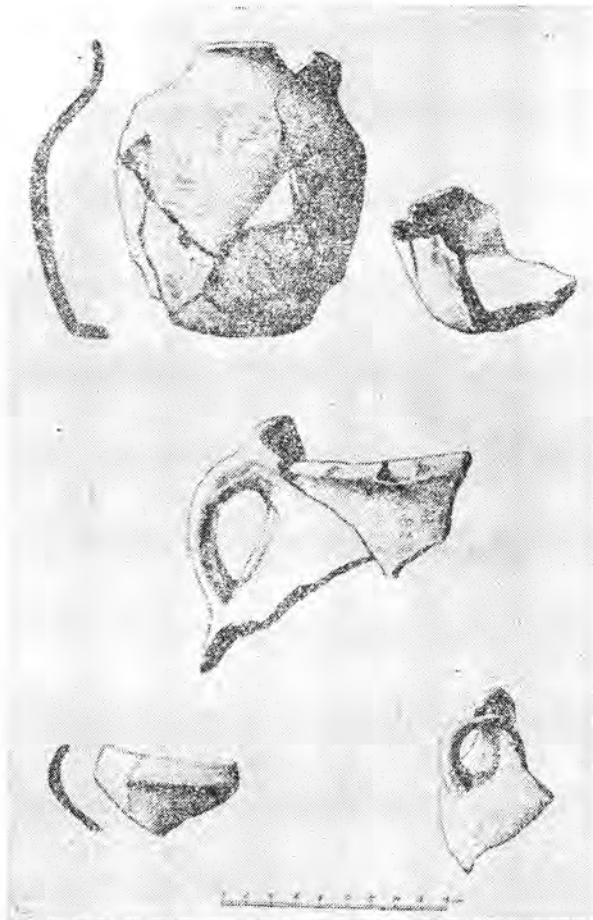

Рис. 91. Керамика VI—VII вв. н. эры с красной окраской и лощением.

овальное сечение. Часто закраины венчиков бывают прямые. Ручки небольшие, горизонтальные, в форме полуovalа, иногда в виде небольшой горизонтальной площадки, примыкающей непосредственно к венчику. Ручки часто имеют волнистые края. По широкой части тулова обычно проходит орнаментальный горизонтальный пояс, состоящий либо из ногтевых полуovalов, либо из вдавлений пальцами, а иногда из двух параллельных врезных линий. Размеры котлов небольшие: диаметр венчика — 15 — 17 см, тулова — 25 — 27 см, высота — 14 — 16 см. Встречаются котлы с диаметром венчика 25 — 28 см и тулова — 40 см.

Плоскодонные плоски-жаровни большого диаметра, достигающего по венчику 50 см, стенки у них невысокие (4 — 5 см) и значительно толще дна. К венчику стенки утончаются, от дна отходят под тупым углом и скошены внутрь, так что диаметр венчика по отношению к диаметру дна уменьшается на 6 — 8 см. Никакой орнаментации эта посуда не имеет. Толщина стенок равна 1,5 — 2 см, толщина дна — 0,8 — 1 см.

Одной из характерных форм посуды этого времени являются кувши-

нообразные сосуды. Они имеют шаровидное или слегка овальное тулово, широкую цилиндрическую горловину, заканчивающуюся прямым венчиком, и прямое дно. По закраине горловины идет наклепной валик с на-

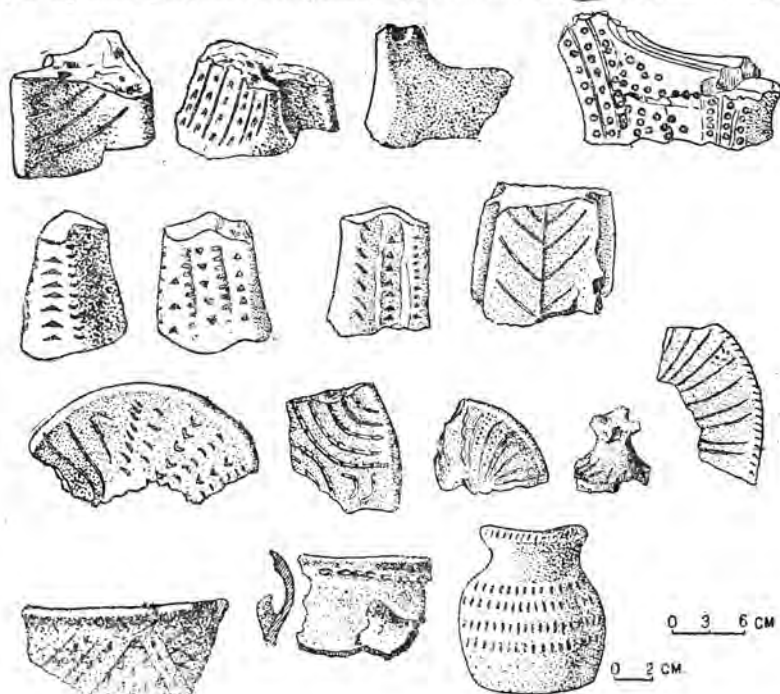

Рис. 92. Орнаментированная керамика VI—VII вв. н. эры.

сечками, положенными слегка наискось. В месте перехода тулова к горловине — орнамент из тех же косых насечек. По самой широкой части тулова до пяти наклепов в виде небольших конических шишечек. Все основные составные части сосудов профилированы очень четко. Лепились они из четырех полос глиняного теста. Швы с внешней стороны тщательно заглажены и заматы и лишь слегка выступают с внутренней стороны. Средние размеры сосудов: диаметр горловины — 13—14 см, диаметр тулова — 20—22 см, диаметр дна — 12—13 см, общая высота — 24—27 см.

Второй разновидностью кувшинообразных сосудов являются менее четко профилированные сосуды с удлиненно-овальным туловом, плавно переходящим в цилиндрическую горловину, к венчику расширяющуюся раструбом (зависит от техники лепки, при которой употребляется правило). В большом количестве встречаются и горшкообразные сосуды с плоским дном, овальным, расширяющимся кверху туловом и цилиндрической широкой горловиной, образованной выгибом стенки. Закраины венчиков у них прямые или с очень слабо выраженным валиком, образованным отгибом стенки сосуда наружу. Около донца стенки нередко имеют некоторый наплыв. Характерными являются и небольшие сосудики с шаровидным туловом и горловиной в виде раструба (встречены как на городищах, так и в курганных могильниках).

Сосуды покрывались небольшими плоскими и полусферическими крышками. Все они сделаны из средней плотности дресвяного, черного, иногда серого теста. Лепились крышки в большинстве случаев на матерчатом шаблоне, причем иногда в качестве заполнителя этого шабло-

на служила мелкая галька, оставляющая на внутренней стороне крышки небольшие вдавления. Все крышки круглые и имеют в центре цилиндрическую массивную ручку, верхняя площадка которой фигурно разделана. К тулову крышки ручка прикреплялась двойным способом: в первом случае она вставлялась в специально сделанное для этой цели отверстие (такие ручки состоят из двух частей — нижней, более узкой, которая вставляется в приготовленное для этого отверстие, и верхней, являющейся собственно ручкой), во втором случае — прикреплялась с помощью жидкого раствора той же глины к верхней, центральной части крышки. Крышки эти богато украшены резным орнаментом, сделанным скорее всего заостренной палочкой. Среди орнамента наиболее распространены два мотива: вписанные друг в друга полуovalы (сохранились и до сих пор в киргизском повествовательном узоре)³⁷⁵ и чередование прямых и пунктирных линий, составляющих треугольники. Средний диаметр крышек — 10 — 16 см.

Хумы встречены двух типов: с широким яйцевидным туловом, наиболее широкой частью которого является верхняя треть. Горловина их широкая, образованная выгибом стенки сосуда наружу, в сечении квадратная, с двумя гранями и желобком между ними; хумы с вытянутым туловом, без шеек. Закрайны венчиков профилированы нечетко, имеют вид валика. Донья небольшие, поэтому хумы производят впечатление крайней неустойчивости. Иногда у хумов первого типа крайины венчиков отделяются зубцами величиной около 1 см (расстоянием между ними — таким же).

Хумы лепились по частям, путем наращивания полос глиняного теста. Дно, горловина с венчиком и тулово формовались отдельно. Внешняя сторона замазывалась и покрывалась желтым ангобом. Обжиг хумов был хороший, но ввиду значительной толщины стенок они часто не прокалывались насквозь и поэтому в изломе имеют бурую или серую прослойку в центре.

Основным приемом украшения хумов была окраска. Мягкий предмет (кусочек материи или кожи) пропитывался краской, и им на плечики хума наносилось несколько неправильной формы пятен от которых шли потеки краски. Иногда пятна соединяются между собой, образуя неровную кайму по плечикам хумов. Рисунок наносился поверх ангоба различным цветом: красным, чаще буро-красным и черным.

Хумы имели массивные крышки, края которых замяты волнами или украшены жгутообразным налепом. Ручки у них массивные, цилиндрические, иногда в виде конуса поставленного для удобства пользования слегка под углом по отношению к поверхности крышки.

В VI — VIII вв. н. эры значительно уменьшается количество посуды с красным лошением.

Бытуют в основном три формы:

Кувшинообразные сосуды с высокой и довольно широкой горловиной (диаметр — 10 — 12 см), удлинено-овальным туловом, прямым плоским дном, вертикальными, круглыми в сечении ручками; кувшинообразные сосуды той же формы, но со сливом.

Небольшие кувшинчики — кубки с низко посаженными ручками, аналогичные сосудам из металла, находимым в Южной Сибири³⁷⁶ и Ташкентском оазисе³⁷⁷. Тулово у них овальное, вытянутое, ручки вылеплены

³⁷⁵ М. Н. Рындиц. Киргизский национальный узор. Фрунзе, 1948. табл. XV, рис. 6.

³⁷⁶ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири..., стр. 307, табл. II, рис. 4.

³⁷⁷ А. И. Тереножкин. Согд и Чач., табл. XXI, рис. 69.

в специально приготовленное отверстие в центре тулова. Единично встречаются небольшие котлообразные сосуды со сферическим дном.

Подставки под котлы были двух типов: в виде массивного полукружья, одна из сторон которого схематично изображает морду животного (рис. 93), и прямоугольных подставок. Среди них интересна только одна, изображающая заседланного коня, исполненная налепными узкими валиками и вдавлениями расщепленной камышинкой. Седло у коня напоминает седла на металлических блюдах³⁷⁸ (рис. 92).

На трапецевидных овальных в плане городищах типа Кок-Мардап посуда более архаического облика, сохранившая многие формы предшествующего периода. Одновременно на них имеется посуда новых форм — кесеобразные с плоским дном небольшие чашечки и маленькие кувшинчики.

Синхронные городищам курганные могильники дают керамику следующих основных групп (рис. 94):

1. Горшкообразные небольшие сосуды с овальным туловом и невысокой горловиной, оканчивающиеся венчиком-валиком, образованным от-

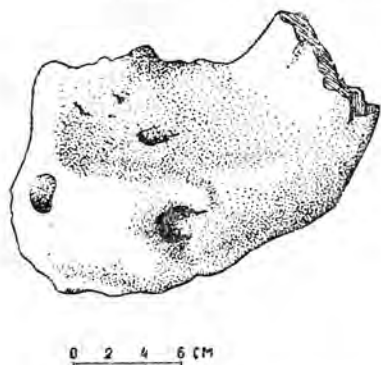

Рис. 93. Подставка под котел.

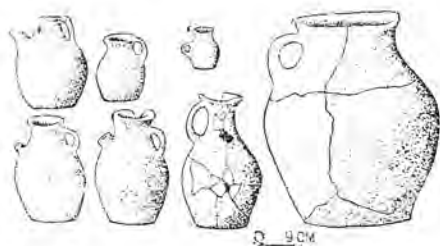

Рис. 94. Керамика из могильников VI—VII вв. н. эры.

гибом стенки сосуда. Посуда черная, рыхлая, дровяная, ручной лепки. Орнамента она не имеет. Высота — 14—20 см, диаметр тулова — 11—17 см, дна — 8—10 см, диаметр венчика — 8—10 см.

2. Кувшинообразные сосуды с овально-вытянутым туловом, плавно переходящим в небольшую узкую горловину, заканчивающуюся венчиком, образованным выгибом стенки сосуда наружу. Донце прямое, ручка вертикальная, круглая в сечении, в форме большой петли. На стороне, противоположной ручке, есть носик в виде овального в сечении цилиндрика. Иногда кувшины имеют шаровидное тулово. В одном случае встречен кувшин, по форме напоминающий «энохой» (Бурджарский курганный могильник). Внешняя поверхность кувшинов имеет или красное лощение, или бурую окраску поверх серовато-зеленого ангоба, идущую от плечиков сосуда ко дну. Высота сосудов — 18—23 см, диаметр венчика — 9—15 см, тулова — 18—20 см, дна — 10—12 см.

3. Небольшие кружки-кубки с удлиненно-овальным туловом, невысокой широкой горловиной и низко посаженной ручкой. Внешняя поверхность их также с красным лощением.

4. Большие горшкообразные сосуды с туловом яйцевидной формы, невысокой, широкой горловиной, заканчивающейся венчиком-валиком. Ручки небольшие, петлеобразные, круглые. Диаметр плоского дна равен

³⁷⁸ И. А. Орбели, К. Тревер, Сасанидский металл. Л. 1935, табл. 5, 14, 20:

диаметру горловины. Диаметр дна и горловины — 27 см, тулова — 45 см, общая высота — 52 см.

На формах этих сосудов из курганных могильников четко прослеживается генетическая связь с древнейшими кангюйскими типами и тождественность их с материалами из оседлых поселений.

Карлукская керамика (VIII — X вв. н. эры). Рост городов и выделение ремесла приводят к известной стандартизации форм посуды и в то же время к большому разнообразию в ее украшении. Намечаются центры керамического производства. Сама керамика делится на две резко противоположные группы: посуду ремесленников и посуду домашнего производства.

Появившиеся в тюркский период приемы орнаментации становятся более разнообразными. Появляется орнаментация посуды, исполненная штампом, сочетающаяся иногда с резьбой. Широкое распространение получает раскраска вертикальными полосами черной и буро-коричневой краской. По-прежнему в орнаменте широко используются жгутообразные налеты.

В VIII — X вв. продолжают бытовать все основные формы хозяйственной посуды предшествующего периода: котлообразные, горшкообраз-

Рис. 95. Керамика VIII — X вв. н. эры.

ные сосуды и крышки к ним с резным орнаментом. Посуда, как и раньше, делается из грубого шамотного и дрезвяного теста, а излюбленным приемом орнаментации является жгутообразный налеп. На горшкообразных сосудах появляется орнамент, сходный с ногтевым, но нанесенный штампом на средней части тулова. Венчик у этих сосудов сделан валиком, разделанным косыми насечками.

В незначительном количестве встречается посуда с лощением внешней поверхности. Больше всего образцов ее встречено на городищах северных склонов Каратау. Это небольшие горшкообразные сосуды, единственным украшением которых являются наленные конические шишечки.

Вся списанная посуда была продуктом домашнего производства. Изготовление ее, очевидно, осуществлялось женщинами, проявившими в украшении большую художественную изобретательность. Основными элементами орнамента были елочный, комбинирующийся со вписанными друг в друга треугольниками, сочетание пунктирных и прямых линий, ямочные радиальные пояски из волнистой линии и насечек (рис. 95). Все крышки с массивными цилиндрическими ручками, верхняя часть которых украшена схематически выполненной фигуркой животного, наленными шишечками или волнами (рис. 95 — 97).

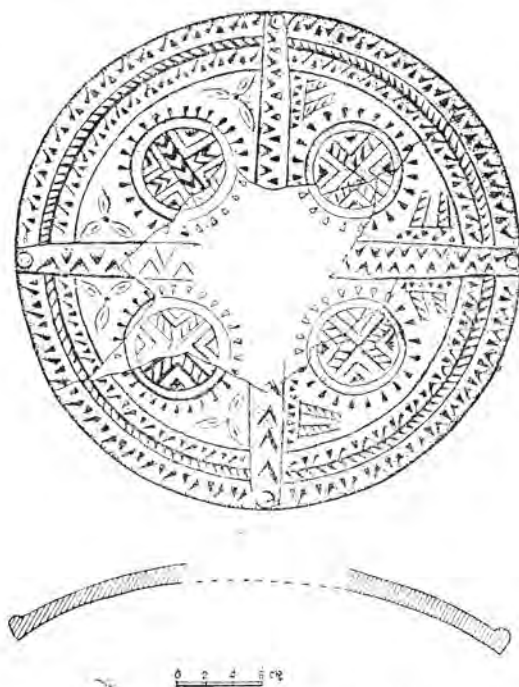

Рис. 96. Крышка с резным орнаментом
VIII—X вв. н. эрм.

Наш материал показывает, что эти богато украшенные орнаментом крышки служили для закрывания посуды во время приготовления пищи, а не в качестве предметов зороастрийского культа³⁷⁹. Особенность устройства очагов приводила к тому, что весь сосуд (в том числе и крышка) оказывался закопченным. Диаметры крышек всегда несколь-

³⁷⁹ МИА, т. 14, ... стр. 115.

ко больше, чем закрываемый ими сосуд, поэтому у крышек, помимо внешней стороны, закопченным внутри оказывался только этот небольшой, открытый для дыма ободок. У сосуда же, наоборот, сильно закопчена вся его поверхность, за исключением венчика. Небольшие круглые отверстия на крышках служили для выхода пара.

Не менее многочисленную группу составляет посуда, сделанная на ручном гончаром круге, из плотного теста без примесей. Для выравнивания стенок как снаружи, так и изнутри, очевидно, применялось лекало — тоненькая дощечка с вырезанным профилем сосуда. Ручки прессовались отдельно, а затем приклеивались жидкой глиной. Особенно большую группу среди ремесленной посуды составляют кувшинообразные сосуды (рис. 98), разбивающиеся на несколько типов.

Кувшины с широким, почти круглым туловом и невысокой цилиндрической горловиной. Донца у них прямые, ручки круглые, широкой петлей, расположены в верхней части тулова. Орнамент прорезной в виде пояска, где между двух параллельных врезных линий располагается третья — волнистая. Таких орнаментальных поясков два: один — в месте перехода тулова к горловине, другой — в центре тулова. Размеры сосудов: диаметр горловины — 10 см, тулова 24 — 26 см, высота — 26 — 28 см.

Большие массивные кувшины с удлинено-овальным туловом. Донце прямое, горловина неширокая, ручка массивная, вертикальная. На верхней части тулова волнистый орнамент. Диаметр горловины — 9 — 10 см, высота горловины — 8 — 9 см, диаметр тулова — 26 см, диаметр дна — 14 см, общая высота — 46 — 50 см.

Кувшины с узкой и высокой цилиндрической горловиной со сливом и вертикальными угловыми ручками. Тулово удлинено-овальной формы.

Сосуды типа кумганов с яйцевидным туловом, узкой и высокой горловиной, расположенной сбоку верхней части тулова (она одновременно служила и сливом). К горловине прикрепляется ручка, вторым своим концом опирающаяся на центральную, верхнюю часть тулова. Средние размеры сосудов: высота — 23 см, диаметр наиболее широкой части тулова — 17 см, дна — 10 см, высота горловины-слива — 9 см, диаметр ее — 3 см. Иногда на внешней поверхности сосудов заметны потеки бурой краски. Эта форма посуды бытует и позднее, в X — XII в. н. эры.

Небольшие кувшинчики с овально-удлинённым туловом и широкой горловиной, диаметр которой равен диаметру дна. В месте перехода тулова к горловине небольшой валик, образованный отгижкой стенок сосуда. Высота этих сосудов — 16 — 18 см, диаметр дна 10 — 12 см, тулова — 14 — 16 см, высота горловины — 8 см, диаметр горловины — 5 см.

Большая часть посуды этой группы имеет раскраску в виде вертикальных полос черного и коричневого цветов, идущих вдоль тулова сосуда. Очень часто раскраска нанесена поверх ангоба (в сочетании с резным волнистым орнаментом горизонтальными поясками). Раскраши-

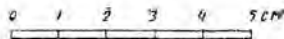

Рис. 97. Ручки от крышек.

ваются и ручки; у большинства их через центральную часть проходит массивный гребешок, обе стороны которого украшены прямыми или вол-

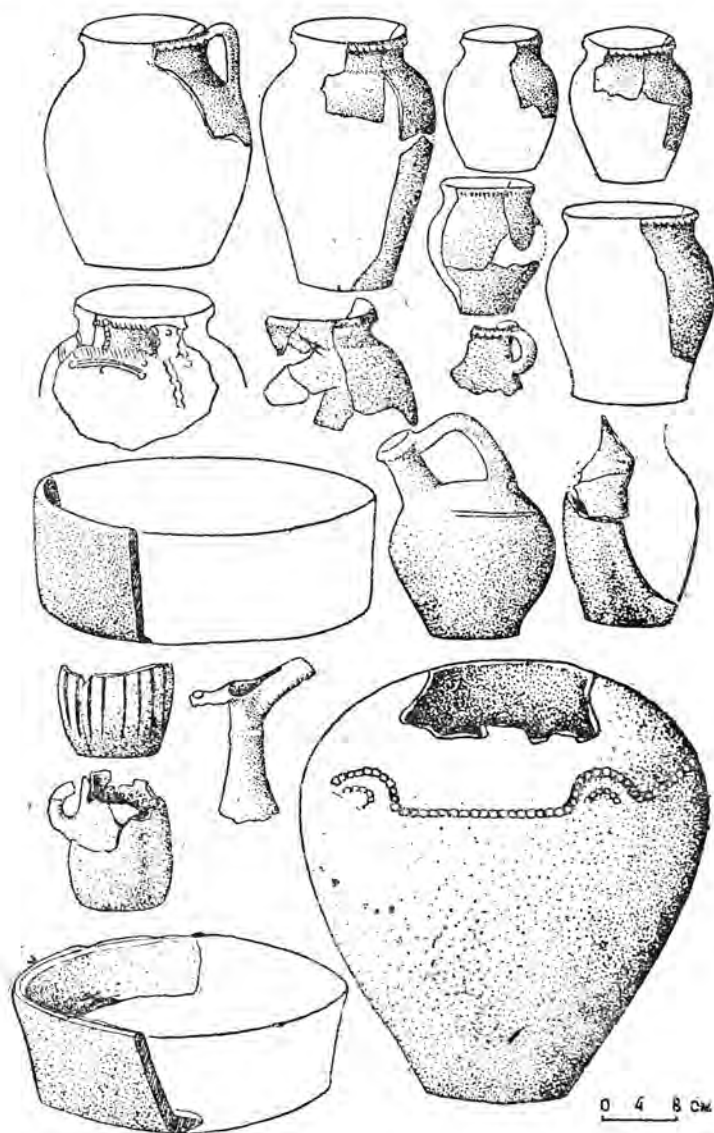

Рис. 98. Керамика из плотного красного теста VIII—X вв. и эры.

нистыми широкими линиями и поперечными насечками, сочетающимися с волнистыми линиями. Иногда и сама ручка оконтурена внизу прямой чертой в совокупности с отходящими от нее косыми линиями.

Кроме перечисленных форм, широкое распространение имели небольшие котлообразные сосуды с плоским дном и венчиком в виде валика, почти прижатого к тулову. Сделаны они из плотного красного теста без примесей и на огне не употреблялись. У них богато украшена верхняя часть тулова. Закраина венчика разделена волнами или наискось положенными насечками, под венчиком—горизонтальные врезные

пояски, пересеченные широкой линией, ниже которых идут пояски из двух-трех рядов наискось положенных неглубоких ямочных вдавлений. Иногда под венчиком находится разделанный насечками валик.

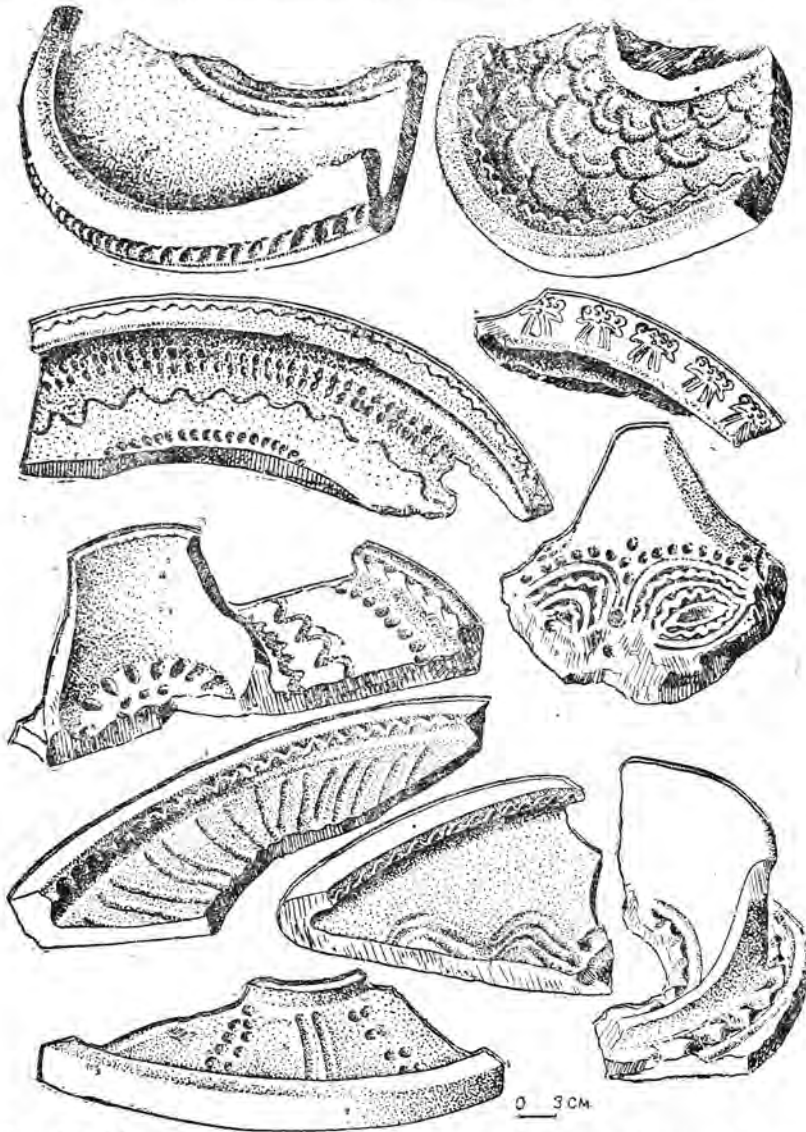

Рис. 99. Образцы керамики с выемчатым резным и штампованным орнаментом VIII—X вв. н. эры.

Несколько особняком стоит материал с городищ Отрара и Куйрюктепе (расположено в 6 км на юго-восток от цитадели Отрара). Здесь большую группу составляет керамика, основным приемом орнамента которой является резьба по сырой глине, иногда в сочетании с орнаментом, оттиснутым штампом. На других, даже близлежащих городищах, керамика этого типа встречается в очень ограниченном количестве (рис. 99—101).

Орнамент резьбой и штампом, широко распространенный в Средней Азии в VIII—IX вв. и позднее, в нашем материале встречен на

крышках, венчиках и боковинах сосудов, очажках, блюдах и чашах достарханов. Вся эта посуда ручной лепки, из плотного красного теста без примесей, в ряде случаев с белым и желтым ангобом, хорошего об-

Рис. 100. Образцы керамики с выемчатым, резным и штампованным орнаментом VIII—X вв. н. эры.

жига. Сосуды в большинстве случаев толстостенные и крупных размеров. Очень часто в орнаментации наблюдается сочетание нескольких штампов, дающих сложную композицию, которая представляла собой круг с симметрично расположенным внутри рисунком. Это дает возможность предполагать, что при изготовлении штампа употреблялись измерительные инструменты. Первоначально штамп был простой — в форме печати, что доказывает неравномерный оттиск, сделанный вручную. Рисунок получается четким и рельефным. Наблюдается сочетание выемчатого и врезного орнамента со штампованным орнаментом (в основном на крышках). Резной орнамент чаще елочный и волнистый. Закрайны венчиков плоских, большого размера крышек и блюд достарханов бога-

го орнаментируются. Один из распространенных приемов — волнистое замытие внутреннего края. Орнамент же, оттиснутый штампом, идет по плоскости венчика и верхней части тулова. Ряд элементов этого орнамента встречается и в керамике X — XII вв. н. эры.

В качестве основных приемов орнаментации следует отметить следующие:

Рис. 101. Образцы керамики с резным орнаментом VIII — X вв. н. эры.

а) арочный рисунок, очень близкий к широко распространенному орнаменту на металле и в украшениях оссуариев. Он иногда наносится в сочетании с растительным орнаментом и кружками, расположенными внутри арок и около них;

б) налепные рифленые шишечки в сочетании с геометрическим узором (например, ромбы, соединенные между собой вершинами). Этот орнамент бытует вплоть до XV в.;

в) круглый солярный рисунок в сочетании с треугольниками и удлиненными овалами, имитирующими листья;

г) розетки в виде крупных и овальных семи-восьми- и четырехлепестковых цветов;

д) круг и квадрат с выпуклыми перекрестиями внутри;

е) полулуния и бадамы, окаймленные зубчаткой;

ж) овалы в сочетании с треугольниками и кружками, исполненные техникой выемчатого орнамента;

з) пальметки греческого типа;

и) рисунки в форме лепестков, образованные пересечением одинаковых окружностей и других усложненных фигур.

Кроме перечисленных основных групп орнамента, встречаются узоры, состоящие из соединения треугольников, квадратов, ромбов и т. п.

На крышках, имеющих форму полусферы и диска, наблюдается соединение орнамента всех типов: выемчатого, резного, оттиснутого штампом и налепов в виде рифленых шишечек и удлиненных овалов. Орнамент охватывает всю плоскость крышки, переходя и на ручку. Ручки у крышек цилиндрические, иногда оконтоуренные по верхнему краю волнистыми палепами. Часто края крышек волнообразно замяты пальцами. Средние размеры крышек: диаметр — 14—18 см, толщина — 1,4—1,6 см, высота ручек — 3—4 см, диаметр ручек — 3—3,5 см. Крышки сделаны из теста с большой примесью песка или мелко нарезанного камыша, который употребляется в тех случаях, когда требовалось облегчить вес крышки. Поверхность крышек тщательно замазывалась или ангобировалась. Вся плоскость крышки заполнена орнаментом. По характеру отмечаются два вида рисунка: рисунок, состоящий из горизонтальных голясков, расположенных на некотором расстоянии друг от друга; разбивка всей плоскости крышки на четыре симметрично расположенных сегмента. В центре сегмента — основной мотив орнамента, к которому наращиваются его остальные части.

На сосудах горшкообразной и кувшинообразной форм резной орнамент сочетается с налепами из волнистых жгутиков.

Достарханы по характеру орнаментации можно разбить на следующие группы:

1. С резным орнаментом.

2. Орнаментом, исполненным штампом.

3. Ногтевым орнаментом и орнаментом, состоящим из различного сочетания и форм пальцевых вмятин (последняя группа не является исключительной принадлежностью городищ Отрара и Куйрук-тепе).

Штампом орнаментируются у достарханов внутренние плоскости чаш, закраины венчиков (как на блюдах, так и на чашах), а также само блюдо. Ногтевой и вдавленный орнамент располагаются и на внешней, и на внутренней плоскостях чаш и блюд достарханов. Вдавления глубокие, состоят из нескольких рядов волнистых линий (чаще всего это делалось четырьмя пальцами правой руки, исключая большой), овальных и круглых вмятин с обеих сторон чаш в месте соединения их с блюдом. Венчики достарханов (прямые или треугольные в сечении) орнаменти-

руются канеллюрами и вмятинами, а венчики в виде площадки, отогнутой наружу, — штамповым орнаментом.

Все достарханы сделаны из плотного теста, имеющего в примеси мелко резанный камыш. Лепились они из толстых полос глиняного теста на присыпке из мелкого речного песка.

На очажках орнамент такого же характера, как и на блюдах достарханов.

Для разрисовки посуды шаблон не применялся, каждый изобразительный мотив, каждая деталь рисунка носят на себе следы индивидуальной обработки. Рисунок никогда не повторяется точно в той же форме и в тех же размерах. В большинстве рисунки грубые, без отделки. Многие элементы орнамента имеют свои параллели в рисунках на кости, дереве и металле. Например, рисунок в виде сердечек является одним из излюбленных мотивов на металлических накладках кожаных ремней в VI—IX вв. Он известен по памятникам Семиречья³⁸⁰, Южной Сибири³⁸¹, Монголии³⁸², по подъемному материалу с поселений и инвентарю могильников Южного Казахстана.

На станковой посуде широкое распространение имеет орнамент из сочетания расположенных пояском в шахматном порядке треугольников, соединенных вершинами, и медальонов в виде соединенных между собой удлиненной формы лепестков.

Перечисленные выше мотивы широко известны и по этнографическим материалам³⁸³.

Эту особенность в развитии казахского народного искусства Л. П. Потапов характеризует следующим образом: «...кочевой образ жизни наложил отпечаток на искусство казахов ... деревянные и костяные предметы украшали орнаментом при помощи резьбы. Особенно широко была распространена резьба по дереву, выполнявшаяся при помощи четырех технических приемов: контурной резьбы, трехгранно-выемчатой, барельефной и выдабливанием фона узора, прорисованного по наложенному трафарету. Резьба по кости сводилась к вырезыванию отдельных пластинок различной формы, иногда ажурных. Орнаментация кости производилась прорезыванием контурных углублений, линий, кружков, точек»³⁸⁴.

Таким образом, гончары Южного Казахстана умели оригинально и самобытно сочетать местные традиционные приемы орнаментации, связанные с резьбой по дереву и кости, понятные и близкие кочевникам-скотоводам, с архитектурными орнаментами, привнесенными извне (Хорезм, Согд, Бухара). Эта оригинальная творческая переработка и составляет специфику орнамента керамики Отрарского оазиса и прилегающих к нему районов в VIII—XII вв.

Поливная керамика встречается в крайне незначительном количестве и состоит из обломков кес с белой ангобной поливой и подглазурным рисунком коричневого и грязно-зеленого цветов. Закраины венчиков у них прямые, донца с плоским поддоном. Полива только внутренняя, рисунок буквенный и растительный.

На площади рабада городища Куйрук-тепе была вскрыта гончарная печь, внутри которой оказалась керамика указанного времени. Печь

³⁸⁰ МИА, № 14... таб. XLIV—XLV.

³⁸¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири... табл. L.

³⁸² Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. В кн.: Сборник Северная Монголия. Т. II, Л., 1927, табл. IV, рис. 2, 3, 4.

³⁸³ Материалы этнографических экспедиций Института истории АН КазССР в Джамбулскую область. Материалы экспедиции сектора архитектуры АН КазССР.

³⁸⁴ Л. П. Потапов. Особенности материальной культуры казахов. В кн.: Сборник Музея антропологии и этнографии. М.—Л., № XII, 1949, стр. 69.

была сложена из сырцового кирпича слегка вытянутым полуovalом (рис. 102). Внутри, в середине, высота печи — 1,05 м, а диаметры — 1,5 и 1,3 м. В ней сохранились фрагменты двух, расположенных одна над другой полочек, опоясывающих печь. Стенки ее под действием высокой температуры ошлаковались до глубины 10 — 15 см, а полочки расплавились и повисли. Ниже стен печи с северо-западной и юго-восточной сторон обнаружены два хода, служившие поддувалами, представляющие собой врезанные в землю и перекрытые сверху плотно утрамбованной глиной подпрямоугольные канавки, один конец которых шел внутрь печи, а второй уходил в сторону от нее. В нижней части юго-западной стороны печи найдено полуциркулярной формы отверстие шириной 0,65 м и высотой 0,5 м, через него производилась загрузка посуды и топлива (рис. 102). Стены печи больше чем наполовину опущены в землю с целью сохранения тепла. Отверстие для выхода дыма, по-видимому, находилось в верхней, в настоящее время разрушенной части печи. Печь топилась кураем (верблюжья колючка, полынь и т. п.).

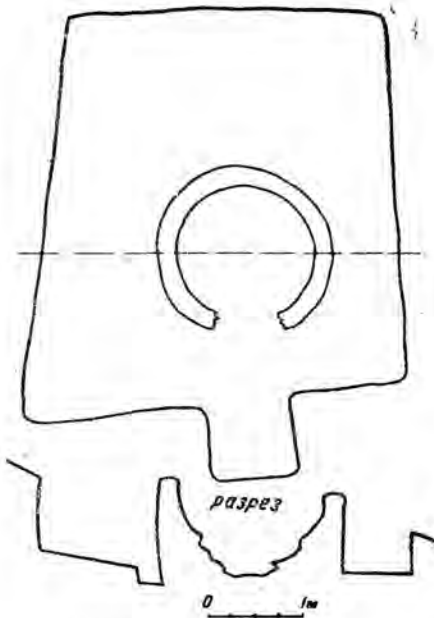

Рис. 102. План и разрез гончарной печи (городище Куйрук-тепе).

мотивов с материалами Бухарского оазиса мы найдем в известных нам письменных источниках. В «Истории Бухары» Мухаммеда Нершахи содержатся следующие сведения: «По прошествии некоторого времени

Ответ на вопрос о причинах чрезвычайной близости орнаментальных

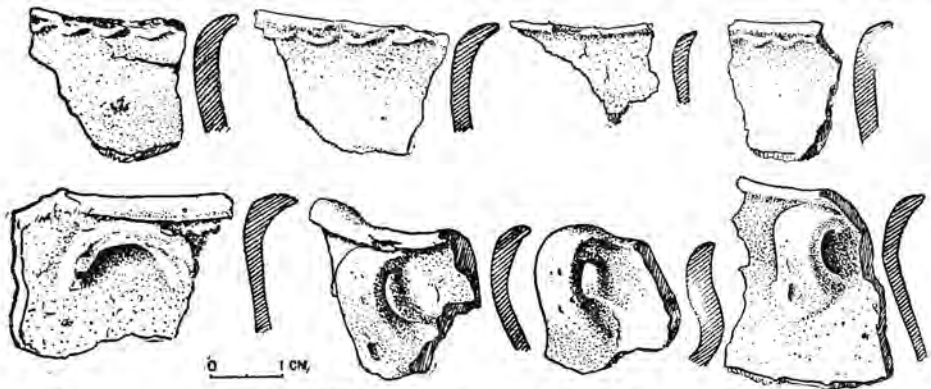

Рис. 103. Керамика из гончарной печи.

власть Аброя возросла, он стал жестоко править этой областью, так что терпение жителей истощилось. Дехканы и богатые купцы ушли из этой области в сторону Туркестана и Тараза»³⁸⁵. Очевидно часть выход-

³⁸⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм... стр. 248:

цев из Бухарского оазиса осела в Фарабе, а другая, большая часть — в районе Отрара (Фараба), в небольшом тогда селении Кедер. Надо учесть, что Фараб был политическим центром и там, естественно, не могло поселиться большое число пришельцев.

В поселениях и городах Южного Казахстана появлялось много ремесленников из сопредельных районов Мавераннахра, о чем красноречиво рассказывает сама керамика, а также и небольшой отрывок из словаря Махмуда Кашгарского, дающего тюркизированные персидские названия некоторым формам посуды у огузов (сравните, например, «афтаби» и «афтаба») ³⁸⁶.

Карлукская керамика (X—XII вв.). Сложение феодальных отношений, увеличивающийся товарооборот между городом и деревней, между сельскими земледельческими районами и кочевой степью, рост караванной торговли — все это стимулировало развитие сельского хозяйства, горного дела и ремесла (в том числе и гончарного). Широкое развитие ремесел обусловило возникновение специальных торгово-ремесленных предместий — рабадов. Мощные культурные слои на городищах, относящихся к этому времени, занимают значительную площадь. В подъемном материале с городищ керамика имеет большой удельный вес. Обилие ее объясняется еще и тем, что большинство городов оазиса было разрушено монголами и эти слои больше других подвергались выветриванию и размыванию.

Отличительной особенностью материала X—XII вв. является преобладание ремесленной посуды, сделанной на ручном и ножном гончарных кругах. Для нее характерна устойчивость форм, однотипность, что говорит об изготовлении ее для рынка. При выполнении заказов богатой части населения ремесленники изготавливали посуду, оформление которой является образцом художественного творчества. Количество сосудов, выделяющихся оригинальностью и высоким качеством, значительно увеличивается по сравнению с предшествующим периодом. В орнаментации крышек и больших блюд развиваются мотивы предшествующего времени. Но мастер-гончар уже изготавливает несколько аналогичных экземпляров, т. е. для работы широко используются штампы. В раскопках К. А. Кларе и А. Черкасова и в нашем материале в завале выгребной ямы на городище Алтын-тепе имеются крышки с идентичным орнаментом ³⁸⁷ (рис. 104).

В посуде, шедшей для массового употребления, основным приемом орнаментации являются волнистые пояски, сделанные гребенкой во время вращения круга, врезные параллельные пояски, а также мелкий орнамент штампом-накаткой и врезной. Применение штампа накаткой легко установить, так как сумма повторяющихся узоров в рисунке чаще всего не укладывается в точности на окружности сосуда. Штампы этого рода невелики, рисунки у них просты.

Широкое применение гончарного круга и штампа, устойчивость форм и серийность образцов говорят об укреплении ремесленного производства, об отделении гончарного ремесла от домашнего хозяйства. Городская жизнь и потребности рынка требовали расширения производства, а это, в свою очередь, привело к выделению ремесла из сельского хозяйства. Гончарное ремесло в X—XII вв. достигает своего расцвета. Из глины изготавливаются не только сосуды, но и облицовочные и простые кирпичи, водопроводные трубы.

Вся посуда, за редким исключением, изготавливалась из плотного,

³⁸⁶ МТТ, т. I ... стр. 311.

³⁸⁷ Крышка из раскопок на городище Отрар, проведенных К. А. Кларе и А. Черкасовым, хранится в музее Истории народов Узбекистана, инв. № 151.

Рис. 104. Крышка с резным и штампованным орнаментом X—XII вв. н. эры (городище Алтын-тепе).

стмученного теста без примесей. Она хорошего тернового обжига, дающего в изломе черепок красного и желтого цветов. Посуда для употребления на огне изготовлялась также на гончарном круге, но в тесто пришивался песок.

Сосуды для массового употребления были различны (рис. 105—108):

1. Кувшинообразные сосуды. Размеры и формы их варьируются в зависимости от хозяйственного назначения.

а) Широкогорлые кувшины (средний диаметр горловины — 15 см) с закраиной венчика в виде квадратной в сечении площадки (размером 0,8—1 см) или отогнутого наружу треугольного в сечении валика; тулово у них округлое, донца прямые, ручки вертикальные, угловые. Сами сосуды тонкостенные (толщина стенок — 0,6—0,7 см).

б) Кувшины больших размеров с длинным, овальным, плавно переходящим к горловине туловом. Венчики у них валиком, треугольные и квадратные в сечении, ручки массивные, вертикальные, донца прямые.

в) Кувшины с удлинено-овальным туловом, высокой узкой горловиной, прямым дном, с закраиной венчика в форме треугольного в сечении валика и вертикальными угловыми ручками. По верхней части тулова, в месте соединения его с горловиной, один или два врезных параллельных пояска орнамента. В ряде случаев сверх серого (слегка зеленоватого) ангоба идет раскраска, начинающаяся с верхней части тулова черными или буро-красными мазками.

г) Небольшие графинчики. Тулово у них круглое, почти шаровидное, иногда с очень выпуклой средней частью. Горловины узкие, цилинд-

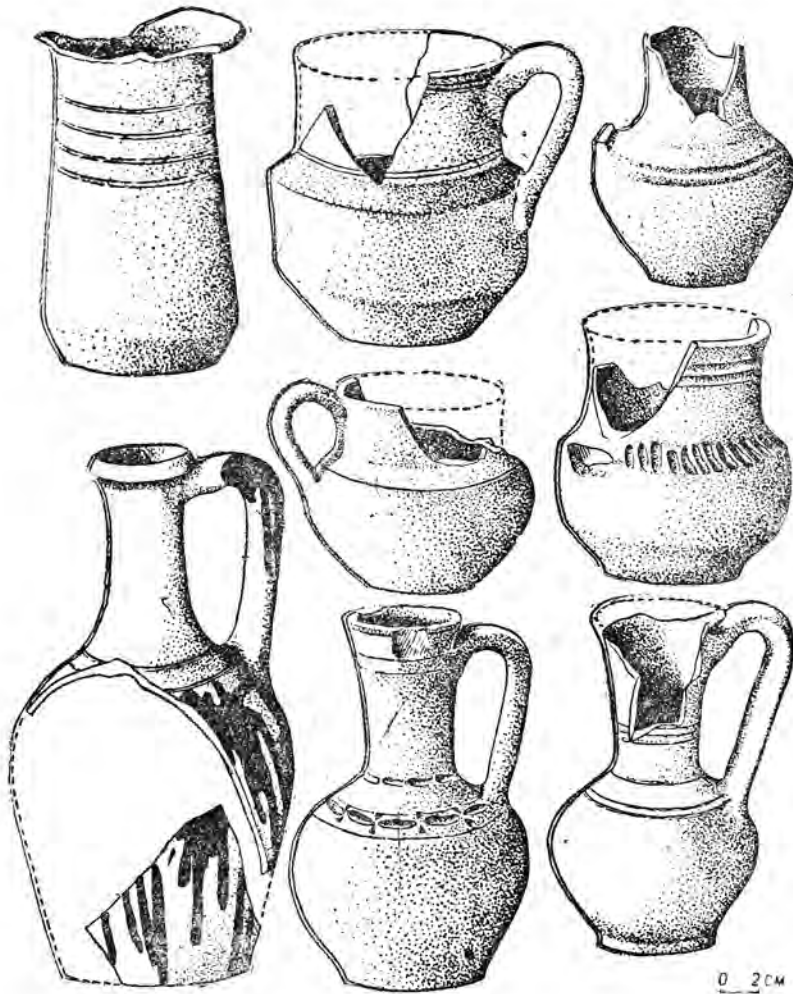

Рис. 105. Керамика X—XII вв. н. эры.

рические, ручки вертикальные, угловые. Дно прямое или с небольшим поддоном.

2. Небольшие сосудики, имеющие фигурное тулово в форме прямоугольника со скошенными краями и широкую цилиндрическую горловину. Ручки у них круглые, вертикальные, слегка подняты вверх.

3. Небольшие кружечки с шаровидным туловом, невысокой горловиной бандажиком и небольшой петлеобразной ручкой.

4. Больших размеров чаши. Наиболее массовыми из них являются чаши, имеющие тулово трапецевидной формы и закраину венчика в виде неширокой площадки, образованной выгибом стенки сосуда наружу. По верхней площадке закраины венчика один-два, иногда три врезных пояска (волнистые или прямые параллельные линии).

5. Больших размеров чаши с шаровидным туловом и закраиной венчика в виде бандажика, выгнутого в трех местах для слива. Место перехода тулова к венчику отмечено небольшим валиком.

6. Сосуды баночной формы с легким расширением тулова ко дну

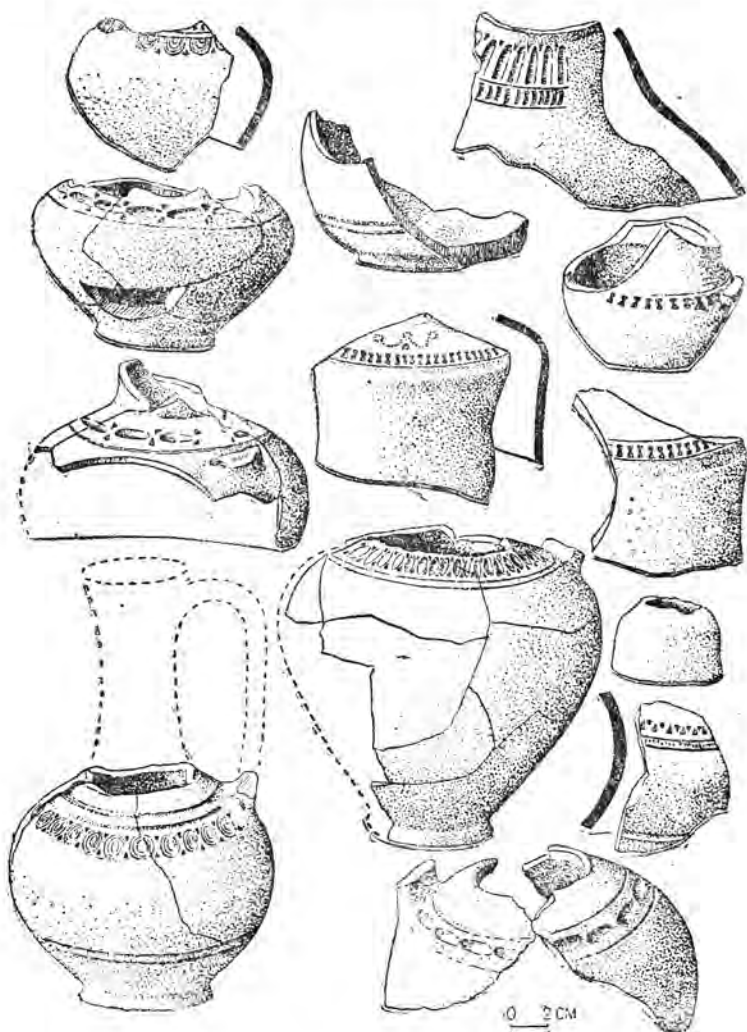

Рис. 106. Керамика X—XII вв. н. эры.

и небольшими петлеобразными ручками, расположенными в верхней части тулова. Венчики и донца прямые.

7. Кесы с прямым донцем без поддона. Тулово от дна отходит под тупым углом. Около венчика стенки слегка выгибаются внутрь. Закрайны венчиков небольшие, в форме площадки, отогнутой под прямым углом.

8. Сосуды с широкой и открытой горловиной. Тулово у них небольшое, округлое, горловина невысокая (2—3 см), цилиндрическая. Донца прямые. В верхней части тулова небольшие петлеобразные ручки, овальные и прямоугольные в сечении. Иногда этих ручек две. Закрайны венчиков либо прямые, толстые и широкие, образованные выгибом стенок, либо в форме валика.

9. Толстостенные чашеобразные сосуды больших размеров ручной и станковой работы. Они чаще всего с растительными примесями. Внутренняя поверхность их с красным и коричневым ангобом. Донца прямые. Стенки плавно отходят от дна под тупым углом. Закрайны венчи-

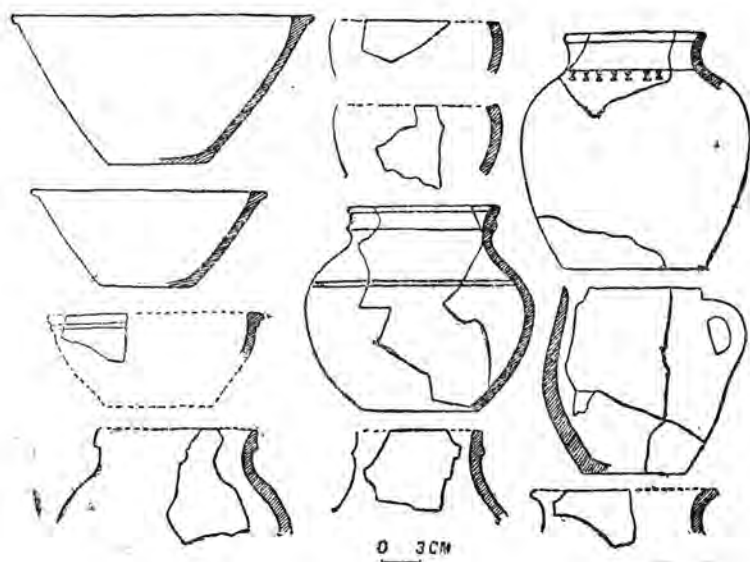

Рис. 107. Керамика X—XII вв. н. эры.

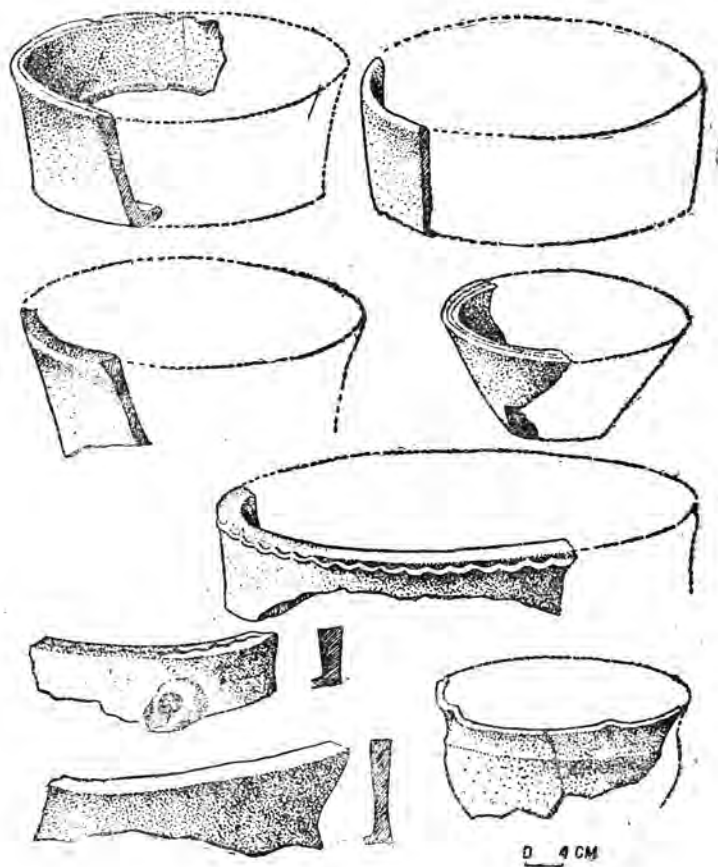

Рис. 108. Керамика X—XII вв. н. эры.

ков массивные, образующие отгибом стенки сосуда широкую площадку, расположенную под прямым углом к стенкам сосуда. Диаметр венчика — 20 — 45 см, ширина отогнутой площадки венчика — 2 — 3 см, толщина стенок — 1,2 — 1,3 см, высота — 7 — 8 см, диаметр дна — 16 — 35 см. По форме их можно разделить на следующие три типа:

а) сосуды имеют прямые донца; стенки отходят резко под тупым углом. Закрайна венчика отогнута перпендикулярно к стенкам в форме площадки шириной 2 — 2,5 см. Толщина стенок — 1,2 — 0,9 см, диаметр венчика — 35 — 40 см. Окраска двусторонняя;

б) донца прямые; стенки отходят резко под тупым углом; приближаясь к венчику, тулово делает плавный выгиб, утолщающиеся стенки образуют закрайну венчика. Иногда внешние края закраины венчика волнообразно замяты. Окраска сосудов как двусторонняя, так и внутренняя. Диаметр по венчику — 30 — 40 см;

в) форма такая же, как и в группе «б», но закрайна венчика прямая, являющаяся непосредственным продолжением стенок. Окраска двусторонняя, иногда сверху белого ангоба.

10. Котлообразные сосуды. Они сравнительно небольших размеров, все сделаны на гончарном круге. Очевидно при их изготовлении применялись специальные приспособления, уже известные по материалам Хорезма³⁸⁸. Часть котлов сделана из плотного серого теста с примесью речного песка, иногда дресвы и раковин. Донца у них полусферические, с резким перегибом стенок при переходе к шаровидному тулову. Закрайна венчика треугольная в сечении, образована отгибом стенок. Котлы имеют две небольшие полуовальные ручки около закраины венчика. Другие котлы делались из плотного теста без примесей, а иногда с незначительными примесями песка и мелкой дресвы. Внешняя поверхность их окрашена волосяной кисточкой тонким слоем в черный цвет.

Массовость и серийность производства посуды породили и специфические формы орнаментации, не требующие большой затраты труда гончара (орнамент, оттиснутый штампом, прорезной, волнистый).

Прорезной волнистый орнамент наносился гребенкой при вращении сосуда на гончарном круге. Он состоит из 5 — 7 — 9 линий. Волны плавные — двух типов: правильная округлая волна и волна с наклоном в одну сторону, преимущественно в левую. Иногда волнистый орнамент заключен в параллельные горизонтальные пояски из таких же линий. Наносился он той же гребенкой, так как число борозд кратно волнистому орнаменту. В ряде случаев волнистый орнамент оконтуривался горизонтальными поясками, состоящими из одной линии.

Прорезной волнистый орнамент одной линией наносился острой палочкой до обжига, иногда он заключался между двумя параллельными горизонтальными поясками. Наблюдается два приема в его нанесении: в одном случае — справа налево (таких большинство), в другом — слева направо. В обоих случаях волны набегают одна на другую.

Часто для орнаментации употребляются горизонтальные врезные пояски, идущие в два-три ряда. Они располагаются по верхней части венчика и очень редко — на нижней части тулова. Единично встречается орнамент — пояска из горизонтальных линий, внутри которых заключены группы перпендикулярных врезных насечек (по 3 — 5 в каждой).

Прорезной орнамент встречается на всех без исключения сосудах основных форм (кувшины, миски, кесы, котлы). На больших толстостенных чашах он состоит из различных поясков, образованных сочетанием волнистых и прямых линий, располагается на закраине венчика

³⁸⁸ А. И. Тереножкин. О древнем гончарстве в Хорезме... стр. 63—64.

или на верхней внутренней стороне стенки. В ряде случаев прорезной орнамент сочетается с волнистым замытием края или со жгутовым налепом.

У небольших сосудиков с широкой открытой горловиной (группа 8) поверхность закраин венчиков представляет собой два валика или пояска из волнистых линий, заключенный в два параллельных прямых пояска, либо один валик с насечками и ямочками.

Небольшие графинчики (группа «г») по верхней части тулова в месте прикрепления ручки имеют орнаментальный пояска, исполненный резьбой или штампом. Здесь чаще всего находится либо рисунок из удлиненных овалов, расположенных то вдоль, то поперек тулова, в сочетании с расположенными в шахматном порядке треугольниками, либо вписанные друг в друга кружки, также в сочетании с треугольниками, либо пояски из тех же треугольников, соединенных друг с другом вершинами или расположенных в шахматном порядке.

Орнамент всегда чрезвычайно прост — это узкий пояска по верхней части горловины, на закраине венчика или в месте перехода тулова к горловине. Линии рисунка тонкие и неглубокие. На других формах сосудов встречаются небольшие, соединенные между собой арки с точечным заполнением, s-образные фигуры, диагональные стенки и ромбовидный узор, известный с эпохи бронзы и бытующий до наших дней в казахском народном искусстве.

Ко второй группе посуды, имеющей индивидуальные черты изготовления, мы относим посуду с фигурной раскраской и богатым резным и штампованным орнаментом (рис. 109).

Вопрос о посуде с фигурной раскраской в среднеазиатской археологии долгое время был предметом спора. Впервые датировку ее дал В. Л. Вяткин, разбивавший керамику Афросиаба и отнесший ее ошибочно к трипольской культуре³⁸⁹. Фактические материалы по керамике Средней Азии, накопленные за последние годы, дали возможность установить, что она характерна для X—XII вв. Такое определение дано А. И. Тереножкиным³⁹⁰ и А. Н. Бернштамом³⁹¹. В материалах Южного Казахстана раскрашенная керамика встречается только в слоях X—XII вв., а в подъемном материале — только на средневековых городищах.

Рис. 109. Основные виды рисунков на керамике X—XII вв. н. эры с фигурной раскраской.

³⁸⁹ В. Л. Вяткин. Афросиаб. Ташкент, 1927, стр. 40.

³⁹⁰ А. И. Тереножкин. Археологические находки в Таджикистане. КС ИИМК, № XX, 1948, стр. 77.

³⁹¹ А. Н. Бернштам. К истории фергано-тяньшанских культурных отношений... стр. 119.

К сожалению, ни в раскопах, ни в подъемном материале не найдено целых форм сосудов. Раскраска встречается на обломках тонкостенных сосудов, сделанных из хорошо отмученной глины, из плотного без всяких примесей теста. Обжиг сосудов хороший, дающий в изломе черепок красного и желтого цветов. Все сосуды вытягивались на ножном гончарном круге. В ряде случаев раскраска производилась поверх желтоватого ангоба. Рисунок наносился тонкой волосяной кистью без шаблона, черной, красной и буро-коричневой красками. Особенно разнообразны по мотивам рисунки, выполненные красной краской, наиболее типичные из них следующие.

Спирали большие (8—10 см в диаметре) и малые (4—5 см в диаметре); мелкие спирали обрамлялись дополнительно кругом из точек; в спиралях, соединенных между собой, рисунок располагался по горизонтальной оси.

Кружки из горошин, между которыми расположены s-образные фигуры.

Косые штрихи, часто образующие елочный рисунок, иногда в сочетании с первыми двумя мотивами.

Разного рода растительные рисунки.

Орнамент, нанесенный черной краской, чаще всего состоит из косых штрихов и волнистых линий или кружков точечного рисунка. Рисунок коричневой краской состоит из спиралей и косых штрихов. Иногда фигурная раскраска сочетается с орнаментом, исполненным штампом и резьбой. Некоторые рисунки совпадают с рисунками на поливной посуде Мавераннахра, что опять-таки свидетельствует о связи ремесленников-керамистов Южного Казахстана со своими собратьями из Мавераннахра.

Посуда с богатым резным и штампованным орнаментом отличается от предшествующего периода тем, что в ней получает абсолютное господство штамп. Сам штамп усложняется, увеличиваются его размеры (рис. 110). В штампах преобладает растительный рисунок. Так украшаются крышки, блюда, очажки, небольшие сосудики, пиалообразные чаши. Орнамент создан или горизонтальными поясками, отличными друг от друга по рисунку, либо вся плоскость, занятая рисунком, делится на ряд сегментов, в каждом из которых повторяется тот же самый рисунок. Позднее этот прием получил широкое распространение в поливной посуде и известен по материалам из раскопок золотоордынских городов как Поволжья, так и Казахстана.

Рис. 110. Фляга из городища Сайрам.

Орнамент состоит из шести-восьмилепестковых розеток-цветов, трилистников, групп треугольников, расположенных в шахматном порядке, пунсонных кружков, s-образных фигур и наклепных рифленых шишечек.

Поливной посуды на городищах Южного Казахстана сравнительно мало. По своим формам она мало чем отличается от известных образцов караханидской поливы. Это — кесы, пиалы, блюда и сосуды баночной формы. Блюда средних размеров, с невысоким коническим поддо-

ном. Около венчика тулово делает небольшой перегиб и охватывает все блюдо как бы бандажом, по внутренней стороне которого симметрично располагаются отрезки стилизованных арабских надписей почерком «куфи», а в центре дна — вихревая розетка; вокруг последней группируются круглые медальоны с полуovalами в центре. Полива у блюд двусторонняя, отсутствует только на внешней плоскости дна (рис. 111).

Кесы небольших размеров, на дне их рисунок вихревой розетки,

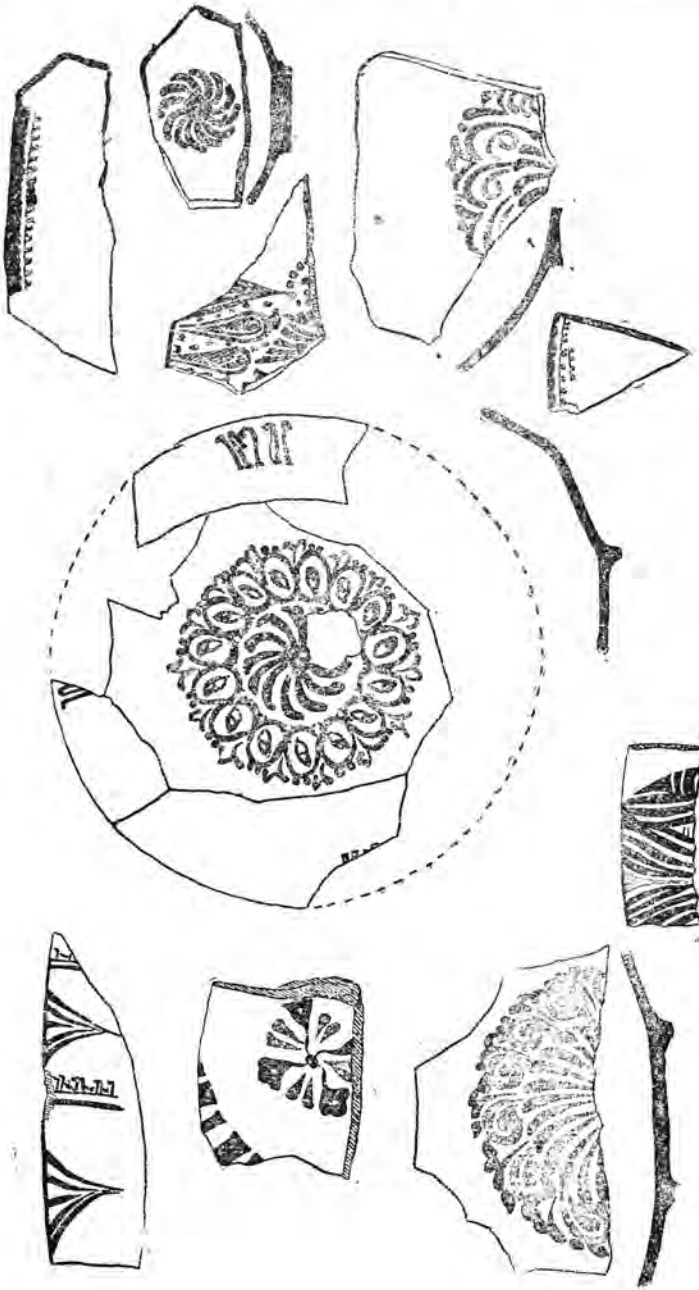

Рис. 111. Образцы поливной керамики X — XII вв. н. эры

или четырехлепесткового цветка. По краю венчика идет стилизованная арабская надпись почерком «насах».

Городища северных склонов Каратау в подъемном материале содержат все типы поливной посуды, характерной для городища Таласской долины.

Целых сфероконических сосудов не встречено, но большое количество обломков свидетельствует о разнообразии их форм и орнаментов.

Несмотря на почти абсолютное преобладание ремесленной посуды, по-прежнему, хотя и в значительно меньшем количестве, встречается посуда и крышки домашнего производства. Область применения ее очень ограничена (приготовление пищи). Сделана она вся из грубого, с примесью дресвы и шамота, черного в изломе теста, лепилась от руки, ленточным способом. Встречено только две формы сосудов: горшкообразные с удлинено-овальным туловом, прямым дном и невысокой горловиной, закраины венчиков их прямые или в форме небольшого валика, по которому нанесены косые и глубокие насечки (в том случае, когда закраины венчиков прямые, по их краю проходит наклепной волнистый жгутик); котлообразные сосуды.

Восточно-кыпчакская керамика (XIII—XV вв.). Монгольское завоевание оказалось чрезвычайно пагубным для развития городов изучаемого района. Большинство их было разрушено. К. Маркс так пишет об этом времени: «... монголы совершают варварства в Хоросане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту³⁹². Эти слова полностью могут быть отнесены и к городам Южного Казахстана, вошедшим в историю завоевания монголов под названием «отрарской катастрофы».

Но, несмотря на почти полное разорение и разрушение большинства городов, некоторые из них постепенно начинают восстанавливаться. Возрождается гончарное ремесло. Восстановление и жизненный подъем их был вызван тем, что Отрарский оазис и связанные с ним поселения в послемонгольский период становятся не только важным узлом транзитной торговли, но и центром торговли с кочевой степью. Позднее он становится плацдармом для завоевательных походов Тимура на Могулистан.

В стратиграфических раскопах слоев с керамикой XII—XIV вв., за исключением Канды-Тогай, не встречено, так как шурфы ставились на объектах, либо уже задолго до монгольского существования прекративших свое существование, либо разрушенных монголами и впоследствии не восстановленных. Керамика этого периода собрана нами только в подъемном материале, по которому, однако, можно составить общее представление о формах и характере бытующей здесь посуды. Она собрана на 19 объектах, из которых наиболее полно — на городищах Отрар, Караспан-тепе (правый берег Арыси), Сайрам, Сауран, Сыгнак, Кумкент (северные склоны Каратау) и Оксус, т. е. на развалинах городов, продолжавших играть существенную роль в экономической и политической жизни оазиса в послемонгольский период. При изучении этой керамики нами применен только типологический метод сопоставления нашей керамики с уже известными материалами из Мавераннахра, Семиречья, Хорезма, а также Западного Казахстана (городище Сарайчик).

Вопрос датировки послемонгольской керамики в археологической литературе разработан очень слабо. Специфика нашего материала дает возможность разобрать более подробно только поливную посуду, ко-

³⁹² К. Маркс. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М.—Л., 1938, т. V, стр. 221.

торой посвящено немало специальных статей³⁹³. Задача облегчается еще и тем, что в последние годы выявлены и хорошо датированы комплексы монголо-тимуридской керамики³⁹⁴.

Подавляющее количество посуды, собранной на наших объектах, сделано из керамической глины от желтовато-серого цвета до красного. Примеси в глине употребляются только при изготовлении блюд больших размеров, причем они только растительные (мелко рубленый камыш, солома), что можно объяснить необходимостью уменьшить вес блюд, диаметры которых достигают иногда более полуметра. Посуда имеет следы гончарно-ремесленного производства: серийность изготовления (однотипность), характер лепки и нанесения орнамента, малое разнообразие и однотипность орнаментов.

Поливная и неполивная посуда повторяет или развивает типы посуды XII в. Ремесло, несмотря на учиненный монголами разгром, сохранило преемственность, так что последствием монгольского завоевания явился лишь значительный (первоначально) упадок технического и художественного уровня исполнения (рис. 112—113).

Посуды, сделанной из кашина, мало. Отличительной ее особенностью является тонкостенность, изящество форм, тщательность исполнения орнамента, рисовавшегося тонкой волосистой кистью рукой искусного мастера-художника. По своему характеру рисунки очень разнообразны. Видно, что каждая вещь

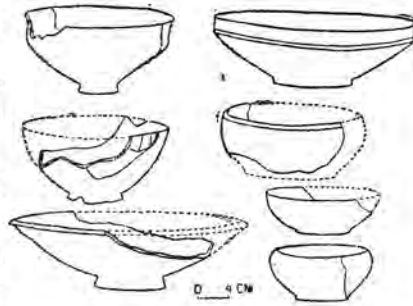

Рис. 112. Керамика XIII—XV вв. н. эры.

изготавливалась отдельно. Особые технологические свойства кашина придавали глазури чистый тон. Из кашина делались и фигурные кирпичи, употреблявшиеся для облицовки зданий, а также фигурные изразцы, используемые для мозаичных покрытий.

Ведущими формами остальной поливной посуды являются кесы, пиалы, блюда, небольшие чашечки и кувшинчики. Преобладают грубые тяжеловесные типы: кесы, пиалы и кувшинчики на кольцевых поддонах. Блюда большие, массивные, с прямым дном, от которого плавно под прямым углом отходят стенки. Наличие поддонов и вогнутых дниц показывает, что кесы вытягивались в два приема. Первоначально сосуд формовали, затем, дав ему обсохнуть, ставили снова на круг, но уже вверх дном и обтачивали ножом, придавая ему необходимую форму. Следы этого ясно видны на поддонах. Перед нанесением глазури сосуды покрывали белым ангобом. Глазуровку проводили двойко: изготовленные изделия погружали в состав глазури, при этом она равномерно ложилась по всей поверхности сосуда, причем в верхней части у венчика слой был более тонок, тогда как у дна наблюдались постепенное сгущение окраски и небольшой затёк в виде капель; глазурь наносилась насыпкой и часто на поверхности сосуда давала пузырьки или дырочки

³⁹³ С. М. Дудин. Отчет о работах в мавзолее Шах-и-Зинда в Самарканде. «Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», вып. 6, 1925; В. Л. Вяткин. Городище Афросиаб; А. Ю. Якубовский. Культура и искусство Средней Азии. Путеводитель по Эрмитажу. Л., 1939.

³⁹⁴ И. А. Сухарев. Два блюда XV в. из Самарканды. Труды УзГУ, новая серия. Т. II. Самарканд, вып. 2, 1940; МИА, 14..., Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы. XV—XVI вв. Труды ЮТАКЭ. Т. I, 1950; Г. А. Пугаченкова. Типы художественной керамики эпохи Тимура и Улугбека из раскопок Гуримира. «Бюллетень САГУ», вып. 23, 1945.

благодаря газам, образующимся между черепком и ею, что происходило от загрязнения сосуда. Наиболее распространенным был первый спо-

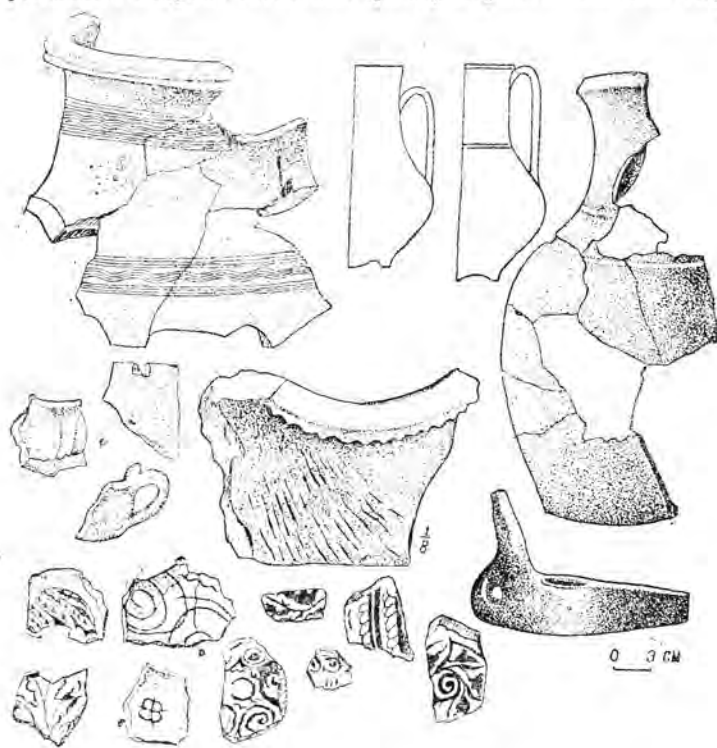

Рис. 113. Керамика XIII—XV вв. н. эры.

соб. Глазури применялись в основном свинцовые, прозрачные и окрашенные, ложащиеся тонким слоем на поверхность посуды. Изредка употреблялись щелочные глазури, окрашенные окисью меди. Для исполнения подглазурных рисунков применялись разведенные в воде окислы металлов и ангобы. В росписи преобладают цвета: кобальтово-синие (светлых и темных тонов) и лилово-черный (марганец) в сочетании с кобальтово-синим.

В целом стиль орнаментации своеобразен и отличен от посуды Самарканда и близок к орнаментации посуды Ташкентского оазиса. Это дает возможность предполагать наличие собственных местных центров производства керамики, а также тесной связи с гончарами Ташкентского оазиса. Возможными центрами ее производства могли быть Отрар, Сайрам и Караспан-тепе, где в изобилии встречаются шлаки.

Посуда с росписью кобальтом по белому фону походит на изделия из фарфора. Она тонкостенна, представлена тремя основными формами: небольшие ппалообразные сосуды на кольцевом поддоне диаметром, равным 6—8 см, и диаметром венчика в 12—15 см (закраины венчиков прямые и слегка вогнуты); большие кесы-чаши с закраиной венчика в виде широкой площадки, выступающей углами как наружу, так и внутрь (диаметры венчиков достигают 35 см), большие блюда с поддном, диаметр которого достигает 24 см. Для них характерны плохое качество глазури и небрежность в выполнении рисунка.

Полива у всех перечисленных трех типов двусторонняя, и только у больших блюд она не покрывает внешней поверхности. Рисунок обычно

располагается и на внешней, и на внутренней стороне. Если рисунком занята внешняя сторона, то внутренняя остается гладкой, неглазурованной, и наоборот. В зависимости от местоположения меняется и характер рисунка. Внешняя сторона обычно украшена широкой спиралью и горизонтальными поясками, внутренняя плоскость которых заполнена диагональной штриховкой, иногда волнистым орнаментом, имеющим довольно острые углы, или расплывчатыми и бесформенными голубыми пятнами; встречается растительный рисунок в виде небольших кустиков с листьями удлинено-овальной формы и ромбов, соединенных вершинами. Внутренняя плоскость их и промежутки между ними заполнены точками. На внутренних стенках сосудов бывает рисунок, состоящий из рядов точек, расположенных веером, а также растительный рисунок в виде небольшой, наискось положенной веточки с небольшими круглыми лепестками (плодами?), либо в виде крупных листьев удлинено-овальной формы с рваными краями, напоминающими листья карагача. Встречается рисунок из сплошной диагональной сетки, а также из поясков соединенных между собой спиралей. На донцах кес и пиал рисунок состоит из двух спиралей, расходящихся от одной точки, или розетки в форме развернутой лилии. На донцах блюд — сетка, напоминающая ткань, или спираль с радиально расходящимися от нее волнистыми линиями. Некоторые, весьма далекие аналогии таких рисунков встречаются в керамике Самарканда XV в.³⁹⁵

Посуда с бирюзовой поливой представлена несколькими формами:

Кувшинообразные сосуды с прямыми цилиндрическими горловинами, закраиной валиком, образованным выгибом стенки, или квадратной в сечении площадкой, отогнутой под прямым углом к стенкам.

Пиалообразные сосуды с прямыми закраинами и донцами с кольцевым поддоном (диаметр венчика — 14 — 16 см, диаметр дна — 8 — 9 см).

Небольшие чашечки с гранеными поверхностями. Тулово у них квадратное, со дном соединяется под тупым углом. Закраина венчика оформлена небольшим валиком, образованным стенкой сосуда. Дно прямое, ручки небольшие, петлеобразные, расположенные в верхней части тулова.

Небольшие узкогорлые кувшинчики-флакончики с узким и сравнительно высоким горлышком, удлинено-овальным туловом и небольшим прямым дном. Венчики заканчиваются валиком или небольшой площадкой. Ручек кувшинчики не имеют.

Посуда с бело-голубым фоном и коричнево-фиолетовым орнаментом имеет двустороннюю поливу: внутри — гладкую бело-голубую, снаружи — с рисунком фиолетово-коричневой краской. Иногда этот рисунок подвечен голубыми пятнами. Орнамент на этой посуде в виде чередующихся горизонтальных поясков, широкой диагональной сетки (только на блюдах), волнистой линии между двух параллельных прямых, растянутой спирали, расположенной также между двух параллельных прямых. На донцах чаш, на коническом поддоне со средним диаметром 8—9 см орнамент иного характера: поперек дна проходят два глубоких пояска, оконтуренные фиолетово-коричневой тонкой линией, внутри их очень грубые, доведенные до схематизма рисунки из соединенных между собой сердечек. В ряде случаев на донцах нанесены спирали, вокруг которых разбросаны грубо выполненные листочки.

Бирюзовая полива с черным подглазурным рисунком чаще двусто-

³⁹⁵ Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV в. Труды Среднеазиатского государственного университета. стр. 100, рис. 2; стр. 101, рис. 3; стр. 113, рис. 12.

ронняя. Рисунок располагается на обеих сторонах. Это или ветка с листьями, или дубовый и виноградный листы, или другие рисунки растительного характера.

Зеленая полива как гладкая одно- и двусторонняя, так и с подглазурным прорезным орнаментом геометрического характера, исполненного тонкими линиями, представлена в блюдах, кесах и чирагах. Чираги массивные, ручки у них с пятой, на которой нанесен рисунок штампом. Единично встречаются небольшие горшочки с округлым туловом, валикообразной закраиной, а также кувшины с шаровидным, низко посаженным туловом и высокой цилиндрической горловиной. В месте перехода тулова к горловине — небольшой валик или два врезных горизонтальных пояска. Донца на коническом поддоне. Ручки вертикальные, угловые. Диаметр горловины — 7 — 8 см, высота — 7 — 6 см, диаметр тулова — 13 — 15 см, высота сосуда — 16 — 20 см, диаметр дна — 7 — 6 см, высота ручки — 7 — 9 см.

Кроме описанных типов поливы, встречаются обломки посуды, в орнаментации которой проявляется подражание китайской пятнистой поливе — роспись бесформенными желтыми и зелеными пятнами по кремовому фону с подглазурным прорезным рисунком.

Если основываться на анализе архитектурных изразнов, то к этому же времени следует отнести посуду с глазурной росписью, имеющей желтый рисунок на коричневом фоне. Такой характер раскраски встречается в майоликах среди украшений мечети Биби-ханум, в мавзолеях Шах-и-Зинда, Улугбека и в мавзолее Ишрат-хана.

По материалам Семиречья³⁹⁶ и Поволжья³⁹⁷ намечаются основные формы неполивной посуды:

Чашеобразные сосуды больших размеров (диаметр венчика — 48 — 52 см, толщина стенок — 1,6 см) в форме трапеции. Закраины венчиков отогнуты под тупым углом наружу и образуют широкую площадку. Внешний край волнообразно замят, на внешней площадке — орнамент пояском из попарно расположенных параллельных линий, между которыми прорезан двойной полосой рисунок из широких, свободно идущих волн.

Чаши меньшего размера, чем предыдущие, но такой же формы, с вертикальным полосчатым лощением и красным ангобом внешней поверхности.

Кувшинообразные сосуды с высокой горловиной, с закраиной венчика в виде небольшого наплыва или муфточки.

Кесеобразные сосуды, формы их аналогичны поливным с зеленоватым ангобом и часто с волнистым орнаментом, нанесенным гребенкой.

Массивные цилиндрические сфероконусы.

Несмотря на то, что по XIII — XV вв. мы располагаем только подьемным материалом, считаем необходимым провести предварительную хронологическую классификацию. Наиболее раннюю группу поливной керамики составляет посуда с зеленой поливой и подглазурным прорезным орнаментом растительного и геометрического характера. Появляется она еще в XII в., но производство ее в массовом масштабе начинается только в XIII в. К этому же времени относится полива светло-желтого, почти

³⁹⁶ МИА, № 14., стр. 140—141.

³⁹⁷ К. Н. Папа-Афанасопуло. Золотоордынская керамика (опыт систематизации и описания). «Ученые записки Саратовского университета», т. III, вып. 3, 1925; О. С. Хованская. Гончарное дело города Булгар. МИА, 1953, № 42, стр. 347; Н. Калинин. Золотоордынская керамика историко-археологического отдела центрального музея Татарии. Материалы Центрального музея Татарии. Казань, вып. 1, 1927.

белого цвета сверх ангоба с подглазурным прорезным орнаментом и раскраской зелеными и светло-коричневыми пятнами, а также керамика, аналогичная сунской керамике Китая, и бирюзовая полива с подглазурным прорезным орнаментом.

Наиболее позднюю группу представляет посуда с бирюзовой поливой и подглазурным рисунком растительного характера, исполненным кистью, с подглазурной росписью кобальтом и окисью марганца, ряд образцов которой известен вплоть до XVII в.

Приведенная выше характеристика сосудов позволяет сделать некоторые выводы о процессе развития керамического ремесла и наметить общую схему развития оседлых поселений³⁹⁸. В отличие от междуречья Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи на них нет характерных образцов кушанской керамики. Гончарное ремесло здесь имело свои пути развития. Производство посуды носило долгое время домашний характер. Подавляющее ее большинство, вплоть до VI в., изготовлено ручным способом. Небольшое количество находок посуды, сделанной на гончарном круге, следует отнести за счет привоза из сопредельных областей Средней Азии.

Как в случайных находках, так и в раскопах встречалось много сосудов, которые, как правило, относились исследователями к продуктам ремесленного производства Самарканда, Ташкента и других областей Средней Азии. Изучение собранного материала привело к необходимости пересмотреть вопрос о происхождении местной керамики. Судя по остаткам керамических печей, шлаков, брака посуды и прочего, можно считать, что с IX в. в Южном Казахстане были центры, где ремесленники, в том числе и гончары, производили изделия для широкого рынка. Эти ремесленные изделия очень часто проникали в отдаленные от Южного Казахстана районы, населенные кочевыми племенами кимаков и кыпчаков.

Нами отмечены следующие основные приемы изготовления посуды:

Последовательное наращивание узких лент глиняного теста без последующей дополнительной обработки.

Изготовление посуды с применением матерчатого шаблона.

Лепка из широких полос глиняного теста с применением кружка-подставки и палочки-правила для придания большей симметричности корпусу изготавливаемого сосуда.

Монтирование сосудов из предварительно отдельно изготовленных его составных частей (дна, тулова, горловины и т. п.).

Изготовление посуды на ручном и ножном гончарных кругах.

Первые два приема изготовления посуды характерны до рубежа н. эры. Последующие два, появившиеся в начале тысячелетия н. эры, сохранились вплоть до XV в. Но начиная с VIII в. так изготавливались сосуды только больших размеров: чаши, блюда, хумы, достарханы и т. п. Первое появление местной посуды, изготовленной на гончарном круге, относится к VI в. Но в массовом количестве она появляется только в конце VIII — начале IX в. Широкое же распространение посуды, изготовленной гончарами-ремесленниками с помощью ножного, в редких случаях — ручного гончарного круга, относится к X в.

Такое относительно позднее появление посуды, изготовленной на гончарном круге (в сравнении с другими районами Средней Азии), объясняется спецификой экономики и темпами общественного развития населения Южного Казахстана. Жители оседлых земледельческих поселений были тесно связаны с кочевниками-скотоводами. Хозяйство име-

³⁹⁸ Подробное описание см. на стр. 210—215

ли комплексное³⁹⁹. Состав поселенцев часто пополнялся за счет переходящих к оседлости и земледелию кочевников. В арабо- и персоязычных источниках левый берег Сыр-Дарьи всегда фигурирует как кстау тюркокочевников. Например, анонимный источник X в. Худуд ал-Алем указывает, что Сюткент — местопребывание мирных тюрков⁴⁰⁰, ибн Хаукаль пишет, что в Саурани собирались гузы для заключения мира и перемирия и для торговли⁴⁰¹. А город Ясы долгое время был религиозным центром кочевников-тюрков. Потребности населения в глиняной посуде не были еще столь велики, чтобы привести к интенсивному развитию гончарного ремесла. И лишь тогда, когда складываются феодальные отношения, когда центр политической жизни переходит в районы Южного Казахстана и начинает интенсивно развиваться обмен, происходит постепенный процесс отделения ремесла от земледелия, дальнейшее его расчленение на отдельные отрасли и, в конечном итоге, выделение гончаров в самостоятельную отрасль феодального ремесла. В связи с этим, начиная с IX в., и отмечаются устойчивость форм, однотипность посуды, широкое применение штампа для нанесения орнаментации и упрощение самих орнаментальных мотивов. Уже для этого времени можно отметить городища Отрар, Жар-тепе, Бузук-тепе, Оксус, Сауран, Сюткент, Караспан-тепе, Сайрам, Мардан-куюк как возможные центры керамического ремесла. Намечается и некоторое отличие в керамике отдельных микрорайонов. Отрар (с прилегающими к нему поселениями Алтын-тепе, Куйрюк-тепе, Мардан-куюк, Пчакчи-тепе и другими) в большом количестве дает посуду с богатым резным и штампованным орнаментом. В Сауран-Туркестане (Чуй-тепе, Мыр, Шорнак, Кара-тепе) преобладает посуда с фигурной раскраской. Для Оксуса (левый берег Сыр-Дарьи) с поселениями Кавган-Ата, Артык-Ата и др. характерно преобладание посуды мавераннахрского типа, Караспан-тепе (Арысь) — посуды с орнаментом, исполненным при помощи резьбы и гравировки, для городищ северных склонов Каратау (Кумкент, Саудагент и др.) — посуды с полосчатой раскраской.

Многовековые политические, экономические и культурные связи между племенами и народами Средней Азии и Казахстана отразились на памятниках материальной культуры, в том числе и керамике. Керамический материал дает возможность выявить основные линии экономических и культурных связей. В первом тысячелетии до н. эры и первых веках н. эры культура племен юга Казахстана была наиболее близка к культуре племен Ташкентского оазиса и райсов средней (Джетыясар) и нижней Сыр-Дарьи. Этот вывод весьма важен тем, что он еще раз подтверждает локализацию пяти владений кангюй, предложенную А. Н. Бернштамом⁴⁰². В тюрко-огузский период экономические связи особенно сильны с огузами нижней Сыр-Дарьи, карлухами Семиречья и тюрко-согдийским населением Ташкентского оазиса. Эти связи продолжали развиваться и дальше, хотя в керамике они менее заметны, так как в это время здесь возникают свои центры керамического производства. Специфика орнамента, а именно близость его к орнаментам, исполненным резьбой по дереву и кости, говорит о том, что города района поддерживали тесные связи с окружающим его населением.

³⁹⁹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работе Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года... стр. 44.

⁴⁰⁰ МТТ, т. I... стр. 216.

⁴⁰¹ Там же, стр. 183.

⁴⁰² А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана ... стр. 97.

Глава V

КАРАВАННЫЕ ПУТИ

Археологические и письменные данные дают нам основание утверждать, что уже в конце первого тысячелетия до н. эры Средняя Азия через Центральный Казахстан была связана караванными путями с Алтаем и юго-западом Сибири. Караванные пути, достигнув правобережья средней Сыр-Дарьи, уходили вниз по течению реки к Приаралью и на Южный Урал, затем на север — через казахстанские степи в Южную Сибирь и на Алтай, а через Фергану и Иссык-Куль проходил на восток так называемый «Великий шелковый путь». Караванные пути из Южного Казахстана на восток, на территорию Западного Китая, возникли очевидно, еще задолго до путешествия посла китайского императора Чжан Цяня (127 г. до н. эры)⁴⁰³. Однако только с этого времени налаживаются постоянные связи Китая со Средней Азией: количество встречных караванов достигало ежегодно 6—12. Часть их, очевидно, проходила по южному пути, а часть — через Семиречье. Об этом свидетельствуют вскрытые раскопками в погребениях усуней (Каргалинка и долина р. Чу) и кангюй (Берк-кара, Кенкол) и датированные рубежом нашей эры изделия китайского и греко-бактрийского происхождения. Находки эти говорят и о том, что путь был не только транзитным, но и что торговля велась на промежуточных пунктах, какими являлись ставки племенных или союзных вождей и временные стоянки, остатки которых обнаружены А. Н. Бернштамом⁴⁰⁴ в районе среднего течения реки Талас и в других местах.

Предметами караванной торговли этого периода служили главным образом изделия роскоши: высокого качества шелковые и хлопчатобумажные ткани, ювелирные изделия из бронзы, серебра, а иногда и золота, бронзовые и серебряные сосуды, оружие, ароматические масла, пряности, лечебные средства и т. д.

О положении в Семиречье и на исследуемой нами территории в период II—V вв. н. эры сведений в доступных нам источниках о караванной торговле не имеется. Лишь известно, что к концу V в. н. эры торговые связи Китая со Средней Азией через пути, пересекающие Южный Казахстан с востока на запад, восстанавливаются. Они не прерываются и во время господства Западно-Тюркского каганата. В 569 г. через территорию исследуемого нами района проехало посольство Византийского императора Юстина II, возглавляемое Земархом. Посольство направлялось в ставку Западно-Тюркского кагана. Отчет о нем сохранился в сочинении «о посольствах» византийского историка Менаандра Протектора⁴⁰⁵. Маршрут Земарха неясен, но в нем есть упоминание о встрече с посольством Ирана в городе Таразе, лежавшем на трассе «Великого шелкового пути», из чего можно заключить, что часть маршрута посольства совпадала с маршрутом этого пути. Одним из путешественников, проехавшим примерно по этому же караванному пути и оставившим записки о своем путешествии, был китайский паломник, буддийский монах Сюань-Цзянь⁴⁰⁶. Маршрут Сюань-Цзяня через территорию исследуемого района, согласно его дневнику, был следующим: «проехав при-

⁴⁰³ F. Hirth. The Story of Chang K'ien, China's Pioneer in Western Asia. VAOS, т. XXXVII, 1917, вып. 2.

⁴⁰⁴ МИА, № 14 ... стр. 62.

⁴⁰⁵ Византийские историк. Перевод с греческого С. Десгунис. СПб, 1860, стр. 238 и след.

⁴⁰⁶ St. Julien. Memoire sur les contrées occidentales... Русский перевод Левина, стр. 12—15.

мерно 500 ли на северо-запад от озера Теинг-чи, он достиг города на реке Су-е... проехав около 400 ли на запад от реки Су-е, он достиг Мын-Булака... сделал от 140 до 150 ли на запад от Мын-Булака, он приехал в город Талас... проехав около 10 ли на юг, он повстречал город.... В этом городе проживало 300 семейств уроженцев Китая. Выехав из этого Королевства, он проехал примерно 200 ли на юго-запад и приехал в город Пе-шуи или Белые воды... проехав около 200 ли на юго-запад, он прибыл в Королевство Ну-чи-киен... выехав из этой страны, он проехал 200 ли на запад и прибыл в королевство Че-ши».

Многие исследователи⁴⁰⁷ считают, что маршрут, по которому ехал Сюань-Цзянь, был следующий: оз. Иссык-Куль (Теинг-чи), район Токама (город Су-е), район Мерке — Джамбул (Талас, Сайрам, Пе-шуи), затем Ташкент (Че-ши).

Несоответствие в некоторых частях описанного маршрута с действительными расстояниями между отдельными пунктами и порядком расположения городов и стран в приведенном отрывке объясняется тем, что отдельные листы дневника якобы при обработке были перемешаны, благодаря чему и получилось это несоответствие.

Необходимо отметить, что из цитированного описания части маршрута Сюань-Цзяня бесспорными можно считать лишь город Тараз и государство Че-ши — в смысле правильности отождествления упоминаемых в нем городов и стран, сохранивших свои наименования и в дальнейшем, т. е. в карлухо-караханидское время. Все остальные имена и названия можно отождествить лишь предположительно.

В результате тщательного изучения описания пути Сюань-Цзяня и ознакомления с этой территорией маршрут следования Сюань-Цзяня нам представляется следующим: оз. Иссык-Куль (Теинг-чи), район Токама (город Су-е), район Мерке⁴⁰⁸ (Мын-Булак — тысяча ключей), возле которого имеется большое количество родников и речек, спадающих с северных склонов Киргизского Алатау. В верховьях этих речек и родников вдоль их русел расположены ленты лесов, а многочисленные горные впадины и склоны ущелий покрыты густой травой и являются превосходными летними пастбищами, благодаря чему район действительно мог быть летней кочевкой тюркских каганов. Это подтверждается обнаружением значительного количества курганов с установленными на них типично тюркскими каменными изваяниями, ставящимися обычно на могилах представителей верхушки тюркского общества.

Из Мын-Булака китайский путешественник проехал до Тараза, откуда проследовал в район современного поселка Джалпак-тобе (Дунгановка), где обнаружил город с 300 семействами китайского происхождения (городище, расположенное в этом поселке, отождествляется, по нашему мнению, с древним городом Джикилем). Отсюда он направился в город Пе-шуи, находящийся, по нашему мнению, у места выхода реки Ак-су (Белая вода) из щели северного склона Угамского хребта

⁴⁰⁷ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Среднюю Азию... стр. 341 — 342.

⁴⁰⁸ Некоторые исследователи склонны отождествлять название «тысяча ключей» Сюань-Цзяня с наименованием Мын-Булак, расположенным к западу от Джамбула (упоминаемым в дорожнике арабского географа IX в. ибн Хордадбехом, что едва ли правильно, так как Мын-Булак находился возле города Абарджаджа и представлял собой большой холм, вокруг которого «1000 источников, текущих на восток»). Местность эта, известная и в настоящее время среди окрестного казахского населения под именем Мынг-Булак, расположена на северном склоне гор Кулантау и от гор Угамского хребта и Таласского Алатау удалена на значительное расстояние. Кроме того, здесь отсутствует примыкающая с трех сторон равнина, о которой упоминает в своем дневнике Сюань-Цзянь, тогда как район у Мерке вполне соответствует описанию последнего.

(горы Джебаглы), где до настоящего времени сохранились остатки городища и несколько тепе (бугров). Дальнейший его путь был через город Конг-ю, который может быть отождествлен с Испиджабом (современный поселок Сайрам) или с каким-либо другим городом из района Сайрама, в долине реки Бадам. Дальше Сюань-Цзянь проехал в Ну-чи-киен и, наконец, в государство Че-ши (Ташкент).

При детально прослеженном маршруте все неточности и несоответствия, отмеченные исследователями в путешествии Сюань-Цзяня, отпадают. Указанная в его дневнике последовательность расположения городов и стран на пути следования соответствует действительному расположению указанных пунктов.

Если же согласиться с принятым до настоящего времени толкованием маршрута Сюань-Цзяня, то сразу же возникает ряд требующих объяснения несообразностей. Остается нелокализованным город Конг-ю, а расстояние между Таразом и Испиджабом в этом изложении получится уменьшенным вдвое, между Испиджабом и Че-ши — увеличенным также вдвое.

В связи с сильными смутами в VII в. на территории Ферганы, препятствовавшим нормальным торговым отношениям, караванная дорога, проходившая до этого времени через Фергану, передвинулась к северу, т. е. на трассу пути, по которому проезжал Сюань-Цзянь. К IX в. путь этот окончательно оформился и сведения о нем вошли в большинство арабских и иранских дорожников и географических сочинений IX — XI вв. с перечислением и кратким описанием почти всех более или менее крупных городов и селений, расположенных вдоль этого пути или вблизи последнего, и с указанием расстояний между отдельными пунктами. Особенно подробно этот путь описан в книгах арабского географа ибн Хордадбеха⁴⁰⁹ (846—847 гг. н. эры) и Кудама ибн Джафара⁴¹⁰ (первая половина X в.), а также в сочинении географа Макдиси⁴¹¹.

В период IX — XII вв., согласно данным указанных выше источников, торговые караваны из Китая направлялись двумя путями: северным, который, по мнению В. В. Бартольда⁴¹², шел со стороны Хоргоса через современные поселки Тургенъ и Талгар, Алма-Ату, перевал Кара-Кастек на древний город Суяб до Невакета, где он соединялся с южным, идущим вдоль южного берега оз. Иссык-Куль и дальше, от Невакета (селение Орловка) к западу, через города Баласагун (развалины Ак-Пеши у Токмака), Сарыг (село Красная речка), Джуль (городище Чола-Казак у Фрунзе), Хоран-Джуван (городище Ак-тюбе в среднем течении р. Чу), Нузкет (Шиш-тюбе), Аспара (между современными поселками Ново-Воскресеновка и Чалдавар, на границе с Киргизской ССР), селение Мирки (современный поселок Мерке), Кулан (современный поселок Луговое), Кул-Шуб (район рр. Сюгаты — Кайнды), Каср-Бас (район развалин Акыр-Таш), Нижний Барсхан (городище Турткуль-тепе на территории Джамбулского свеклосовхоза), Тараз (Джамбул), Джавикет (пос. Головачевка), Шавагар (городище Аулие-Бастау, возле перевала Куюк через горный хребет Каратау), через станцию на Баркуабе (безымянное городище у южного края пос. Бурно-Октябрьское), Барджадж (городище у пос. Кремневка), Тамтадж (городище Кулан-Аузы-турткуль), Бадухкет (городище у пос. колхоза «Казатлык»), Шараб (городище Турткуль-тепе у пос. Балыкчи) и Испиджаб (современный пос. Сайрам). Отдельные

⁴⁰⁹ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 1.

⁴¹⁰ Там же, стр. 12.

⁴¹¹ Там же, стр. 8.

⁴¹² В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья... стр. 69 — 71.

караваны, по-видимому, следовали без захода в город Шараб, т. е. из Бадухкета шли прямо в Испиджаб, а некоторые, проходившие через Шараб, заворачивали в город Манкес (городище Булак-Ковал возле современного пос. Манкент), расположенный к западу от дороги — между Шарабом и Испиджабом. Караваны, следующие в страны Средней Азии и далее на юг, от Испиджаба сворачивали к югу и через город Газгирд (современный пос. Шарап-хана) двигались на Шаш (Ташкент). Караваны, идущие в районы среднего и нижнего течения Сыр-Дарьи, а также в Хорезм и страны Восточной и Западной Европы, из Испиджаба направлялись на северо-запад через города Карасеман (городище Караспан-тепе в районе пос. Обручевка), Кедер округа Параб, или Фараб, далее держали путь на город Шавгар-Ясы (современный Туркестан), селение Карнак (городище Садык-Ата-тепе, возле ж.-д. станции Сауран), город Сауран (одноименное городище), селение Турар (городище Мыр-тепе) и, наконец, город Сыгнак (одноименное городище, расположенное к северо-западу от ж.-д. станции Тюмень-арык).

От Сыгнака эта караванная дорога, видимо, разделялась на три направления. Правый путь, северо-западный, шел на перевал Ак-Сумбе, отсюда — в низовья Сары-су и вверх по течению этой реки и ее притока Кара-Кенгир в район древних медных разработок (Карсакапай и Джезказган), далее к горам Улутау (место летних выпасов у кочевников), где сворачивал на запад и направлялся в район Приуралья, а затем на Русь и в страны Западной Европы; второй путь средний — шел вдоль современного русла Сыр-Дарьи в города, расположенные в ее низовьях (комплекс Джеты-Асар, Янгикент), отсюда в страны Восточной Европы, и, наконец, третий путь — левый — вел в сторону Дженда (вдоль русла Куван-Дарьи) и города Хорезма. Отождествление древних городов и поселений, расположенных вдоль этого пути к востоку от Тараза и в долине среднего течения р. Талас произведено А. Н. Бернштамом⁴¹³, а к западу от Тараза и в районе Отрарского оазиса — нами.

От основных караванных дорог (рис. 114), пересекавших с востока на запад исследуемый нами район, в ряде пунктов ответвлялись пути, связывавшие его с городами и селениями, лежавшими в стороне, а также с кочевьями кимаков — по ибн ал-Факиху (начало IX в.)⁴¹⁴, карлухов — по ибн Хаукало (конец X в.)⁴¹⁵, кипчаков и найманов — по Махмуду Кашгарскому (конец XI в.)⁴¹⁶.

В городе Таразе от основной магистрали начинались новые пути: к юго-востоку — в города, расположенные в долине верхнего течения реки Талас, — Атлах, Хамукет, Шельджи, Сус и другие, к юго-западу — через городок Джикиль на перевал Юрта-кулат, через урочище Маймак и пос. Грозное и дальше вдоль предгорий гор Джебаглы на Испиджаб. По этому пути, по-видимому, прошел Сюань-Цзянь; к северо-западу шел третий путь, который, как сообщает арабский географ начала X в. ибн ал-Факих⁴¹⁷, «...вел к двум благоустроенным селениям в местности Кавакиб». Расстояние этих селений от Тараза — 7 фарсахов. От селений (по Макдиси)⁴¹⁸ Адахкес и Дех-Нуджикес, отождествляемых А. Н. Бернштамом⁴¹⁹ с развалинами на территории колхоза им. Молотова, пролегал путь

⁴¹³ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии... стр. 76.

⁴¹⁴ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 3.

⁴¹⁵ Там же, стр. 6.

⁴¹⁶ Там же, стр. 24.

⁴¹⁷ Там же, стр. 4.

⁴¹⁸ Там же, стр. 9.

⁴¹⁹ А. Н. Бернштам. Археологические работы в Казахстане и Киргизии ... стр. 175.

вдоль северного края оз. Бийли-куль — мимо городов, развалины которых в настоящее время известны под наименованием Май-тюбе (территория центральной усадьбы совхоза Май-тюбе), и городища Тамды (к северо-западу от пос. Чулактау), потом он пересекал русло реки Коктал и далее шел вдоль северного склона горного хребта Каратау возле городов, известных в настоящее время под наименованиями Саудаке́нт (возле пос. Байкадам), Кумкент, Баба-Ата, Чулак-Курган, Сузак и Ак-Сумбе, затем соединялся с основным маршрутом — Сыгнак — низовья Сары-су. И, наконец, четвертый путь шел на север, вниз по течению реки Талас, — мимо городов, сохранившихся под наименованиями Ох-хум, Шарваншлык, Тиктурмас, Ак-Кесене и далее на запад, где соединялся с караванной дорогой (только что описанной), идущей вдоль северных склонов Каратау.

От Испиджаба, кроме отмеченных выше двух направлений пути на Шаш, Отрар и Кедер, проходила еще одна дорога на север, т. е. к предгорьям Каратау через пос. Манкент (древний город Манкес), Красный мост, пос. Чайн и далее — через перевал Ачисай в горах Каратау на Чулак-Курган, где соединялась с дорогой, идущей из Тараза вдоль северных склонов Каратау.

От города Отрара один путь шел на запад — от переправы через Сыр-Дарью против города Весиджа (Зернуха), вниз по течению вдоль ее левого берега на Афрасиаб (Самарканд), а второй — вниз на Дженд и города Хорезма. Кроме этих направлений, на юго-запад от Зернуха пролегала одна мало известная дорога на Бухару, пересекавшая юго-восточную часть песков Кызыл-Кум. По ней в 1219 г. один из жителей Зернука провел войска Чингиз-хана⁴²⁰, с этого времени она стала называться «ханской».

Из города Шавагар-Ясы, кроме отмеченного выше пути через Икан на Испиджаб, шли еще две дороги: одна на северо-восток к городу Шагилджан (городище Ишкан в поселке Ата-бай) и далее — через перевал Ачисай на Чулак-Курган, где соединялась с северо-каратаусским направлением, а вторая — к юго-западу, на переправу через Сыр-Дарью (известную в настоящее время под наименованием Уч-Куюк) и к городу Артук, лежавшему на описанном выше левобережном пути.

Из города Саурана основной путь, идущий на Сыгнак, разделялся на два, из которых один шел на северо-восток, в сторону горного хребта Каратау на перевал Баджи и далее на Сузак, и второй — «Карачукский»⁴²¹ — на север-северо-запад, вдоль предгорий Каратау и далее на перевал Ак-Сумбе.

Особенного развития достигла торговля на главных караванных путях в IX — XII вв. (саманидо-караханидский период), когда в числе перевозимых товаров, кроме таких предметов роскоши, как шелковые ткани, серебряная и бронзовая посуда, стекло, ювелирные изделия и т. д., значительное место начинают занимать предметы первой необходимости: шкуры животных, выделанные кожи, жиры, продукты питания, оружие, медь, железо и пр. Отдельные города, по словам Макдисси⁴²², становятся известными своей специфической продукцией. Например, он писал: «Из Шаша (Ташкента) вывозились высокосортные шагреньевые седла, колчаны для стрел и палатки. Кожи привозятся от турок и дубятся.

⁴²⁰ МТТ, т. I ... стр. 503.

⁴²¹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды ... примечание к стр. 160.

⁴²² Сведения арабских, персидских и тюркских источников ... стр. 11.

И изары (плащи) молитвенные коврики, воротники и льняное семя, различные луки и скверные иглы. Хлопок, который вывозят к тюркам, и одежды и шелк и ткани из него и орешки и орехи. Из Ферганы и из Испиджаба (вывозятся) рабы из турок вместе с белыми тканями, оружием, мечами, медью и железом. Из Тараза — козьи шкуры, из Шельджи — серебро. Из Туркестана — в эти места попадают лошади и мулы».

Распад государства Караханидов, вторжение каракитаев, разгромленных Хорезм-шахом Мухаммедом, разрушение им крупных городов (Шаш, Фергана, Испиджаб и др.) и нашествие монголов привели к ослаблению торговых связей и замиранию торговли по караванным путям.

Первыми, проехавшими после нашествия монголов по этому пути и оставившими более или менее подробные сведения о нем, были китайцы Е-люй Чу-цан⁴²³ (1219—1224 гг.), Ву-гу-сунь⁴²⁴, посол Чжурдженского императора и монах Чан Чунь (1220—1224 гг.). Из сообщений этих лиц наибольший интерес представляет описание Чан Чуня⁴²⁵.

Почти полное отсутствие сведений о городах, через которые должен был пройти Чан Чунь, объясняется, вероятно, тем, что большинство их в это время лежало в развалинах. К середине XIII в., по мере оживления экономической, административной и политической жизни в завоеванных монголами государствах начинает налаживаться торговля со странами Европы и с Китаем. Для возобновления нарушенной войной торговли с Китаем и странами Средней Азии снаряжается ряд посольств к «Великому хану». Отчеты некоторых посольств и записки отдельных членов их представляют значительный интерес. Таков, например, отчет посла папы Иннокентия IV к хану монголов Гуюку — Плано Карпини⁴²⁶ (1245 — 1247 гг.), первого из европейцев, составившего описание своего пути по личным наблюдениям. Спустя 8 лет после Карпини, маршрут которого не особенно ясен, через исследуемую нами территорию проехал посол французского короля Людовика IX — Рубрук⁴²⁷, направлявшийся к Мангу-хану (Мунке) и проехавший, как это видно по цитируемым ниже выдержкам из его отчета, до Тараза по новому, не упоминаемому до него маршруту. «Проехав 12 дней от Этилии, мы нашли большую реку — именуемую Ягак... Накануне дня всех святых мы оставили дорогу на восток, так как татары уже значительно опустились к югу и направили, через какие-то горы, путь прямо на юг, в течение 8 дней подряд. На седьмой день к югу от нас стали видны очень высокие горы и мы выехали на равнину, которая, орошалась как сад и нашли возделанные земли. Через неделю после праздника всех святых, мы въехали в некий сарацинский город по имени Кинчат... И с гор спускалась большая река, которая орошала всю страну, так как они проводили от нее воду, куда им было угодно; эта река не впадала в какое-либо море, а поглощалась землей, образуя также много болот. Я видел там лозы и дважды пил вино... на следующий день мы прибыли к другому поселку, более близкому к горам... Я спросил о городе Талас, в котором были немцы — рабы Бури».

Маршрут этот нам представляется в следующем виде: перейдя Волгу (Итиль), он доехал до Урала (Ягак-Яик), после переправы через

⁴²³ М. Р. Bretschneider: Notes on chinese mediaeva travels to the West... Русский перевод В. Бякина-Васильева — «Древние путешественники о территории Казахстана» (рукопись Ин-та истории АН КазССР), стр. 15.

⁴²⁴ R i c h t g o f e n. China. Там же Русский перевод В. Бякина-Васильева (тот же).

⁴²⁵ Ч а н Ч у н ь. Си-ю-цзи, или описание путешествия на запад... стр. 260—434.

⁴²⁶ Путешествия в восточные страны... стр. 68—69.

⁴²⁷ Там же ... стр. 122, 124—126.

который в районе нижнего течения (возможно около древнего Сарайчика) проехал восточнее города Актюбинска или Темира в пределах окрестностей Тургая, откуда повернул на юг через горы Улутау, затем вдоль русел рек Кара-Кенгир и Сары-су направился к северным склонам Каратау, вдоль них — через Сузак, Чулак-Курган и Байкадам — к низовьям реки Талас, к городу Кинчату. Кинчат, по-видимому, соответствует Кенджак-Сенгиру, о котором Махмуд Кашгарский⁴²⁸ писал: «Кенджак-Сенгир — название города вблизи Тараза. Это пограничная крепость с кипчаками». По сообщению Рашид-ад-дина⁴²⁹ известно, что в 1269 г. на лугах Таласа и Кенджака был проведен курултай наследников Чингиз-хана. Поэтому город этот может быть отождествлен либо с городищем Тек-турмас, либо с Шарваншлыком, расположенными в низовьях Таласа, который ниже Джамбула распадается на множество арыков, расходящихся веером. Сбросовые воды арыков (после полива) и воды половодья образуют на концах этих каналов большое количество пересыхающих к концу лета болот и небольших озер, что соответствует местности, описанной Рубруком.

Маршрутом Рубрука в 1255 — 1256 гг. при обратном пути, после свидания в районе Тараза с братом Менгухана (Мунке) — Хулагу, проехал Гайтон.

Согласно «Истории Армении», члены посольства «...переправившись через реку Илан-су и перейдя отроги горы ...достигли Таласа и прибыли к Хулагу брату Менгу хана... после этого, повернув на северо-запад, они прошли Кутукчин, Беркент, Сукулкент, Урусокан, Кайкан, Кузак, Камота, Кендакупр и Сегнак. Отсюда они прибыли к Сартаку, сыну Батыя, направлявшемуся к Менгу хану... Затем они направились к Сегняку, Саврану, Осону, Сори, Отрару, Зернуху, Дизаку и отсюда к Самарканду»⁴³⁰.

Из перечисленных в этом сообщении городов некоторые могут быть отождествлены с упоминаемыми в арабских дорожниках, благодаря чему маршрут Гайтона от Тараза нам представляется следующим: от Тараза он проехал через города Дох-Нуджикес и Адахкес, городища Майтюбе, Тамды, Саудакент, затем через города, расположенные вдоль северных склонов Каратау (из числа которых могут быть отождествлены Кайканд с Кумкентом и Кузак с Сузаком), через перевал Ак-Сумбе к Сыгнаку (Сегнак), отсюда он направился на свидание с Сартаком, находившимся, видимо, недалеко от города. После свидания с ним он возвратился в Сыгнак, откуда направился через Сауран (Собран), Ясы-Туркестан (Осон) и Отрар, затем переправился на левый берег Сыр-Дарьи в город Зернух (городище Оксус), далее к Джизаку (Дизак) и в Самарканд.

Как видно из отчетов этих посольств, ряд городов, разрушенных монголами, ко времени их проезда был уже восстановлен, хотя и не полностью.

О восстановлении этой основной магистрали, по которой шла торговля между странами Западной Европы и Китаем, свидетельствует составленное в 1340 г. флорентийским купцом Пегалотти⁴³¹ описание торгового пути от города Тана (Азова) до Китая через Сарай и Сарайчик, далее южной дорогой на Ургенч, отсюда на Отрар, Испиджаб и по старому «шелковому пути» на Алмалык.

Существование этого пути и в начале XV в. подтверждается описа-

⁴²⁸ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 24.

⁴²⁹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... стр. 77.

⁴³⁰ История монголов по армянским источникам ... стр. 83.

⁴³¹ H. V u l e. Chathay and the way thithen...

нием следования посольского каравана, снаряженного из Герата в Китай сыном Тимура Шахрухом⁴³² (1419 г.). Одним из участников этого посольства — художником Гияз-ад-дином — описан маршрут, по которому прошел караван, а именно: через Самарканд, Шаш, Испиджаб, затем вдоль северных склонов Киргизского Алатау, через город Аспара и далее на Алмалык, т. е. обычным торговым путем. Обратный караван этот прошел другой, южной дорогой — через Хотан.

Основные караванные дороги продолжали существовать вплоть до присоединения Казахстана к России, которое вместе с изменением экономики и политической истории изучаемого нами района привело к созданию новых направлений. Этот вопрос является темой особого исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение топографических особенностей оседлых поселений Южного Казахстана, анализ и сопоставление этих данных с керамическим материалом и сведениями письменных источников позволяют наметить периодизацию развития оседлых поселений.

Как указывалось выше, в стратиграфических раскопах слоев с керамикой сакского времени не обнаружено, но наличие характерной для этого времени керамики в подъемном материале указывает на то, что ряд поселений возник на месте сакских селищ. Поэтому упоминание античных авторов о наличии городов у саксов не следует относить к территории изучаемого района и понимать в буквальном смысле слова — здесь были только небольшие и недолговременные поселения.

Наиболее ранней формой поселения являются округлые и овальные тепе с расплывчатыми контурами, мягкими склонами (см. таблицу I, графа I, стр. 212). Они представляют, вероятно, жилище большесемейной патриархальной общины, хозяйство которой носило натуральный характер. Основным занятием населения было пастушеское скотоводство в сочетании с богарным земледелием. Подтверждается это наличием в раскопах большого количества костей домашних животных, а также тем, что большинство поселений находится на значительном расстоянии от водных магистралей и в районе их расположения нет оросительных каналов крупного масштаба. Наличие земледелия подтверждают находки каменных мотыг (Ак-тепе), мякины (Мардан-куюк). Характерным для них является наличие разнообразной и тяжелой посуды, неудобной для кочевой жизни, а также наличие укрепленных усадеб. Из этого, по-видимому, следует, что процесс выделения кочевников-скотоводов из общей массы племен, усиленно происходивший в сакский период, пришел к завершению. Аналогичный исторический процесс происходил и на соседних территориях (как выявили исследователи этих районов) в Ташкентском оазисе, в районе городищ Джеты-Асара.

Для первых веков нашей эры (вплоть до VII — VIII вв.) характерной топографической особенностью поселений является наличие крупного жилого дома и примыкающего к нему хозяйственного двора — так называемого тепе с площадкой, представляющего собой укрепленные усадьбы земледельцев. Такие усадьбы в силу более сложной социальной организации общества, имеют особые помещения для главы земледельческой общины, в руках которого сосредоточивалась политическая власть, особые помещения для скота, хранения продуктов и другие хозяйственные и жилые постройки. Возникнув в период разложения пер-

⁴³² МТТ, т. I... стр. 529 — 531.

вобытно-общинного строя, этот тип поселений, как установлено на основании анализа подъемного керамического материала и данных стратиграфических раскопок, продолжал развиваться и в последующие столетия. В стратиграфических раскопках, поставленных на таких поселениях, в нижних слоях присутствует раннекангюйская керамика. Основным занятием населения было земледелие и скотоводство, но роль последнего уже начала падать, так как в раскопках встречаются главным образом остатки хлебных злаков, косточки урюка, винограда. Около развалин поселений имеются остатки оросительных каналов, возникновение которых, очевидно, следует относить к этому времени. Некоторые из этих поселений существовали вплоть до X в. н. эры.

Затем появляется новый тип поселений, с соответствующим изменением керамики. Происходит постепенный процесс перерастания оседлых поселений в города, который длится в течение ряда веков (VII—XII вв. н. эры). Такими городами, выросшими на базе более ранних поселений, были Отрар, Оксус, Шавгар и ряд других. Некоторые из поселений становятся политическими и административными центрами, около них возникают рабоды ремесленников. Меняется и топографический план поселения. Четко выделяются отдельные составные части феодального города — цитадель, шахристан, рабоды. Развитие внутреннего и внешнего обмена, политические взаимосвязи с сопредельными территориями, борьба с саманидами, стремившимися завладеть Отрарским и Испиджабским округами, и политическая активизация кочевников приводят к тому, что жизнь на некоторых из них в IX—X вв. замирает (Шавгар, Куйрюк-тепе и др.). Одновременно возникают новые города, отличительной особенностью которых является отсутствие цитадели (Ак-тепе, Кавган-Ата, Икан и др.).

К этому же времени относится возникновение отдельных укрепленных поселений (квадратные в плане тепе), являющихся пограничными укрепленными пунктами, роль которых сводилась к охране оазиса (Мыр и др.). Появляются и караван-сарай, возле которых возникают небольшие поселения. Начало жизни некоторых караван-сараяев относится еще к предшествующей эпохе. Вдоль магистральных арыков располагаются небольшие, обычно неукрепленные сельские поселения. Существуют и отдельные замки-усадыбы в виде овальных и круглых в плане тепе (см. табл. 1, параграф 1, стр. 212). Города в этот период достигают своего наибольшего развития. В дальнейшем, во время монгольского завоевания, большинство их было разрушено.

На некоторых из них жизнь возродилась вновь, но в меньшем масштабе (Сайрам, Сауран, Сузак, Икан, Ясы, Отрар и другие). К XIV в. относится постройка Тимуром новых укрепленных селений для размещения военных гарнизонов (Абд ал-малик Баба-тепе, Аты-бал ч-тепе и др.). Междоусобная борьба и войны в эпоху Тимура и его преемников, походы Шейбанидов и казахских ханов в конце XVII и в начале XVIII вв., периодически подрывающие экономику городов и их сельскохозяйственные округа, приводят к тому, что в начале XVIII в. жизнь на этих городах почти окончательно прекращается. Иллюстрацией этого процесса видна из таблиц 1 и 2.

Приведенные в таблицах данные, конечно, не являются исчерпывающими, но дают представление об общей картине, выявленной на основе обследования и изучения большого количества памятников.

Из данных таблицы 2 также видно, что укрепленные усадыбы (тепе с цитаделью) до VII в. н. эры в основном характерны для Отрарского округа. В VII—IX вв. количество их здесь несколько увеличилось, а в X в. — уменьшилось. Иную картину мы наблюдаем в районе

Таблица 1

Размещение основных видов выявленных памятников по хронологическим периодам

Внешний вид развалин	Всего обследовано объектов	Наличие керамического материала					
		III в. до н. э. — I в. н. э.	I—IV вв. н. э.	V—VIII вв. н. э.	VIII—X вв. н. э.	X—XII вв. н. э.	XIII—XV вв. н. э.
Округлые и овальные теле	17	7	3	3	3	1	2
Теле с площадкой	17	4	8	13	5	1	—
Цитадельные городища	9	—	—	6	3	4	2
Городища с развитыми рабадами	20	5	5	11	18	19	17
Укрепленные поселения, караван-сарай	8	—	—	—	3	6	3

Примечание. В таблице нет сведений о поселениях района междуречья Арысь — Талас в связи с отсутствием материала, а включены данные только с тех объектов, с которых было получено достаточное количество материала, поддающегося датировке.

Таблица 2

Основные формы археологических памятников по хронологическим периодам

Период	Районы	Теле округлые в плане	Теле с площадкой	Города	Крепости, караван-сарай	Итого
1	2	3	4	5	6	7
До VII в. н. э.	1. Отрарский оазис	5	5	—	—	10
	2. Южные предгорья Каратау	3	—	—	—	3
	3. Северные предгорья Каратау	1	3	—	—	4
	4. Левый берег Сыр-Дарьи	—	2	—	—	2
	5. Междуречье Арысь — Талас и Келес	—	3	—	—	3
	Всего		9	13	—	—
С VII по IX вв. н. э.	1. Отрарский оазис	—	6	8	—	14
	2. Южные предгорья Каратау	—	1	10	—	11
	3. Северные предгорья Каратау	—	3	4	—	7
	4. Левый берег Сыр-Дарьи	—	2	7	—	9
	5. Междуречье Арысь — Талас и Келес	—	7	13	—	20
	Всего		—	19	42	—
С X по XII вв. н. э.	1. Отрарский оазис	1	5	5	13	24
	2. Южные предгорья Каратау	—	—	9	4	13
	3. Северные предгорья Каратау	—	1	5	4	10
	4. Левый берег Сыр-Дарьи	—	2	5	4	11
	5. Междуречье Арысь — Талас и Келес	3	9	13	16	41
	Всего		4	17	37	41

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
С XIII в.	1. Отрарский оазис	1	—	1	2	4
	2. Южные предгорья Каратау	—	—	8	—	8
	3. Северные предгорья Каратау	—	1	6	—	7
	4. Левый берег Сыр-Дары	—	—	6	2	8
	5. Междуречье Арысь — Талас и Келес	—	—	4	3	7
	Всего	1	1	25	7	34

междуречья Арысь—Талас: в VII—IX вв. количество усадеб почти удвоилось и продолжало увеличиваться и в X—XII вв. Очевидно это связано с развитием оседлости, земледелия и освоением новых земель пахотных угодий, а в целом — с процессом развития феодальных отношений у оседлой части населения и у кочевников. В южных предгорьях Каратау в этот период усадеб, датируемые VIII—X вв. н. эры, не отмечены, но мы находим их примерно в равном количестве в районах северных предгорий Каратау. Наибольшее число поселений и городов (42) дает время с VIII по IX вв. н. эры. Рост числа поселений в этот период отмечен во всех районах, причем многие из них перерастают в города. Но особенно их количество возрастает в междуречья Арысь — Талас, т. е. на путях, связывающих долину Таласа с Испиджабским и Отрарским оазисами. Судя по возросшему в это время количеству поселений на южных и северных склонах Каратау (более чем вдвое) можно заключить, что распространение оседлости и земледелия захватывало и глубинные пункты. Кочевники имели тесные экономические связи с возникающими поселениями, принимали активное участие в их хозяйственной и политической жизни. Таким образом, состав населения этих будущих городов в известной мере пополнялся обедневшими, лишенными скота кочевниками. Статистические данные о количестве городских поселений по районам в этот период не отражают упомянутых процессов, но распространение городов в ранее не освоенных районах является характерным признаком сближения. Это нашло свое подтверждение и в известных исторических сведениях о городах джикилей, карлухов и т. д. В появляющихся городах остатки ремесленного производства (шлаки, крицы) в обилии встречаются на территории шахристанов. Города этого периода почти не имеют рабадов или территория их крайне мала. Ремесленники и торговцы еще тесно связаны с сельским хозяйством и представлены в одном лице. Торговля в значительной степени носит меновой характер, постоянных рынков еще нет.

Иную картину мы наблюдаем в X—XII вв. На территории старых феодальных оазисов, таких, как Отрар и поселения левого берега Парыи, в это время резко уменьшается количество укрепленных городокого типа. Сами городища несколько меняют свой облик, от них вырастают рабады, увеличивается площадь городской территории. Все это было связано с дальнейшим развитием процесса феодализации. Очевидно к этому времени уже начали складываться определенные экономические центры. Дальнейшее развитие производительности привело к еще большему отрыву ремесленника от сельского хозяйства, начали создаваться постоянно действующие рынки; появились рынки для отдаленных районов ремесленного труда от торгового, т. е. к выделению ремесленничества.

Об этих процессах, кроме археологических материалов, имеются сведения в письменных источниках. Так, например, Макдиси из 23 перечисленных им городов юга Казахстана указывает наличие в 16 из них рынков, причем особо подчеркивает, что в трех городах они размещаются в рабадах. В 14 городах он отмечает наличие мечетей, причем шесть из них находятся на территории рабада⁴³³.

В период с XIII по XV вв. на юге Казахстана почти вдвое сокращается общее число поселений городского типа. Значительно сократилось количество городских поселений в Отрарском оазисе, почти вдвое — в междуречье Арысь — Талас, что было связано с общим упадком производительных сил в послемонгольский период. Однако в районе Туркестанского оазиса, на левобережье среднего течения Сыр-Дарьи, в районах северных и южных предгорий Каратау городская жизнь продолжает развиваться и число поселений и городов остается неизменным.

В последней графе таблицы отмечается еще один тип поселений — караван-сарай, неукрепленные усадьбы и крепости. Под крепостями подразумеваются не только специальные военные сооружения, а и отдельные усадьбы. Провести строгое разграничение их без соответствующих раскопок, только на основе изучения топографических особенностей, не всегда возможно. Из числа 41 учтенных нами памятников этого рода пока нет возможности выделить поселения моложе IX в. н. эры. Судя по подъемному материалу, подавляющее большинство их относится к X—XII вв. н. эры, т. е. к тому периоду жизни феодальных городов, когда хисы, рабады и караван-сарай составляли неотъемлемую часть общей системы населенных пунктов раннефеодальных государств Казахстана.

Картина размещения поселений и городов на юге Казахстана, выявленная археологическими обследованиями, не только вполне согласуется с данными письменных источников, но и пополняет их, связывая воедино отдельные разрозненные сообщения. Эта картина полна глубокого исторического значения. Она рисует нам развитие производительных сил края, в котором тесные взаимоотношения земледельческих и кочевых племен разного этнического происхождения приводили к сложению городов, являвшихся местом их экономического и культурного общения. Из приведенного материала со всей очевидностью следует вывод, что гипотеза о возникновении оседлых поселений в процессе колонизации из Мавераннахра не подтверждается. Собранный материал фиксирует непрерывность развития оседлой земледельческой культуры с древнейших времен.

Археологические исследования 1947 — 1951 гг. выявили только общую картину исторической топографии района и обрисовали современное состояние развалин древних городов и поселений. Ввиду недостаточного количества стационарных раскопок внутренняя жизнь городов и поселений, их архитектурные особенности и т. д. остались пока не изученными. Поэтому основное внимание в работе уделено исторической топографии и вопросу о формах городов и поселений, т. е. самым общим там их планировке.

Форма городов с течением времени менялась, и каждое нововведение было в большинстве случаев полным уничтожением старой формы. Наслоения форм, в смысле дополнения нового к старому, не было, так как каждое дополнение обычно было не пристройкой, а новым сооружением, отражающим развитие общественного строя. Расчет результат сложившейся формы на составные части по методу гальеро

⁴³³ Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 4—5

дуги невозможно и в корне неверно, поскольку город XI—XII вв. представлял собой не механическое соединение дофеодального кешка с шах-растаном и рабадом, а совершенно новую социальную и архитектурную организацию, в которой старое сохранялось, но уже в новом качестве. Классификация исторических памятников, которой мы придерживаемся в данной работе и которая отражена в самих заголовках глав настоящего исследования, основана на понятии типичного не как явления, наиболее распространенного в количественном отношении, а как суммы признаков, характеризующих картину общественных отношений и соответствующий им способ расселения людей.